СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ

А вѣдь русскій то фибринъ или церебринъ еще сыроватъ—оттого мы и не умѣемъ ничего довести до конца. Это вина не личности, а расы и ея возраста.

А. Герценъ.

La Russie en est au règne des apparences, qui, en toutes choses, est le grand obstacle à ses progrès.

A. Leroy-Beaulieu.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ

ОЧЕРКИ

НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1890

2007062274

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ ко 2-му изданію VII

ПРЕДИСЛОВІЕ къ 1-му изданію XIV

ГЛАВА I. Законодательство. Законодательная дѣятельность.— Государственный Совѣтъ; недостатки его организаціи.— Необходимость высшаго совѣщательнаго учрежденія для дѣлъ по окраинамъ.— Кодификація 1

ГЛАВА II. Высшая администрація. Комитетъ и Совѣтъ Министровъ.— Правительствующій Сенатъ.— Необходимость образованія болѣе однороднаго министерства.— Отвѣтственность министровъ.— Святѣйшій Синодъ 22

ГЛАВА III. Министерство: Министерства.— Проектъ министерства торговли. — Министерство Финансовъ.— Торговый флотъ, горная часть.—Министерство Государственныхъ Имуществъ.— Главное Управленіе Коннозаводства.— Министерство Путей Сообщенія 43

ГЛАВА IV. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; наше представительство заграницею. — Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; упраздненіе III Отдѣленія; преобразованіе тюремнаго управленія 80

ГЛАВА V. Почтовая часть.— Министерство Народнаго Просвѣщенія.—Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.—Государственный Контроль.— Проектъ министерства окраинъ . . 103

ГЛАВА VI. Генералъ-губернаторы. Наши окраины.—Главныя управленія: Царствомъ Польскимъ, Западнымъ краемъ, Кавказомъ и Финляндіей 130

ГЛАВА VII. Главныя управленія Оренбургскимъ и Степнымъ краями, Западно-Сибирскимъ, Иркутскимъ и Приамурскимъ генералъ-губернаторствами.— Сѣверъ Россіи 151

ГЛАВА VIII. Чиновники. Бюрократія, табель о рангахъ, государственные экзамены.—Число чиновниковъ, ихъ содержаніе.—Казенныя зданія 169

ГЛАВА IX. Наши дипломаты.—Финансисты-доктринеры, экономическіе обѣды.—Чиновники фиска.—Казенное хозяйство . 190

ГЛАВА X. Самоуправленіе. Реакція въ Западной Европѣ.—Самоуправленіе въ Россіи.—Земскіе соборы.—Новѣйшее самоуправленіе.—Земскія учрежденія и земскіе финансы . . . 221

ГЛАВА XI. Городское общественное управленіе и городскіе финансы.—Хозяйство С.-Петербурга.—Городскіе банки.—Стѣсненіе городскимъ самоуправленіемъ внутренней и внѣшней торговли.—Совѣтъ при спб. градоначальникѣ 241

ГЛАВА XII. Дворянство и духовенство. Историческая роль дворянства.—Значеніе дворянства въ мѣстной жизни; необходимость охраненія его отъ вредныхъ элементовъ; абсентеизмъ и мѣры противъ него.—Наше духовенство, его имущества 267

ГЛАВА XIII. Крестьяне и фабричные. Положеніе крестьянъ послѣ реформы.—Жалобы на недостатокъ надѣловъ.—Переселеніе.—Отмѣна подушной подати.—Народная нравственность.—Положеніе фабричнаго сословія.—Законъ о наймѣ рабочихъ.—Кустарная промышленность 299

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе предлагаемой книги, не смотря на малое вниманіе печати, разошлось очень быстро. Этотъ успѣхъ заставляетъ автора сдѣлать въ своемъ трудѣ нѣкоторыя дополненія и вновь представить его публикѣ. Важнѣйшія дополненія касаются вопроса о народномъ здоровіи, а также нѣкоторыхъ вопросовъ науки и искусства. Эти предметы образовали двѣ особыя главы, кромѣ того каждая изъ остальныхъ была пополнена и исправлена. Въ главѣ о народномъ здоровіи мы, къ сожалѣнію, не коснулись одной стороны нашихъ медицинскихъ жрецовъ, именно ихъ политическаго вліянія. Извѣстна печальная роль разныхъ медицинскихъ учрежденій и дѣятелей по части взращенія и тщательнаго воспитанія россійскаго нигилизма.

Нѣкоторые рецензенты, разбирая предлагаемую книгу, назвали ея автора консерваторомъ. Кличка эта, считавшаяся еще недавно обидною, автора не смущаетъ, но едва ли онъ въ правѣ принять ее. Напротивъ, ничего болѣе не желаетъ онъ, какъ уничтоженія существующаго непорядка и направленія нашей внутренней политики на путь разумныхъ перемѣнъ.

Со времени перваго изданія книги въ этомъ направленіи сдѣланъ весьма важный шагъ преобразованіемъ мѣстныхъ крестьянскихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Имперіи. Между узаконеніями нынѣшняго царствованія не было еще по основной идеѣ столь важнаго, какъ это. Оно

означаетъ рѣшительный поворотъ во внутренней правительственной политикѣ, поэтому естественно то противодѣйствіе, которое возбудило оно въ чиновничьихъ сферахъ, главнымъ образомъ заинтересованныхъ у насъ въ сохраненіи либеральныхъ принциповъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ приводили обыкновенно къ распложенію чиновничества и подъ видомъ обновленія Россіи ограничивались усиленіемъ штатовъ.

Были, конечно, и до указа 12-го іюля сего года попытки дать государственнымъ преобразованіямъ другое направленіе, Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важны напримѣръ правила 1882 г. о правахъ евреевъ, указъ 1887 г. о пріобрѣтеніи иностранцами недвижимыхъ имуществъ, университетская реформа; но многія попытки въ рукахъ исполнителей доставляли результаты, совершенно противоположные ожидавшимся. Такъ за пять дней ранѣе былъ распубликованъ законъ, гдѣ съ виду содержалось ограниченіе во множествѣ случаевъ компетенціи суда присяжныхъ, но въ спеціальной статьѣ „Русскія Вѣдомости“ успокоили любителей сего рода спектаклей, что новый законъ нисколько существенно суда присяжныхъ не ограничиваетъ, ибо всѣ ограниченія сдѣланы по преступленіямъ, которыя или никогда не совершаются, или совершаются чрезвычайно рѣдко, или же относится до преступленій, которыя совершаются въ такихъ мѣстахъ Имперіи (Сибирь, Кавказъ), гдѣ судъ присяжныхъ еще не введенъ. Это новое подтвержденіе словъ французскаго публициста, что Россія еще находится au règne des apparences, т. е. что между бумагою и дѣйствительностью разница огромная.

Другой примѣръ можно указать также въ распубликованной одновременно судебной реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ этомъ краѣ вводятся мировые судьи въ моментъ, когда они въ Имперіи признаны уже совершенно неудовлетворяющими своему назначенію и упраздняются.

Новый законъ, получившій въ печати названіе закона о земскихъ начальникахъ, не относится къ разряду такихъ, которые останутся на бумагѣ, развѣ примѣненіе его на практикѣ будетъ чѣмъ либо задерживаемо. Новый законъ

ударяетъ въ корень вещей и затрогиваетъ самыя важныя стороны нашей мѣстной жизни. Онъ касается и дворянства, и суда, и полиціи, и самоуправленія, и положенія крестьянскаго населенія, т. е. крупнѣйшихъ устоевъ государственной жизни Россіи.

Новый законъ возстановляетъ историческую традицію нашего управленія, по которой дворянство — наслѣдіе бывшей княжеской дружины—стояло во главѣ мѣстнаго управленія. До 1861 года въ рукахъ дворянства находилась не только вся вотчинная и земская полиція и то, что называется теперь земствомъ, но и гражданская, и уголовная юстиція. Реформы 1860-хъ годовъ рѣзко измѣнили эти положенія; каждая изъ нихъ отнимала какую нибудь привилегію у дворянства до права винокуренія включительно. Дворянство потеряло патримоніальную полицію, отданную выборнымъ отъ крестьянъ, земская выборная отъ дворянства полиція замѣнилась полиціей по назначенію, земство сдѣлано всесословнымъ, судьи сдѣланы частью по назначенію отъ правительства, частью по выбору отъ безсословнаго земства. Были, правда, затѣмъ попытки, очень слабыя, поднять такъ или иначе роль дворянства въ лицѣ его предводителей, но онѣ никакого значенія не имѣли. По новому закону дворянство и, главнымъ образомъ, помѣстное вновь получаетъ огромное вліяніе на ходъ мѣстнаго управленія; ему передается въ лицѣ земскихъ начальниковъ охраненіе порядка на мѣстѣ, мировой судъ, и ему же поручается наблюденіе за крестьянскимъ самоуправленіемъ.

Въ первоначальномъ проектѣ, составленномъ г. Пазухинымъ, земскіе начальники очень походили на англійскихъ мировыхъ судей, которые до послѣдней земской реформы въ Англіи сосредоточивали въ своемъ лицѣ полицію, мировой судъ и земство. Въ окончательномъ видѣ, противодѣйствіемъ разныхъ вѣдомствъ, роль земскихъ начальниковъ значительно съузилась, но все-таки она достаточно значительна, чтобы дворяне-помѣщики не считали себя болѣе паріями въ собственныхъ уѣздахъ. Противодѣйствіе новому закону выражалось въ разныхъ видахъ; однимъ изъ существенныхъ мы считаемъ препят-

ствіе, подъ видомъ охраненія интересовъ государственнаго казначейства, въ назначеніи начальникамъ достаточнаго содержанія. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянства мало и гдѣ начальники не будутъ жить въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ, опредѣленнаго по новому закону содержанія навѣрное окажется недостаточно, что можетъ сразу повлечь къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Достаточно вспомнить опытъ бывшихъ окружныхъ начальниковъ государственныхъ крестьянъ.

По части суда новый законъ упраздняетъ, за немногими исключеніями, выборную мировую юстицію, возбудившую повсемѣстно противъ себя населеніе, и вопреки доктринѣ соединяетъ въ лицѣ начальника судебныя обязанности съ административными. Выборный мировой судъ существуетъ изъ большихъ государствъ только въ Соединенныхъ Штатахъ, до него не дошла даже Англія. Понятно, что въ странѣ, какъ Россія, гдѣ интеллигенція слаба и изъ провинціи, благодаря реформамъ, разбѣжалась, трудно было ожидать хорошаго выборнаго мироваго суда. Выборные судьи были однимъ изъ главныхъ источниковъ кумовства въ земскихъ собраніяхъ, особенно уѣздныхъ. По всей вѣроятности, когда институтъ земскихъ начальниковъ привьется и упрочится, уѣздное земство можетъ быть безъ труда упразднено и чисто хозяйственные вопросы сосредоточены исключительно въ губернскомъ земскомъ собраніи, что ничего, кромѣ удовольствія, населенію не доставитъ, особенно если упразднятся и земскія управы.

Одновременно съ реформою суда въ уѣздахъ, правительство воспользовалось новымъ закономъ, чтобы упразднить выборные суды и въ городахъ. Строгой связи эти двѣ реформы между собою не имѣютъ, но тутъ, очевидно, руководились тѣмъ соображеніемъ, что, признавъ въ принципѣ выборную мировую юстицію неудобною, было бы противорѣчіемъ сохранить ее и для городскихъ населеній, которыя въ большинствѣ случаевъ ровно ничѣмъ въ Россіи не отличаются отъ большихъ селъ.

Полиціи новый законъ касается въ томъ отношеніи, что, какъ мы выше сказали, значительная часть ея обя-

занностей, находящаяся нынѣ въ рукахъ волостныхъ правленій, передается подъ началъ представителямъ помѣстнаго дворянства. При этомъ компетенція волостныхъ правленій еще расширена, ему подчинены всѣ такъ называемые податные классы, живущіе въ опредѣленномъ территоріальномъ участкѣ. Означенное подчиненіе чрезвычайно важно для такихъ поселеній, какъ большіе торговые пункты, пристани и пр., гдѣ бываютъ тысячи жителей, юридически къ мѣстной крестьянской общинѣ отношенія не имѣющихъ. Эти поселенія оставались теперь, можно сказать, безъ всякой власти.

По отношенію къ крестьянскому самоуправленію роль земскихъ начальниковъ будетъ гораздо выше не только нынѣшнихъ выборныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, повсемѣстно, кстати сказать, заслужившихъ неудовольствіе своею бездѣятельностью и пристрастіемъ, но и бывшихъ мировыхъ посредниковъ; новый законъ установляетъ попечительство надъ крестьянами. Это установленіе чрезвычайно важно, съ принципіальной точки зрѣнія, какъ идущее также въ разрѣзъ со всей предшествовшей правительственной политикой, поставившей себѣ главною задачею скорѣйшее окончаніе операціи выкупа надѣловъ для полной эмансипаціи крестьянъ.

Хотя есть школа нашихъ юристовъ-историковъ, которая утверждаетъ, будто община создана въ Россіи мѣрами правительства, но нельзя отрицать, что въ писанномъ, по крайней мѣрѣ, правѣ не видно слѣдовъ вмѣшательства правительства въ крестьянское самоуправленіе. Правительство долго какъ бы лишь признавало существующій фактъ, и только. Иностранные писатели до послѣдняго времени могли утверждать, что Россія состоитъ изъ союза крестьянскихъ автономныхъ республикъ. Правда, эти мужицкія республики были въ рукахъ полупьяныхъ писарей, и à discretion становыхъ и исправниковъ, но легально онѣ были по-своему полновластны. Новый законъ вводитъ другое начало. Онъ не только укрѣпляетъ надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ, но и организуетъ его. Такъ, въ первый разъ волостные суды, руководившіеся, подъ

видомъ „обычая“, собственнымъ произволомъ или фантазіей волостныхъ писарей — чему масса курьезнѣйшихъ примѣровъ въ трудахъ комиссіи покойнаго Любощинскаго — получатъ писанный уставъ судопроизводства для своего руководства. Крестьянская администрація приближается теперь по формѣ къ гминному устройству въ Царствѣ Польскомъ, съ тою разницею, что тамъ волость всесословная и комиссаръ — пріѣзжій чиновникъ, а у насъ онъ будетъ мѣстный потомственный дворянинъ.

Уже одинъ бѣглый перечень вопросовъ, затронутыхъ новою реформою, показываетъ ея важность въ соціальномъ и политическомъ отношеніи. Такъ какъ тутъ изъ стараго нашего порядка взято много такого, что было отмѣнено слишкомъ поспѣшно и необдуманно, то надобно полагать, что осуществленіе реформы не встрѣтитъ большихъ практическихъ затрудненій, хотя правительству безъ сомнѣнія придется бороться съ намѣреннымъ недоброжелательствомъ всѣхъ, кому дороги были прежніе непорядки, а защитниковъ таковыхъ у насъ не мало во всѣхъ сферахъ, и весьма вліятельныхъ.

Истощивъ свои силы въ интригахъ противъ проекта новаго закона, они попытаются теперь затормозить примѣненіе закона. Во всякомъ случаѣ оцѣнить вліяніе мѣстной реформы будетъ, конечно, возможно лишь по прошествіи извѣстнаго времени, потому что жизнь народная, а особенно народа многомилліоннаго, не переворачивается, какъ листъ какой либо книги, содержащей хотя бы самыя умныя узаконенія. Хорошо уже, что либеральной свистопляскѣ полагается конецъ и теперь, по крайней мѣрѣ, въ администраціи не будетъ типовъ, подобныхъ тому тверскому губернатору, который официально писалъ въ началѣ 1860-хъ гг. (см. Труды комиссіи для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго): „Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпости помѣщика естественно влечетъ за собою освобожденіе рабочихъ изъ крѣпости хозяевъ, — жены изъ крѣпости мужа!“

Приведенныя нами слова попали случайно въ печать, но сколько подобныхъ любопытныхъ документовъ деше-

ваго офиціальнаго радикализма хранится во всѣхъ министерствахъ и департаментахъ.

Одинъ изъ органовъ печати укорилъ автора за сочувствіе нашему дворянству и иронически спросилъ: когда предложитъ авторъ милліардъ вознагражденія помѣщикамъ, подобнаго „милліарду эмигрантамъ?“ Хотя такого проекта у автора въ запасѣ не имѣется, но фактъ, что дворянство получило въ послѣднее время нѣкоторыя компенсаціи (въ видѣ Дворянскаго банка, поддержки Взаимнаго кредита и т. д.) вовсе не столь комиченъ, какъ кажется задающему вопросъ.

Помѣщики владѣли своими крестьянами или купивъ ихъ или унаслѣдовавъ отъ бывшихъ пожалованій и разверстаній за дѣйствительную службу. И то и другое право собственности имѣло и реальное, и юридическое основаніе. Если въ 1861 году было сочтено, что собственно за право владѣнія крѣпостными никакого вознагражденія не слѣдуетъ, а выкупъ можетъ быть сдѣланъ лишь за земли, то дальнѣйшій результатъ — быстрое обѣднѣніе дворянства показало, что такое воззрѣніе не отвѣчало началамъ строгой справедливости. Въ обѣднѣніи же этомъ уже никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Напримѣръ, въ Тверской губерніи помѣщиковъ, платившихъ налогъ на частныя дворянскія повинности, въ 1866 г., было 3,820. Къ 1887 г. такихъ помѣщиковъ осталось 2,296. Убыло, значитъ, до 1,500 человѣкъ. Обложено дворянскимъ сборомъ въ 1866 г. было 2,364 тысячъ десятинъ. Къ 1877 г. только 911,848. Убыло, значитъ, до 1.400,000 десятинъ. Эти ли цифры не краснорѣчивы? Въ такой прогрессіи черезъ тридцать — сорокъ лѣтъ дворянскаго землевладѣнія вовсе не будетъ въ Тверской губерніи, да и въ другихъ губерніяхъ. Въ Полтавской, говорятъ, казаки скупаютъ дворянскія имѣнія, сносятъ усадьбы и срубаютъ лѣса, отчего по берегамъ рѣкъ пески заметаютъ нѣкогда пахатныя земли и грозятъ обратить бывшія цвѣтущія поселенія въ киргизскія степи! Естественно, что правительство желаетъ исправить ошибку, насколько это еще въ его власти. Бла-

гое стремленіе правительства и вызываетъ злобу въ авторахъ, вольныхъ и невольныхъ, дворянскаго разоренія.

Но времена перемѣнились, общественное мнѣніе стало болѣе зрѣло и теперь уже едва ли возможны явленія, чтобы жена высокопоставленнаго чиновника благословляла своихъ малолѣтнихъ дѣтей на жизненный путь... бюстомъ Лассаля!

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

На предлагаемый читателямъ трудъ не распространяется упрекъ Гейне, утверждавшаго, что къ быстро написаннымъ книгамъ онъ относится съ предразсудкомъ потому-де, «что порядочная женщина не рождаетъ раньше девяти мѣсяцевъ послѣ свадьбы». Трудъ этотъ есть какъ бы экстрактъ изъ слишкомъ двадцатилѣтней публицистической дѣятельности автора. Быть можетъ названіе книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію: военныя и военно-морскія дѣла, вопросы иностранной политики не входятъ въ нее. Въ первыхъ двухъ авторъ совсѣмъ не свѣдущъ, о послѣднихъ онъ издастъ вскорѣ особую книгу; во всякомъ случаѣ онъ не съумѣлъ прибрать лучшаго заголовка для сочиненія, обнимающаго крупнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики.

Конечно, книга его не претендуетъ ни на полноту курса государственнаго права (даже наши спеціалисты Андреевскій и Градовскій, обѣщая разобрать русское государственное устройство, не справились съ этой задачей), ни на то, что его «очерки» охватываютъ большинство предметовъ, связанныхъ съ внутренней жизнію Россіи (этихъ предметовъ безконечное множество). Но книга представляетъ попытку отнестись къ разнороднымъ вопросамъ нашей внутренней политики въ одномъ опредѣленномъ направленіи.

Еслибы предлагаемая книга была представлена какой либо профессорской коллегіи и ученые мужи спросили бы у автора, что это за направленіе, то онъ въ краткихъ тезисахъ слѣдующимъ образомъ изложилъ бы взглядъ свой на потребности нашего отечества, какъ они затронуты въ книгѣ.

Россія нуждается въ крѣпкой и очень сильной власти. Подъ вліяніемъ ли византійскимъ (черезъ духовенство), подъ вліяніемъ ли восточнымъ (черезъ монгольское иго) сложилась эта власть, въ сущности не важно, разъ она удовлетворяетъ потребности, соотвѣтствуетъ интересамъ государства и направляетъ его по истинному пути. «Нигдѣ правительство, замѣтилъ еще Герценъ, не становилось настолько передъ народомъ, какъ въ Россіи; можетъ отъ этого оно не всегда было исторически справедливо, но всегда послѣдовательно».

Вырабатывающія законодательные проекты учрежденія, отрывочно скопированныя съ французскихъ образцовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, требуютъ реформы. Въ настоящее время проекты министровъ подвергаются оцѣнкѣ главнымъ образомъ людей, которые не остались во власти, не соотвѣтствуя потребностямъ минуты. Понятно, что они дѣлаютъ исправленія въ проектахъ, часто несоотвѣтствующія цѣли этихъ послѣднихъ. Измѣненныя въ такомъ видѣ по существу, противорѣчивыя узаконенія нагромождаются въ нашемъ Сводѣ, лишенномъ системы, и къ этой «конституціи Сперанскаго» безъ каламбура можно приложить стихъ Теренція: Summum jus summa injuria.

Высшей администраціи, de facto всесильной и ограниченной лишь слабымъ общественнымъ мнѣніемъ петербургскихъ салоновъ и пяти-шести органовъ печати, недостаетъ единства. Пререканія вѣдомствъ и взаимная ревность ихъ болѣе вредны для успѣшнаго дѣйствія государственной машины, нежели это кажется. Перетасовка министерскихъ департаментовъ и учрежденіе новыхъ министерствъ, многократно рекомендовавшіяся, особаго значенія не имѣютъ. Гораздо настоятельнѣе необходимо искорененіе рутины, того, что называется l'inertie des bureaux.

Россія такъ велика, что полная централизація государственнаго управленія въ ней рѣшительно недостижима. При невозможности, частью по условіямъ географическимъ, частью политическимъ и историческимъ, даровать окраинамъ автономію, децентрализація поневолѣ должна выражаться въ учрежденіи генералъ-губернаторскихъ управленій. На окраинахъ необходима весьма послѣдовательная политика, поэтому перемѣны личнаго персонала должны дѣлаться тамъ съ большою осторожностью.

Чиновники составляютъ у насъ издавна всемогущее сословіе. Новѣйшія реформы не только не ограничили значенія бюрократіи,

но всячески его распространяютъ, даже сфера казеннаго хозяйства чрезмѣрно расширяется; народъ давно оцѣнилъ это свойство бюрократіи размножаться, назвавъ ее «крапивнымъ сѣменемъ». Особнякомъ въ чиновномъ сословіи стоятъ дипломаты: «могущество Россіи велико, различные представители его малы», очень вѣрно замѣтилъ ген.-адъют. графъ Граббе о дипломатахъ въ своихъ запискахъ.

Самоуправленіе наше исторически слагалось не какъ право, но какъ повинность извѣстныхъ сословій; созданіе поэтому по заграничнымъ образцамъ безсословнаго представительства явилось не соображеннымъ съ бытовыми условіями русскаго народа, почему и не принесло ожидаемыхъ плодовъ; даже сословное управленіе до сихъ поръ, вѣроятно, по «незрѣлости русскаго церебрина», не можетъ считаться функціонирующимъ нормально. Среднее сословіе у насъ только въ зародышѣ, табель о рангахъ дѣйствуетъ на него разлагающимъ образомъ, отъ того нельзя и мечтать о self-government въ Россіи по заграничнымъ образцамъ.

Жизнь нуждается въ прогрессѣ, но прогрессъ можетъ быть и самобытный и заимствованный. Н. Данилевскій блистательно въ своей книгѣ («Россія и Европа») доказалъ, что нѣтъ общей цивилизаціи, прогресса нѣкотораго общаго разума. Существуютъ только частныя цивилизаціи — развитія отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ. Маркизъ Поза, радѣющій о благѣ «человѣчества», долженъ быть причисленъ къ разряду жалкихъ маніаковъ. Реформы, взятыя изъ чужого быта, справедливо сравнивали съ чужимъ платьемъ. Надѣньте самый изящный парижскій фракъ на мужика и мужикъ покажется уродливымъ и неловкимъ, а фракъ черезъ нѣсколько дней обратится въ какую-то отвратительную тряпку. Такова участь заимствованныхъ съ чужого плеча реформъ. Бываетъ и хуже. Государство и общество суть не механическіе аппараты, а живые организмы; желаніе сдѣлать въ организмѣ одинъ пальцъ длиннѣе или короче вызываетъ уже судороги, подвергающія весь организмъ сильнымъ страданіямъ. Тэнъ прекрасно объяснилъ это въ своей исторіи Революціи. Каковы же эксперименты надъ милліонами людей! У насъ, впрочемъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Леруа Болье, довольствуются наружными признаками и считаютъ реформу сдѣланною, разъ она явилась на бумагѣ.

Послѣ Дарвина равенство можно почитать только неудачнымъ парадоксомъ. Хотя исторически Россія слагалась совсѣмъ иначе,

чѣмъ западныя государства, тѣмъ не менѣе сословія явились у насъ уже изстари и возникновеніе высшаго сословія не можетъ считаться плодомъ исключительно правительственной политики. Существованіе дворянства, пользующагося извѣстною долею правительственнаго вліянія, не только не противорѣчитъ идеѣ свободы, а, напротивъ, оно безусловно необходимо для послѣдней, иначе нашъ народъ порабощается бюрократіей и, при отсутствіи вліятельныхъ городскихъ классовъ, невольно складывается китайскій порядокъ вещей. Созданіе «интеллигенціи» помощью экзаменовъ и привилегій, вмѣсто ожидаемаго прогресса, также все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ китаизму. Различіе заключается въ томъ, что въ Китаѣ государство атеистично, наше же законодательство въ значительной степени включаетъ въ себѣ христіанскія и церковныя начала. Одною изъ главныхъ заботъ правительства должно быть закрѣпленіе связи дворянства съ провинціей. Прежде достигалось это крѣпостнымъ правомъ, нынѣ оно можетъ быть достигнуто разумной переорганизаціей мѣстнаго управленія и хозяйства и мѣрами противъ абсентеизма внутренняго и заграничнаго.

Къ духовенству правительство наше относилось всегда суровѣе, нежели народъ. Это имѣло и свои выгоды, и свои дурныя стороны. Въ интересахъ духовенства нельзя желать ни поднятія его научнаго ценза,—что разстроитъ это сословіе, сливъ его съ интеллигенціей, враждебной у насъ религіи, — ни удовлетворенія стремленія духовенства получить казенное жалованье: — оно станетъ тогда частью бюрократіи; въ обоихъ случаяхъ оно потеряетъ свое полезное вліяніе на народъ.

Крестьянская реформа, одна изъ важнѣйшихъ операцій in anima vili, кажущаяся успѣшно законченною, содержитъ задатки многихъ серьезныхъ осложненій въ будущемъ. Какъ отразилась она на крестьянахъ, въ пользу которыхъ сдѣлана, идутъ еще споры, пожертвованія со стороны дворянства оцѣнить легче. Считая приблизительно, что каждая душа мужского пола давала дохода въ 10 р., потеря отъ эмансипаціи составила 100 милл. дохода, между тѣмъ проценты по выкупнымъ бумагамъ (включая и погашенный казенный долгъ) составляютъ менѣе 45 милл. руб. Дефицитъ 55 милл. Это не лишнее запомнить для оцѣнки причинъ разстройства мѣстной жизни.

Мысль оградить крестьянъ отъ вліянія на него высшихъ сосло-

вій, настойчиво проведенную авторами реформы 19 февраля, нельзя признать удачною. Опека для нашего крестьянина необходима еще на значительный періодъ времени и выгоды этой опеки далеко превосходятъ ея неудобства. Бѣдность нашего народа зависитъ не отъ размѣра надѣловъ и тягости налоговъ (какъ силятся увѣрить радикалы), а отчасти по причинамъ климатическимъ и почвеннымъ, болѣе же всего отъ низкой культуры и малаго развитія промышленности. Культура насадится, однако, не школами, а постепеннымъ пріученіемъ населенія къ извѣстнымъ потребностямъ. Быстрое развитіе промышленности хотя полезно и при нашихъ условіяхъ, какъ показалъ опытъ, весьма возможно, при примѣненіи покровительственной таможенной системы, но имѣетъ и вредныя стороны, съ которыми правительство должно считаться.

Сепаратизмъ представляется у насъ явленіемъ неизбѣжнымъ, вслѣдствіе происхожденія нашего государства, не только собиравшаго, но и отвоевавшаго нѣкоторую часть своихъ земель. Отчасти сепаратизмъ искусственно созданъ былъ неосторожными и неудачными правительственными мѣропріятіями. Распространеніе образованія само по себѣ весьма опасно съ этой точки зрѣнія и должно поэтому идти рука объ руку съ весьма твердою и послѣдовательною правительственною политикою. Политика эта прямо противоположна той, которая господствовала въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, и должна напоминать мудрую политику Московскаго государства, вообще недостаточно оцѣненную. Экономическая почва одна изъ тѣхъ, гдѣ сліяніе разнородныхъ племенъ Россіи совершается наиболѣе успѣшнымъ образомъ. Такое явленіе мы видимъ и на примѣрѣ другихъ странъ, на Эльзасѣ и Лотарингіи.

Ограниченія въ правахъ иностранцевъ не должны превосходить мѣръ государственной безопасности. Въ экономическомъ отношеніи роль иностранцевъ, за весьма немногими исключеніями, скорѣе полезна, нежели вредна Россіи.

Евреи составляютъ наиболѣе вредную часть населенія и по отношенію къ нимъ соображенія высшихъ государственныхъ интересовъ должны, къ сожалѣнію, идти впереди соображеній гуманности. Законодательство о евреяхъ должно быть измѣняемо не въ смыслѣ расширенія, а въ смыслѣ постепеннаго ограниченія круга ихъ дѣятельности.

Въ финансахъ нашихъ надобно избѣгать теорій и смѣлыхъ экс-

перимéнтовъ и предпочитать имъ бережливость и строгій порядокъ. «Кто желаетъ разбогатѣть въ годъ, говоритъ мудрая итальянская пословица, долженъ быть повѣшенъ черезъ полгода». Какія бы улучшенія въ фискальной системѣ ни дѣлать, но, разъ крестьянство составляетъ четыре пятыхъ населенія, финансы въ Россіи должны быть основаны на косвенныхъ налогахъ, поэтому необходима хорошая система послѣднихъ. Непрочная денежная единица составляетъ старую болѣзнь Россіи, она требуетъ осторожнаго излеченія. Государственный долгъ не такъ опасенъ, въ виду быстраго прироста населенія и соотвѣтственнаго возростанія государственныхъ доходовъ.

Постоянное изученіе экономическихъ и другихъ потребностей государства и отдѣльныхъ сословій необходимо для хорошаго управленія—поэтому, не имѣя почти органовъ для непосредственнаго выясненія нуждъ страны, собраніе разнородныхъ свѣдѣній помощью комиссій, съѣздовъ, экспертизъ, мѣстныхъ изслѣдованій, а равно отличной организаціи статистики, вещь для Россіи очень важная. Еще Гете сказалъ Эккерману, что «міромъ управляютъ цифры».

Въ странѣ, гдѣ четыре пятыхъ населенія руководствуется обычнымъ правомъ, судъ не можетъ быть организованъ по умозрительнымъ теоріямъ, заимствованнымъ изъ бездушнаго римскаго права. Въ Россіи, какъ въ восточныхъ государствахъ, во всѣхъ низшихъ инстанціяхъ судебная власть не должна быть отдѣляема отъ административной. Въ Китаѣ каждый, кто забилъ въ барабанъ, повѣшенный у дверей полицейскаго управленія, немедленно и безвозмездно получаетъ судъ и расправу. Это есть идеалъ юстиціи для простого народа и въ 999 случаяхъ изъ тысячи, встрѣчающихся въ повседневной жизни, онъ удовлетворяетъ практической потребности. Такой же практической потребности удовлетворяютъ тѣлесныя наказанія; для примѣненія ихъ надобна извѣстная привычка, которая лучше всего пріобрѣтается употребленіемъ того же исправительнаго пріема въ школѣ. И на высшихъ ступеняхъ судъ долженъ быть у насъ органомъ администраціи, институтъ присяжныхъ слѣдуетъ упразднить, а адвокатуру сдѣлать казеннымъ учрежденіемъ, обязаннымъ помогать не тѣмъ, у кого много денегъ, а у кого ихъ мало.

Нигилизмъ есть произведеніе нашей школы. Въ сословномъ государствѣ школа должна быть принаровлена къ потребностямъ сословій, а не производить искусственное перебалтываніе ихъ, при

чемъ естественно подымается наверхъ грязная пѣна. Образованіе должно быть пропорціонально достатку учащихся. Женское образованіе въ Россіи почти предметъ забавы, во всякомъ случаѣ роскоши. Техническое образованіе должно удовлетворять дѣйствительной потребности. Одно распространеніе спеціальныхъ знаній еще не развиваетъ техники, если нѣтъ почвы для приложенія этихъ знаній.

Печать, при нашемъ государственномъ строѣ, не можетъ пользоваться полною свободою; это было бы необъяснимымъ противорѣчіемъ, все равно что несмѣняемость судей. Но правительство само заинтересовано, въ интересахъ лучшаго контроля своихъ органовъ и для выясненія настроенія общественнаго мнѣнія, допустить извѣстную свободу для серьезной печати *). Потребность знать истину такъ велика, что въ аллегорической формѣ свобода слова существовала въ самыя мрачныя эпохи исторіи человѣчества.

Искусства развились у насъ исключительно подъ вліяніемъ правительственной опеки. Покровительство заходило иногда далеко— такъ, на счетъ русскаго бюджета содержалась итальянская опера въ Финляндіи! Но отыматъ опеку рано. Хорошій театръ можетъ быть у насъ только при дворѣ и на началахъ монополіи. Театральныя и другія зрѣлища не заключаютъ сами по себѣ ничего дурного, почему онѣ не могутъ считаться противорѣчащими интересамъ церкви. Они могутъ, однако, легко дѣлаться источникомъ соблазна и потому требуютъ строгаго надзора. Зрѣлища, какъ и все въ Россіи, должны соотвѣтствовать раздѣленію общества на классы.

Всѣ изложенные тезисы, по всей вѣроятности, отъ профессорской коллегіи заслужили бы единицу. Многими публицистами будутъ признаны они «дикими» и «отсталыми». Авторъ не боится этого упрека. Теперь и на Западѣ происходитъ просвѣтленіе умовъ, и тамъ многіе мыслители находятъ, что римское право, возрожденіе классическаго искусства, уничтоженіе сословій и корпорацій, тѣ реформы, которыя дураки до сихъ поръ продолжаютъ называть régénération sociale et affranchissement humain, accomplies par la Révolution française, и т. п., подвинули человѣчество

*) Джеферсонъ, знаменитый президентъ американской республики и творецъ ея конституціи, преувеличивая роль печати, сказалъ даже: «что лучше жить въ странѣ безъ правительства, но гдѣ существуетъ печать, чѣмъ въ странѣ безъ газетъ, но съ самымъ лучшимъ правительствомъ».

назадъ, а не впередъ на пути его къ самобытному развитію и достиженію счастья. Прогрессъ обусловливается успѣхами техники, но и здѣсь зло идетъ рядомъ съ добромъ. Одинъ алкоголь принесъ человѣчеству болѣе бѣдствій, чѣмъ всѣ другія химическія открытія сдѣлали пользы. Паровыя машины увеличили вчетверо число рабочихъ рукъ; казалось бы что работа для достиженія той же степени благополучія, должна бы уменьшиться вчетверо. На дѣлѣ машины не сократили работы ни одного человѣка и скорѣе уменьшили, а не увеличили благосостоянія массы. Понимая, конечно, подъ прогрессомъ не то, чтобы нѣсколько банкировъ жуировали въ роскоши, передъ которою жизнь какого нибудь короля XIII столѣтія кажется нищенскою, а рядомъ сотни тысячъ людей обращались въ автоматы и, по мѣткому выраженію Мальтуса, «не находили своего прибора на пиру жизни». Прогрессъ болѣе правильно слѣдуетъ считать итогомъ благополучія отдѣльныхъ людей.

Конечно, сыщутся зоилы, которые поставятъ автору въ упрекъ, что онъ о такихъ высокихъ, спорныхъ и важныхъ предметахъ говоритъ съ юморомъ, но онъ опять сошлется на Гейне, справедливо замѣтившаго, что «чѣмъ важнѣе предметъ, тѣмъ съ большею веселостью и легкостью надо говорить о немъ».

ГЛАВА I.

Законодательство.

Законодательная дѣятельность. — Государственный Совѣтъ, недостатки его организаціи.—Необходимость высшаго совѣщательнаго учрежденія для дѣлъ по окраинамъ.— Кодификація.

Извѣстно, что большая часть нашего дѣйствующаго законодательства совершенно устарѣла; въ немъ имѣются такіе пробѣлы, которые необходимо во что бы то ни стало пополнить; новыя законоположенія, издававшіяся въ послѣдніе три десятка лѣтъ, не были во многомъ согласованы съ остальными частями Свода Законовъ, почему получились противорѣчія и неясности; огромное число статей Свода было сочтено отмѣненными или потеряло силу само собою вслѣдствіе сдѣланныхъ преобразованій, и вмѣсто нихъ ничего не было издано. Такъ, весь почтовый уставъ былъ цѣликомъ отмѣненъ въ 1871 году, новаго же устава взамѣнъ того не появлялось. Можно себѣ представить, сколько одни эти обстоятельства даютъ пищи къ усиленной законодательной работѣ, а между тѣмъ предстоятъ еще огромныя работы кодификаціонныя.

На практикѣ случаи установленія у насъ новыхъ законовъ именными указами Правительствующему Сенату чрезвычайно рѣдки. Даже по военной и морской части законы предварительно подвергаются тщательному разсмотрѣнію въ Военномъ и Адмиралтействъ-Совѣтахъ и нерѣдко въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ гражданскомъ же управленіи

Государственный Совѣтъ совмѣщаетъ почти всѣ функціи законодательнаго учрежденія.

Такой важной задачѣ далеко, однако, не соотвѣтствуетъ организація этого высшаго государственнаго учрежденія. Мы не будемъ входить въ оцѣнку направленія дѣятельности, которое приняло твореніе графа Сперанскаго, но что механизмъ его нуждается въ преобразованіи,—не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; то, что было возможно въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стало неудобнымъ, когда приближается двадцатое.

Государственный Совѣтъ образовался въ эпоху, когда требованія отъ законодательныхъ работъ были весьма незначительныя; тогда за цѣлое царствованіе не издавалось столько законовъ, сколько теперь за одинъ годъ, да и прежніе законы имѣли по большей части случайный характеръ, почему одинаково удобно могли являться и въ формѣ именныхъ указовъ. Бюджетъ, который занимаетъ теперь мѣсяцы, въ прежнее время разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ въ одно, два засѣданія. Между тѣмъ, въ организаціи Государственнаго Совѣта почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ со времени его основанія не произошло, если не считать упраздненія департаментовъ Военныхъ дѣлъ и Царства Польскаго, и Совѣтъ, обремененный своими прямыми обязанностями, попрежнему остается еще и высшимъ судебнымъ мѣстомъ въ Имперіи, гдѣ разбираются дѣла, переносимыя изъ общихъ собраній не кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Мало того, на Государственный Совѣтъ возложено еще много такихъ дѣлъ, для которыхъ прежде имѣлись отдѣльныя законодательныя учрежденія. Такъ, дѣла бывшаго Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія, Комитета по дѣламъ Царства Польскаго и Совѣта Намѣстника Царства, Кавказскаго Комитета, рѣшавшіяся помимо Государственнаго Совѣта и имѣвшія для своего производства отдѣльныя канцеляріи, поступаютъ теперь въ Государственный Совѣтъ и увеличиваютъ его ordre du jour.

Въ настоящее время разсмотрѣніе нѣсколькихъ неотложныхъ проектовъ законовъ и бюджета поглощаетъ большую

часть сессіи и не оставляетъ времени на разсмотрѣніе другихъ важныхъ предположеній. Между тѣмъ, таковыхъ всегда имѣется въ Государственномъ Совѣтѣ въ запасѣ не мало и дальнѣйшее лежаніе ихъ тѣмъ невыгодно, что въ случаѣ какихъ либо перемѣнъ въ составѣ министровъ, проекты эти снова должны возвращаться въ министерскіе департаменты и канцеляріи для пересмотра.

А кромѣ дѣлъ, лежащихъ по нѣсколько лѣтъ въ Государственной Канцеляріи, сколько возникаетъ важныхъ вопросовъ, скорѣйшее разсмотрѣніе которыхъ крайне желательно, такъ какъ многіе изъ этихъ вопросовъ только изданіемъ новыхъ законовъ и уставовъ могутъ быть урегулированы и приведены въ положеніе, соотвѣтствующее потребностямъ Россіи. Между проектами, которые, по своей первостепенной важности, не должны быть долѣе откладываемы разсмотрѣніемъ въ законодательномъ порядкѣ безъ ущерба для народнаго благосостоянія, находятся, напримѣръ, проекты правилъ о подрядахъ и казенныхъ заготовленіяхъ, ипотечнаго устава, портоваго управленія, устава о внутреннемъ судоходствѣ, устава вексельнаго, торговаго судопроизводства, пересмотръ земскаго положенія.

Комиссія по выработкѣ правилъ о подрядахъ и казенныхъ заготовленіяхъ работала слишкомъ тридцать лѣтъ. Кто знаетъ, какую роль играютъ казенныя заготовки въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, сколько милліоновъ теряется отъ неупорядоченія этого дѣла, легко пойметъ, насколько желательно скорѣйшее разсмотрѣніе законодательнаго проекта комиссіи статсъ-секретаря Философова. Этотъ проектъ есть первый шагъ къ уничтоженію тѣхъ злоупотребленій по интендантской и провіантской части, которыя въ теченіе послѣдней войны показали, какъ мало успѣховъ сдѣлано нами въ этомъ отношеніи, сравнительно съ пресловутыми до-реформенными порядками.

Неудовлетворительность вексельнаго устава и устава торговаго судопроизводства также составляетъ одну изъ крупныхъ язвъ русской экономической жизни. Вексель — душа, можно сказать, торговыхъ операцій и кредита, развитіе банковъ дало ему еще новую силу, а наше вексель-

ное право, скопированное въ 1832 г. съ французскаго, отстало отъ Европы ровно на полвѣка. Тысячи людей теряютъ ежедневно отъ неудовлетворительности взысканія, торжествуютъ же только люди безсовѣстные.

Три милліона неснятыхъ запрещеній сбиваютъ съ толку всѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ недвижимыми имуществами, между тѣмъ въ русской же Польшѣ ипотечный уставъ дѣйствуетъ десятки лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ и доказываетъ полную примѣнимость его къ нашимъ условіямъ.

Временное положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 28 лѣтъ остается безъ измѣненія, между тѣмъ и опытъ, и здравый смыслъ говоритъ, что этотъ плодъ канцелярской мудрости чрезвычайно неудовлетворителенъ и ведетъ только къ разоренію сельскаго населенія и деморализаціи провинціальнаго общества.

Таковы законодательные вопросы, крупная важность которыхъ бьетъ особенно въ глаза; рядомъ съ ними въ портфели Государственнаго Совѣта лежатъ всегда въ ожиданіи очереди еще десятки проектовъ не столь крупныхъ, но также существенныхъ и крайне полезныхъ. Нельзя и думать объ отсрочкѣ разсмотрѣнія всѣхъ подобныхъ проектовъ на нѣсколько лѣтъ, ибо въ будущемъ Государственному Совѣту придется заняться не менѣе важными дѣлами, а между тѣмъ каждый годъ что нибудь мѣшаетъ нашему высшему законодательному учрежденію разсмотрѣть ихъ.

Въ 1881 году сессія Государственнаго Совѣта не могла быть очень оживлена, ибо перемѣна царствованія вызвала перемѣну почти всѣхъ министровъ, а и на Западѣ принято за правило останавливать разсмотрѣніе закона, пока новый министръ не изъявитъ согласія поддерживать проектъ своего предшественника, на что, естественно, требуется время. Въ 1883 году сессія была гораздо короче обыкновеннаго вслѣдствіе торжествъ коронаціи. Такимъ образомъ къ слѣдующей сессіи скопилось въ Государственномъ Совѣтѣ очень много дѣлъ. Продолжительное разсмотрѣніе вопроса объ элеваторахъ, университетскаго устава и желѣзнодорожнаго закона поглотили все время. То же самое по-

вторялось и въ слѣдующихъ годахъ. Хотя покойный графъ Толстой справедливо придавалъ важное значеніе своему проекту мѣстной реформы, но и этотъ проектъ пролежалъ два года, прежде чѣмъ началось его обстоятельное разсмотрѣніе, и то по особому настоянію свыше.

Такая медленность законодательныхъ работъ должна обратить вниманіе. Она прежде всего обусловливается системою служебныхъ занятій въ Петербургѣ. Лѣтомъ, т. е. около полугода, Государственный Совѣтъ, какъ извѣстно, не дѣйствуетъ ради вакацій; хотя въ прежнее время Департаментъ экономіи не имѣлъ вакаціоннаго времени, но нынѣ и ему предоставлено таковое. Равнымъ образомъ и чиновники всѣхъ министерствъ считаютъ себя въ правѣ имѣть четыре мѣсяца вакацій, почему съ мая по сентябрь, не смотря на то, что на тропическую жару въ Петербургѣ, кажется, нельзя пожаловаться, административная жизнь замираетъ. Безчисленныя комиссіи, подготовляющія и пересматривающія законодательные проекты, вовсе не собираются. Оживленіе начинается только съ осени. Но въ октябрѣ же начинаются и засѣданія Государственнаго Совѣта; обыкновенно проекты начинаютъ вноситься въ Совѣтъ къ концу года, когда идетъ горячая работа по разсмотрѣнію государственной росписи, а наиболѣе проектовъ поспѣваетъ лишь къ веснѣ, когда уже остается очень мало времени для ихъ разсмотрѣнія. Почему съ половины февраля всѣ министры получаютъ приглашеніе сложныхъ проектовъ не вносить, ибо законодательная сессія приходитъ-де къ концу и нѣтъ шансовъ проекту ко времени закрытія сессіи быть разсмотрѣннымъ.

Разсмотрѣніе бюджета—работа дѣйствительно серьезная. Согласно установленному Высочайше утвержденными 22-го мая 1862 г. смѣтными правилами порядку, финансовыя смѣты, первоначально составленныя въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, разсматриваются и повѣряются Департаментомъ государственной экономіи Государственнаго Совѣта въ связи съ замѣчаніями на нихъ Министерства Финансовъ и Государственнаго Контроля и съ объясненіями на эти замѣчанія подлежащихъ министерствъ и глав-

ныхъ управленій. Затѣмъ уже смѣты вносятся съ проектомъ государственной росписи въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

Такимъ образомъ, функціи Государственнаго Совѣта немногимъ отличаются, по отношенію къ бюджету, отъ функцій палатъ; на дѣлѣ въ Россіи смѣты урѣзываются, даже, пожалуй, энергичнѣе, чѣмъ въ палатахъ, гдѣ министерства вынуждены входить въ компромиссы съ интересами разныхъ мѣстностей, имѣющихъ своихъ представителей. Опытъ послѣднихъ сорока лѣтъ указалъ даже, что представительство плохая гарантія бережливости государственныхъ расходовъ: съ расширеніемъ народнаго представительства и пониженіемъ выборнаго ценза расточительность увеличивается. И у насъ въ маломъ видѣ это можно наблюдать на земскихъ учрежденіяхъ, болѣе щедрыхъ въ расходахъ, чѣмъ казна. Что провѣрка смѣтъ Департаментомъ государственной экономіи не есть мертвая буква, видно изъ того, что, напримѣръ, въ 1886 г. Департаментъ экономіи сократилъ расходы по росписи противъ предположеній министерствъ слишкомъ на 22 милл. рублей.

Казалось бы, что, въ виду такихъ сложныхъ обязанностей во время сессіи, дѣятельность Государственнаго Совѣта должна быть чрезвычайно напряженною, но и этого далеко не видно. Въ то время, когда заграничныя законодательныя учрежденія собираются ежедневно, иной разъ по два раза въ день, или засиживаются, какъ англійскій парламентъ, до утра, у насъ plenum Совѣта бываетъ не чаще раза въ недѣлю, причемъ пренія въ общемъ собраніи рѣдки, а разногласія членовъ бываютъ разъ или два въ годъ. Рѣчи произносятся также разъ или два въ годъ, и хотя бываютъ блестящими, но имѣютъ характеръ академическій. Такимъ образомъ разрѣшаются дѣла, собственно говоря, въ департаментахъ, которые представляютъ изъ себя какъ бы законодательныя комиссіи, но такъ какъ подобныхъ комиссій только три или, вѣрнѣе, двѣ, ибо Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ скорѣе судебное учрежденіе, то легко себѣ представить медленность работы. Въ то время, когда у насъ работаютъ двѣ комис-

сіи, во французской палатѣ ихъ 100, не считая бюро и комиссій иниціативы и мѣстныхъ дѣлъ. Такъ какъ, однако, число членовъ въ каждомъ департаментѣ Совѣта крайне ограничено и часто недостаетъ спеціалиста по законодательному вопросу, подлежащему разсмотрѣнію, то приходится постоянно для важныхъ дѣлъ изъ департаментовъ дѣлать еще соединенныя собранія, что приводитъ къ тому, что большинство важнѣйшихъ законодательныхъ проектовъ рѣшаются въ сущности въ одной небольшой комиссіи.

При обширности и разнообразіи дѣлъ Совѣта это приводитъ къ двумъ результатамъ. Во-первыхъ, къ преобладанію его канцеляріи, а во-вторыхъ, къ застою въ движеніи дѣлъ. Въ настоящее время дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ и направленіе ихъ находится въ полной почти зависимости отъ Государственной Канцеляріи, ея наличныхъ средствъ и добраго желанія. Каждый проектъ во власти Канцеляріи затормозить на неопредѣленное время справками и сношеніями съ разными вѣдомствами, имѣющими иногда весьма отдаленное отношеніе къ проекту. При маломъ составѣ департаментовъ пренія сводятся къ состязанію между министромъ (или его товарищемъ), внесшимъ проектъ, и кѣмъ либо изъ членовъ департаментовъ, въ коихъ послѣднее время получилъ преобладаніе элементъ новой судебной реформы; при подобномъ обмѣнѣ мыслей трудно установить рѣзкое мнѣніе за и противъ, почему составленіе журналовъ даетъ новое широкое поле вліянію Государственной Канцеляріи, тѣмъ болѣе, что журналы иногда подписываются три или четыре мѣсяца послѣ происходившаго засѣданія. При разсмотрѣніи смѣтъ министры иногда въ Департаментѣ экономіи и не присутствуютъ.

Еще болѣе страдаетъ законодательная дѣятельность отъ оставленія проектовъ вовсе безъ движенія. Быстро проходятъ въ Совѣтѣ только вопросы, имѣющіе фискальное значеніе, всѣ же сложные законодательные проекты подолгу дожидаются очереди, причемъ ихъ, подъ благовидными предлогами, Государственная Канцелярія, для своего облегченія, посылаетъ „на заключеніе“ разнымъ министрамъ (хотя ни одинъ проектъ не вносится въ Совѣтъ безъ пред-

варительнаго сношенія съ дѣйствительно заинтересованными вѣдомствами, требовать же заключенія всѣхъ министровъ излишне); когда же посылать болѣе уже некому, то проектъ и просто остается въ Канцеляріи, пока не перемѣнится кто либо изъ спрошенныхъ министровъ, хотя бы его вѣдомство имѣло самое малое отношеніе къ предмету, затрогиваемому проектомъ *), тогда посылается онъ на новое заключеніе его преемнику, а замѣчанія послѣдняго сообщаются внесшему проектъ министру. Если мѣняется послѣдній, то проектъ совсѣмъ возвращается въ предположеніи, что новый министръ откажется защищать измышленія прежняго; каждое подобное сношеніе, при быстротѣ нашей бюрократической дѣятельности, требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда одного и двухъ лѣтъ; особенно не торопилось въ прежнее время заключеніями Министерство Юстиціи. Очевидно, такой канцелярскій пріемъ нисколько не помогаетъ дѣлу. Въ концѣ концовъ проекты остаются неразсмотрѣнными. Если дѣло очень спѣшное и министръ сомнѣвается въ возможности передать его на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, приходится прибѣгать къ изданію закона, помощью именнаго указа Правительствующему Сенату, къ чему, впрочемъ, наша законодательная практика, какъ мы сказали, прибѣгаетъ лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Еслибы брать голыя цифры въ отчетахъ Государственнаго Совѣта, то, конечно, окажется, что какъ будто большая часть внесенныхъ за годъ проектовъ разсматривается, но если провѣрить по тѣмъ же отчетамъ качество и значеніе размотрѣнныхъ законовъ, то выйдетъ, что большею частію разсматриваются дѣла текущія или безотлагательныя финансовыя, большія же законодательныя работы ждутъ очереди. Да и въ текущемъ законодательствѣ, еслибы Комитетъ Министровъ не былъ у насъ настолько же законодательнымъ, насколько и высшимъ административнымъ учрежденіемъ,—законодательная машина шла бы еще медлен-

*) Такъ, реформа мѣстнаго управленія была задержана въ ожиданіи отзыва Министерства Императорскаго Двора; правила о горныхъ разработкахъ на земляхъ казенныхъ изъ-за мнѣнія военнаго министра.

нѣе. Въ придачу съ 1888 г. и Комитетъ Министровъ началъ пользоваться чѣмъ-то въ родѣ вакацій.

Всѣ вышеисчисленные недостатки и затрудненія не зависятъ отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ,—въ Совѣтѣ и его канцеляріи не мало, конечно, людей, искренно желающихъ работать, но затрудненія кроются въ самомъ устарѣломъ механизмѣ нашего высшаго законодательнаго учрежденія. Въ 1886 году, напримѣръ, происходило только 123 засѣданій департаментовъ и 29 общихъ собраній Совѣта. Въ послѣднихъ было разрѣшено 260 дѣлъ, затѣмъ осталось нерѣшенныхъ къ 1887 году за общимъ собраніемъ 33, да за департаментами 263, по большей части дѣлъ наиболѣе сложныхъ, ибо изъ рѣшенныхъ многія были такія, которыя соединились съ другими дѣлами или были, какъ экстраординарныя смѣты, рѣшены прямо журналами департаментовъ и даже просто отношеніями. Мы взяли еще годъ нормальный, а не такой, когда за перемѣною главныхъ начальниковъ законодательная дѣятельность не могла быть оживленною и новыхъ проектовъ вносилось мало на разсмотрѣніе Совѣта.

Намъ кажется, въ виду всего вышеизложеннаго, что настало время переорганизаціи системы законодательныхъ работъ. И безъ какихъ либо радикальныхъ реформъ въ личномъ составѣ или устройствѣ высшаго законодательнаго учрежденія въ Россіи возможна гораздо лучшая утилизація его силъ, лучшій распорядокъ его дѣятельности. Устраняя упреки, будто бы Государственный Совѣтъ искажаетъ вносимые проекты, относительно ускоренія теченія дѣлъ нельзя не рекомендовать средствъ весьма простыхъ, которыя будутъ, однако, дѣйствительными, и помощію коихъ дѣятельность Государственнаго Совѣта ускорится и сдѣлается болѣе живою и плодотворною.

Этого можно бы достигнуть двумя путями. Во-первыхъ, необходимо привести сессіи Государственнаго Совѣта въ соотвѣтствіе съ административными нравами Петербурга. Если у насъ дѣйствительно — на что въ законѣ указанія нѣтъ—лѣто стало по обычаю временемъ вакацій для министерствъ, то необходимо сессію Государственнаго Совѣта

позже оканчивать, а именно продолжать ее примѣрно отъ 15-го сентября до 15-го іюня и даже до 1-го іюля. Во-вторыхъ, требуется преобразованіе въ распорядкѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Государственная Канцелярія довольно многочисленна и ее едва ли придется расширять; впрочемъ, еслибы пришлось усилить составъ Государственной Канцеляріи, то жалѣть на это денежныхъ средствъ нечего. Застой въ законодательныхъ дѣлахъ отражается гораздо болѣе вредно на финансахъ государства *). Полезно также усилить Государственную Канцелярію спеціалистами по разнымъ предметамъ, особенно техническимъ, и т. д. Еще необходимѣе измѣнить устройство и распредѣленіе департаментовъ Совѣта. Департаменты Государственнаго Совѣта соотвѣтствуютъ подготовительнымъ комиссіямъ въ заграничныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Понятно, что для разбора такой массы проектовъ, которая приготовляется ежегодно четырнадцатью нашими министерствами и главными управленіями, совершенно недостаточно двухъ комиссій. Поэтому или необходимо увеличить число департаментовъ, что затрудненій не составитъ, ибо въ Государственномъ Совѣтѣ теперь не мало членовъ въ департаментахъ не присутствующихъ, или же вовсе отмѣнить раздѣленіе самаго Государственнаго Совѣта на департаменты, сохранивъ послѣдніе только для Государственной Канцеляріи. Обязанности же нынѣшнихъ департаментовъ по предварительному разсмотрѣнію вопросовъ могли бы быть возложены на комиссіи или комитеты изъ членовъ Государственнаго Совѣта, пользуясь для этого по возможности большимъ числомъ членовъ. Нѣкоторыя изъ подобныхъ комиссій, напримѣръ для

*) Эти отсрочки не дешево обходятся. Обложеніе желѣзнодорожныхъ акцій налогомъ рѣшено было въ принципѣ 20-го мая 1885 г., но отложено на время изъ-за составленія точнаго списка желѣзныхъ дорогъ, не подлежащихъ налогу. На составленіе списка потребовалось 1½ года! Такимъ образомъ, считая, что налогъ съ желѣзнодорожныхъ акцій далъ 800 тыс. руб. въ годъ, небольшая канцелярская справка, требовавшая лишь пересмотра печатныхъ уставовъ десяти дорогъ, обошлась правительству въ милліонъ двѣсти тысячъ рублей!

разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ, для вопросовъ объ обязательномъ отчужденіи или для рѣшенія въ апелляціонномъ порядкѣ гражданскихъ дѣлъ, переносимыхъ изъ Сената, и т. п., могли бы быть постоянными. Учрежденіе комитетовъ или особыхъ совѣщаній для Государственнаго Совѣта не новость — они учреждались уже по разнымъ случаямъ, необходимо только расширить примѣненіе подобнаго порядка обсужденія дѣлъ.

Такое преобразованіе не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей; программа его сама собою намѣтилась уже изъ практики Государственнаго Совѣта за послѣднее время; во всякомъ случаѣ откладывать это преобразованіе безъ вреда для дѣла невозможно. Мы ничего не говоримъ о преобразованіи личнаго состава Совѣта, пополняемаго преимущественно бывшими министрами и генералъ-губернаторами. Въ послѣднее время дѣлались уже попытки (Галаганъ и графъ Бобринскій) привлечь въ Совѣтъ элементы не изъ административныхъ сферъ. Желательно, чтобы на этомъ опытѣ не останавливались, ибо этотъ элементъ необходимъ для уравновѣшенія законодателей изъ юристовъ, которые для заторможенія дѣлъ любятъ ссылаться какъ на аргументъ, что новый законъ или предположеніе не согласуются-де съ нашими гражданскими законами, причемъ число этихъ несогласій доводится до безконечности. Что же это за законы, съ которыми не ладятся необходимѣйшія проявленія современной гражданской жизни?

Добро бы еще X-й томъ выражалъ собою стройное законодательство, которымъ руководился долгими годами русскій народъ и которое вытекло изъ народныхъ началъ. Ничего подобнаго нѣтъ, какъ извѣстно. Каждый спеціалистъ вамъ скажетъ, что $^{9}/_{10}$ населенія Россіи не подозрѣваетъ существованія X-го тома Свода Законовъ и руководится обычнымъ правомъ, не считая еще обширныхъ мѣстностей Имперіи, гдѣ имѣются спеціальные гражданскіе кодексы (Польша, Прибалтійскій край, Бессарабія и пр.). Далѣе, каждый юристъ скажетъ, что никогда нашъ кодексъ не вырабатывался систематически, а механически скомпилированъ, съ величайшими пробѣлами по самымъ существен-

нымъ частямъ права, изъ противорѣчивыхъ и несоотвѣтствующихъ другъ другу остатковъ каноническаго права Византіи, изъ законовъ Московскаго государства, писанныхъ въ эпоху, когда юридическія понятія были очень слабы и сбивчивы, изъ клочковъ Литовскаго статута, военныхъ законовъ Петра, переведенныхъ со шведскаго, изъ домашнихъ распоряженій императрицъ XVIII столѣтія, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ того или другого лица, изъ нѣсколькихъ новѣйшихъ узаконеній, заимствованныхъ по большей части съ французскаго и т. д.; все это графъ Сперанскій и его сотрудники по Своду не затруднились еще „исправлять“ по своему вкусу, безъ малѣйшаго изученія обычнаго права большинства русскаго народа, почему даже важнѣйшіе законы, напр. о правѣ наслѣдованія, основаны на постановленіяхъ, вытекшихъ изъ отдѣльныхъ случаевъ. Наконецъ, каждый юристъ скажетъ, что переработать по новой системѣ X-й томъ почти безплодная задача, почему комиссія по составленію гражданскаго уложенія предпочла начать дѣло съизнова.

И вотъ такое-то казуистическое законодательство, которымъ приходится довольствоваться только за неимѣніемъ другого, законодательство не развитое, а запутанное долголѣтней судебной практикой, выставляется какимъ-то кореннымъ препятствіемъ для улучшеній нашего государственнаго управленія. Мы того мнѣнія, что если какія либо статьи X-го тома не сходятся съ необходимыми улучшеніями, то слѣдуетъ исправлять эти статьи, не дожидаясь новаго уложенія, которое не явится и черезъ двадцать лѣтъ, а не ломать и подчинять новые законы подъ мѣрку, не соотвѣтствующую болѣе современному росту Россіи.

Съ огромными препятствіями совершаются также реформы, хотя бы и вполнѣ справедливыя, если только онѣ малѣйшимъ образомъ касаются матеріальныхъ интересовъ. Доказательствомъ служитъ лѣсной законъ. Онъ разсматривался такъ долго, переходя изъ одной канцеляріи въ другую, что всѣ думали, что разрѣшится онъ только тогда, когда никакихъ владѣльческихъ и общественныхъ лѣсовъ не останется, по крайней мѣрѣ, въ южной и средней Россіи.

Въ этомъ случаѣ мы положительно пошли назадъ, а не впередъ. Еще Петръ Великій настолько понималъ, что интересы государственные первенствуютъ надъ частными, что всѣ владѣльческіе лѣса взялъ въ казенное управленіе. Такъ длилось до Екатерины II, которая въ извѣстной ревности къ интересамъ дворянскаго сословія, отдала ему обратно лѣса въ безусловное распоряженіе и прибавила еще нѣдра земли и воды, отчудивъ послѣднія почеркомъ пера изъ государственной въ частную собственность. Съ тѣхъ поръ идея, что разъ уступленное добровольно государсвомъ навсегда ушло изъ его компетенціи и что малѣйшее желаніе урегулировать хищническое частное хозяйство есть нарушеніе священнаго принципа собственности, чуть не соціализмъ,—только укрѣплялась и нашими юристами также выставлялась за основаніе русскаго права.

Есть еще одинъ важный пробѣлъ въ нашей законодательной дѣятельности. Публика обращала нерѣдко вниманіе на поѣздки главныхъ начальниковъ дальнихъ окраинъ въ Петербургъ и на продолжительное пребываніе въ послѣднемъ. По общепринятому объясненію, генералъ-губернаторамъ и чиновникамъ ихъ канцелярій пріятнѣе проживать въ столицѣ, нежели у себя въ глуши, тѣмъ болѣе, что эти переѣзды взадъ и впередъ оплачиваетъ государственное казначейство. Это объясненіе имѣло иногда основаніе, но нерѣдко не по ихъ винѣ приходилось нашимъ генералъ-губернаторамъ совершать прогулки въ десятки тысячъ верстъ, и очень часто не они виноваты въ своемъ праздномъ пребываніи въ Петербургѣ. Здѣсь есть недостатокъ государственнаго механизма, который сознаетъ и правительство.

Дѣло въ томъ, что наше управленіе окраинами очень централизовано,—за малыми исключеніями, управленіе какой-либо Якутской области мало отличается отъ управленія Псковскою или Новгородскою губерніями, находящимися отъ столицы въ двухъ шагахъ. Предоставить нашимъ окраинамъ извѣстную самостоятельность невозможно; въ нихъ нѣтъ почти интеллигентныхъ силъ, а если и есть гдѣ какая своя собственная интеллигенція, то упаси Боже отъ ея воз-

зрѣній. Стоитъ почитать такъ называемые органы тифлисской или сибирской „прессы“, чтобы получить отвращеніе отъ этой интеллигенціи, представляющей уродливую прививку радикально-опереточныхъ идей къ полудикому организму.

Не представляя изъ себя автономныя области, наши окраины имѣютъ, однако, очень много дѣлъ, имъ однимъ свойственныхъ, и каждая изъ нихъ не только по своимъ размѣрамъ и по численности населенія, но и по разнородности возбуждающихся ежедневно вопросовъ представляетъ изъ себя цѣлое государство. Одна Сибирь превосходитъ раза въ полтора Канаду по числу населенія, а въ послѣдней семь мѣстныхъ парламентовъ, да одинъ общій, итого восемь учрежденій, занятыхъ разработкою лишь законодательныхъ вопросовъ. У насъ это сводится къ работѣ нѣсколькихъ канцелярій, но и труды послѣднихъ остаются по большей части безъ дальнѣйшаго движенія.

Каждый новый генералъ-губернаторъ отправляется на окраину въ розовой надеждѣ принесть пользу краю. Но съ первыхъ же шаговъ онъ видитъ, что его личное воздѣйствіе почти безсильно, такъ какъ недостаетъ, можно сказать, всего: всѣ отрасли и администраціи, и государственнаго хозяйства въ полномъ застоѣ и запущеніи, нѣтъ законовъ, денегъ и людей. Побившись немного, генералъ-губернаторъ рѣшаетъ, что писать и просить объ этомъ за тысячу верстъ—напрасная потеря времени. „Съѣзжу, поговорю, попрошу и дѣло живо сладится“, говоритъ онъ себѣ и мѣстнымъ жителямъ. Приготовляется обширный отчетъ о нуждахъ края; генералъ-губернаторъ везетъ его въ Петербургъ, здѣсь отчетъ производитъ впечатлѣніе. Всѣ только руками разводятъ надъ вопіющими безпорядками въ той или другой мѣстности и хвалятъ генералъ-губернатора за то, что онъ мужественно не скрываетъ правды и не старается замазать глаза.

Но старые, опытные бюрократы заранѣе знаютъ, что отъ означенныхъ разоблаченій, какъ послѣднія ни поразительны, а иной разъ и возмутительны, не произойдетъ большихъ послѣдствій. Генералъ-губернаторъ, похлопотавъ годъ,

полтора, уѣдетъ обратно безъ денегъ и безъ людей и сочтетъ себя счастливымъ, если изъ пятидесяти намѣченныхъ имъ крупныхъ проектовъ ему удастся провести, съ большими уступками и урѣзками, одинъ или два.

Причиною подобной неудачи главнымъ образомъ—организація нашего законодательнаго и высшаго административнаго механизма. Какимъ образомъ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ могутъ найти время для дѣлъ окраинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. польская, прибалтійская, сибирская, туркестанская, кавказская, каждая потребовала бы для своихъ безотлагательныхъ вопросовъ цѣликомъ одну или двѣ сессіи, когда общія нужды Имперіи, какъ мы выше указывали, не успѣваютъ быть обсужденными. Если у насъ есть дѣла первоклассной важности, которыя болѣе десяти лѣтъ дожидаются чести быть разсмотрѣнными, такъ гдѣ же тутъ можетъ дойти очередь до обсужденія судебъ несчастныхъ инородцевъ въ Камчаткѣ? Поэтому для окраинъ ограничиваются лишь обсужденіемъ самыхъ настоятельныхъ мѣропріятій, а если что издается, то затѣмъ надолго останется неизмѣняемымъ, хотя бы сразу выказало свою непримѣнимость; таково, напримѣръ, положеніе объ управленіи Киргизской степью, оказавшееся непрактичнымъ еще въ 1869 году.

Въ старой Россіи, гдѣ также господствовала централизація управленія, для дѣлъ окраинъ имѣлись въ Москвѣ спеціальныя учрежденія — различные приказы. Въ новѣйшее время въ Петербургѣ для дѣлъ окраинъ существовали особые комитеты: по дѣламъ Царства Польскаго, Сибирскій, Кавказскій, съ особыми при нихъ канцеляріями. Упраздненіе означенныхъ учрежденій было ошибкою, хотя въ свое время привѣтствовалось и публикою, и печатью; послѣднія всегда любятъ нивеллировку и централизацію, видя въ нихъ прогрессъ. Но наружное единство вовсе еще не служитъ доказательствомъ, что объединеніе въ самомъ дѣлѣ послѣдовало и что высшая администрація съ аптекарскою точностью распредѣляетъ свою заботливость между столицею и какою нибудь Тургайскою или Семирѣченскою областями. Безпрерывныя поѣздки генералъ-губернаторовъ

въ Петербургъ и малое число законодательныхъ и высшихъ государственныхъ мѣропріятій, касающихся окраинъ, доказываютъ, что нужды послѣднихъ не удовлетворяются въ надлежащей мѣрѣ. Это, впрочемъ, ни для кого не секретъ.

Мы полагаемъ поэтому, что разъ будетъ сохранена нынѣшняя централизація управленія, — а она, по причинамъ, объясненнымъ ниже, еще долго должна быть сохраняема,—то необходимо создать въ Петербургѣ, хотя бы и на другихъ началахъ, спеціальное высшее учрежденіе для обсужденія дѣлъ нашихъ окраинъ. Сила вещей вызывала недавно, хотя и временное, учрежденіе особаго Совѣщанія по приамурскимъ дѣламъ; Остзейскій Комитетъ также существуетъ еще на бумагѣ, хотя никогда и не собирается. Очень было бы полезно этотъ остатокъ бывшихъ окраинныхъ учрежденій упразднить, а взамѣнъ того создать что-либо новое, приспособленное къ потребностямъ нашихъ отдаленныхъ областей, нынѣ достаточно выяснившимся. На первый разъ казалось бы возможнымъ учредить особый для дѣлъ окраинъ департаментъ, или, если департаменты будутъ упразднены, отдѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Законодательная дѣятельность выражается не только въ писаніи новыхъ законовъ, она проявляется и въ кодификаціи, т. е. въ примѣненіи и приспособленіи новыхъ законовъ къ старымъ, что весьма важно особенно у насъ вслѣдствіе положенія нашего Свода Законовъ.

Немногимъ теперь памятно время, когда появленіе Свода положило конецъ невообразимому хаосу противорѣчивыхъ указовъ, составлявшихъ русское законодательство до того времени. Безъ сомнѣнія, Сводъ страдаетъ отсутствіемъ системы и опредѣленныхъ началъ и не внесъ въ наше законодательство подлежащей стройности, но уже одно матеріальное облегченіе справокъ и доступность закона для всѣхъ, а не для небольшого круга опытныхъ подъячихъ, составляли немаловажную заслугу Свода. Практическая польза Свода выказалась довольно наглядно, когда съ 1857 года почти въ теченіе двадцати лѣтъ новаго из-

данія Свода Законовъ не появлялось, а коренное различіе вновь издаваемыхъ многочисленныхъ узаконеній съ прежними вынудило не издавать также по нѣкоторымъ уставамъ и „продолженій“ Свода. Къ сожалѣнію, если Сводъ былъ полезенъ, то нельзя сказать, чтобы онъ издавался удовлетворительно. Если первое изданіе грѣшило во многомъ, то дальнѣйшія изданія Свода дѣлались уже совсѣмъ по-канцелярски, и каждое новое изданіе Свода Законовъ было положительно хуже предыдущаго. II-е отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи не только искажало статьи законовъ, но, по ошибкѣ и недоразумѣнію, пропускало въ новыхъ изданіяхъ Свода многія весьма важныя статьи законовъ, не замѣняя ихъ ничѣмъ. На это не мало было въ свое время указаній въ юридической печати, и можно привести безчисленное множество тому примѣровъ изъ разныхъ томовъ Свода.

Исполняя, такимъ образомъ, крайне неудовлетворительно то, что г. Анисимовъ и другіе частные издатели дѣлали гораздо лучше, а, главное, даромъ, II-е отдѣленіе поглощало на свое содержаніе громадныя суммы, составлявшія довольно чувствительное бремя для государственнаго бюджета. Расходы были велики оттого, что факторы типографіи и т. п. служащіе состояли въ чинѣ тайныхъ совѣтниковъ! Чтобы опредѣлить размѣръ непроизводительно поглощавшагося капитала, достаточно вспомнить, что Отдѣленіе расходовало ежегодно около полумилліона рублей. Вычислено, что, напримѣръ, на составленіе неполнаго еще Свода Законовъ 1876 г., продолжавшееся съ 1857 г., т. е. въ теченіе 19 лѣтъ, израсходовано $9^1/_2$ милл.! Считая, что во всемъ Сводѣ, съ примѣчаніями и приложеніями, имѣется приблизительно 45 тыс. статей, оказывается, что кодификація каждой статьи обошлась болѣе 200 рублей!

Новому Кодификаціонному Отдѣлу Государственнаго Совѣта придется въ сущности передѣлать Сводъ Законовъ заново. Сводъ представляетъ постоянное смѣшеніе закона съ инструкціей (наказомъ), но какъ ни кажется простой съ перваго взгляда мысль объ отдѣленіи закона отъ наказа, а практическое исполненіе ея встрѣчаетъ огромныя

затрудненія. Хотя еще графъ Сперанскій пытался объяснить различіе между учрежденіями, уставами и наказами, но опредѣленіе его очень мало разъясняетъ спорный вопросъ. Новыя работы Отдѣла не могутъ быть распубликованы къ руководству безъ предварительнаго тщательнаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ. Во многихъ случаяхъ вновь кодифицированный уставъ явится совершенно новымъ уставомъ; но мы рѣшительно недоумѣваемъ, какимъ путемъ подобные обширные законодательные труды могутъ быть осуществлены при нынѣшней организаціи нашей законодательной дѣятельности. А впереди еще предстоятъ такія работы, какъ разсмотрѣніе новаго гражданскаго уложенія.

Намъ думается, что при принятой системѣ уложеніе это не появится и черезъ десять—пятнадцать лѣтъ, между тѣмъ, не говоря о штатахъ Сѣверной Америки, имѣющихъ каждый свой кодексъ, на нашихъ глазахъ быстро завершаются работы по составленію новыхъ гражданскихъ уложеній въ Германіи, Венгріи, Сербіи, Черногоріи и Японіи. Во всякомъ случаѣ, если мы по отношенію къ Имперіи, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, пытаемся выйдти изъ запутаннаго состоянія, то законодательство десяти губерній, образующихъ теперь Варшавское генералъ-губернаторство, продолжаетъ оставаться въ хаотическомъ состояніи.

Подъ вліяніемъ исключительныхъ условій, особенно ряда преобразованій въ сферѣ мѣстнаго управленія, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ съ начала нынѣшняго столѣтія, узаконенія Царства Польскаго не были сводимы въ одно систематическое цѣлое. Неудобства, отъ этого проистекавшія, давно уже обратили на себя вниманіе. Въ 1838 году бывшій Совѣтъ Управленія Царства поручилъ правительственнымъ комиссіямъ составить систематическіе сборники административныхъ узаконеній по образцу Свода Законовъ Имперіи. Работы продолжались два года, матеріалы были собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ въ сорока-четырехъ отдѣлахъ и затѣмъ переданы въ бывшую кодификаціонную комиссію, но труды послѣдней никогда не появились въ свѣтъ. Крестьянская реформа

и предположенія правительства о переустройствѣ разныхъ частей управленія въ Царствѣ заставили снова обратить вниманіе на вопросъ объ изданіи свода мѣстныхъ законоположеній.

Въ 1864 году, по представленію Н. А. Милютина о необходимости продолжать кодификацію, послѣдовало распоряженіе о напечатаніи собранныхъ уже матеріаловъ съ необходимыми исправленіями и дополненіями, съ тѣмъ, чтобы составленіе систематическихъ сводовъ узаконеній было отнесено къ послѣдующему времени. Независимо отъ этихъ сборниковъ, въ 1866 году повелѣно было издать сборники постановленій собственно лишь въ руководство губернскимъ и уѣзднымъ управленіямъ въ Царствѣ.

Такова въ общихъ чертахъ сущность мѣръ, принятыхъ съ цѣлью собрать въ одно цѣлое узаконенія Царства Польскаго. Конечно, мѣры эти принесли свою пользу; безъ нихъ познаніе мѣстныхъ служебныхъ порядковъ, правъ и обязанностей было бы еще затруднительнѣе чѣмъ прежде; но и съ осуществленіемъ этихъ мѣръ прежнія затрудненія далеко не уменьшились.

Въ настоящее время источниками для познанія законовъ Царства Польскаго служатъ, между прочимъ, семьдесятъ пять томовъ „Дневника законовъ“, шестьдесятъ девять томовъ „Сборника административныхъ постановленій“, тридцать два тома „Постановленій, относящихся къ дѣйствіямъ губернскихъ правленій и уѣздныхъ начальниковъ“ и семь томовъ „Сборника постановленій Учредительнаго Комитета“. Одни эти изданія составляютъ библіотеку въ 183 тома, не считая еще весьма часто употребляемыхъ для справокъ 21 тома „Справокъ постановленій Учредительнаго Комитета“. Кромѣ того, по случаю подчиненія центральнымъ учрежденіямъ Имперіи административныхъ вѣдомствъ Царства Польскаго, послѣднія во всѣхъ случаяхъ, не разрѣшаемыхъ мѣстными законами, обязаны руководствоваться Сводомъ Законовъ, а также циркулярами, инструкціями и пр. своихъ министерствъ.

„Дневникъ законовъ“ Царства представляетъ собраніе узаконеній въ хронологическомъ порядкѣ и притомъ безъ

всякаго различія между законами дѣйствующими и отмѣненными. Еще бо̀льшія препятствія представляютъ для руководства мѣстныя правительственныя распоряженія, не вошедшія въ „Дневникъ законовъ“ и внесенныя въ вышеупомянутые сборники. Сборники эти раздѣлены, по вѣдомствамъ, на отдѣлы, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, а послѣднія изъ нѣсколькихъ томовъ. Матеріалъ распредѣленъ на группы въ порядкѣ хронологическомъ, т. е. самомъ неудобномъ, причемъ, какъ и въ „Дневникѣ законовъ“, встрѣчаются рядомъ циркуляры и отмѣненные, и сохранившіе свою силу. Въ сборникахъ, за исключеніемъ изданныхъ по вѣдомству юстиціи, нѣтъ никакихъ указателей, вслѣдствіе чего пользоваться ими возможно только при обстоятельномъ знакомствѣ съ ихъ содержаніемъ.

Дѣйствительно, не легко, почти невозможно для непосвященнаго, догадаться, что, напримѣръ, узаконенія о службѣ гражданской слѣдуетъ искать въ томъ самомъ томѣ сборника, въ которомъ помѣщены правила о производствѣ торговъ, о возведеніи новыхъ и перестройкѣ старыхъ зданій, о выборѣ кандидатовъ на должности мировыхъ судей, объ экспропріаціи, о порядкѣ подачи прошеній на высочайшее имя, о засвидѣтельствованіи актовъ и документовъ, о порядкѣ составленія приходо-расходныхъ смѣтъ по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ, о демаркаціонной линіи, объ устройствѣ крестьянъ, о торговлѣ, о провинціальныхъ театрахъ и пр.; а между тѣмъ всѣ эти узаконенія заключаются въ одномъ объемистомъ сборникѣ и расположены въ томъ порядкѣ, какъ сейчасъ сказано. Не менѣе трудно розыскать по сборникамъ и другія узаконенія; такъ, напримѣръ, постановленія о рыболовствѣ напечатаны частью въ сборникахъ о городскомъ хозяйствѣ, частью въ сборникахъ по финансовому вѣдомству, частью, наконецъ, въ сборникахъ по вѣдомству путей сообщенія.

При этомъ, со времени изданія сборниковъ прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ Царствѣ Польскомъ совершилось много новыхъ реформъ; большая часть прежнихъ учрежденій упразднены, дѣятельность, кругъ власти и взаимныя отношенія мѣстныхъ администра-

тивныхъ органовъ существенно измѣнились и въ руководство имъ издано множество новыхъ инструкцій и правилъ. Въ виду всего этого самъ собою выдвигается вопросъ о необходимости соединенія въ одно цѣлое того матеріала, который разбросанъ въ разныхъ не представляющихъ между собою никакой связи изданіяхъ, въ многочисленныхъ томахъ „Дневника законовъ“ и сборникахъ, а также въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ и правилахъ.

При этомъ рождается вопросъ, не проще ли было, съ объединеніемъ администраціи, ввести въ Царствѣ Польскомъ въ дѣйствіе цѣликомъ русскіе законы, но это предположеніе, соблазнительное съ виду, не выдерживаетъ критики. Подобное введеніе было возможно, хотя и съ извѣстною постепенностью, въ Закавказскомъ краѣ, въ Бессарабіи и вообще тамъ, гдѣ наше владычество застало устарѣлыя, а частью совершенно варварскія законоположенія; совсѣмъ другое въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ въ основаніи гражданскаго и уголовнаго законодательства еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ положенъ „Code Napoléon“, самый совершенный изъ всѣхъ писанныхъ кодексовъ. Затѣмъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ законодательство края были введены, въ подражаніе Европѣ, очень много весьма важныхъ и полезныхъ постановленій, нарушеніе или измѣненіе которыхъ было бы шагомъ назадъ, и ни въ какомъ случаѣ нежелательно. Поэтому для облегченія какъ жителей Царства, такъ и прибывающихъ туда русскихъ чиновниковъ и переселенцевъ, остается пока принять только мѣры для кодификаціи и сокращенія массы разбросанныхъ законовъ и административныхъ распоряженій въ небольшой сводъ мѣстныхъ постановленій, подобный тому, который имѣется для Прибалтійскаго края.

ГЛАВА II.

Высшая администрація.

Комитетъ и Совѣтъ Министровъ.—Правительствующій Сенатъ.—Необходимость образованія болѣе однороднаго министерства.—Отвѣтственность министровъ.—Святѣйшій Синодъ.

Административный механизмъ нашъ во многомъ неудовлетворителенъ и такъ же, какъ и законодательный, требуетъ подновленія. Механизмъ этотъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, былъ устроенъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда государственныя коллегіи, состоявшія подъ верховнымъ надзоромъ Сената, а по части гражданскаго управленія подъ единымъ контролемъ генералъ-прокурора, были замѣнены министерствами. Душою этого преобразованія былъ графъ В. П. Кочубей. Всѣмъ извѣстно, что оно было встрѣчено обществомъ далеко неодобрительно и, между прочимъ, подверглось рѣзкой критикѣ Карамзина въ его знаменитой запискѣ „О древней и новой Россіи“.

Но еще ранѣе Карамзина графъ С. Р. Воронцовъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ, въ дружескомъ письмѣ на имя графа Кочубея, въ то время (въ 1803 году) министра внутреннихъ дѣлъ, подвергъ его проектъ критикѣ еще болѣе рѣзкой, нежели критика Карамзина. Письмо это напечатано въ XV книгѣ „Архива князя Воронцова“ и, не смотря на проглядывающую мѣстами мимолетную досаду на униженіе Петровскаго Сената и на назначеніе на министерскіе посты

лицъ, по мнѣнію Воронцова, недостойныхъ, не потеряло своего теоретическаго значенія до сихъ поръ.

По словамъ Воронцова, при новой системѣ „государь останется въ невѣдѣніи того, какъ его подданные управляются, и онъ не будетъ выслушивать докладовъ другихъ лицъ, кромѣ тѣхъ, которые имъ избраны, а они будутъ являться въ одно и то же время и судьями, и отвѣтчиками; такимъ образомъ государь лишается средства знать, дѣйствительно ли онъ избралъ людей непогрѣшимыхъ и честныхъ...“ Сенатъ, говоритъ Воронцовъ, учрежденъ потому, что „не смотря на свои таланты и свой геній, или, вѣрнѣе, благодаря этимъ талантамъ и генію, Петръ чувствовалъ, что большое государство не можетъ управляться непосредственно государемъ, порученіе же администраціи 10 или 12 лицамъ, не подчиненнымъ никакому контролю, послужило бы лишь къ созданію 10 или 12 деспотовъ, которые, по свойственной людямъ слабости, конечно, вольно или невольно, злоупотребляли бы своею властью, государь же, имѣя сношенія только съ этимъ небольшимъ числомъ лицъ, былъ бы обманываемъ и не зналъ ничего о вредѣ, ими приносимомъ...“

„Я всегда, — пишетъ далѣе Воронцовъ, — ненавидѣлъ злоупотребленія власти и министерскій произволъ, который изсушаетъ страну наиболѣе цвѣтущую, унижаетъ людей...“ „Не забудьте, обращается Воронцовъ къ Кочубею въ заключеніи письма, что Россія вамъ обязана изобрѣтеніемъ, введеніемъ и укорененіемъ министерскаго деспотизма, то есть величайшаго несчастія, величайшаго бича, которому можетъ подвергнуться страна, — дѣлающаго подданныхъ несчастливыми и уменьшающаго ихъ любовь къ государю“...

Эти строки, рисующія критикуемую авторомъ систему, очевидно, въ крайне преувеличенномъ видѣ, вѣроятно не остались неизвѣстными Александру I и произвели свое дѣйствіе. Учрежденіемъ въ 1810 г. Государственнаго Совѣта желали хотя отчасти замѣнить, потерявшій свое правительствующее значеніе, Сенатъ. Къ сожалѣнію, Сперанскій Совѣтъ скопировалъ съ государственнаго совѣта Наполеона I, а прочіе проекты Сперанскаго, служившіе дополненіемъ и

коррективомъ къ учрежденію Совѣта, были забыты послѣ ссылки этого государственнаго человѣка по интригамъ Армфельдта и Балашева. Правда еще ранѣе, въ 1802 г., былъ образованъ Комитетъ Министровъ, съ цѣлью объединить дѣйствія отдѣльныхъ вѣдомствъ, и затѣмъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ — Совѣтъ Министровъ, но эти поправки не измѣнили, строго говоря, сущности дѣла. Совѣтъ Министровъ почти никогда не собирается, а Комитетъ Министровъ обратился въ учрежденіе, похожее на государственные совѣты въ другихъ странахъ: здѣсь по преимуществу разсматриваются второстепенные законодательные вопросы.

Такимъ образомъ въ смыслѣ администраціи каждое министерство остается въ своей сферѣ всемогущимъ и министръ, власть котораго по закону довольно ограниченна, на дѣлѣ полновластенъ, потому что въ большинствѣ вопросовъ, даже второстепенныхъ, онъ имѣетъ возможность свою отвѣтственность сложить за высочайшимъ разрѣшеніемъ. Такимъ образомъ косвенная отвѣтственность переходитъ къ государю, дѣйствія котораго, по самому существу монархической власти, должны въ глазахъ подданныхъ не только находиться всегда въ сторонѣ отъ критики, но и казаться священными.

Это умаленіе власти, при ея наружной безграничности, давно обращало на себя вниманіе. Знаменитый корифей консервативной партіи, человѣкъ близко знавшій Россію, графъ Жозефъ де-Местръ, еще въ 1812 году писалъ: „посреди этой бури страстей я восторгаюсь императоромъ. Что могъ онъ сдѣлать? Въ Европѣ много говорятъ о неограниченной власти русскаго государя, но забываютъ, что государь наименѣе сильный тотъ, который все можетъ сдѣлать. Никто не въ состояніи отучить простаковъ отъ маніи судить государей по тому, что они могутъ сдѣлать, тогда какъ ихъ надобно оцѣнивать именно по тому, что они не въ силахъ сдѣлать...“

Въ парадоксальной формѣ здѣсь высказана глубокая истина, поясняющая многія явленія въ нашей исторіи. Приблизительно ту же мысль въ иронической формѣ вы-

разилъ покойный императоръ Николай въ извѣстной фразѣ, что „Россіей управляютъ столоначальники".

Недостатки бюрократіи, ставшей, по выраженію славянофиловъ, „стѣною" между государемъ и Землею и выдающей верховную власть каждому недовольному вовсе не этою властью—преданность къ которой въ русскомъ народѣ вошла въ плоть и кровь—а отдѣльными органами администраціи, обусловливается еще отсутствіемъ единства. Между тѣмъ именно въ единствѣ власти, въ строгой отвѣтственности ея по закону и въ полной по возможности неприкосновенности державнаго начала лежатъ основанія для преобразованія нашего государственнаго механизма. Pour fortifier la monarchie, говоритъ тотъ же де Местръ, il faut l'asseoir sur les lois, éviter l'arbitraire".

При существующемъ порядкѣ вещей, когда каждое вѣдомство могло идти въ разрѣзъ съ другими, иногда дѣйствуя и прямо враждебно, объединеніе администраціи совершалось лишь въ лицѣ верховной власти; эта власть, стоящая внѣ партій и кружковъ высшимъ осуществленіемъ народнаго единства и живымъ олицетвореніемъ закона, какъ бы низводилась на степень перваго министра, перваго слуги государства.

Измѣнить подобное положеніе вещей необходимо въ интересахъ верховной власти и всего народа. Администрація не должна быть всѣмъ, а только частью общественнаго организма, какъ церковь, армія, судъ, сословія. Государь—покровитель церкви, главнокомандующій, верховный судья, первый дворянинъ и т. д., но прежде всего онъ государь, а вышеозначенные титулы, льстя тѣмъ, въ чью честь онъ ихъ носитъ, не прибавляютъ ничего къ полнотѣ его верховной власти и значенію.

Администрація свое единство должна найти въ самой себѣ, для этого нѣтъ пути, кромѣ образованія болѣе однороднаго министерскаго кабинета, отвѣтственнаго передъ государемъ и состоящаго изъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собою общностью взглядовъ и убѣжденій. Неоднородное министерство, можно сказать, осталось только въ Россіи; даже въ странахъ менѣе цивилизованныхъ, прере-

каніе вѣдомствъ устранено по возможности созданіемъ министерства, которое если не назначается одновременно, то во всякомъ случаѣ состоитъ изъ лицъ сговорившихся на извѣстной программѣ и подчиняющихся руководству одного наиболѣе вліятельнаго или талантливаго министра, ближайшимъ образомъ поставленнаго къ верховной власти и пользующагося ея безусловнымъ довѣріемъ.

Неудобства полной независимости одного министра отъ другого у насъ всѣми чувствовались, хотя вполнѣ разъяснятся они, когда будетъ написана безпристрастная исторія нашихъ административныхъ учрежденій. Война министерствъ принимала иногда гомерическіе размѣры; кому неизвѣстна, напримѣръ, борьба Орлова съ Клейнмихелемъ, Канкрина съ Киселевымъ и др., война главнымъ образомъ канцелярская, не въ интересахъ дѣла, а своихъ вѣдомствъ; при Александрѣ II очень занимала публику оживленная борьба между вѣдомствами военнымъ и учебнымъ.

Другая невыгодная сторона раздѣленія состояла въ желаніи каждаго вѣдомства обособиться въ совершенно отдѣльное и независимое „государство въ государствѣ“. Это раздѣленіе дошло одно время до каррикатурныхъ размѣровъ, каждое вѣдомство имѣло не только свои учебныя заведенія, но свой судъ, свою цензуру и даже своихъ собственныхъ священниковъ. Реформы Александра II уничтожили по большей части эти оригинальныя попытки „автономіи“, тѣмъ не менѣе идея неприкосновенности интересовъ каждаго вѣдомства осталась. На передачу какого нибудь департамента изъ одного министерства въ другое, заграницею совершающуюся безпрестанно, у насъ продолжаютъ смотрѣть едва ли не какъ на экспропріацію частной собственности въ видахъ государственной пользы.

Даже чиновники входятъ въ интересы своего начальства, и подчиненные считали покойнаго генерала Мельникова чуть не измѣнникомъ за то, что онъ допустилъ половину своихъ департаментовъ разобрать по разнымъ министерствамъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ чиновники тутъ были правы, такъ какъ перетасовку департаментовъ можно допустить въ пользу дѣла, но никакъ не по

личнымъ соображеніямъ. У насъ же не хотятъ отрѣшиться отъ воззрѣнія на должность, какъ на нѣкоторую вотчину, дарованную извѣстному лицу. Потому, случалось, что когда рѣчь шла о томъ, что какой либо государственный человѣкъ оказался по тѣмъ или другимъ соображеніямъ неудобнымъ, то никому и въ голову не приходило, что такому лицу естественнѣе и достойнѣе всего обратиться къ частной жизни, а сейчасъ же являлся вопросъ: чѣмъ вознаградитъ правительство увольняемое лицо за потерю казенной квартиры и другихъ преимуществъ?

За два послѣдніе десятка лѣтъ едва ли не одинъ графъ А. П. Бобринскій 2-й, послѣ увольненія, былъ обращенъ въ прежнее состояніе состоящаго по запаснымъ войскамъ; остальные министры широко воспользовались щедростью государства, получивъ сохраненіе полнаго содержанія и назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Но и этого инымъ казалось мало и для оставляющихъ свои посты лицъ проектировалось выкраиваніе новыхъ, хотя и маленькихъ, портфелей. У каждаго департамента дѣла немного, но если отдѣлить его, прибавить канцелярію, совѣтъ, состоящихъ, причисленныхъ, чиновниковъ особыхъ порученій и т. д., смотришь вышло бы прехорошенькое министерство.

При этомъ упускалось изъ виду, что еслибы каждый изъ уходящихъ министровъ уносилъ по одному департаменту, то чрезъ десять лѣтъ получилось бы въ Россіи сорокъ отдѣльныхъ министерствъ.

Наиболѣе страдалъ отъ отсутствія единства въ высшемъ управленіи нашъ бюджетъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что равновѣсіе бюджета невозможно безъ однороднаго министерства. Поставленный, какъ равный съ равными, министръ финансовъ не въ силахъ, въ большинствѣ случаевъ, сопротивляться требованію денегъ со стороны другого вѣдомства, а особенно если это вѣдомство изъ важныхъ; важность же опредѣляется, главнымъ образомъ, количествомъ затрачиваемыхъ денегъ; поэтому юстиція, народное просвѣщеніе, государственный контроль считаются, съ административной точки зрѣнія, „не важными“ и этимъ вѣдомствамъ труднѣе иногда найти десять тысячъ рублей, нежели

другимъ милліонъ. Однородное министерство, гдѣ каждое вѣдомство не искало бы случая забѣжать ранѣе другого и округлить по возможности свои расходы, служило бы отличнымъ средствомъ для болѣе правильнаго распредѣленія суммъ въ государственной росписи и облегчило бы чрезвычайно задачу министра финансовъ.

Едва ли, однако, по характеру нашего правительства и въ духѣ нашей исторіи было бы возможно роль перваго министра въ кабинетѣ, какъ въ Англіи, предоставить министру финансовъ; да и въ Англіи нынѣ первый лордъ казначейства не состоитъ премьеромъ кабинета. Практически эта, необходимая для Россіи, реформа могла бы осуществиться назначеніемъ вице-предсѣдателя въ Совѣтъ Министровъ (предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ, какъ извѣстно, самъ государь). Тогда собранія Совѣта могли бы дѣлаться несравненно чаще, установилась бы общая программа дѣйствій и послѣдствіемъ реформы было бы преобразованіе, если не упраздненіе, съ передачею дѣлъ Совѣту Министровъ, Государственному Совѣту и Сенату, Комитета Министровъ.

Изложенный выше проектъ, напечатанный въ 1880 г. въ „Новомъ Времени“, вызвалъ нѣсколько серьезныхъ возраженій. Находили, что мы „предлагаемъ *великаго визиря* съ единомысленнымъ кабинетомъ“. Слово визирь казалось настолько страшнымъ, что оно одно должно-де рѣшить вопросъ. Между тѣмъ насъ оно нисколько не пугаетъ. Дѣло не въ названіи, а въ сущности. Въ восточной системѣ визирата антипатична не форма, а тотъ произволъ, который скрывается подъ этою формою. Если же власть визиря опасна по ея безграничности, то во сколько разъ оказалась бы вреднѣе параллельная власть десяти визирей. Власть же нашихъ министровъ весьма широка. Сперанскій еще въ 1827 г. писалъ, что: „причины, по коимъ прежнія коллегіи были введены въ составъ министерствъ и отмѣнены коллегіальные обряды, были весьма уважительны; но если симъ преобразованіемъ съ одной стороны усилены скорость и единство управленія, то съ другой стороны ни-

чѣмъ не преграждены самопроизвольность дѣйствій и не удостовѣрена зрѣлость соображеній".

По мнѣнію нашихъ критиковъ, „настоящій нашъ государственный порядокъ представляетъ и свои выгоды, и притомъ существенныя. Разностью направленій въ правительствѣ отчасти замѣняется та борьба мнѣній, которая необходима для торжества истины и которая полнѣе достигается въ европейскихъ государствахъ парламентскими преніями"... „Полная стачка министровъ не воздвигнетъ ли еще выше бюрократическую стѣну", замѣчали намъ.

Спрашивается, на чемъ основано подобное фантастическое воззрѣніе на нашу высшую администрацію? „Борьбы мнѣній" на самомъ дѣлѣ не существуетъ и не можетъ существовать. Еслибы было два министра финансовъ, или два морскихъ министра, то возможно еще представить, что каждый бы старался проводить свои мнѣнія и контролировать своего товарища. Но такъ какъ такое раздѣленіе абсурдъ, то при спеціализаціи портфелей борьбы быть не можетъ. Морскому министру нѣтъ дѣла до коннозаводства, если онъ знаетъ, что главноуправляющій послѣднимъ не вмѣшивается въ кораблестроеніе и т. д. При нынѣшнемъ-то порядкѣ и существуетъ, конечно, негласно и даже, такъ сказать, невольно, та „стачка", о которой говорится выше. Passez moi la rhubarbe, je vous passerai le séné, думаютъ, если не говорятъ министры тамъ, гдѣ нѣтъ кабинета, точно мольеровскіе доктора. По большей части имъ даже нѣтъ нужды въ соглашеніи, такъ какъ развѣ одна сотая часть дѣлъ, и не всегда первостепенной важности, подвергается совокупному разсмотрѣнію въ Комитетѣ Министровъ.

Однако, замѣтятъ намъ, бывали же въ Россіи столкновенія между министрами, и даже систематическая вражда, длившаяся по нѣсколько лѣтъ. Дѣйствительно бывали, но тутъ дѣло не шло, да и не могло идти далѣе личныхъ вопросовъ. Если борьба ожесточалась, то именно тогда, когда одинъ министръ почему либо хотя слегка касался компетенціи другого министра, что ясно доказываетъ, какъ тру-

день контроль одного министра надъ другимъ при ихъ взаимномъ равенствѣ между собою и при отсутствіи кабинета.

Другое возраженіе основано на томъ, что у насъ-де партій не существуетъ, а имѣются только люди старыхъ порядковъ и люди новыхъ порядковъ, иначе сказать „люди произвола и люди законности". Прекрасно. Но это развѣ не партіи? Судя по разнообразію нашихъ газетъ, потому, что тѣ изъ нихъ, которыя стараются потрафить на всѣ вкусы, вліянія никакого не имѣютъ, тѣ же, которыя, какъ „Московскія Вѣдомости", проводили опредѣленное направленіе, пріобрѣтали многочисленныхъ почитателей, очевидно, что и у насъ политическія партіи существуютъ. Отсутствіе представительства не сложило ихъ въ рѣзкія внѣшнія формы, у партій нѣтъ завѣдомыхъ коноводовъ, знаменъ, клубовъ; но отсутствіе рѣзкихъ границъ между партіями замѣтно и во многихъ даже конституціонныхъ государствахъ: въ Италіи, Испаніи, отчасти Франціи, гдѣ партіи ежедневно переформировываются и распадаются.

Предвидѣли еще новую бѣду. Положимъ, говорили намъ, одномысленные министры у насъ будутъ люди новыхъ порядковъ; слѣдовательно вполнѣ возможно, что завтра можетъ образоваться кабинетъ противоположнаго направленія. „Единство кабинета при современномъ государственномъ устройствѣ и при состояніи нашего общества будетъ централизаціею, доведенною до послѣдняго предѣла, и больше ничего. Можно даже указать предшествующіе примѣры изъ исторіи; конецъ царствованія Александра I имѣлъ тоже кабинетъ и перваго министра, хотя они такъ не назывались. Аракчеевъ былъ на дѣлѣ первымъ министромъ, съ кабинетомъ, подобраннымъ ему подъ масть. Того ли нужно?"..

Перспектива имѣть новаго графа Аракчеева премьеромъ не пугаетъ насъ. Если Россія хочетъ жить самостоятельною политическою жизнью, то должна допускать колебанія общественнаго мнѣнія и въ ту, и въ другую сторону. Какъ ни прискорбна кажется многимъ рѣзкая реакція, но она не можетъ быть въ иныхъ случаяхъ предотвращена. Положимъ всѣ бы министры дѣйствовали въ родѣ Аракчеева,

мы убѣждены, что подобный кабинетъ не выдержалъ бы напора общественнаго мнѣнія и полугода. Между тѣмъ весьма не популярные министры сидѣли десятки лѣтъ. Почему? Потому, что рядомъ съ ними другіе вели дѣло въ раціональномъ и національномъ направленіи, вводили порядокъ въ свои вѣдомства и т. д. Общество, понятно, не могло съ достаточною ясностью оцѣнить — въ какомъ направленіи движемся мы.

Въ то же царствованіе, ту же, что и Аракчеевъ, роль премьера или визиря игралъ и графъ Сперанскій, еще въ скромной должности государственнаго секретаря. Да и управленіе Аракчеева кажется дурнымъ не отъ власти, которою онъ пользовался, а отъ личныхъ свойствъ этого бездушнаго человѣка и особенно отъ его несчастной идеи военныхъ поселеній. Аракчеевъ, строго говоря, премьеромъ не былъ, дѣла иностранныя, напримѣръ, его не касались, въ военныя онъ только отчасти вмѣшивался, но если даже считать Аракчеева полновластнымъ, то не видно, чѣмъ его управленіе было хуже послѣдующаго времени Клейнмихелей, Чернышевыхъ, Орловыхъ. При Аракчеевѣ судился и былъ осужденъ военный министръ князь Горчаковъ со своими помощниками за дурное управленіе—единственный случай преданія у насъ суду министра. Аракчееву обязаны прекращеніемъ мистическихъ глупостей Руничей и Магницкихъ; обязаны графомъ Канкринымъ, замѣнившимъ неспособнаго графа Гурьева, и т. д. Наконецъ, Аракчеевы возможны лишь въ такомъ обществѣ, которое ихъ терпитъ и которому справедливо былъ противенъ семинарскій либерализмъ Сперанскаго.

Ненадобно еще упускать изъ виду, что положеніе графа Аракчеева было, такъ сказать, экстра-легальное. Онъ былъ „случайный человѣкъ“, какихъ наша исторія представляетъ десятки примѣровъ. Другое дѣло быть премьеромъ по праву, другое—захватить мало-по-малу власть въ свои руки темными путями въ ущербъ товарищамъ; такой захватъ не только не напоминаетъ кабинета, но не имѣетъ ничего общаго и съ визиріатомъ.

Намъ остается объяснить еще одинъ весьма существен-

ный вопросъ. Въ сдѣланныхъ намъ возраженіяхъ сквозила мысль, что въ единствѣ министерства мы видимъ какой-то вѣнецъ нашихъ государственныхъ реформъ. Ничего подобнаго мы никогда не полагали. Государство преобразовывается мало-по-малу, шагъ за шагомъ, каждая реформа должна быть настолько обдумана, чтобы не мѣшать дальнѣйшимъ улучшеніямъ, но это не значитъ, что какая нибудь реформа въ состояніи замѣнить собою всѣ остальныя. Однообразный кабинетъ съ ясною программою, съ даровитымъ и твердымъ человѣкомъ во главѣ кажется намъ предпочтительнѣе „прекаленій“ разныхъ вѣдомствъ и противоположныхъ толканій — выражаясь аллегорически — колесницы государства въ противоположныя стороны. Объединеніе власти не предрѣшаетъ, однако, вопроса объ ея законной отвѣтственности.

Въ законѣ у насъ давно установленъ порядокъ министерской отвѣтственности и со времени учрежденія въ Россіи министерствъ, т. е. съ 1802 года, былъ, какъ мы уже говорили, случай суда надъ министромъ, до сихъ поръ впрочемъ въ точности не описанный, по крайней мѣрѣ разсказы Вигеля не вполнѣ согласуются съ данными, оставшимися въ бумагахъ Мордвинова и сообщенными въ запискахъ графа Комаровскаго.

Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ по матери Суворова и участникъ во многихъ его походахъ, занималъ дожность сначала управляющаго военнымъ министерствомъ, а затѣмъ военнаго министра съ мая 1812 по декабрь 1815 г., т. е. въ самое тяжелое для Россіи время. По возвращеніи государя въ Россію, князь Горчаковъ былъ уволенъ въ заграничный отпускъ по болѣзни. Во время его отсутствія безымянный доносъ указалъ на многія злоупотребленія въ расходованіи казенныхъ денегъ. Слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи князя Д. Н. Лобанова-Ростовскаго, признала князя Горчакова виновнымъ въ нанесеніи убытковъ казнѣ. На основаніи доклада комиссіи, князь Горчаковъ и его подчиненные: Самбурскій, Приклонскій и др. были отданы подъ судъ.

Предварительно суда, особая комиссія отъ Государствен-

наго Совѣта, состоявшая изъ Мордвинова, Саблукова и барона Кампенгаузена, провѣряла злоупотребленія, найденныя слѣдственной комиссіей. Въ это время князь Горчаковъ вернулся изъ-заграницы и 17-го ноября 1817 года умеръ; не смотря на это, дѣло его продолжалось. Но такъ какъ Мордвиновъ настаивалъ на прекращеніи дѣла, то его уволили заграницу и на его мѣсто назначили графа Головина. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ послѣдняго, признала князя Горчакова виновнымъ главнымъ образомъ въ невыгодномъ подрядѣ съ Коссиковскимъ, хотя и разрѣшенномъ Комитетомъ Министровъ, и присудила къ денежному взысканію.

Особенно стоялъ за обвиненіе князя Горчакова бывшій государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ. Горячимъ заступникомъ умершаго министра выступилъ Мордвиновъ, его поддерживалъ адмиралъ Шишковъ. Большинство въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ дѣло разбиралось въ трехъ весьма оживленныхъ засѣданіяхъ въ 1818 году, было противъ князя Горчакова. Но мнѣніе Совѣта осталось безъ движенія. Александръ I оставилъ дѣло у себя и оно было положено подъ спудъ. По другимъ извѣстіямъ (записки графа Комаровскаго), уже нѣсколько лѣтъ спустя князь Горчаковъ былъ оправданъ.

Именной Высочайшій указъ 15-го февраля 1889 года о порядкѣ отвѣтственности министровъ, главноуправляющихъ и членовъ Государственнаго Совѣта, точно согласовалъ постановленія объ отвѣтственности министровъ, заключающіяся въ I т. 2 ч. Св. Зак., съ правилами судопроизводства по судебнымъ уставамъ Императора Александра II. Въ ст. 259 — 260 I т. II ч. указано было, что слѣдствіе надъ вышеозначенными лицами производится особой комиссіей, избираемой Государственнымъ Совѣтомъ. Послѣдній постановляетъ заключеніе по донесенію комиссіи. При семъ могли быть только два случая: или министръ образомъ своего управленія лишался довѣрія государя, тогда онъ увольнялся отъ должности, или оказывались злоупотребленія — „важныя государственныя вины“, тогда дѣло передавалось верховному уголовному суду. Верховный же уголовный судъ производилъ дѣло порядкомъ, опредѣленнымъ въ ст. 1062—

1065 Устава уголовнаго судопроизводства, т. е. порядкомъ, назначеннымъ для дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ.

Изъ вышеозначеннаго выходило, что министры и другія равныя имъ по положенію лица могли подвергаться отвѣтственности только въ случаяхъ особой важности, гдѣ увольненіе отъ должности было наименьшимъ наказаніемъ, всѣ же второстепенные случаи нарушенія ими своихъ обязанностей какъ бы оставались безнаказанными.

Новый законъ дополнилъ этотъ пробѣлъ; онъ установилъ возможность наложенія административнаго взысканія безъ суда; затѣмъ новый законъ измѣнилъ порядокъ производства слѣдствія. Вмѣсто особой комиссіи, оно производится департаментомъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Мнѣніе департамента съ происшедшими разногласіями представляется государю помимо общаго собранія Государственнаго Совѣта. Въ составѣ верховнаго уголовнаго суда измѣненіе сдѣлано въ томъ отношеніи, что прибавленъ въ качествѣ члена первоприсутствующій въ соединенномъ присутствіи кассаціонныхъ департаментовъ съ 1-мъ департаментомъ Сената.

Потребность въ означенныхъ измѣненіяхъ вытекла изъ необходимости привлечь къ отвѣтственности по извѣстной катастрофѣ 17-го октября бывшаго министра путей сообщенія г. Посьета. Но и на этотъ разъ дѣло остановилось въ первой стадіи.

Въ числѣ проектовъ, рекомендованныхъ въ послѣднее время для улучшенія нашихъ административныхъ порядковъ, въ смыслѣ приданія администраціи единства и установленія надлежащей отвѣтственности, было предложено еще преобразованіе Правительствующаго Сената, именно расширеніе компетенціи 1-го департамента Сената, съуженнаго административной практикой, вопреки мысли законодателя. Извѣстный профессоръ А. Д. Градовскій полагаетъ, напримѣръ, что, „не смотря на всѣ колебанія нашего законодательства, учрежденіе Сената остается твердою точкою опоры для дальнѣйшихъ усовершенствованій“.

Подобный проектъ возникалъ и въ прежнее время. Даже въ правительственныхъ сферахъ многократно жаловались на умаленіе власти Сената и нѣсколько разъ эта власть возстановлялась указами по возможности въ ея первоначальномъ значеніи. Несостоятельность этихъ попытокъ не доказываетъ ли, однако, что самое учрежденіе Сената давно не удовлетворяетъ ни потребностямъ усложнившейся жизни большого государства, ни измѣнившимся отношеніямъ между правительственными органами.

Какъ большинство учрежденій Петра Великаго, Сенатъ возникъ почти случайно. Въ московской Россіи только текущія дѣла рѣшались царемъ единолично по докладамъ начальниковъ приказовъ. По болѣе важнымъ дѣламъ государь призывалъ на думу или однихъ ближнихъ, комнатныхъ бояръ и окольничихъ, или всѣхъ бояръ, окольничихъ, дворянъ, и называлось это *сидѣніемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ*. Если дѣла были не такъ важны или по какимъ нибудь обстоятельствамъ государь не могъ самъ присутствовать при совѣщаніи о нихъ, то приказывалъ рѣшить ихъ боярамъ безъ себя, приказывалъ имъ *сидѣть* о какомъ нибудь дѣлѣ.

При Петрѣ сидѣнія бояръ продолжались въ началѣ его царствованія преимущественно подъ руководствомъ Нарышкина, но со времени шведской войны деспотическія привычки все болѣе и болѣе входили въ натуру царя и онъ прибѣгалъ почти исключительно къ именнымъ указамъ для выраженія своей желѣзной воли.

Когда къ шведской войнѣ прибавилась турецкая, денегъ и рекрутъ понадобилось еще болѣе, царю же снова предстояло пребывать въ постоянной отлучкѣ, а неисправность и казнокрадство быстро увеличились, Петръ, по примѣру прежнихъ боярскихъ сидѣній, а частью по заграничнымъ образцамъ, въ 1711 году: „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“.

Такъ возникло учрежденіе, на которое особымъ наказомъ Петръ возложилъ обязанность имѣть судъ нелицепріятный, наблюдать за расходами, „денегъ какъ можно сби-

рать", набирать рекрутъ, исправить вексельныя дѣла, вѣдать откупа, о соли пещись, китайскіе и персидскіе торги умножить, „армянъ какъ возможно приласкать и облегчить" и „фискаловъ учинить во всѣхъ дѣлахъ".

Но уже при Петрѣ, прежде чѣмъ армяне были облегчены, а фискалы повсюду разставлены, значеніе Сената подорвалось дѣятельностью такъ называемаго Кабинета и его всемогущаго кабинетъ-секретаря Макарова. Этотъ Макаровъ былъ типъ ловкаго чиновника новой формаціи. Извѣстно, какъ, напримѣръ, онъ увѣдомилъ главное лицо въ Москвѣ графа Мусина-Пушкина объ избраніи Петра II; въ письмѣ послѣдній является государемъ по завѣщанію, по избранію и по наслѣдству: „по ея императорскому величества *тестаменту,* учинено *избраніе* на престолъ россійской новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу"... Въ смыслѣ боярскаго сидѣнія о дѣлахъ Сенатъ имѣлъ значеніе лишь въ первую половину царствованія Елисаветы Петровны. Остальное время надъ Сенатомъ, непосредственно у верховной власти, стояли учрежденія или лица, имѣвшія въ своемъ вѣдѣніи важнѣйшія государственныя дѣла. Верховный Тайный Совѣтъ Петра II, кабинетъ-министры Анны Ивановны, Конференція Елисаветы Петровны, учрежденная передъ Семилѣтней войной, ограничивали значительно власть Сената. Раздѣленіе послѣдняго на департаменты, вслѣдствіе естественнаго увеличенія судебныхъ дѣлъ, еще болѣе уменьшило значеніе Сената. При Екатеринѣ и Павлѣ коллегіи иностранная, военная, адмиралтейская, дѣла финансовыя и придворныя, т. е. четыре пятыхъ администраціи, непосредственно управлялись государями черезъ президентовъ коллегій и генералъ-прокурора помимо Сената.

Александра I и окружающихъ его лицъ, какъ видно изъ сохранившихся протоколовъ извѣстнаго „неофиціальнаго комитета", очень заботило неопредѣленное положеніе Сената. Въ 1802 г., при учрежденіи министерствъ, на Сенатъ возложена „важнѣйшая и сему верховному мѣсту наипаче свойственная должность — разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ

и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи дѣлать свои заключенія и представлять докладомъ". Это постановленіе осталось, однако, мертвою буквою. Молодые сподвижники царя знать не хотѣли устарѣвшаго, по ихъ мнѣнію, Сената, и при учрежденіи Государственнаго Совѣта и расширеніи значенія Комитета Министровъ собственно правительствующая власть Сената снова чрезвычайно уменьшилась, проявляясь лишь изрѣдка въ ревизіяхъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Такое положеніе вещей, по нашему мнѣнію, создалось естественно и не можетъ быть измѣнено существеннымъ образомъ, особенно въ настоящее время. Сенатъ, если посмотрѣть внимательно, уже въ XVIII вѣкѣ потерялъ свое правительствующее значеніе, или, вѣрнѣе говоря, никогда не имѣлъ его.

Въ XVII вѣкѣ наша система управленія имѣла полный и по своему законченный органическій составъ: начальники приказовъ замѣняли министровъ, по дѣламъ важнымъ почти ежедневно собиралась дума, по дѣламъ особливой важности созывались государственные чины или соборы, опять-таки въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, смотря по крупности дѣла. Сходный порядокъ былъ и въ Западной Европѣ. Въ XVIII вѣкѣ, а въ Западной Европѣ въ XVII и частью даже въ XVI, абсолютная власть почти повсемѣстно торжествуетъ, сословныя представительства теряютъ силу, государства управляются par le bon plaisir верховной власти. Абсолютизмъ явился, однако, на Западѣ не безъ борьбы, онъ основался на интересахъ третьяго сословія или буржуазіи, при помощи легистовъ, т. е. по нашему судебныхъ и административныхъ чиновниковъ. Верховная власть должна была считаться съ ними. Во Франціи, гдѣ борьба очевиднѣе и торжество королевской власти вышло блистательнѣе, единственнымъ тормазомъ ея оставались такъ называемые парламенты.

Парламенты сосредоточивали высшую власть судебную, помощью прокуратуры они имѣли надзоръ за администраціею, а вслѣдствіе права регистрировать или нѣтъ королевскіе указы сохраняли и извѣстный законодательный контроль.

Нашъ Правительствующій Сенатъ несомнѣнно былъ копіей подобнаго учрежденія. Ему принадлежала высшая судебная власть, его прокуроры и фискалы смотрѣли за администраціей, наконецъ, законъ, по которому каждый указъ получалъ силу лишь послѣ распубликованія его черезъ Правительствующій Сенатъ, являлся въ сущности тѣмъ droit d'enregistrement, которое играло такую роль въ исторіи французскихъ парламентовъ.

Сходный по теоретическимъ условіямъ, нашъ Сенатъ не имѣлъ и не могъ имѣть, однако, ничего общаго съ французскими парламентами. Отчего это?

Объясненіе очень просто. Во-первыхъ, учрежденіе, являющееся копіей, никогда не имѣетъ значенія учрежденія, создавшагося органически. Во-вторыхъ, никакой борьбы средняго сословія съ аристократіей у насъ не было, не было и аристократіи, которую не ранѣе конца XVIII вѣка стали опять-таки копировать съ иностранныхъ образцовъ. Сенатъ поэтому не представлялъ какой-либо независимой политической силы, какъ старинные парламенты. Онъ выходилъ изъ того же служилаго сословія, на которое государство смотрѣло лишь какъ на матеріалъ для военной силы, палками наказывая тѣхъ, кто уклонялся отъ службы. Никакой разницы между званіями военнымъ, гражданскимъ и судебнымъ не было, каждый отправлялъ тѣ должности, которыя ему поручались, а спеціализація послѣднихъ зависѣла не отъ подготовки, а отъ состоянія здоровья: человѣкъ, неспособный ѣздить верхомъ, дѣлался судьею и т. п.

При такихъ порядкахъ, отчасти сохранившихся и до сихъ поръ, понятно, что наша магистратура не могла имѣть даже и отдаленнаго сходства съ французской. Поэтому и оппозиціи ждать было отъ нея нельзя, никакихъ lit de justice не требовалось и если Яковы Долгорукіе рвали указы, то это представлялось отдѣльною вспышкою человѣка, личное положеніе котораго ставило его въ состояніе переносить гнѣвъ царскій.

Спрашивается теперь, какъ учрежденіе, которое полтораста лѣтъ назадъ не имѣло силы, можетъ получить ее теперь незначительными переправками? Указываютъ, что

каждый мужикъ знаетъ у насъ названіе Сената, что доказываетъ-де популярность этого учрежденія. Странная логика. Микола Чудотворецъ еще болѣе популяренъ въ простомъ народѣ, но эта отвлеченная популярность не можетъ быть такъ же утилизирована, какъ и предлагаемая популярность Сената.

Если нашъ народъ знаетъ Сенатъ, то лишь какъ высшую апелляціонную инстанцію суда. Въ этомъ смыслѣ судебная реформа обратила Сенатъ въ кассаціонный судъ и ничего противъ означеннаго превращенія сказать нельзя въ принципѣ, хотя, оно, какъ всякое заимствованіе, не приноровлено къ народнымъ понятіямъ о юстиціи. Другое дѣло правительствующее значеніе Сената. Оно почти окончательно испарилось. Типографія для законовъ, производство низшихъ чиновниковъ, судъ надъ нѣкоторыми чиновниками съ согласія ихъ начальства, начеты и сложеніе со счетовъ также съ согласія начальства, вотъ, кажется, и всѣ функціи Правительствующаго Сената, кромѣ второстепенныхъ—утвержденія мировыхъ судей, выдачи гербовъ и т. п. Трудно изъ этихъ матеріаловъ создать „отвѣтственность“ министровъ.

Мы думаемъ, что министерская отвѣтственность должна достигаться совсѣмъ другими путями, правительствующее же значеніе Сената не только не расширяться, а постепенно уничтожаться, какъ de facto, уже давно почти не существующее. Публикація законовъ могла бы дѣлаться Государственной Канцеляріей, на которую возложена уже кодификація законовъ. Дѣла герольдіи могли бы вѣдаться частью Министерствомъ Юстиціи, частью Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, а для административнаго суда, рядомъ съ кассаціонными департаментами Сената, можно бы образовать новый департаментъ административнаго суда, куда кстати присоединить и нынѣшній совѣтъ Государственнаго Контроля, имѣющій скорѣе судебное, нежели административное значеніе. Изъ старыхъ департаментовъ Сената межевой остается таковымъ лишь по названію, собственно межевыхъ дѣлъ у него очень мало, а новый департаментъ, крестьянскій (2-й), также имѣетъ временный характеръ и

съ окончаніемъ крестьянской реформы потеряетъ свой raison d'être.

Высшее церковное правительство сосредоточивается у насъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, со времени Петра Великаго, находившаго, что „сила во опредѣленіи дѣла большая здѣ есть, понеже вящая по увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ". Кѣмъ-то, очевидно кабинетнымъ дѣятелемъ, былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи въ Россіи, взамѣнъ Синода, патріаршаго достоинства. Намъ кажется, что добросовѣстное изученіе исторіи Никона можетъ служить лучшимъ доказательствомъ непрактичности и несвоевременности подобнаго преобразованія. Въ своихъ замѣчаніяхъ къ отвѣтамъ Стрѣшнева на вопросы Паисія Лигирида патріархъ Никонъ, считаемый у насъ нѣкоторыми писателями за либерала, формулировалъ слѣдующую теорію отношеній церкви къ государству:

„Не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привилегіями подарилъ насъ царь? Привилегіею вязать и рѣшить? Мы другого себѣ законоположника не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права... Церковью обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники *покоряются,* работаютъ, *оброки даютъ,* воюютъ. *Судомъ, пошлинами владѣетъ.* Господь Богъ Всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего; мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной, архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобы ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій; это мірскіе люди дѣлать обязаны. Мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія, духовные—нуждаются въ мірскихъ для

обороны внѣшней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга не выше, но каждая происходитъ отъ Бога"...

Въ приведенныхъ выше словахъ сжато изложены всѣ тѣ притязанія церкви относительно государства, которыя составляютъ отличительную черту папской власти и стали программою клерикальныхъ партій во всѣхъ ultra-католическихъ государствахъ. Никонъ отрицаетъ не только всякій авторитетъ государства по отношенію къ церковной іерархіи, но даже право подвергать духовенство и его имущество суду гражданскому и облагать налогами въ пользу государства. Онъ требуетъ такъ же, какъ требовали папы и инквизиторы, чтобы свѣтская власть стала „мечемъ", поражающимъ „непріятелей вѣры православной", то есть иновѣрцевъ.

Подобныя воззрѣнія совершенно не соотвѣтствуютъ ни духу православной вѣры, ни еще менѣе духу русскаго народа. Расколъ и отношенія къ иновѣрцамъ и иностранцамъ доказываютъ, что извѣстная свобода религіозной критики и извѣстная вѣротерпимость—коренныя черты массы русскаго населенія. Изъ этого легко понять, съ какими опасностями сопряжено было бы въ Россіи укрѣпленіе патріаршей власти. Если она усилилась случайно вслѣдствіе близкихъ родственныхъ отношеній Филарета къ царю Михаилу, то уже при Алексѣѣ Михайловичѣ ясно обозначилась несовмѣстимость ея съ существующей формой правительства.

Если же патріаршество признано неудобнымъ и опаснымъ въ XVII столѣтіи, то насколько эти неудобства возросли съ измѣненіемъ нашихъ общественныхъ порядковъ и нравовъ. Совершенно немыслимо теперь вообразить, чтобы какое угодно духовное лицо, хотя бы самое высокопоставленное, могло, какъ Никонъ, самовольно бросить свое пастырство и пять лѣтъ оставаться внѣ закона, оправдываясь тѣмъ, что „досаждать царю всѣмъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено". Съ другой стороны нисколько не желательно, чтобы наши патріархи играли ту незначительную, вѣрнѣе, унизительную роль, которую играютъ патріархи восточные, давно превратившіеся въ

скромныхъ турецкихъ чиновниковъ, поглощенныхъ почти исключительно финансовыми заботами.

Въ этомъ случаѣ коллегія духовныхъ лицъ, каковъ нашъ Св. Синодъ, конечно, всегда можетъ быть независимѣе отъ давленія свѣтскаго правительства и съ большимъ достоинствомъ поддерживать авторитетъ церковной власти, насколько послѣдняя мирится теперь съ верховными правами государства. Если наша церковь требуетъ оживленія или обновленія, то это должно совершиться помощью собственнаго нравственнаго пробужденія, какое испытала, напримѣръ, англиканская церковь во второй половинѣ XVIII столѣтія, а не централизаціей церковной власти въ однѣхъ рукахъ, которыя дали бы необходимый толчекъ. Дѣятельность отца Іоанна въ Кронштадтѣ показываетъ, какое значеніе можетъ имѣть у насъ личная иниціатива духовнаго лица, проникнутаго сознаніемъ своего истиннаго призванія.

ГЛАВА III.

Министерства.

Министерства. — Проектъ министерства торговли. — Министерство Финансовъ. — Торговый флотъ, горная часть. — Министерство Государственныхъ Имуществъ. — Главное управленіе коннозаводства. — Министерство Путей Сообщенія.

За немногими исключеніями, высшая администрація вездѣ сосредоточивается въ министерствахъ, завѣдывающихъ каждое отдѣльною отраслью государственнаго управленія. Но какъ число портфелей, такъ и число департаментовъ, входящихъ въ составъ каждаго министерства, чрезвычайно разнообразны.

Число министерствъ не есть какая либо фантастическая величина. Оно основано обыкновенно на извѣстной потребности и тѣсно связано съ государственнымъ устройствомъ. Равномѣрное раздѣленіе труда между двумя лицами, конечно, полезнѣе сосредоточенія его въ однихъ рукахъ, и безъ того обремененныхъ; но на практикѣ противъ этого встрѣчаются серьезныя возраженія. Въ такомъ государствѣ, какъ Пруссія, чѣмъ ограниченнѣе число министровъ, тѣмъ лучше, потому что меньше централизаціи въ дѣлахъ и больше простора мѣстному самоуправленію. При англійской системѣ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Въ Англіи управленіе мало централизовано; тамъ кабинетъ состоитъ изъ представителей одной партіи, опытныхъ и болѣе молодыхъ, поэтому въ Англіи министровъ очень

много: тамъ есть министръ для иностранной торговой статистики—должность, исполняемая въ Россіи начальникомъ отдѣленія департамента таможенныхъ сборовъ; министръ, ведущій списки нищихъ, наконецъ, канцлеръ Ланкаширскаго герцогства, у котораго нѣтъ даже и такого скромнаго занятія. Однако всѣ эти должности вовсе нельзя назвать ненужными; напротивъ того, онѣ необходимы. Въ Англіи, какъ извѣстно, управляетъ полновластно министерство парламентскаго большинства; при такой власти, и особенно при такой обширной отвѣтственности, первый министръ не беретъ на себя рѣшенія множества вопросовъ; онъ нуждается въ постоянныхъ совѣщаніяхъ, а совѣтъ не долженъ быть многолюденъ, но и не долженъ быть малочисленъ, чтобы всѣ мнѣнія, рѣшительныя и осторожныя, были въ немъ представлены. Кромѣ того, на второстепенныхъ портфеляхъ молодые англійскіе государственные люди приготовляются къ занятію важнѣйшихъ должностей. Занимая второстепенные портфели, они, изучая дѣла, помогаютъ министерству вести борьбу въ палатахъ. Въ этой странѣ понятны поэтому второстепенныя министерства. Наоборотъ, министерства артиллеріи или благотворительныхъ учрежденій гдѣ нибудь въ Турціи могутъ быть только синекурами.

Въ Америкѣ мы видимъ опять другой порядокъ. Тамъ всего семь министровъ, изъ которыхъ одинъ лишь юрисконсультъ, и этого числа достаточно, потому что американскіе министры только чиновники, вполнѣ подчиненные президенту и исполняющіе его указанія и постановленія конгресса. Въ Америкѣ народное просвѣщеніе первое въ мірѣ, между тѣмъ тамъ нѣтъ министерства народнаго просвѣщенія; въ Америкѣ 250,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, хотя нѣтъ никакого министерства путей сообщенія; наконецъ, въ Америкѣ почти вся нація состоитъ изъ торговцевъ-промышленниковъ, но не существуетъ никакого учрежденія, напоминающаго министерства торговли и промышленности; не въ устройствѣ административныхъ учрежденій считаютъ тамъ разрѣшеніе извѣстныхъ государственныхъ экономическихъ и политическихъ задачъ.

Распредѣленіе департаментовъ въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ, или, точнѣе, опредѣленіе круга дѣятельности министерства—чрезвычайно разнообразно въ каждой странѣ, разнообразно даже въ различныя эпохи. Но какъ ни отлично оно въ разныхъ государствахъ, несомнѣнно что одни министерства обременены чрезвычайно многочисленными и сложными дѣлами, другія же имѣютъ меньше работы, а потому нерѣдко представляютъ только выгодныя синекуры.

Между министерствами, наиболѣе важными и потому обремененными дѣлами, повсюду считаются министерства: военное, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, особенно послѣднее. Кромѣ финансовъ и кредита, къ этому министерству относятся еще въ разныхъ государствахъ многочисленныя обязанности: въ Россіи—управленіе торговлей, промышленностью, торговымъ флотомъ, выкупомъ крестьянъ; во Франціи—порохомъ и государственными имуществами; въ Соединенныхъ Штатахъ—стаститикою и портами; въ Италіи—государственными имуществами и кадастромъ, въ Испаніи—государственными имуществами и контролемъ и т. д. Широкій кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ министерствъ вызываетъ конечно различные проекты новаго распредѣленія департаментовъ для возможно болѣе раціональнаго раздѣленія дѣлъ между министерствами. При этомъ какъ есть государства, постепенно округляющія свои владѣнія, а другія—постепенно теряющія провинціи, такъ есть министерства, распространяющія свою компетенцію и ее съуживающія. Одно время всѣ вѣдомства расширялись у насъ насчетъ Министерства Путей Сообщенія, и остряки увѣряли, что покойный Мельниковъ, растерявъ свои департаменты, останется министромъ Исаакіевскаго собора и Николаевскаго моста. Въ послѣдніе годы публика обращала особое вниманіе на пріятную полноту Министерства Финансовъ, которое, и за отдѣленіемъ отъ него графомъ Валуевымъ горнаго департамента, сохранило въ Петербургѣ 2 канцеляріи, 5 департаментовъ, 6 государственныхъ кредитныхъ установленій, Главное казначейство, Комиссію погашенія долговъ, фабрику кредитныхъ билетовъ, Монетный дворъ,

169 чиновниковъ особыхъ порученій *) и множество казенныхъ зданій съ казенными квартирами.

Даже купцы на Нижегородской ярмаркѣ находили, что Министерство Финансовъ черезчуръ ужъ располнѣло, и проектировали для его облегченія устройство министерства торговли, куда отошли бы дѣла торговли, промышленности и торговаго флота, разбросанныя у насъ, кромѣ департамента торговли и мануфактуръ и въ другихъ вѣдомствахъ. Ожиданіе министерства торговли стало для московскихъ купеческихъ тузовъ чѣмъ-то въ родѣ ожиданія Мессіи для евреевъ. Банки не учитываютъ болѣе бронзовыхъ векселей, фабричные рабочіе не хотятъ болѣе брать въ счетъ заработной платы гнилой солонины, въ лампадное масло торговцы подмѣшиваютъ тюленій жиръ, начальство мало даетъ къ праздникамъ медалей—москвичи охая приговариваютъ: „вотъ кабы министерство коммерціи, да Тимофей Саввича министромъ, совсѣмъ бы другое дѣло“...

Такъ всегда люди легкомысленные, наблюдая симптомы какой нибудь болѣзни, не вникаютъ въ сущность ея происхожденія, а готовы приписать ее всякаго рода внѣшнимъ причинамъ и потому взваливаютъ вину на обстоятельства второстепенныя или совершенно постороннія. Нѣчто подобное наблюдается и при жалобахъ на разнаго рода наши административныя неустройства. Рѣдко кто изучаетъ ихъ достаточно близко; обыкновенно ограничиваются порицаніемъ извѣстныхъ лицъ, учрежденій и вѣдомствъ, не желая взять во вниманіе, что эти лица и учрежденія—продуктъ такого порядка вещей, который перемѣной лицъ или формъ, конечно, измѣненъ быть не можетъ.

Подобныя соображенія весьма полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ проекта устройства особаго министерства торговли, который неоднократно предлагался, какъ нѣкоторая панацея для нашего экономическаго порядка. Предлагали устроить министерство, гдѣ былъ бы обширный совѣтъ изъ почетныхъ лицъ, съ большими правами, въ которое вошло бы нѣсколько департаментовъ, между прочимъ цѣлый де-

*) Эта цифра взята изъ „Адресъ-Календаря“ 1886 г.

партаментъ для иностранной переписки и печатанія переводовъ съ иностранныхъ языковъ; предлагали даже подобному учрежденію составить прежде всего обзоръ экономическаго состоянія Россіи, для чего собрать свѣдѣнія не только отъ губернаторовъ, исправниковъ, но и отъ становыхъ.

Какъ ни интересна программа, для удовлетворенія которой даже становые пристава, вмѣсто полицейскихъ обязанностей, займутся политической экономіей, мы считаемъ ее однако совершенно неудовлетворительною. Каждая реформа, даже самая скромная, должна вызываться извѣстною настоятельною потребностью. Какая же потребность вызываетъ созданіе въ Россіи новаго вѣдомства, съ особымъ бюджетомъ расходовъ, большимъ штатомъ всякихъ совѣтниковъ, чиновниковъ, писцовъ, курьеровъ, многочисленными органами въ провинціяхъ.

Въ Россіи министръ торговли будетъ, конечно, проникнутъ благими намѣреніями содѣйствовать всякаго рода преуспѣянію, но роль его, естественно, сдѣлается второстепенною, потому что онъ будетъ представлять только отвлеченные интересы промышленности и торговли, не внося въ доходъ государства ничего реальнаго; съ другой стороны и представительство это будетъ настолько неполно и недостаточно, какъ и всякое представительство частныхъ интересовъ чиновниками, которые, конечно, какъ бы учены ни были, не могутъ замѣнить собою ни фабрикантовъ, ни торговцевъ, ни сельскихъ хозяевъ. Задаваясь „экспертизой отъ потребителей", предлагавшейся нѣкогда однимъ экономистомъ, чиновники могутъ смотрѣть шире такъ называемыхъ практическихъ людей, но все-таки дѣйствительная жизнь съ ея разнообразными интересами останется для нихъ закрытою книгою.

Франція, Австрія и Пруссія имѣютъ, правда, по министерству торговли, но эти вѣдомства служатъ предметомъ постоянныхъ жалобъ со стороны промышленниковъ и торговцевъ. И въ этихъ государствахъ есть публицисты, предлагающіе плодить министерства, но есть и другіе, едва ли не болѣе благоразумные писатели, которые доказываютъ,

что еще лучше было бы вовсе упразднить нѣкоторыя министерства, такъ какъ каждое вѣдомство болѣе всего заботится, чтобы обособиться въ отдѣльное государство въ государствѣ, и затѣмъ начать ту канцелярскую войну, которая на нашемъ офиціальномъ языкѣ называется пререканіями между разными вѣдомствами. А чѣмъ болѣе вѣдомствъ, тѣмъ обыкновенно болѣе пререканій.

Практическое осуществленіе у насъ министерства торговли, промышленности и земледѣлія очень просто. Стоитъ присоединить къ Министерству Государственныхъ Имуществъ департаментъ торговли и мануфактуръ, да передать тому же министерству нѣкоторыя дѣла по торговой части изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вознаградивъ послѣднее уступкою всѣхъ незаконченныхъ еще дѣлъ по надѣлу государственныхъ крестьянъ—и требуемое новое министерство готово. Большой вопросъ, однако, насколько выиграетъ отъ такой перетасовки департаментовъ наше общественное благосостояніе?

Будь на мѣстѣ нижегородскихъ и московскихъ купцовъ чиновники, мы поняли бы цѣль ихъ ходатайства. Чиновники вѣрятъ, или, по крайней мѣрѣ, обязаны вѣрить, въ волшебную силу канцелярскаго писанія. Они могутъ пребывать въ счастливомъ убѣжденіи, что есть вѣдомства „содѣйствующія“ промышленности, другія ее „поощряющія“ и третьи, наконецъ, „развивающія“. Профессора-доктринеры и прямолинейные публицисты также могутъ желать перетасовки департаментовъ въ интересахъ правильнаго и логическаго порядка, желать, чтобы у каждаго министра былъ приблизительно одинаковый объемъ занятій и чтобы кругъ дѣйствій каждаго вѣдомства былъ правильно и симетрично очерченъ. Но купцы?

Купцы, какъ люди практическіе, должны знать, что правильность и красота на бумагѣ еще ничего не выражаютъ; что слово человѣка состоятельнаго солиднѣе ста векселей, написанныхъ по всѣмъ правиламъ человѣкомъ, кредитъ котораго ослабѣлъ. Они знаютъ, что какъ существуютъ фирмы, которыя ведутъ съ бо̀льшимъ порядкомъ многомиліонныя дѣла, чѣмъ тѣ фирмы, у которыхъ вся за-

бота въ какой нибудь лавкѣ, такъ и вѣдомство можетъ быть и сложно и обширно, а все-таки по-своему управляться лучше, чѣмъ вѣдомство маленькое, у котораго, казалось бы, все время и всѣ заботы должны быть обращены на извѣстный предметъ.

У насъ было и остается много отдѣльныхъ вѣдомствъ на правахъ министерствъ, о которыхъ нельзя вовсе сказать, чтобы они лучше вели дѣла свои, нежели остальныя министерства. Въ Россіи имѣются особыя вѣдомства для контроля расходовъ, для коннозаводства, для дѣлъ православнаго духовенства, для путей сообщеній, для женскихъ и благотворительныхъ заведеній, такихъ министерствъ нигдѣ заграницею нѣтъ. Нельзя сказать однако, чтобы означенныя учрежденія въ Россіи отличались какимъ либо особымъ искусствомъ въ введеніи дѣлъ и не вызывали бы нареканій отъ публики. Наши почты нисколько не были лучше, когда почтовый департаментъ образовалъ отдѣльное вѣдомство; политическая полиція не искуснѣе велась бывшимъ III-мъ Отдѣленіемъ; упраздненное II-е Отдѣленіе — цѣлое министерство, устроенное для кодификаціи законовъ, уступало, какъ мы говорили, въ своей дѣятельности частному лицу, книгопродавцу Анисимову. Словомъ, всѣ эти учрежденія дѣйствовали не лучше обширныхъ министерствъ съ самыми разнородными управленіями, каковы, напримѣръ, министерства военное и финансовъ. Судя даже по болѣе рѣдкому измѣненію системы и лицъ, можно думать, что въ послѣднихъ дѣла шли ровнѣе и взгляды на потребности государственныя были болѣе устойчивы.

Гдѣ поэтому гарантіи, что при учрежденіи новаго министерства торговли русская торговля и промышленность начнутъ процвѣтать и развиваться?

Обыкновенно говорятъ, что торговля, промышленность наши не развиваются потому, что Министерство Финансовъ, занятое извлеченіемъ доходовъ, не можетъ заниматься экономическими вопросами съ должнымъ вниманіемъ, что роль Министерства Финансовъ только выжимать сокъ, или производить „осторожныя кровопусканія“. Тутъ есть доля правды, и справедливо можно указать, напримѣръ, на то,

что Министерство Финансовъ игнорировало иногда важнѣйшіе государственные вопросы, вотъ хоть бы вопросъ о торговомъ флотѣ. Но, съ другой стороны, не нужно забывать, что подчиненіе торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ Министерству Финансовъ, а не какому либо другому вѣдомству, имѣло и огромныя выгоды, которыя потеряются съ учрежденіемъ особаго министерства торговли.

Во-первыхъ, министръ торговли и промышленности не останется, конечно, при однихъ благихъ намѣреніяхъ, но пожелаетъ для ихъ осуществленія увеличивать свой бюджетъ, а для этого ему придется только попросить министра финансовъ сдѣлать еще нѣсколько „осторожныхъ кровопусканій".

Во-вторыхъ, едва ли въ Европѣ есть теперь министры финансовъ, которые щипали бы курицу такъ, чтобъ она только не кричала. „Садовнику ближе плоды своего сада, нежели постороннему человѣку", писалъ г. Бунге. Не только министры, но даже послѣдніе столоначальники знаютъ, что, не посѣявъ, жать нельзя, и что однимъ повышеніемъ налоговъ далеко не уѣдешь. Истины эти такъ элементарны, что для ихъ новаго разъясненія едва ли необходимо устройство цѣлаго министерства.

Что нужнѣе всего для нашей промышленности, какъ не таможенное покровительство и кредитъ. Имѣя въ своихъ рукахъ таможенный тарифъ, государственное казначейство и государственный банкъ, министръ финансовъ можетъ сейчасъ же приходить на помощь торговлѣ и промышленности, разъ онъ убѣждается въ пользѣ того или другого мѣропріятія. При министерствѣ торговли надобно будетъ, чтобы министръ торговли самъ убѣдился, да еще съумѣлъ убѣдить министра финансовъ и государственнаго контролера. А гдѣ три головы, трудно ожидать единогласія.

Наше предположеніе вовсе не теоретическое. Земледѣліе вѣдалось до сихъ поръ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, торговля и промышленность—Министерствомъ Финансовъ, которымъ купцы такъ недовольны. Но если сосчитать, что было отпущено за двадцать пять лѣтъ изъ государственнаго казначейства на торговлю и промышлен-

ность и что на земледѣліе — почитаемое, однако, у насъ главнымъ промысломъ, то окажется, что первыя получили въ десять разъ болѣе противъ послѣдняго.

Въ Россіи министры суть только точные исполнители Высочайшей воли, объемъ власти ихъ весьма ограниченъ, сравнительно съ министерскою дѣятельностью на Западѣ, и, къ тому же, министры не образуютъ нѣчто цѣлое, подъ именемъ кабинета. Финансовыя средства находятся у насъ въ рукахъ министра финансовъ и отпускъ ихъ производится, по дѣйствительной потребности, или по Высочайшему усмотрѣнію, или чрезъ Государственный Совѣтъ; въ обоихъ случаяхъ соглашеніе съ министромъ финансовъ имѣетъ важное значеніе. Это не то, что въ странахъ, гдѣ утвержденіе бюджета лежитъ въ рукахъ лицъ, которыя сочувствуютъ тому или другому министру, находятся подъ вліяніемъ того или другого направленія, и гдѣ однимъ краснорѣчіемъ ловкій министръ можетъ испросить для своего вѣдомства средства, въ которыхъ будетъ отказано другимъ.

Мы, впрочемъ, дѣлаемъ всѣ вышеозначенныя возраженія и замѣчанія вовсе не съ цѣлью помѣшать осуществленію замысловъ купечества. Заграницей, особенно во Франціи, министерскіе департаменты перетасовываются ежегодно и даже по нѣсколько разъ въ годъ. Можно бы и у насъ, пожалуй, сдѣлать опытъ перетасовки и посмотрѣть, что выйдетъ изъ министерства торговли и земледѣлія. Опасности, во всякомъ случаѣ, для государства никакой тутъ не предвидится, а при упраздненіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, новая комбинація департаментовъ не вызоветъ даже никакихъ новыхъ расходовъ для государственаго казначейства*).

Министерство Финансовъ, дѣйствительно, велико и требуются чуть не геніальныя способности для его добросовѣстнаго управленія. Заграницею находятъ, что и одна чисто финансовая часть въ большомъ государствѣ превосходитъ силы одного человѣка.

---

*) Такъ въ Англіи въ этомъ году учреждено особое министерство земледѣлія.

По мнѣнію барона Субейрана, весьма опытнаго въ финансовыхъ дѣлахъ, во Франціи министерство финансовъ должно быть непремѣнно раздѣлено на двѣ части: одной, подъ именемъ министерства государственной казны, слѣдуетъ завѣдывать составленіемъ бюджета, кассовымъ движеніемъ суммъ, государственнымъ долгомъ и частными кредитными учрежденіями, монетою, казенными взысканіями и взиманіемъ податей и сборовъ; другая, собственно министерство финансовъ, должна вѣдать прямые и косвенные налоги, гербовые сборы, таможни, регаліи, табакъ и порохъ, государственныя имущества. Выгода отъ подобнаго раздѣленія, испытаннаго при первой имперіи, состояла бы въ томъ, что одинъ министръ старался бы удовлетворять денежнымъ потребностямъ минуты и отчетливому исполненію бюджета, а другой смотрѣлъ бы шире и, не связанный насущными интересами, ближе изучалъ бы денежныя средства страны, лучшія системы налоговъ и пр., чтобъ предлагать необходимыя улучшенія въ финансовой политикѣ.

Наиболѣе существенныя возраженія противъ проекта Субейрана, при разсмотрѣніи въ Національномъ Собраніи, сдѣлали Леонъ Сэ и Мань, оба бывшіе министры финансовъ. По мнѣнію Сэ, опытъ первой имперіи былъ неудаченъ, и министръ финансовъ всегда оставался подчиненнымъ министру казначейства. Первый былъ министромъ предусмотрительности безъ всякаго права дѣйствовать, второй дѣйствовалъ по произволу, необязанный быть предусмотрительнымъ. Мань прибавилъ къ этому, что при первой имперіи подобный порядокъ могъ еще существовать, потому что настоящимъ министромъ финансовъ былъ тогда Наполеонъ I, т. е. все-таки одно лицо; когда же въ 1814 году императоръ вздумалъ умѣрить свое самовластіе, то немедленно было уничтожено и министерство государственной казны. Мань остроумно сравнилъ государственный бюджетъ съ вѣсами, на одной чашкѣ которыхъ лежатъ доходы, на другой—расходы. Можно ли установить между ними равновѣсіе, если обѣ чашки находятся въ разныхъ рукахъ? Кромѣ того, новое министерство поведетъ къ развитію и безъ того уже многочисленнаго чиновничества. На всѣ эти возраженія Субейранъ воз-

разилъ только, что, какъ показываетъ безпрерывное увеличеніе бюджета, министру финансовъ нѣтъ вовсе времени изучать потребности страны.

Намъ кажется, что этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Очень плохъ былъ бы тотъ министръ финансовъ, который вздумалъ бы изучать финансы своей страны во время своего управленія. Онъ долженъ знать ихъ очень близко или по службѣ, или теоретически, прежде нежели принять такой важный портфель. У каждаго министра финансовъ въ головѣ должна быть готова извѣстная финансовая система, которая только отчасти можетъ дополняться или видоизмѣняться во время его управленія. Но завѣдывать такою сложной отраслью администраціи и изучать въ то же время всѣ мелочи ея механизма — на это не хватитъ ничьихъ силъ, да и излишне, потому что въ финансовой администраціи, какъ и во всякой другой, множество чисто спеціальныхъ вопросовъ, въ которыхъ мнѣнія спеціальныхъ людей или комиссій будутъ всегда важнѣе личнаго взгляда самого министра.

Въ простѣйшемъ своемъ видѣ проектъ Субейрана, который осуществленъ въ послѣднее время въ Италіи, сводится къ тому, чтобъ были два министра: министръ доходовъ и министръ расходовъ. Подобное дѣленіе противорѣчитъ не только финансовой практикѣ, но ежедневному опыту каждаго отдѣльнаго лица. Бережливость и состоитъ въ искусствѣ сочетать свои расходы съ доходами. При раздѣленіи этихъ занятій, министръ расходовъ, полагаясь на своего товарища, будетъ убѣжденъ, что послѣдній всегда изыщетъ средства покрыть какіе угодно расходы. При этомъ Субейранъ дѣлалъ еще очень важную ошибку, отдавая кредитъ — легчайшее орудіе для безпредѣльныхъ расходовъ—въ руки министра расходовъ. Такимъ образомъ ничего не измѣнится, потому что каждый дефицитъ будетъ покрываться не сокращеніемъ расходовъ, а съ помощью публичнаго кредита и вся изобрѣтательность министра доходовъ останется не причемъ. Взиманіе податей — также вопросъ слишкомъ деликатный, чтобъ поручать его лицу,

исключительно вѣдающему расходы и не обязанному заботиться о будущей состоятельности плательщиковъ.

Болѣе вѣскими кажутся проекты выдѣленія тѣхъ вѣдомствъ изъ министерства финансовъ, которыя связаны съ нимъ только косвенно, а между тѣмъ обременяютъ министра излишнимъ числомъ дѣлъ, не позволяя ему посвящать имъ достаточно времени. У насъ, однако, вмѣсто подобной ампутаціи Министерства Финансовъ произведена другая операція, а именно, по евангельскому изреченію „у неимущаго отымется и имущему дастся", Министерство Финансовъ расширилось насчетъ Министерства Путей Сообщенія, этой административной Даніи, которая хотя успѣла потерять и Николаевскій мостъ и Исаакіевскій соборъ, но, благодаря расширенію желѣзнодорожной сѣти, сохраняла еще маленькія владѣнія, дѣлавшія ея голосъ замѣтнымъ въ общемъ административномъ концертѣ.

Предлогомъ для новаго усѣкновенія Министерства Путей Сообщенія послужило то соображеніе, что роль означеннаго вѣдомства должна быть исключительно техническая, тарифами же желѣзныхъ дорогъ затрогиваются интересы торговли и финансовъ—послѣднихъ потому, что интересы желѣзныхъ дорогъ тѣсно связаны съ государственнымъ казначействомъ. Поэтому тарифы правильнѣе-де перенести въ то учрежденіе, въ которомъ находится у насъ торговля, т. е. въ Министерство Финансовъ, а это министерство кстати близко заинтересовано и въ возвышеніи дохода желѣзныхъ дорогъ, также обусловливаемаго въ большинствѣ случаевъ провознымъ тарифомъ.

Противъ означенной передачи можетъ быть сдѣлано, однако, много вѣскихъ возраженій, начиная съ того, что завѣдываніе тарифами желѣзныхъ дорогъ нигдѣ не отдѣлено отъ завѣдыванія самыми дорогами и принадлежитъ заграницею спеціально желѣзнодорожнымъ учрежденіямъ, соотвѣтствующимъ нашему Министерству Путей Сообщенія.

Тарифы желѣзныхъ дорогъ настолько же затрогиваютъ интересы торговли и мануфактурной промышленности, подчиненной у насъ Министерству Финансовъ, насколько они касаются и интересовъ сельскаго хозяйства и горнаго про-

мысла, завѣдываемыхъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Прочія вѣдомства также не мало заинтересованы въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, особенно военное. Затѣмъ провозный тарифъ находится въ тѣсной зависимости отъ эксплоатаціонныхъ техническихъ условій желѣзныхъ дорогъ (профиля, типа подвижного состава, рода топлива, водоснабженія и пр.). На тарифъ вліяютъ и другія условія эксплоатаціи: способъ перевозки, упаковка, срочность, отвѣтственность и пр. Въ оцѣнкѣ этихъ условій компетентнѣе, конечно, то вѣдомство, которое завѣдываетъ желѣзными дорогами, нежели Министерство Финансовъ. Поэтому разъ тарифы будутъ сосредоточены въ Министерствѣ Финансовъ, то туда, по всей вѣроятности, придется передать и Совѣтъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ*).

Этотъ Совѣтъ—дѣтище комиссіи покойнаго графа Э. Т. Баранова; для рожденія его было воздвигнуто много препятствій, но оно сразу выказало свою пользу, возбудивъ, въ числѣ другихъ весьма важныхъ вопросовъ, вопросъ — разрѣшенный законодательнымъ путемъ — о признаніи за правительствомъ права регулировать тарифы. Дѣло это давно требовало вмѣшательства правительства, обратившись въ рукахъ желѣзныхъ дорогъ въ источникъ безчисленныхъ злоупотребленій.

Вообще если руководиться связью съ торговлею, то и остальныя части Министерства Путей Сообщенія съ такимъ же правомъ должны бы войти въ составъ Министерства Финансовъ; таковы, напр., коммерческіе порты, имѣющіе тѣсное отношеніе съ торговымъ мореходствомъ, сборы на водяныхъ путяхъ, вліяющіе на внутреннюю торговлю, и т. д. Вообще, такъ какъ на торговлю и финансы все болѣе или менѣе вліяетъ, начиная отъ плановъ петербургскихъ гешефтмахеровъ до высшихъ дипломатическихъ соображеній, то, исходя лишь изъ этой связи, три четверти всѣхъ

*) Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что въ составѣ Министерства Финансовъ учреждены тарифный комитетъ и совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, но послѣ такого учрежденія на долю совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ остается слишкомъ мало дѣла.

управленій пришлось бы подчинить Министерству Финансовъ.

По всей вѣроятности, реформа вызвана не столько соображеніями о лучшей организаціи разныхъ вѣдомствъ, сколько соображеніями личными. Эти соображенія не лишены значенія, ибо у насъ рѣдки случаи, чтобы извѣстными дѣлами вѣдали тѣ, которые съ ними знакомы, но вопросъ, однако, возможно ли министру, имѣющему у себя шесть обширныхъ отраслей государственнаго управленія, заниматься такимъ мелочнымъ и сложнымъ дѣломъ, какъ контроль надъ тарифами нѣсколькихъ десятковъ желѣзныхъ дорогъ? Эта черная работа менѣе всего доступна лицу, стоящему во главѣ извѣстнаго вѣдомства. Поэтому собственно отъ перемѣщенія ея изъ одного министерства въ другое едвали можно ожидать значительныхъ послѣдствій; за то несомнѣнно, что у министра финансовъ останется менѣе времени, необходимаго на изученіе вопросовъ чисто финансоваго характера: налоговъ, кредита, финансовой администраціи и пр.

Надобно сказать однако, что передача желѣзнодорожныхъ тарифовъ Министерству Финансовъ была печатью встрѣчена довольно сочувственно. Газеты не выходили, впрочемъ, изъ двухъ положеній: что Министерство Путей Сообщенія — это инженеры, а инженерамъ-де хоть трава не рости, а затѣмъ, что Министерство Путей Сообщенія дурно управляло желѣзными дорогами.

Но противъ перваго положенія легко возразить простою перепечаткою нѣсколькихъ страницъ адресъ-календаря, изъ которыхъ можно убѣдиться, что на нѣсколько инженеровъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія—армія чиновниковъ, хотя пропорціонально менѣе, конечно, значительная, чѣмъ въ Министерствѣ Финансовъ. Да и затѣмъ, что такая за бѣда быть инженеромъ? Вотъ во Франціи инженера путей сообщенія сдѣлали президентомъ республики. Неужели легче быть главою большой страны, нежели исправлять тарифы желѣзной дороги?

„Гражданинъ“, наоборотъ, упрекалъ Министерство Путей Сообщенія въ томъ, что оно состоитъ изъ бюрократовъ,

т. е. чиновниковъ-рутинеровъ. Но, спрашивается, изъ кого состоитъ Министерство Финансовъ? Подумаешь, право, что въ финансовомъ вѣдомствѣ служатъ купцы или фабриканты. Между тѣмъ не все ли отличіе чиновниковъ двухъ вѣдомствъ въ околышахъ и кантахъ. Извѣстно, что таможни—въ Министерствѣ Финансовъ, но никто не слыхалъ еще панегириковъ за ихъ глубокое знаніе торговыхъ интересовъ. Да и непонятно, почему путеецъ, если даже предположить, что Министерство Путей Сообщенія переполнено инженерами, строившій дороги въ разныхъ концахъ Россіи, имѣвшій дѣла съ помѣщиками, торговцами, подрядчиками и рабочими, знаетъ менѣе Россію, чѣмъ чиновникъ, дѣлящій свое время между винтомъ въ Благородкѣ и чтеніемъ брошюръ о гемороѣ.

Второе положеніе кажется еще болѣе курьезнымъ. По этой теоріи пришлось бы сдѣлать chassé croisé между всѣми вѣдомствами. У насъ, напримѣръ, долгое время кораблестроеніе шло плохо и вмѣсто крейсеровъ строились поповки. По здравому смыслу, слѣдовало Морскому Министерству измѣнить свою программу или личный составъ. А по новой теоріи выходитъ, что для улучшенія кораблестроенія нужно было его отъ морского вѣдомства отобрать и отдать другому вѣдомству—Контролю или Министерству Юстиціи, напримѣръ.

Необходимо также замѣтить, что наше министерство Финансовъ хотя и вѣдаетъ торговлю, но оно далеко не то, что заграницею называется министерствомъ торговли. Функціи нашего Министерства Финансовъ по отношенію къ торговлѣ, кромѣ собиранія таможенныхъ и гильдейскихъ сборовъ, очень немногочисленны. Съ одинаковымъ правомъ на титулъ министерства торговли могло бы претендовать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ сосредоточены дѣла по отношенію торговли къ городамъ и земству, о торговыхъ путяхъ сообщенія, коммерческихъ портахъ, страхованіи, ярмаркахъ, торговлѣ скотомъ, торговая и санитарная полиція, справочныя цѣны и т. д. Еще съ меньшимъ правомъ можно утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторыя газеты, что Министерство Финансовъ завѣдываетъ у насъ

„всею финансово-экономическою дѣятельностью страны". Весьма важныя части государственной экономической дѣятельности: земледѣліе, скотоводство, рыболовство, звѣриные промыслы, горное и соляное дѣло находятся у насъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Затѣмъ весьма крупныя отрасли экономической дѣятельности сосредоточены въ Министерствѣ Военномъ, Главномъ управленіи государственнаго коннозаводства, въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, Министерствѣ Путей Сообщенія и пр.

Въ доказательство того, что вопросъ о томъ, у какихъ чиновниковъ находится та или другая отрасль экономической дѣятельности, не имѣетъ еще значенія, можно привести, что финансовое вѣдомство, держа въ рукахъ исключительное завѣдываніе не менѣе важнымъ, чѣмъ желѣзныя дороги, орудіемъ перевозки — торговымъ флотомъ — за 50 лѣтъ ничего для созданія флота не сдѣлало. Обвинительный актъ противъ Министерства Финансовъ за его бездѣятельность по части торговаго флота заключается въ книгѣ г. Скальковскаго *), хотя и въ сдержанной формѣ, такъ какъ она—отчетъ, поданный бывшему министру финансовъ г. Бунге. Изъ книги видно, что у нашего торговаго флота теперь семь нянекъ, и эти няньки явились потому, что главная нянька, приставленная къ двухсотлѣтнему ребенку, называемому русскимъ торговымъ флотомъ, ничего дѣлать не хотѣла.

„Московскія Вѣдомости" увѣряли, правда, что торговый флотъ внѣ прямого подчиненія Министерству Финансовъ, ибо категорическая статья объ этомъ въ I томѣ II части Свода Законовъ отмѣнена; но такое заявленіе несправедливо, ст. 409 никогда не отмѣнялась. Для этого достаточно взять и посмотрѣть Продолженіе Свода Законовъ 1886 года, часть I-ю; тамъ противъ статьи 409 пояснено, что она, наравнѣ съ ст. 407—412, замѣнена правилами, указанными въ ст. 405 и 406. Эти же двѣ послѣднія статьи гласятъ, что „распредѣленіе дѣлъ по отдѣленіямъ и столамъ департаментовъ торговли и мануфактуръ и таможеннаго (пре-

*) *К. Скальковскій.* Русскій торговый флотъ. Спб., 1887 г.

образованныхъ въ 1864 г.) предоставляется ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ". А это значитъ, что обязанности министра по отношенію къ торговому флоту не измѣнились ни на одну іоту противъ того, какъ онѣ изложены въ Сводѣ Законовъ 1857 года, но что министръ не обязанъ вѣдать флотомъ черезъ несуществующій болѣе 2-й столъ отдѣленія внутренней торговли несуществующаго департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а можетъ передать какому ему угодно столу и отдѣленію вновь учрежденныхъ департаментовъ торговли и мануфактуръ и таможеннаго.

Дѣла о торговомъ флотѣ сосредоточены теперь по преимуществу въ одномъ изъ столовъ 3-го отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ. Но это сосредоточеніе само собою ничѣмъ не измѣнило существа власти и обязанностей Министерства Финансовъ, какъ они изложены въ 409 статьѣ. Но обязанности Министерства вовсе не одною ст. 409 опредѣлялись; эти обязанности указаны въ разныхъ статьяхъ уставовъ таможеннаго и торговаго, которыя поясняютъ ст. 409.

Замѣна послѣдней въ томъ видѣ, какъ она сдѣлана въ продолженіяхъ Свода, есть только новое, едва не тысяча первое, доказательство крайней небрежности нашей кодификаціи. Впрочемъ, въ административной практикѣ на подобныя кодификаціонныя ошибки большого вниманія не обращается и, когда нужно, подлежащія вѣдомства ссылаются на соотвѣтствующія статьи прежнихъ Сводовъ, даже на подлинный законъ въ „Полномъ собраніи", а нерѣдко просятъ Кодификаціонный Отдѣлъ (а прежде просили 2-е Отдѣленіе, главнымъ образомъ виновное въ сдѣланныхъ ошибкахъ) исправить ошибку и возстановить прежній смыслъ статьи.

Затѣмъ существеннымъ аргументомъ противъ завѣдыванія Министерствомъ Финансовъ торговымъ флотомъ „Московскія Вѣдомости" выставляли то обстоятельство, что министерство это, по ст. 409, входитъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ сношеніе съ вѣдомствами морскимъ, государственныхъ имуществъ и иностранныхъ дѣлъ. „Вѣдомости"

не знали вѣроятно, что эти сношенія основаны на томъ содѣйствіи, которое вышеозначенныя вѣдомства должны дѣлать торговому судостроенію и мореходству на основаніи „Дополнительныхъ правилъ 12-го февраля 1830 года". Но то, что заботы о вышеозначенныхъ пособіяхъ возложены на Министерство Финансовъ, и доказываетъ, что именно послѣднему, а не кому другому, поручено завѣдываніе торговымъ флотомъ.

Много разъ газеты и разныя общества поощренія мореходства и торговли писали относительно безпомощности въ Россіи торговаго флота, въ виду господствовавшихъ относительно его въ Министерствѣ Финансовъ воззрѣній. Между прочимъ для лучшей защиты русскому торговому флоту и въ мирное время рекомендовалось поступить подъ охрану военнаго, а для этого дѣла торговаго флота подчинить несравненно болѣе компетентному въ нихъ Морскому Министерству. Такое подчиненіе сдѣлано въ Италіи, и, дѣйствительно, итальянскій торговый флотъ оказывается однимъ изъ наиболѣе прогрессирующихъ въ Европѣ.

Въ 1888 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Подобнаго министерства не существуетъ ни въ какой другой странѣ, да и въ Россіи оно было создано по причинамъ чисто спеціальнаго свойства. Въ моментъ учрежденія министерства подъ „имуществомъ" разумѣлась чуть ли не половина русскаго населенія, юридически оставшагося внѣ помѣщичьей власти, но укрѣпленная землѣ. Казенныя земли и лѣса, доставлявшіе сами по себѣ ничтожный доходъ, имѣли цѣнность лишь при эксплоатаціи этимъ „имуществомъ", состоявшимъ въ завѣдываніи Министерства Финансовъ.

Мысль, вложенная въ учрежденіе новаго министерства, была весьма гуманная. Какъ III Отдѣленіе, устроенное въ 1826 году, имѣло цѣлью „утирать слезы несчастнымъ", такъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, учрежденное въ 1837 году, должно было государственныхъ крестьянъ обратить въ образцовыхъ хозяевъ. Читая уставъ

о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, можно было подумать, что нѣкоторыя мѣста взяты прямо изъ описанія Эльдорадо въ „Candide"—Вольтера. Но то, что было хорошо въ малыхъ размѣрахъ для іезуитовъ въ Парагваѣ, оказалось не совсѣмъ практическимъ для обширныхъ размѣровъ Россійской имперіи. Доходы отъ государственныхъ имуществъ возросли при выдѣленіи послѣднихъ изъ Министерства Финансовъ очень мало, благоденствовали только такъ называемые окружные начальники да лѣсничіе.

Первымъ министромъ государственныхъ имуществъ былъ графъ Киселевъ, человѣкъ по своему времени очень либеральный и просвѣщенный, но администраторъ неопытный и судившій о положеніи вещей по получаемымъ рапортамъ. Желая написать панегирикъ, покойный Заблоцкій-Десятовскій написалъ въ сущности довольно злую сатиру на этого популярнаго въ свое время государственнаго человѣка. Послѣ мимолетнаго министерства д. т. с. Шереметева, министромъ государственныхъ имуществъ сдѣлался М. Н. Муравьевъ, управлявшій въ то же время еще двумя вѣдомствами: удѣловъ и межевымъ. Управленіе государственными имуществами немного прибавило къ славѣ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка, оказавшаго Россіи въ польское возстаніе неоцѣнимыя услуги. Противникъ крестьянской реформы, Муравьевъ шелъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда въ Петербургѣ направленіемъ, при немъ также развилась система пожалованія и отчужденія государственныхъ имуществъ, принявшая потомъ такіе безобразные размѣры. Муравьевъ, впрочемъ, принесъ пользу сокращеніемъ мѣстной администраціи государственныхъ имуществъ, а также и центральнаго управленія. Это былъ администраторъ, не любившій новыхъ затѣй, но и не спускавшій воровству. Вѣдомство расширилось при немъ присоединеніемъ департаментовъ корабельныхъ лѣсовъ и военныхъ поселеній.

Преемникъ Муравьева генералъ Зеленый, какъ его креатура, оказалъ услуги, представляя въ смутную эпоху польскаго возстанія чисто русскій элементъ въ моментъ, когда въ правительствѣ было столько вліятельныхъ голо-

совъ за уступки полякамъ; онъ энергически поддерживалъ всѣ мѣры обрусѣнія въ Западномъ краѣ, а также и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. По отношенію къ государственнымъ имуществамъ внутренней Россіи, Зеленый дѣйствовалъ, наоборотъ, въ очень либеральномъ духѣ, соотвѣтствовавшемъ эпохѣ. Изданныя при немъ правила о надѣлѣ государственныхъ крестьянъ привели не только къ огромному сокращенію казенныхъ земель, что было естественно, но и къ отдачѣ въ придачу болѣе $7^1/_2$ милл. десятинъ казеннаго лѣса и всѣхъ нѣдръ въ то время, когда министерство выработывало уже законы объ ограниченіи у частныхъ владѣльцевъ права распоряженія ихъ лѣсами и нѣдрами земли.

Передача попеченія о казенныхъ крестьянахъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ настолько уменьшила обязанности Министерства Государственныхъ Имуществъ, что серьезно зашла рѣчь о его упраздненіи за безполезностью. Одинъ годъ даже кредиты были ассигнованы министерству лишь условно. Спасъ министерство графъ Валуевъ. Занявъ мѣсто министра, онъ испросилъ присоединеніе къ министерству горнаго департамента (за исключеніемъ монетной и пробирной части), а затѣмъ министру (но не министерству) государственныхъ имуществъ было подчинено Главное управленіе государственнаго коннозаводства, входившее уже ранѣе въ составъ министерства. Управленіе графа Валуева ознаменовалось главнымъ образомъ усиленнымъ отчужденіемъ и просто раздачею государственныхъ имуществъ въ частныя руки. Одна изъ частей этой раздачи, такъ называемая исторія съ башкирскими землями, составитъ любопытную страницу въ исторіи нашего времени. Надобно замѣтить, что и ранѣе, впрочемъ, случались не менѣе курьезныя исторіи, въ родѣ надѣлавшаго при Зеленомъ шуму проекта отдачи государственныхъ имуществъ въ аренду компаніи барона Френкеля. Всего министерствомъ было роздано казенныхъ земель въ разное время свыше 1.800,000 десятинъ.

Графа Валуева смѣнилъ свѣтлѣйшій князь Ливенъ, который хотя былъ его креатурой, но, подъ вліяніемъ эпо-

хи „новыхъ вѣяній“, желалъ дѣйствовать самостоятельно и внести въ свое вѣдомство другія начала. Управленіе его было, однако, слишкомъ для этого кратковременно, а слѣдовавшее затѣмъ управленіе графа Игнатьева продолжалось только шесть недѣль. Съ начала 1881 года Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ управляетъ статсъ-секретарь Островскій. При немъ вѣдомство увеличилось присоединеніемъ лѣсовъ Царства Польскаго, соляной части и государственныхъ имуществъ Кавказа и Сибири, а уменьшилось отдѣленіемъ государственнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ постепенными реформами за истекшія 50 лѣтъ Министерство Государственныхъ Имуществъ измѣнило совершенно свое первоначальное назначеніе. Оно состоитъ теперь изъ четырехъ главныхъ частей, слабо связанныхъ между собою органически, хотя вѣдающихъ довольно важныя отрасли народной и государственной дѣятельности. Департаментъ общихъ дѣлъ министерства, кромѣ занятій, свойственныхъ каждой канцеляріи министра, и раздачи добавочнаго жалованья, называемаго „арендами“, заканчиваетъ устройство государственныхъ крестьянъ, которое едва ли скоро будетъ окончено, если еще, въ виду неточности плановъ и постоянныхъ захватовъ крестьянъ, не придется всю операцію надѣла продѣлывать вторично. Въ департаментѣ сохраняются также остатки кадастровыхъ и люстраціонныхъ работъ. Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности имѣетъ довольно разнообразныя обязанности, хотя компетенція его и не соотвѣтствуетъ его громкому названію. По части земледѣлія роль департамента ограничивается болѣе статистикою, сельско-хозяйственными учебными заведеніями и поощрительными мѣрами; кромѣ того, онъ завѣдываетъ переселенческимъ дѣломъ, казенными рыбными и звѣриными промыслами, остатками земельныхъ оброчныхъ статей, дѣлаетъ опыты орошенія, осушенія, торфодобыванія и вывоза соленой свинины заграницу, а теперь принялъ подъ свое начало кустарную промышленность.

Лѣсной департаментъ имѣетъ болѣе опредѣленный кругъ дѣятельности. Онъ издавна вѣдаетъ казенными лѣсами и

лѣсными оброчными статьями, занимающими болѣе трети всей территоріи Россіи, а недавно на него возложенъ надзоръ и за частными лѣсами въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя распространится новый лѣсоохранительный законъ *). Вѣдомство горнаго департамента и за отдѣленіемъ отъ него въ 1873 г. монетной и пробирной части и за сохраненіемъ независимости для горнаго дѣла въ области Войска Донскаго и Кабинета Его Величества, довольно обширно. Кромѣ корпуса горныхъ инженеровъ, учебныхъ заведеній, геологическихъ и ученыхъ работъ, горный департаментъ вѣдаетъ казенными и частными заводами, до-

*) Кризисъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, послѣ реформы 1861 года, началъ повальное истребленіе лѣсовъ, а надѣлъ лѣсами государственныхъ крестьянъ окончательно обѣщаетъ обратить многія мѣстности Россіи въ аравійскую пустыню. Шутка сказать — на недостатокъ въ лѣсахъ начинаютъ жаловаться даже въ губерніяхъ Вятской и Костромской, и южные лѣсопромышленники вынуждены для удовлетворенія нуждъ сѣвернаго Кавказа, Приазовскаго края, Донской области рубить лѣса Пермской губерніи, чѣмъ въ корнѣ губить возможное тамъ развитіе горнозаводской промышленности.

Дѣйствительно, абсолютное количество казенныхъ лѣсовъ ничего не выражаетъ, ибо большая часть находится въ безлюдныхъ и недоступныхъ мѣстахъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской губерній, гдѣ имѣется 37 милл. десятинъ лѣсовъ вовсе не эксплоатируемыхъ. Затѣмъ даже въ сѣверо-восточныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ, какъ Вятская, Костромская, Ярославская, Нижегородская, Казанская казенныхъ лѣсовъ приходится только по одной десятинѣ на душу населенія обоего пола, въ остальныхъ губерніяхъ количество казенныхъ лѣсовъ колеблется отъ двухъ сотыхъ до тридцати двухъ сотыхъ десятинъ на душу. При такой пропорціи $7^1/_2$ милліоновъ десятинъ, уничтоженныхъ въ нѣсколько лѣтъ государственными крестьянами немедленно по полученіи ихъ въ надѣлъ, значатъ очень многое.

Любопытно, что лѣсное вѣдомство, которое допустило такую растрату лѣсного богатства, уничтоживъ всякій надзоръ за тѣмъ, что ему принадлежало въ полную собственность и что оно могло отдать въ пользованіе крестьянамъ на какихъ угодно раціональныхъ условіяхъ, озаботилось сочиненіемъ правилъ объ ограниченіи права распоряженія владѣльческими и въ томъ числѣ крестьянскими лѣсами. Лѣсное вѣдомство хлопотало и о возстановленіи лѣсовъ; въ 1882 году оно засѣяло и засадило 4,912 десятинъ лѣса, а за десять лѣтъ развело лѣса 28,203 десят. Не проще ли было, взамѣнъ этихъ микроскопическихъ двухъ десятковъ тысячъ, сберечь тѣ семь съ половиною милліоновъ, которые уже были въ рукахъ казны.

бычею каменнаго угля и др. минераловъ, золотою и платиновою промышленностью, солянымъ и нефтянымъ дѣломъ и нѣкоторыми минеральными водами.

Очевидно, что подобный составъ и организація министерства, чисто случайные, требуютъ преобразованія. Устройство быта государственныхъ крестьянъ и переселенческое дѣло ближе подходили бы къ обязанностямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а Министерство Государственныхъ Имуществъ, какъ несоотвѣтствующее уже болѣе своему названію—ибо нельзя же земледѣліе, частные лѣса, частные горные промыслы, кустарную промышленность и т. п. считать „государственными имуществами“ — должно быть преобразовано въ министерство народнаго хозяйства, нѣчто въ родѣ испанскаго Ministerio de Fomento, или, еще проще, въ министерство земледѣлія, промышленности и торговли.

Если когда нибудь осуществится послѣдняя комбинація, то, взамѣнъ отдѣляемыхъ отъ министерства частей, присоединятъ къ нему, вѣроятно, нѣкоторыя дѣла изъ Министерства Финансовъ, часть хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Центральный статистическій комитетъ и Главное управленіе государственнаго коннозаводства. Такимъ образомъ министерство получило бы болѣе законченный кругъ дѣятельности.

Впрочемъ, говоря объ этихъ комбинаціяхъ, мы можемъ только вновь повторить, и опытъ всѣхъ государствъ Европы это доказываетъ, что болѣе или менѣе удачное въ теоріи распредѣленіе департаментовъ особаго значенія на практикѣ не имѣетъ. Въ администраціи главное дѣло въ людяхъ. Мало ли въ исторіи министровъ, которые и съ однимъ департаментомъ не знали что дѣлать, когда другіе и съ десятью отлично справлялись.

Выше было сказано, что, въ 1873 г. горный департаментъ отдѣленъ былъ отъ Министерства Финансовъ и переданъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и что реформа эта вытекла изъ желанія сохранить Министерство Государственныхъ Имуществъ, которое должно было упразднниться за незначительностью круга дѣйствій. Какъ бы то ни было, но горная администрація, по важности

затрогиваемыхъ ею народно-хозяйственныхъ интересовъ такъ значительна, что то или другое устройство ея центральнаго учрежденія составляетъ вопросъ довольно видный въ ряду прочихъ нашихъ административныхъ вопросовъ.

Центральная горная администрація въ Россіи въ послѣднія два столѣтія много разъ подвергалась различнымъ преобразованіямъ, вѣдомство ея то сокращалось, то расширялось. Другія вѣдомства старались отобрать отъ горнаго разныя части. Сохраненіе единства горной администраціи мы считаемъ весьма важнымъ, между тѣмъ податной комисіей проектировано было уничтоженіе горной администраціи подъ остроумнымъ предлогомъ—для салотопенной, напр., промышленности нѣтъ салотопеннаго департамента! Вопросъ объ уничтоженіи отдѣльнаго горнаго управленія есть, безспорно абсурдъ. Раздѣленіе его обязанностей еще менѣе можетъ имѣть мѣста. Податная комиссія, призванная было г. Рейтерномъ почему то рѣшать судьбы нашего горнаго устава, хотя о податяхъ въ немъ всего десять статей, а двѣ тысячи другихъ касаются вопросовъ чисто юридическихъ и техническихъ, полагала отводъ мѣсторожденій поручить чиновникамъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но для того, чтобы дѣлать отводы, особенно въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ, требуется познаніе геологіи и геогнозіи. Надзоръ за безопасностію рудничныхъ работъ и заботу о сбереженіи неоцѣненнаго сокровища, даннаго намъ природою въ видѣ рудныхъ мѣсторожденій, комиссія хотѣла вручить полиціи. Но для надзора за рудниками, кажется, нужно имѣть понятіе о горномъ и маркшейдерскомъ искусствѣ? Это не то, что наблюдать за кабаками и чистотою на улицахъ. Учетъ горныхъ податей *), вопросы о залогѣ металловъ въ банкѣ, отводъ заводамъ лѣсовъ, опредѣленіе ихъ нормальнаго дѣйствія, собираніе для прави-

*) Одинъ изъ членовъ податной комиссіи предлагалъ для облегченія послѣднихъ взимать горную подать не съ выплавленнаго продукта, а съ размѣра печей. Остроумное примѣненіе квасильныхъ чановъ къ горному дѣлу, возбуждающее улыбку всякаго, кто видѣлъ хотя одну заводскую печь въ жизни.

тельства вѣрныхъ свѣдѣній, точно такъ же требуютъ не меньшихъ познаній въ металлургіи; между тѣмъ, все это податная комиссія желала поручить акцизнымъ чиновникамъ или казеннымъ палатамъ. Одинъ изъ членовъ комиссіи предложилъ даже начальниковъ казенныхъ заводовъ назначать не изъ инженеровъ, а изъ *экономистовъ*.

Такимъ образомъ, чтобы не имѣть на всю Россію десятка окружныхъ инженеровъ, предлагали читать лекціи геологіи чиновникамъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, горнаго искусства—становымъ приставамъ, металлургіи—акцизнымъ чиновникамъ и чиновникамъ казенныхъ палатъ и литья пушекъ—экономистамъ. Удивительное сокращеніе дѣлопроизводства и обязанностей. Выгода такого порядка видна изъ слѣдующаго разсчета. Въ настоящее время на всѣ замосковные заводы достаточно двухъ окружныхъ инженеровъ, подчиненныхъ непосредственно горному департаменту. Вмѣсто двухъ горныхъ инженеровъ, находили удобнымъ поставить 8 управленій государственныхъ имуществъ, 8 казенныхъ палатъ, 8 губернскихъ и 17 уѣздныхъ акцизныхъ управленій, 19 исправниковъ, 30 становыхъ приставовъ, да какихъ то еще *экономистовъ* и *экспертовъ*. Вмѣсто одного, горной промышленностью руководило бы шесть департаментовъ.

Но кто при этомъ порядкѣ сталъ бы дѣлать развѣдки рудъ, составлять необходимыя намъ геологическія карты и вводить горное дѣло по окраинамъ Россіи? Неужели казенныя палаты? И подобные проекты выдавались за серьезные и восхвалялись какъ мѣры много обѣщавшія для нашей горной промышленности. Всѣ они, очевидно, основывались или на недоразумѣніи, или на незнаніи дѣла. Въ наше время смѣшно, конечно, думать о существованіи горнаго духовенства и горныхъ казаковъ, которыя существовали до 1861 г., но все законодательство о нѣдрахъ земли составляетъ и всегда будетъ составлять совершенно особый отдѣлъ гражданскаго права, гдѣ, безъ спеціальныхъ техническихъ познаній, всѣ разсужденія праздны. Эта то отдѣльность горной собственности и даетъ совершенно особую физіономію всей горной промышленности, которая

руководится совсѣмъ другими соображеніями, чѣмъ остальная промышленность. Опытъ всѣхъ государствъ Европы (кромѣ Англіи—по причинамъ историческимъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться) призналъ спеціальность горнаго дѣла и необходимость, какъ особеннаго законодательства о немъ, такъ и администраціи, основанной на извѣстныхъ техническихъ условіяхъ.

Сравнительно съ вопросомъ объ отдѣльности высшаго горнаго управленія, вопросъ о томъ, къ какому именно министерству причисляется это управленіе, существенно не важенъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Государственномъ Совѣтѣ возникала даже по иниціативѣ графа Путятина мысль объ отдѣльномъ существованіи главнаго горнаго управленія, по примѣру прошлаго столѣтія. Горное вѣдомство отъ этого, безъ сомнѣнія, выиграло бы; но едва ли благоразумно, при настоящихъ ограниченныхъ размѣрахъ нашего горнозаводства, создавать для него новое министерство, съ огромнымъ непроизводительнымъ штатомъ. Въ теченіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ горное управленіе было тѣсно связано у насъ съ Министерствомъ Финансовъ. Подобное соединеніе, не существующее почти нигдѣ въ Европѣ, вызывалось, съ одной стороны, тѣмъ, что Министерство Финансовъ, вообще, вѣдало дѣла промышленности и торговли, а во-вторыхъ — взглядомъ на горную промышленность, какъ на крупный источникъ финансовыхъ доходовъ. Но взглядъ этотъ, справедливый лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда горные доходы составляли значительный процентъ нашего бюджета, лишился теперь своего значенія.

Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не смотрятъ на горное дѣло съ фискальной стороны: это взглядъ XVII и XVIII вѣка. Благоразуміе требовало наоборотъ—не искать въ русскомъ горномъ дѣлѣ источника новаго дохода, а скорѣе употреблять прямо или косвенно милліоны на развитіе его и въ Россіи. Въ этомъ случаѣ соединеніе горнаго вѣдомства съ Министерствомъ Финансовъ, которое располагаетъ ближайшимъ образомъ значительными денежными средствами, было довольно благопріятно, но лишь въ теоріи. По крайней мѣрѣ во время господства фритредеровъ въ Мини-

стерствѣ Финансовъ роль горнаго вѣдомства была самая жалкая.

Безъ сомнѣнія, учрежденіе особаго Главнаго управленія коннозаводства прошло не безслѣдно для развитія нашего коннозаводства и коневодства, получившихъ спеціальнаго представителя ихъ интересовъ передъ высшей властью; но едва ли подобное учрежденіе соотвѣтствуетъ задачѣ, которая должна разрѣшаться образованіемъ отдѣльнаго министерства. Трудъ каждаго министра долженъ захватывать по возможности извѣстную, довольно обширную и важную область государственной жизни. Съ этой точки зрѣнія существованіе отдѣльнаго Главнаго управленія или министерства для коннозаводства представляется аномаліей, въ особенности въ то время, когда другія первостатейныя отрасли государственнаго хозяйства не имѣютъ у насъ особыхъ министерствъ, защищающихъ ихъ интересы передъ верховною властью.

Если отдѣльное существованіе Главнаго управленія государственнаго коннозаводства не выдерживаетъ критики съ политической точки зрѣнія, то необходимость его представляется довольно сомнительною и съ точки зрѣнія хозяйственной. Бюджетъ расходовъ этого управленія составляетъ ежегодно до милліона рублей—цифра довольно значительная, особенно если сравнить съ нею суммы, ежегодно расходуемыя у насъ по бюджету на поощреніе сельскаго хозяйства, торговли и промышленности въ друхихъ министерствахъ. Но изъ этой цифры около половины уходитъ на содержаніе центральной и мѣстной администраціи—содержаніе главноуправляющаго, его совѣта, канцеляріи, и т. д.; затѣмъ значительная часть денегъ идетъ на хозяйственно-операціонные расходы государственныхъ конскихъ заводовъ, и только незначительная — собственно для поощренія частнаго коннозаводства: на призы, скачки, изданіе журналовъ и пр. Такое распредѣленіе расходовъ между тѣмъ неизбѣжно при отдѣльномъ существованіи Главнаго управленія государственнаго коннозаводства, которое, по необходимости, несетъ всѣ накладные расходы, вызы-

ваемые содержаніемъ особаго министерства и спеціальной администраціи.

Мы не отрицаемъ необходимости спеціалистовъ для нашего коннозаводскаго дѣла; но во всякомъ случаѣ технический комитетъ въ Петербургѣ и нѣсколько лицъ для завѣдыванія казенными конскими заводами и случными конюшнями удовлетворили бы вполнѣ потребности въ этого рода спеціалистахъ, которые, къ тому же, никакого особаго воспитанія не требуютъ, а пріобрѣтаютъ свои познанія практически. Содержаніе же ради подобной несложной спеціальности цѣлаго обширнаго штата служащихъ совершенно излишне. Публикѣ нашей вообще мало знакомо положеніе, въ которомъ находится теперь государственное коннозаводство. Успѣхъ конскихъ выставокъ, воспѣтый на всѣ лады рьяными коннозаводскими публицистами — есть и такіе публицисты — показалъ, что, повидимому, дѣла идутъ отлично; но не подлежитъ сомнѣнію, что крестьянское коневодство успѣха не сдѣлало, число крестьянскихъ лошадей даже уменьшается, въ скаковомъ дѣлѣ польскіе заводы побиваютъ русскіе, а затѣмъ усиливается разведеніе рысистыхъ лошадей, практическая польза которыхъ весьма сомнительна. Самыя скачки существуютъ болѣе при помощи тотализаторовъ, т. е. азартной игры, воспрещенной у насъ еще императрицею Елисаветою.

Относительно того, къ какому вѣдомству должно быть отнесено завѣдываніе государственнымъ коннозаводствомъ, не можетъ быть большихъ сомнѣній. Только во Франціи однажды, въ 1870 году, конскіе заводы были отнесены къ вѣдомству министерства изящныхъ искусствъ, къ которымъ, будто бы слѣдуетъ причислить и улучшеніе конскихъ породъ; во всѣхъ же почти другихъ странахъ завѣдываніе коннозаводствомъ сосредоточено тамъ же, гдѣ и завѣдываніе вообще сельскимъ хозяйствомъ, котораго коннозаводство составляетъ только небольшую часть. У насъ сельское хозяйство вѣдается Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ; туда естественно было причислить и управленіе государственнымъ коннозаводствомъ въ видѣ особаго департамента, хотя, строго говоря, и въ такомъ объемѣ адми-

нистрація нашей конской промышленности кажется черезчуръ роскошною. Овцеводство и разведеніе рогатаго скота составляютъ для Россіи отрасли хозяйства не менѣе важныя, чѣмъ коневодство, а въ торговомъ и промышленномъ отношеніи даже гораздо важнѣе, для нихъ, однако, нѣтъ не только особыхъ департаментовъ, но и какихъ либо спеціальныхъ чиновниковъ. По смерти генерала Гринвальда, до 1881 г., Главное управленіе коннозаводства подчинялось уже министру государственныхъ имуществъ, но это было личное соединеніе въ родѣ соединенія Норвегіи со Швеціей.

Съ назначеніемъ покойнаго генерала Паукера министромъ путей сообщенія немедленно возникли толки, что Министерство Путей Сообщенія подвергнется новому преобразованію, кажется уже пятому или шестому. Преобразованія начались при управленіи Мельникова, когда изъ вѣдѣнія Министерства Путей Сообщенія отошли телеграфы, публичныя зданія, грунтовыя дороги, арестантскія роты и пр.; затѣмъ крупную реформу сдѣлали графы Бобринскіе. Они допускали во главѣ управленій только военныхъ, при нихъ сабли гремѣли въ корридорахъ министерства и нельзя было пройти, не задѣвъ за чьи нибудь шпоры. Для просвѣщенія кавалеристовъ-администраторовъ потребовалось созданіе изъ инженеровъ разныхъ техническихъ комитетовъ съ довольно неопредѣленнымъ кругомъ обязанностей. При второмъ Бобринскомъ былъ учрежденъ статистическій отдѣлъ. Адмиралъ Посьетъ снова возвратилъ инженерамъ путей сообщенія подобающее значеніе, но въ составъ министерства онъ ввелъ моряковъ въ видѣ учрежденія навигаціонно-описной комиссіи, теперь упраздненной. Г. Посьетъ преобразовалъ также канцелярію министра, учредилъ особое управленіе для постройки казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, учебный отдѣлъ Министерства Путей Сообщенія и соединилъ завѣдываніе технически-инспекторскими комитетами и департаментами, т. е. технику и хозяйство, въ однѣхъ рукахъ, а какъ совѣщательное учрежденіе, преобразовалъ совѣтъ министра.

Послѣдовательныя преобразованія Министерства Путей Сообщенія вызваны были въ значительной мѣрѣ необходимостью, вслѣдствіе ограниченія круга дѣятельности министерства передачею значительнаго количества производившихся въ немъ дѣлъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, земствамъ и городамъ, частью же новыми потребностями, созданными временемъ. До начала 60-хъ годовъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ почти не было, паровое судоходство только что начинало развиваться и дѣятельность Министерства Путей Сообщенія сосредоточивалась на ремонтѣ шоссе и собираніи судоходныхъ сборовъ, съ нехитраго устройства барокъ, тянувшихся лямкою и лошадьми по внутреннимъ водянымъ путямъ. Соотвѣтственно съ этимъ пополненіе техническаго персонала министерства не требовало особой заботливости.

Сооруженіе цѣлой сѣти частныхъ желѣзныхъ дорогъ, появленіе типа дѣльцовъ-концессіонеровъ, постройка большихъ линій казенными средствами, огромные казенные заказы рельсовъ и подвижного состава, переустройство водяныхъ путей вслѣдствіе увеличенія размѣра судовъ и преобладанія паровой тяги, постройка и расширеніе морскихъ портовъ—все это потребовало отъ министерства новой дѣятельности и новыхъ спеціальныхъ познаній. Удовлетворить такимъ образомъ быстро возникающимъ потребностямъ и старались прежде всего преобразованіемъ центральнаго управленія.

Реформы не удовлетворяли, однако, потребностямъ. Это объяснялось обыкновенно тѣмъ, что лучшія силы вѣдомства путей сообщенія отвлекаются частною службою, но при этомъ забывали, что всѣ преобразованія администраціи, какъ бы они ни казались полезными и какъ бы проектируемыя учрежденія на бумагѣ ни выходили симметрическими и логически необходимыми, имѣютъ множество неудобствъ. Каждая администрація не есть машина, а собраніе живыхъ людей—организмъ весьма сложный и тонкій. Какъ часто организмъ съ виду очень изящный оказывается слабымъ и непрактическимъ, а рядомъ человѣкъ, нескладно скроенный, дышетъ энергіей и здоровьемъ, такъ

и администрація можетъ оказаться очень неудовлетворительною, хотя бы ее подвергали постояннымъ реформамъ и по наружности она представлялась идеаломъ канцелярской премудрости.

Дѣло въ томъ, что въ администраціи рутина играетъ огромную роль, рутина не въ смыслѣ тупоумнаго застоя и нежеланія слѣдить за вѣкомъ, а въ смыслѣ той ремесленной опытности, которая достигается лишь практикою многихъ лѣтъ. Административныя учрежденія, давно существующія, дѣйствуютъ какъ заведенные часы, масса дѣлъ разрѣшается бывшими примѣрами, чиновники самые неразвитые знаютъ и кругъ своихъ обязанностей, и тѣ дѣла, съ которыми имъ приходится постоянно имѣть дѣло. Нерѣдко случается, что составъ лицъ въ администраціи мѣняется, но по извѣстной инерціи административный механизмъ продолжаетъ работать безъ малѣйшей остановки.

Совсѣмъ не то въ новыхъ или преобразованныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь никто не знаетъ, за что взяться, что дѣлать; каждый вопросъ, даже второстепенный, вызываетъ безконечныя сомнѣнія, недоумѣнія и запросы; отсутствіе опыта въ чиновникахъ заставляетъ ихъ начальниковъ къ послѣднимъ относиться недовѣрчиво и т. д. Словомъ, проявляется недостатокъ именно той практики дѣла, которая такъ же нужна для государственнаго управленія, какъ и для игры на флейтѣ или для вязанія чулокъ. Стоящимъ сбоку кажется, чего бы проще поскорѣе рѣшить то или другое дѣло, но кому извѣстна безконечная связь, существующая между всѣми колесами обширнаго адмистративнаго механизма, тотъ легко пойметъ, что между желаніемъ и исполненіемъ цѣлая бездна. Оттого-то во всѣхъ странахъ ученые теоретики оказывались всегда очень плохими администраторами, и нерѣдко человѣкъ съ характеромъ, командовавшій батальономъ, выходилъ болѣе соотвѣтствующимъ на высокомъ постѣ, нежели знаменитый ученый, свѣтило науки.

Мораль всего этого та, что сами по себѣ реформы административныхъ органовъ не служатъ еще гарантіей успѣха, что постепенныя преобразованія административныхъ учрежденій всегда полезнѣе коренной ихъ ломки и что при всѣхъ

подобныхъ реформахъ надобно тщательно сберегать годное старое и пользоваться, а не пренебрегать опытомъ и рутиной. Постройки на „пустомъ мѣстѣ“, тщательно разсчищенномъ и очищенномъ, которыя такъ рекомендуются иногда, оказываются обыкновенно нисколько не гарантирующими успѣха преобразованія. Успѣхъ послѣднихъ главнымъ образомъ въ лицахъ, которымъ это преобразованіе довѣряется. У насъ имѣются министерства, многократно преобразованныя, есть и такія, которыя за двадцать лѣтъ почти не прикасались къ своимъ штатамъ, и, по совѣсти сказать, едва ли кто въ общей ихъ дѣятельности найдетъ какую либо существенную разницу. Чѣмъ, напримѣръ, театральная дирекція, перевернутая за восемь лѣтъ вверхъ дномъ, лучше комиссіи погашенія долговъ, которую, кажется, и снаружи не красили лѣтъ шестьдесятъ?

Изъ преобразованій по Министерству Путей Сообщенія самое важное было учрежденіе временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Организація этого управленія была дѣломъ необходимымъ и безотлагательнымъ, потому что правительство владѣетъ уже сѣтью рельсовыхъ путей слишкомъ въ $5^1/_2$ тысячъ верстъ, хорошая эксплоатація которой дѣло не маловажное, и нѣтъ сомнѣнія, что въ руки казны перейдутъ мало-по-малу и нѣкоторыя другія бездоходныя линіи.

Для организаціи новаго управленія Министерство Путей Сообщенія взяло за образецъ временное управленіе по постройкѣ Екатерининской и Баскунчакской желѣзныхъ дорогъ. Собственно для постройки дорогъ оно оказалось неудовлетворительною. Въ управленіи преобладалъ медленный коллегіальный порядокъ, скопированный съ организаціи правленій частныхъ желѣзныхъ дорогъ, хотя нѣтъ ничего общаго между казеннымъ хозяйствомъ и хозяйствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ казенномъ дѣлѣ все основано на разрѣшеніи свыше и на фактическомъ контролѣ, въ частномъ отъ одного до другого годового общаго собранія акціонеровъ правленіе полновластно, поэтому во избѣжаніе случайныхъ увлеченій и для раздѣленія отвѣтственности дѣлаютъ его коллегіальнымъ. Въ казенномъ дѣлѣ отвѣт-

ственность и безъ того слишкомъ раздѣлена между десяткомъ инстанцій, а потому коллегіальный порядокъ (прекрасный для суда, для работъ законодательныхъ, земскихъ) ведетъ въ исполнительныхъ органахъ лишь къ полной безотвѣтственности, между тѣмъ онъ стоитъ гораздо дороже.

Кромѣ того, въ составѣ новаго управленія казенными дорогами оставлены члены отъ разныхъ министерствъ. Для чего сохранены эти синекуры,—понять трудно. Если встрѣчаются вопросы военные, финансовые или полицейскіе, то они, само собою разумѣется, разрѣшаются въ подлежащихъ департаментахъ; къ чему же означенные делегаты министерствъ? Съ точно такимъ же правомъ можно при каждомъ казенномъ управленіи назначить уполномоченныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ и этимъ создать еще сотни новыхъ безполезныхъ и щедро оплачиваемыхъ должностей.

Вообще теперь мода создавать должности уполномоченныхъ-директоровъ отъ разныхъ вѣдомствъ, хотя обыкновенно правительственные директора и не подозрѣваютъ, что у нихъ дѣлается въ правленіи, такъ какъ давно обратили свои должности въ синекуры, живутъ за нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ верстъ не только отъ дорогъ, порученныхъ ихъ надзору, но и отъ мѣстопребыванія правленій, гдѣ они должны засѣдать.

Въ видѣ палліатива установлено несовмѣщеніе должности правительственнаго директора съ другими должностями — идея прекрасная, но недостаточная еще сама по себѣ. При установившейся практикѣ, можно, и не занимая другихъ казенныхъ должностей, ничего не дѣлать, состоя правительственнымъ директоромъ желѣзной дороги. Противъ этого-то ничего-недѣланія Министерство Путей Сообщенія должно принять надлежащія мѣры: обязать правительственныхъ директоровъ присутствовать во всѣхъ безъ исключенія засѣданіяхъ правленія, елико возможно чаще объѣзжать линіи, представлять подробные отчеты и постоянныя срочныя вѣдомости съ замѣчаніями о найденныхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ. При такихъ требованіяхъ отъ директоровъ число лицъ, желающихъ занимать

эти злачныя мѣста, ничего не дѣлая, навѣрное уменьшится, дѣло же выиграетъ.

А то бывали такіе примѣры, что правленіе Азовской желѣзной дороги объявляло, что въ виду задержки разсчетовъ и неплатежа денегъ Донецкою дорогою, оно, сохраняя прямое сообщеніе, будетъ принимать грузы, идущіе на донецкую линію, лишь съ предварительно оплаченнымъ провозомъ, съ донецкой же на азовскую грузы будутъ передаваться и безъ предварительной оплаты. На обыкновенномъ языкѣ это означало, что Донецкая дорога, имѣя порученіе отъ Азовской дороги получать отъ третьихъ лицъ деньги, дѣйствительно получала оныя, но присвоивала себѣ. Такое дѣяніе для обыкновенныхъ смертныхъ называется мошенничествомъ или растратою, но для желѣзныхъ дорогъ изобрѣтали болѣе мягкое выраженіе „задержка разсчетовъ“. Хотя тутъ никакой задержки быть не могло, ибо Донецкая дорога ни одной минуты не въ правѣ считать деньги, полученныя по комиссіи, своими. Это все равно, еслибы почтовые чиновники прокучивали деньги, довѣряемыя почтовой пересылкѣ, и считали бы это „задержкою разсчетовъ“... Но то, что у бѣдныхъ почтовыхъ чиновниковъ показалось бы возмутительнымъ, то для желѣзныхъ дорогъ находили естественнымъ. Въ числѣ членовъ правленія Донецкой дороги числятся два директора отъ правительства въ высокихъ чинахъ, съ большими окладами жалованья. Спрашивается, что же дѣлали означенные чиновники, если дозволяли безнаказанно совершеніе уголовныхъ дѣяній со стороны того учрежденія, въ которомъ состояли членами?

Одновременно съ устройствомъ временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ нашей желѣзнодорожной политикѣ произошелъ рѣзкій поворотъ, выразившійся въ томъ, что въ моментъ, когда государственное казначейство было пусто, бюджетъ заканчивался съ крупнымъ дефицитомъ, обѣщалось погашеніе кредитныхъ билетовъ безъ указанія на источникъ, откуда возьмутся суммы для этого погашенія,—правительство начало покупать желѣзныя дороги. Мало того, рѣшено было приступить къ постройкѣ

новыхъ желѣзныхъ дорогъ равнымъ образомъ на казенныя средства. Эти сооруженія предположены, какъ въ свое время объясняли, вслѣдствіе желанія Министерства Путей Сообщенія возстановить „честь путейскаго мундира“ и доказать, что казенные инженеры въ состояніи, состоя на казенной службѣ, строить такъ же хорошо и дешево, какъ они это будто бы дѣлаютъ состоя на частной службѣ.

Честь путейскаго мундира, конечно, вопросъ съ извѣстной точки зрѣнія не лишенный значенія, но едва ли эта честь столь уже была скомпрометирована, что для возстановленія ея требовалась затрата десятковъ милліоновъ рублей казенныхъ денегъ, тѣмъ болѣе, что не было вполнѣ прочнаго убѣжденія, дѣйствительно ли потеря означенныхъ милліоновъ возстановитъ утраченную невинность нашихъ инженеровъ.

Въ одной изъ газетъ въ панегирическомъ тонѣ объясненъ былъ тотъ „новый путь“, который министерство избрало, „чтобы организовать такой способъ постройки, который бы обезпечилъ быстрое производство работъ и свободу дѣйствій строителей, не вовлекая казну въ излишнія издержки“. Для этого, по словамъ панегирика, въ отношеніи дѣйствительнаго исполненія работъ временное управленіе дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и, по своему усмотрѣнію, распоряжается производствомъ изысканій, составленіемъ проектовъ сооруженій, заключеніями договоровъ по работамъ и по поставкамъ, наймомъ рабочихъ, выдачею имъ задатковъ, заготовкою инструментовъ, матеріаловъ и проч. Ту же свободу дѣйствія предполагалось предоставить временному управленію и въ отношеніи распоряженія суммами. Одну изъ главныхъ особенностей новаго порядка составляло, по мнѣнію панегирика, совершенное отсутствіе строительной смѣты расходовъ! Сколько будетъ произведено работъ, какія окажутся дѣйствительныя цѣны, что скажетъ мѣстность и время, столько и будетъ заплачено. Смѣты, составлявшіяся въ прежне время въ строительныхъ вѣдомствахъ, ловко и искусно возвышенныя, и давали, говорилъ панегирикъ, поводъ къ незаконной наживѣ и соблазну; а между тѣмъ та же смѣтная

цѣна служила какъ бы оправданіемъ, когда „благоразумная экономія“, плодъ хозяйственныхъ распоряженій строителя, оставалась у него въ карманѣ. „Конечно, если ужъ строитъ казна, то слѣдуетъ устраниться отъ вполнѣ законченныхъ предварительныхъ смѣтъ. Казна не можетъ строить ни дешево, ни дорого. Казна должна заплатить только то, что̀ произведенная работа дѣйствительно стоитъ“. Но разъ соображеніе составлено и деньги авансомъ отпущены, временное управленіе распоряжается суммами совершенно съ тою же свободою, съ какою распоряжаются концессіонеры-строители. Само собою разумѣется, что такія права должны вызывать сильный контроль, и при томъ контроль, не послѣдующій и не письменный, а мѣстный и фактическій. Устройство такого фактическаго контроля предоставлено, по словамъ панегирика, государственному контролеру, и контрольные чины будутъ посылаться на мѣсто производства работъ.

Прочитавъ эти удивительныя соображенія, спрашивается: почему вышеозначенная система можетъ назваться „новымъ путемъ“ и гдѣ отличіе этого пути отъ стараго, всѣмъ хорошо знакомаго? Отличіе, правда, есть, но уже никакъ не въ пользу новой политики. Это отличіе состоитъ въ томъ, что дороги будутъ строиться безъ смѣтъ, по какимъ-то „статистическимъ приблизительнымъ соображеніямъ“. Но мыслима ли это вещь въ казенномъ дѣлѣ? Казна не позволяетъ исправить полицейской будки безъ смѣты, и отлично дѣлаетъ, ибо какое же „казна“ — понятіе отвлеченное—имѣетъ другое средство усчитать своего чиновника иначе, какъ связывая его урочнымъ положеніемъ и документальною отчетностью. Приложимъ ли принципъ „довѣрія“ къ затратѣ податныхъ денегъ? Да и любопытно, что будутъ провѣрять фактически чиновники Государственнаго Контроля, если въ принципѣ станетъ правило, будто бы: „казна не можетъ строить ни дешево, ни дорого, а должна платить лишь то, что работа стоитъ“. Да работа только и можетъ стоить или дешево, или дорого.

А она навѣрно будетъ стоить дорого. По „приблизительному статистическому разсчету“, цѣнность Екатеринин-

ской желѣзн. дороги, исчисленная въ 73,000 руб. за версту, не считая цѣнности громаднаго моста черезъ Днѣпръ у Екатеринослава, обошлась въ 100 тысячъ, хотя послѣднія дороги строительными расходами обходились отъ 35 до 50 тысячъ за версту. Казна же имѣла преимущество передъ частными строителями въ томъ, что ей (въ теоріи) барышей не нужно, имущества своего она не погашаетъ, процентовъ на оборотный капиталъ не платитъ, никакихъ налоговъ не несетъ и имѣетъ возможность множество разныхъ побочныхъ издержекъ (на командировки и пр.) отнести на другіе источники бюджета. Наконецъ, казна имѣетъ и то преимущество, что концессіонеръ долженъ пройти во время постройки всѣ кавдинскія ворота, „смазывая“ петли у послѣднихъ, казнѣ же смазывать некого.

Затѣмъ, въ смыслѣ сохраненія государственнаго интереса, чѣмъ временная коллегія въ Петербургѣ изъ нѣсколькихъ никогда ничего не строившихъ чиновниковъ разныхъ министерствъ, за 2,000 верстъ отъ мѣста постройки, лучше существовавшихъ департаментовъ и техническихъ комитетовъ Министерства Путей Сообщенія и, съ другой стороны, почему фактически безконтрольный (не смотря на изобиліе чиновниковъ контроля) главный инженеръ отличается отъ подрядчика, оперировавшаго концессіоннымъ способомъ? Если онъ отличается, то развѣ тѣмъ, что, дѣйствуя на казенныя деньги, онъ рѣшительно ни за что не отвѣчаетъ и участвуетъ лишь въ выгодахъ, тогда какъ подрядчикъ—чему бывали примѣры и крупные (Меккъ потерялъ, напримѣръ, на ландварово-роменской желѣзной дорогѣ сразу 2 милл. рублей), все-таки подверженъ риску потери и разоренія, отзывающемуся и на лицахъ, довѣрившихъ ему свои капиталы.

ГЛАВА IV.

Министерства.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; наше представительство заграницею.—Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; упраздненіе III Отдѣленія, преобразованіе тюремнаго управленія.

Время съ 1815 по 1830 годъ считаютъ обыкновенно періодомъ, когда дипломатія первенствовала въ разрѣшеніи европейскихъ вопросовъ. Всемогущій Меттернихъ, многочисленные конгрессы и конференціи, безчисленныя ноты и протоколы наполняютъ исторію этого времени. Сила и вліяніе дипломатіи почитаются съ тѣхъ поръ значительно ослабѣвшими, и часто даже раздаются голоса въ печати и на парламентской трибунѣ, что дипломатическое представительство—почти ненужная роскошь. Если дипломаты необходимы еще иногда для разныхъ церемоній, то мнѣнія ихъ и наблюденія не имѣютъ будто бы вѣса, потому что печать и публичное обсужденіе законовъ и государственныхъ вопросовъ позволяютъ теперь имѣть, при помощи желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ пароходовъ и телеграфа, свѣдѣнія гораздо быстрѣе и подробнѣе, чѣмъ изъ дипломатическихъ депешъ и донесеній.

Подобныя мнѣнія нельзя не признать крайне преувеличенными и односторонними. Конечно, дипломатіи отведено нынѣ гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, когда какой нибудь красивый и ловкій дипломатъ, приволокнувшись за всемогущею фавориткой, а иногда за ко-

ролевою, рѣшалъ вопросы войны и мира, но и въ настоящее время умная, энергическая и патріотическая дипломатія найдетъ себѣ достаточно дѣла. Не отдаляясь отъ настоящей минуты, мы въ одномъ примѣрѣ франко-прусской войны можемъ видѣть силу, значеніе и вліяніе на событія правильно устроеннаго дипломатическаго представительства. Еслибъ Наполеонъ III имѣлъ свѣдущихъ представителей въ Мюнхенѣ и вообще въ южной Германіи, то не сомнѣвался бы, что минута объединенія послѣдней очень близка; еслибъ въ Вѣнѣ, вмѣсто легкомысленнаго Граммона, сидѣлъ болѣе серьезный посолъ, то, конечно, Франція не рѣшилась бы такъ скоро на объявленіе войны; еслибъ въ Ферьерѣ, вмѣсто Жюль Фавра, переговаривался съ Бисмаркомъ кто либо другой, то не было бы знаменитой риторической фразы: „ни одного камня крѣпостей, ни одного вершка земли“, оплаченный потомъ Эльзасомъ, Лотарингіей съ Мецомъ и пятью милліардами. Наконецъ, то, что касается насъ, развѣ мыслимъ бы былъ Берлинскій конгрессъ, еслибы графъ Шуваловъ не вообразилъ себѣ, что Англія и въ дѣйствительности собирается воевать.

Мы не говоримъ уже о значеніи дипломатіи на Востокѣ. Бернсу Англія обязана огромною частью своихъ остъиндскихъ владѣній; Стратфордъ-Редклифъ положительно выручилъ Турцію въ 1853 году и причинилъ намъ много вреда. Но если дипломатія не потеряла своего вліянія и пользы, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что общій кругъ ея дѣятельности и относительное значеніе въ разныхъ мѣстностяхъ совершенно видоизмѣнились. Личныя интриги играютъ теперь самую незначительную роль, аристократія въ немногихъ только странахъ сохранила вліяніе на дѣла, за то экономическіе вопросы, торговые и промышленные интересы, передвиженіе путешественниковъ и капиталовъ, заморскія владѣнія и т. д. выдвинулись на первый планъ. Нужно сознаться, что въ виду этого переворота сдѣлано еще очень немного для преобразованія дипломатической службы не только у насъ, но и во всей Европѣ.

Въ Россіи, если судить по организаціи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, покажется, будто со временъ Вѣн-

скаго конгресса не произошло никакихъ измѣненій ни въ системѣ европейскаго равновѣсія, ни во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ различныхъ государствъ земного шара. Между тѣмъ можно сказать, что все измѣнилось, и абсолютно, и особенно по отношенію къ Россіи.

По нашему мнѣнію, съ тѣмъ же наличнымъ составомъ и при той же цифрѣ денежныхъ расходовъ дипломатическое представительство Россіи можетъ быть устроено несравненно болѣе цѣлесообразно съ настоящими политическими потребностями Россіи и съ взаимными отношеніями различныхъ государствъ; при этомъ дипломатическіе представители наши болѣе справедливо оплачивались бы за свои труды. Въ настоящее врамя высшіе дипломатическіе агенты получаютъ достаточное по своему положенію содержаніе, но все-таки они не могутъ быть достаточно представительны, если не имѣютъ своихъ средствъ. Это дѣлается отчасти въ томъ разсчетѣ, чтобъ привлекать къ дипломатической службѣ людей преимущественно изъ высшаго класса общества; но при настоящемъ положеніи общества подобное формированіе дипломатическаго персонала далеко неудобно; по крайней мѣрѣ никто не будетъ серьезно отрицать, что знаніе и талантъ не менѣе полезны для дипломата, чѣмъ знаніе свѣтскихъ приличій. Кобденъ вовсе не былъ свѣтскимъ человѣкомъ, а между тѣмъ Англія обязана ему важнѣйшей своей дипломатической побѣдой: торговымъ трактатомъ 1860 года.

Содержаніе посла обходится значительно дороже, нежели содержаніе посланника, но излишній расходъ окупается болѣе выгоднымъ положеніемъ посла, который во всякое время имѣетъ доступъ къ государю, такъ какъ посланникъ долженъ переговариваться только съ министромъ. Удобство это очень важно, а въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Испаніи, другія страны имѣютъ пословъ, а мы только посланника, тамъ послѣдній будетъ сидѣть на второмъ и третьемъ планѣ.

Вообще число нашихъ дипломатовъ и консуловъ измѣнено, но все-таки нельзя не сказать, что въ новомъ штатѣ попрежнему не приняты во вниманіе многія условія ны-

нѣшняго положенія вещей на земномъ шарѣ. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ наши дипломатическія миссіи играютъ самую скромную роль потому только, что мы не имѣемъ съ этими государствами никакихъ серьезныхъ, не только политическихъ, но даже и торговыхъ сношеній: повѣренный въ дѣлахъ могъ бы въ этихъ случаяхъ очень удобно замѣнить посланника. Въ особенности это необходимо при республиканскихъ правительствахъ. Къ чему имѣть посланника въ Бернѣ, гдѣ сосредоточивается только ничтожная часть политической жизни швейцарской федераціи и члены правительства ведутъ буржуазный образъ жизни? Наоборотъ, постъ генеральнаго консула въ Пештѣ долженъ быть еще повышенъ въ своемъ значеніи. Въ политическомъ отношеніи Венгрія одно изъ тѣхъ государствъ Европы, которыя обѣщаютъ намъ въ будущемъ наиболѣе затрудненій, и потому дипломатическое и военное представительство тамъ чрезвычайно важно. Поддерживать же связи съ мадьярской аристократіей не легко и не дешево.

Мы имѣемъ посланника въ Бразиліи, которая когда-то лежала на пути русскихъ судовъ въ Ситху, акредитовали его къ Аргентинской республикѣ, съ которою не имѣемъ никакихъ сношеній, и готовы акредитовать даже въ Мексику, между тѣмъ въ болѣе къ намъ близкой и несравненно болѣе для насъ важной Африкѣ наше дипломатическое представительство весьма неудовлетворительно. Прежде всего казалось бы весьма полезнымъ придать нашему агенту въ Египтѣ поболѣе значенія въ виду новаго положенія, истекающаго изъ прорытія Суэзскаго канала и водворенія въ Египтѣ англичанъ. Затѣмъ въ Абиссиніи недостаточно ограничиться духовною миссіею, а слѣдуетъ завести политическое агентство, которое располагало бы широкими денежными средствами. Точно такъ же не худо завести представителя и въ Марокко, именно въ Тангерѣ, гдѣ живетъ министръ иностранныхъ дѣлъ, съ которымъ и переговариваются акредитованные въ Марокко дипломаты. Всѣ почти государства имѣютъ тамъ свои миссіи, а Англія, Франція и Испанія и свои почты. По географическому положенію и по свойству почвы Марокко—вторая Испанія и

на этотъ лакомый кусокъ давно заглядываются разные народы. Для Россіи поползновенія Франціи и особенно Испаніи—значенія не имѣютъ; но нельзя допустить, чтобы Марокко овладѣла Англія, или чтобы тамъ укрѣпились нѣмцы.

Безъ большого затрудненія посты русскихъ посланниковъ могутъ быть понижены на степень повѣренныхъ въ дѣлахъ и въ Копенгагенѣ, и Брюсселѣ; посты же резидентовъ въ Дармштадтѣ, Ольденбургѣ и повѣренныхъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ и Карльсруэ могутъ быть совсѣмъ упразднены. Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ вообразить себѣ для этихъ миссій какихъ либо серьезныхъ занятій при современномъ устройствѣ Германской имперіи. По новой конституціи послѣдней Саксонія, Баварія, ганзейскіе города и пр. настолько же должны считаться независимыми государствами, какъ любые штаты Америки или австралійскія колоніи. Посты эти нерѣдко излишни и для придворнаго представительства. Такъ, напримѣръ, король баварскій страдаетъ сумасшествіемъ. Подобное представительство могло бы еще имѣть мѣсто, еслибъ осуществились другія болѣе настоятельныя потребности нашей дипломатической организаціи. Въ этомъ случаѣ не принято во вниманіе первенствующее значеніе Россіи на Востокѣ. Центръ тяжести нашей политики лежитъ теперь не въ мелкихъ германскихъ дворахъ, которые совершенно безсильны передъ централизующимъ вліяніемъ берлинскаго правительства и являются только покорными орудіями въ желѣзныхъ рукахъ князя Бисмарка, а именно на Востокѣ, гдѣ мы представлены еще дипломатически весьма слабо и не полно, но гдѣ послы и агенты сохраняютъ то значеніе, которое дипломаты имѣли въ Европѣ въ прежнее время. Мы ничего не можемъ замѣтить по поводу настоящей организаціи нашего представительства въ Константинополѣ, Аѳинахъ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Тегеранѣ и Іеддо, русская же миссія въ Пекинѣ обставлена, по нашему мнѣнію, недостаточно внушительнымъ образомъ.

Съ учрежденіемъ русской миссіи въ Кореѣ пополненъ весьма существенный пробѣлъ въ нашемъ дипломатическомъ представительствѣ въ Азіи, но вся южная и центральная

Азія, гдѣ значеніе Россіи очень важно, а положеніе также еще неопредѣленно, вовсе не имѣютъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Единственное улучшеніе, на которое можно указать въ новомъ штатѣ, это учрежденіе генеральнаго консульства въ Шанхаѣ, взамѣнъ вице-консульства въ этомъ городѣ, покровительствовавшаго, говорятъ, торговлѣ куліями. Крайне необходимо устроить какъ можно скорѣе дипломатическія и военныя агентуры въ Афганистанѣ и другихъ независимыхъ еще средне-азіатскихъ земляхъ. Точно также слѣдуетъ имѣть дипломатическаго и военнаго агента въ Калькутѣ, который лѣтомъ жилъ бы въ Симлѣ. Почти пограничная намъ Индійская имперія съ 240 милл. жителей, съ арміей въ 250,000 челов., съ военнымъ бюджетомъ въ 200 милл. руб. и завоевательной политикой не можетъ быть оставлена болѣе безъ вниманія.

Обыкновенно возражаютъ, что при назначеніи нашего агента въ Индіи англичане поспѣшатъ назначить своего агента въ Туркестанскій край, отчего будто бы пострадаютъ русскіе интересы. Подобный доводъ не выдерживаетъ критики. Мы полагаемъ, что Россіи нечего скрываться въ дѣйствіяхъ своихъ въ Азіи, особенно передъ англичанами; гласность въ этомъ случаѣ была бы даже полезна, потому что разсѣяла бы въ нейтральныхъ государствахъ Европы многіе пустые страхи. Извѣстная депеша г. Скайлера о туркестанскихъ дѣлахъ можетъ служить образчикомъ дипломатической нескромности, но спрашивается, кто потерялъ отъ обнародованія этого документа, и какія могло оно имѣть послѣдствія, кромѣ немедленнаго опроверженія фактовъ вымышленныхъ и раскрытія истины, буде таковая заключалась. Неимѣніе своего агента въ Остъ-Индіи, кромѣ неизвѣстности, что дѣлается въ этой странѣ, сопряжено съ другими важными неудобствами. Такъ, двукратно г. Пашино, бывшій дипломатическій чиновникъ, ѣздилъ въ Остъ-Индію и, по собственному описанію, напечатанному въ „Голосѣ“, оба раза подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ. Не прискорбно ли это для русскаго имени, столь уважаемаго на Востокѣ? И возможны ли были бы подобные факты, еслибъ мы имѣли агента въ Остъ-Индіи?

Отъ неимѣнія взаимныхъ сношеній и незнанія мѣстныхъ условій въ Азіи, мы пока ничего полезнаго не извлекли, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ тѣ значительныя уступки, которыя мы сдѣлали въ афганистанскомъ вопросѣ для успокоенія мнительности англичанъ. Къ тому же вовсе изолироваться и недопускать агентовъ, не только явныхъ, но и тайныхъ, рѣшительно невозможно, а всегда выгоднѣе находиться подъ наблюденіемъ одного официальнаго агента, нежели десяти шпіоновъ.

Въ „La Nouvelle Revue“ была какъ-то помѣщена статья, содержавшая свѣдѣнія объ устройствѣ министерствъ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи и Франціи. Эти свѣдѣнія не лишнее сопоставить съ подобными же данными объ организаціи нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Такое сопоставленіе тѣмъ интереснѣе, что въ настоящее время несомнѣнно англійская организація болѣе удовлетворительна; по крайней мѣрѣ англійская дипломатія торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ, тогда какъ французская играетъ довольно жалкую роль, особенно если сравнить ее съ блестящею ролью французской дипломатіи XVII и XVIII столѣтій.

Разница въ организаціи начинается съ центральнаго вѣдомства. Во Франціи имѣется только одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ, получающій 24,000 руб. въ годъ жалованья, въ Англіи министръ имѣетъ 600,000 руб., да у него четыре товарища, изъ которыхъ одинъ, независимый отъ парламентскаго большинства, съ жалованьемъ въ 20,000 р. Каждый изъ товарищей завѣдуетъ какою либо частью дипломатическихъ сношеній. У насъ министръ имѣетъ товарища и оба вмѣстѣ получаютъ 39,200 руб.

Центральное управленіе иностранными дѣлами состоитъ въ Англіи изъ 8 департаментовъ и отдѣльныхъ частей, во Франціи изъ 6, у насъ также изъ 6 (въ томъ числѣ два главныхъ архива), и стоитъ въ Англіи 60,000 руб., въ томъ числѣ на канцелярскіе и хозяйственные расходы 160 тысячъ руб., во Франціи 400,000 руб., въ томъ числѣ канцелярскіе и др. расходы 100,000 руб., у насъ, включая награды чиновникамъ всего министерства, 430 тыс. руб.,

въ томъ числѣ канцелярскіе и хозяйственные расходы 106 тысячъ. Но эти цифры получаютъ другое значеніе, если сравнить ихъ съ числомъ служащихъ. Въ Англіи въ Foreign Office всего 85 чиновниковъ, а во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ 165, при этомъ въ Англіи только 14 изъ нихъ получаютъ менѣе 1,200 руб. въ годъ, а во Франціи 90. Такая разница зависитъ отъ того, что въ Англіи молодые кандидаты на дипломатическія должности разсылаются по посольствамъ и консульствамъ, а не проводятъ годы, послѣ выдержанія дипломатическаго экзамена, безъ всякаго вознагражденія при центральномъ управленіи, занимаясь механическимъ трудомъ копированія депешъ. Англійская система, очевидно, лучшая; у нея мало чиновниковъ, но они хорошо оплачены, молодежь же не бездѣльничаетъ въ столицѣ, а на мѣстѣ изучаетъ нравы, учрежденія и языки разныхъ странъ. По размѣрамъ окладовъ наши штаты приближаются скорѣе къ англійскимъ; такъ, начальники отдѣленія (jounior clerks 1-го класса или rédacteur) получаютъ въ Англіи среднимъ числомъ около 3,000 руб., а во Франціи только 2,200 руб. Для точности сравненій слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Англіи у чиновниковъ никакихъ вычетовъ не дѣлаютъ, французы же и мы дѣлаемъ вычеты на пенсію.

Отношенія англичанъ и французовъ къ своимъ служащимъ по дипломатической части также весьма различныя. Въ Англіи министръ имѣетъ право, какъ и въ Россіи, увольнять своихъ чиновниковъ безъ объясненія причинъ (нашъ знаменитый 3-й пунктъ), за то онъ имѣетъ право давать чиновникамъ пенсіи даже за небольшое число лѣтъ службы и можетъ оставлять полезнымъ заштатное содержаніе даже десять лѣтъ подъ-рядъ. Во Франціи увольненіе безъ прошенія чиновниковъ ограничено разными формальностями, за то заштатнаго содержанія почти не существуетъ, а пенсіи даются только при возрастѣ не менѣе 60 лѣтъ, за государственную службу свыше 30 лѣтъ и притомъ въ ничтожныхъ размѣрахъ, дѣлающихъ заслуженнаго чиновника на старости лѣтъ нищимъ. Въ Англіи законъ даетъ также право министру вовсе отказывать въ пенсіи, если

онъ знаетъ, что увольняемый чиновникъ имѣетъ собственныя достаточныя средства къ жизни. Пенсіи въ Англіи очень велики и при этомъ предоставляется еще на выборъ чиновнику получать пожизненную пенсію или взять соотвѣтствующій ей капиталъ. Наши пенсіи по закону не велики, но извѣстно, что давно въ этомъ случаѣ руководствуются особыми правилами.

На подъемъ посылаемымъ и перемѣщаемымъ чиновникамъ англичане даютъ, повидимому, скупѣе французовъ, подъемныя особенно сокращаются при дальнѣйшихъ перемѣщеніяхъ, но такъ какъ англичане рѣдко мѣняютъ чиновниковъ, то въ сущности обѣ системы сводятся къ одному и тому же. Расходы на этотъ предметъ, а равно на курьеровъ и пр. въ англійскомъ, французскомъ и русскомъ бюджетахъ почти одинаковы, около 300,000 руб. въ годъ.

Мы видимъ, что наше дипломатическое вѣдомство можетъ заимствовать кое-что у англичанъ, у французовъ же ему заимствовать ничего не приходится. Важны, однако, не эти формальныя стороны дипломатической службы, которыя легко могутъ быть измѣнены однимъ-двумя законами,— но тотъ духъ, который ни въ какія законодательныя и другія рамки не укладывается. Въ этомъ случаѣ англійская дипломатія въ особенности заслуживаетъ изученія. Нѣтъ народа, который громкую фразу: „держать высоко знамя своего государства“ съумѣлъ бы сдѣлать такою живою дѣйствительностью.

На свои посольства и миссіи Англія издерживаетъ 1.440,000 руб. въ годъ, Франція 1.260,000 руб., Россія съ расходами по курсу около 1.585,000 руб. За десять лѣтъ послѣдняя сумма увеличилась на 400 слишкомъ тысячъ, но эта прибавка не составила, впрочемъ, какой либо тягости для государственнаго казначейства, потому что одновременно всѣ консульскіе сборы разныхъ наименованій, а равно штрафы съ шкиперовъ положено обращать въ государственный доходъ, кромѣ, однако, сборовъ, взимаемыхъ консулами и агентами, не состоящими въ дѣйствительной службѣ и неполучающими содержанія отъ казны. Этимъ лицамъ предоставляется, попрежнему, обращать взимаемые

ими консульскіе сборы въ свою пользу. Въ общемъ итогѣ выходитъ, что Россія какъ будто тратитъ болѣе всѣхъ, между тѣмъ наши вознагражденія въ среднемъ гораздо менѣе англійскихъ. Несогласіе зависитъ, очевидно, отъ того, что въ расходъ нашихъ посольствъ включено содержаніе ихъ зданій и пр., въ Англіи и Франціи показанное въ бюджетѣ особою статьею. Англичане даютъ среднимъ числомъ своимъ посламъ 80,000 р. въ годъ, мы — 50,000 р., посланникамъ — отъ 30,000 р., мы — отъ 15 до 30,000 р., первымъ секретарямъ — отъ 7,200 до 9,000 р., мы — отъ 4 до 6,000 р. и т. д. При этомъ назначеніи окладовъ приняты во вниманіе не столько важность поста, сколько относительная дороговизна жизни въ разныхъ мѣстахъ. Вообще жалованье для Востока, особенно дальняго, и для Америки значительно выше окладовъ для Европы, что̀ и вполнѣ справедливо, такъ какъ дипломатическая служба въ Европѣ можетъ привлекать и людей достаточныхъ, желающихъ только занимать извѣстное положеніе въ обществѣ, трудъ здѣсь также чрезвычайно облегченъ въ миссіяхъ гласностью всѣхъ явленій политической жизни при помощи періодической печати.

Расходы на консуловъ находятся въ обратномъ отношеніи. Франція издерживаетъ на нихъ 2.096,000 руб., имѣя 217 штатныхъ консуловъ и 517 нештатныхъ, Англія расходуетъ 1.771,000 р., имѣя 318 штатныхъ консуловъ и 346 нештатныхъ. Расходъ Россіи на консуловъ, включая и нѣкоторые хозяйственные расходы, только 770,000 руб. Конечно, наша внѣшняя торговля, сравнительно съ англійскою, ничтожна, но во всякомъ случаѣ разница въ расходахъ на дипломатическую часть и консульскую по русскому бюджету не лишена значенія.

Консулъ всегда разсматривается какъ главный защитникъ интересовъ торговли и промышленности государства, его назначившаго, потому по мѣрѣ того, какъ развиваются торговые обороты между народами, возвышается значеніе консуловъ и увеличивается ихъ вліяніе на ходъ мирныхъ международныхъ отношеній. Этимъ обстоятельствомъ можно себѣ объяснить, почему число консуловъ постоянно увели-

чивается во всѣхъ странахъ. У насъ, очевидно, еще роль консуловъ недостаточно твердо опредѣлилась и ихъ положеніе относительно дипломатическихъ миссій считается второстепеннымъ.

Ни одно государство не имѣетъ средствъ оплачивать всѣхъ своихъ консуловъ изъ государственнаго казначейства и каждое представляетъ нештатнымъ консуламъ брать вмѣсто жалованья консульскіе сборы въ свою пользу; тутъ замѣчается, однако, большая разница. Подобное разрѣшеніе не обременительно въ Англіи. Англійскіе консулы не имѣютъ права облагать торговое судоходство, потому ихъ сборы немногочисленны и со всѣхъ концовъ міра англійское правительство получаетъ въ общемъ итогѣ отъ своихъ штатныхъ консуловъ 480,000 руб., у французовъ сборы уже гораздо отяготительнѣе, ихъ поступаетъ отъ штатныхъ консуловъ въ государственное казначейство 700,000 р. Наши сборы отъ штатныхъ консуловъ составляютъ среднимъ числомъ 225,000 руб., столько же, вѣроятно, собирается нештатными. Такой сборъ чрезвычайно обременителенъ: наше мореходство и число путешественниковъ во сто разъ менѣе англійскихъ, сборовъ же взимается только въ половину противъ англійскаго, притомъ большая часть сборовъ взимается съ ничтожнаго числа русскихъ судовъ, плавающихъ заграницу.

Пошлины, собираемыя съ судоходства, не только высоки и неравномѣрны, но и нисколько не соотвѣтствуютъ услугамъ, оказываемымъ нашими консулами. Есть заграничные порты, гдѣ даже Русское общество пароходства и торговли, имѣя постоянныя срочныя сношенія, не получаетъ доходовъ, достаточныхъ для покрытія консульскихъ сборовъ. Такъ какъ пошлины эти взимаются не съ груза, а съ валовой и ластовой вмѣстимости и судно должно платить 6 коп. за ластъ, вмѣсто 2 коп., если имѣетъ хотя одинъ пудъ груза, то наши суда, во избѣжаніе уплаты консульскихъ сборовъ, въ промежуточныхъ портахъ отказываются брать товары, т. е. заводить тамъ торговыя сношенія. Эти нелѣпые поборы давно слѣдуетъ отмѣнить; къ

сожалѣнію, профессоръ Мартенсъ оставилъ ихъ въ своемъ проектѣ новаго консульскаго устава.

Не менѣе настоятельно требуются и измѣненія въ личномъ составѣ нашихъ консуловъ и въ способѣ ихъ дѣйствій.

До сихъ поръ наши консулы ограничивались болѣе исполненіемъ извѣстныхъ формальностей по прописке русскихъ судовъ, по заботамъ о русскихъ мореходцахъ, по охраненію наслѣдствъ русскихъ подданыхъ и т. п.; на Востокѣ они имѣли и судебныя функціи. Роль консуловъ въ смыслѣ содѣйствія русской внѣшней торговлѣ была самая скромная. Между тѣмъ значеніе консуловъ какъ торговыхъ агентовъ установлено еще Мартенсомъ (не вышеозначеннымъ профессоромъ, а знаменитымъ авторитетомъ международнаго права). Эта роль консуловъ имѣлась въ виду уже при учрежденіи при Петрѣ Великомъ перваго русскаго консульства „въ Бурдо“ (Бордо). Содѣйствіе консуловъ торговлѣ выражалось, однако, долгое время лишь въ неаккуратной пересылкѣ жиденькихъ отчетовъ, которые департаментъ внутреннихъ сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ присылалъ въ департаментъ торговли и мануфактуръ Министерства Финансовъ, съ просьбою возвратить „по миновании надобности“. Надобность эта появилась лишь очень недавно, когда отчеты консуловъ стали публиковаться въ „Вѣстникѣ Финансовъ“; но этого печатанія еще крайне недостаточно. Донесенія консуловъ получатъ значеніе только тогда, когда будетъ имѣться учрежденіе для разсмотрѣнія этихъ донесеній, для обработки ихъ и для извлеченія для правительства полезныхъ свѣдѣній. До того же консульскія донесенія—тѣ же газетныя корреспонденціи, только болѣе скучныя.

Объ организаціи такого надзора за консулами по торговой части, подобнаго тому, который существуетъ въ англійскомъ Board of Trade, у насъ нѣтъ пока и рѣчи, да ему должно предшествовать пополненіе консуловъ спеціалистами тамъ, гдѣ въ этомъ предстоитъ безотлагательная надобность.

Странно, напримѣръ, что даже въ такихъ первоклассныхъ портахъ, какъ Антверпенъ и Роттердамъ, гдѣ сдѣлки

съ русскими товарами совершаются ежегодно на десятки милліоновъ рублей и куда ежегодно заходятъ русскія торговыя суда, нѣтъ до сихъ поръ штатныхъ консуловъ и обязанности послѣднихъ исправляютъ иностранцы. Нѣтъ штатнаго консула въ Килѣ, нѣтъ въ Портъ-Саидѣ, который съ развитіемъ движенія по Суэзскому каналу пріобрѣлъ такое огромное значеніе для торговли, русское представительство довѣрено тамъ германцу.

Еще болѣе странно, что въ Остъ-Индіи, которую, по мнѣнію иностранцевъ, мы будто бы готовы проглотить во всякое время, нѣтъ до сихъ поръ русскихъ штатныхъ консуловъ. Лѣтъ десять назадъ было учреждено, правда, консульство въ Бомбеѣ, съ жалованіемъ 7,000 руб. золотомъ въ годъ, но оно никогда не замѣщалось, какъ слышно потому, что изъ нашихъ дипломатовъ не нашлось охотника жить въ городѣ съ такимъ непріятнымъ климатомъ! Возстановленіе консульства или, еще лучше, учрежденіе генеральнаго консульства въ Бомбеѣ и штатныхъ консульствъ въ Коломба на Цейлонѣ, куда постоянно заходятъ суда, идущія изъ Россіи въ Тихій океанъ, и въ Карачи — нашемъ соперникѣ въ хлѣбной торговлѣ, безусловно необходимо.

Красное море, гдѣ сталкиваются теперь интересы англійскіе, турецкіе, итальянскіе и французскіе, также не можетъ быть оставлено безъ русскаго штатнаго консула. Выборъ мѣстопребыванія для послѣдняго въ Джеддѣ, Суакимѣ или Масовѣ долженъ быть предоставленъ ближайшему изслѣдованію. Лучше всего, кажется, избрать Джедду, ибо этотъ городъ, какъ портъ Мекки, постоянно посѣщается большимъ числомъ русскихъ подданныхъ.

Нельзя оставить безъ русскихъ консуловъ и южной и западной Африки. Колоніальные интересы европейскихъ державъ здѣсь, очень напряжены. Кромѣ того, тамошнія мѣстности могутъ играть роль на случай крейсерской войны. Штатный консулъ необходимъ поэтому въ Кептоунѣ, куда уже не рѣдко заходятъ русскія военныя суда и по сосѣдству съ которымъ лежатъ страны, конкуррирующія съ нами по вывозу шерсти и др. продуктовъ. Консулъ понадобится

и въ одномъ изъ пунктовъ новоиспеченнаго государства Конго.

Въ Америкѣ мы не имѣемъ штатныхъ консуловъ въ такихъ первоклассныхъ по торговому значенію пунктахъ, какъ Буэносъ-Айресъ, Новый-Орлеанъ и Гаванна. Два первые особенно важны. Буэносъ-Айресъ потому, что вывозимыя изъ него: шерсть, кожа, сало и пр. сырые продукты составляютъ сильную конкурренцію русской торговлѣ на европейскихъ рынкахъ. Новый-Орлеанъ—по значенію его для снабженія Россіи американскимъ хлопкомъ. Гаванна имѣетъ значеніе по болѣе частому посѣщенію ея порта русскими судами. По открытіи Панамскаго канала, штатнаго консула придется по всей вѣроятности имѣть и въ Панамѣ или въ Аспинвалѣ.

Наконецъ, есть цѣлая часть свѣта, Австралія, гдѣ нѣтъ ни одного нашего штатнаго представителя. Иные подумаютъ, что Австралія такъ удалена, что тамъ рѣшительно нечего дѣлать представителямъ Россіи, но это великое заблужденіе. Австралія интересна для насъ въ очень многихъ отношеніяхъ. Прежде всего важнѣйшіе австралійскіе порты: Мельбурнъ и Сидней, и теперь посѣщаются русскими военными судами. Затѣмъ по торговлѣ сырьемъ Австралія представляетъ для Россіи одного изъ опаснѣйшихъ соперниковъ на всемірныхъ рынкахъ, и очень важно знать экономическое состояніе этой страны. Въ политическомъ отношеніи близкое знаніе Австраліи очень важно, какъ по отношенію къ Англіи ея богатыхъ австралійскихъ колоній, такъ и по дѣятельному участію въ австралійской колоніальной политикѣ нѣмцевъ и французовъ, отчасти испанцевъ и голландцевъ. Въ случаѣ крейсерской войны Австралія навѣрное будетъ очень важнымъ мѣстомъ для русскихъ военныхъ крейсеровъ, между тѣмъ мы такъ мало имѣемъ связей въ тѣхъ мѣстахъ. Учрежденія генеральнаго консульства въ Сиднеѣ или Мельбурнѣ и нѣсколькихъ штатныхъ вице-консульствъ въ другихъ пунктахъ (въ Брисбэнѣ, Аделаидѣ, Нумэа и т. п.), съ назначеніемъ на эти должности по преимуществу образованныхъ морскихъ офицеровъ, дѣло чрезвычайно полезное и своевременное.

Мы можемъ указать еще на одинъ пробѣлъ въ нашей дипломатической организаціи заграницею. Хотя консулы и др. агенты назначаются для покровительства русской торговлѣ, а отчасти для собиранія о ней точныхъ свѣдѣній, которыя могли бы служить съ пользою для нашихъ купцовъ и фабрикантовъ, но долгій опытъ показалъ, что наши консулы, отчасти за недостаткомъ времени, отчасти пополняясь обыкновеннымъ бюрократическимъ путемъ, за отсутствіемъ необходимыхъ познаній, довольно небрежно исполняютъ эту часть своихъ обязанностей. Свѣдѣнія доставляются ими рѣдко и вообще неаккуратно. Министерство Финансовъ имѣетъ еще, правда, въ Европѣ своихъ спеціальныхъ агентовъ, но эти агенты занимаются болѣе преслѣдованіемъ поддѣлывателей фальшивыхъ кредитныхъ бумагъ и другими служебными порученіями, къ тому же ихъ только трое на всю Европу, и нѣтъ ни одного агента въ Азіи и Америкѣ, гдѣ именно особенно желательно развитіе торговыхъ сношеній съ Россіей. Существующіе по закону агенты горнаго вѣдомства заграницею не замѣщаются, а вновь учрежденныя агентства Министерства Путей Сообщенія еще ничѣмъ себя не заявили. Намъ кажется, что подчиненіе консуловъ Министерству Финансовъ, предлагавшееся какъ средство дать имъ болѣе полезное для торговли направленіе, невозможно, но, подобно тому какъ при важнѣйшихъ заграничныхъ миссіяхъ учреждены уже посты военныхъ агентовъ, собирающихъ всѣ свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ организаціи иностранныхъ армій, слѣдовало бы образовать, хотя при нѣкоторыхъ нашихъ миссіяхъ, особые посты торговыхъ агентовъ, изъ лицъ, спеціально образованныхъ и подготовленныхъ для этого дѣла. На первый разъ весьма полезно было бы назначеніе такихъ агентовъ въ Турцію, Остъ-Индію, Китай, Японію и Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ у насъ чрезвычайно сложныя и разнообразныя обязанности, но по существу своему онѣ главнымъ образомъ касаются полиціи. Тѣмъ удивительнѣе было, что болѣе сорока лѣтъ государ-

ственная полиція составляла особое вѣдомство и сосредоточивалась въ такъ называемомъ III Отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. Только въ 1880 г. послѣдовалъ указъ объ упраздненіи Третьяго отдѣленія и слитіи его съ департаментомъ полиціи исполнительной, подъ названіемъ департамента полиціи. Это перемѣщеніе департаментовъ, съ виду только актъ внутренняго административнаго распорядка, на дѣлѣ, для тѣхъ, кому знакомы основанія нашего государственнаго устройства, являлось громадной государственной реформой.

Исполнилось завѣтное желаніе каждаго русскаго гражданина, чтобы верховная власть стояла лицомъ къ лицу съ народомъ, безъ посредства тайныхъ канцелярій, съ довѣріемъ къ спокойному достоинству и благоразумію милліоннаго населенія, исторически заявившаго свою преданность Царствующему Дому въ самыя трудныя минуты, а не къ искусству нѣсколькихъ лицъ, сокровенныя дѣйствія которыхъ лишены всякаго контроля съ обѣихъ сторонъ, т. е. какъ со стороны верховной власти, такъ и со стороны общества.

Славянофилы, одни сколько нибудь разумно формулировавшіе философію нашей исторіи, видя въ Россіи государство, создавшееся безъ завоеванія одной національности другою, а по свободному избранію, повторившемуся съ такою силою въ великомъ актѣ собора 1613 года, опредѣлили, что основное начало нашего государственнаго устройства есть „согласіе“ Государства (т. е. правительства и Земли (т. е. народа). „Безъ государя, гласили грамоты, приглашавшія на соборъ, окончившійся единогласнымъ избраніемъ дома Романовыхъ, московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять некому; безъ государя въ достоль московское государство разорятъ все: безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется и воровство многое множится“...

Въ государствѣ, основанномъ на подобномъ согласіи, понятно, нѣтъ мѣста тайнымъ канцеляріямъ. Ихъ не было въ московской Россіи. Приказъ „тайныхъ дѣлъ“ симпа-

тичнѣйшаго изъ царей московскаго періода, Алексѣя Михайловича, ровно ничего тайнаго не заключалъ, а служилъ домашней канцеляріей тишайшаго царя. Только съ Петра, когда нетерпѣніе въ проведеніи реформъ и нѣкоторое презрѣніе къ естественному консерватизму массы произвело рознь между правительствомъ и народомъ, устроилась первая тайная канцелярія подъ именемъ Преображенскаго приказа.

Въ XVIII вѣкѣ, когда, по несчастному стеченію обстоятельствъ почти всѣ царствованія начинались переворотомъ, а во главѣ дѣлъ стояли иностранцы, или „случайные“ люди, роль тайныхъ канцелярій росла и укрѣплялась. Петръ III, или, вѣрнѣе, окружавшая его клика, которая нѣсколькими либеральными реформами хотѣла возстановить популярность императора, уничтожилъ тайную канцелярію. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, говорилось: „Со времени Петра Великаго отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей“. Манифестъ обѣщалъ уничтоженіе канцеляріи навсегда, тѣмъ не менѣе тайная канцелярія очень скоро возстановилась, называясь при Екатеринѣ II и Павлѣ тайною экспедиціей, при Александрѣ I министерствомъ полиціи, а съ царствованія Николая I Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи.

При каждомъ изъ этихъ преобразованій у правительства имѣлась, повидимому, полезная цѣль: создать коррективъ административному произволу и замѣнить отсутствіе правосудія, несуществовавшую гласность и молчавшее общественное мнѣніе наблюденіемъ агентовъ болѣе или менѣе независимыхъ и поставленныхъ въ прямое соотношеніе съ высшей администраціей. Но опытъ прямо говорилъ, что подобная цѣль не достигалась. Какъ еще при Петрѣ понятіе „фискала“ сдѣлалось ненавистнымъ народу,

такъ и затѣмъ ни въ одномъ изъ своихъ видоизмѣненій политическая полиція не могла заслужить въ Россіи ни малѣйшей популярности.

Пожеланіе императора Николая графу Бенкендорфу насчетъ III Отдѣленія остались платоническими. Извѣстны были нѣкоторыя полезныя дѣйствія тайной канцеляріи, но смѣна нѣсколькихъ негодныхъ чиновниковъ, укрощеніе слишкомъ жестокихъ помѣщиковъ и заступничество за женщинъ, преслѣдуемыхъ съ корыстными и другими цѣлями мужьями и родными, не въ состояніи были примирить общество съ учрежденіемъ, основаніемъ которому служило недовѣріе къ этому обществу и дѣйствія котораго, по ихъ совершенной безконтрольности, могли истолковаться въ какую угодно сторону.

При вступленіи на престолъ покойнаго Государя, когда жизнь закипѣла въ застоявшемся тѣлѣ имперіи, Третье отдѣленіе, съ его миѳическими креслами для сѣченія дамъ и глухонѣмыми чиновниками, стало курьезнымъ анахронизмомъ. Подъ управленіемъ князя В. А. Долгорукова Отдѣленіе существовало болѣе номинально и не упразднялось развѣ потому, что у администраторовъ того времени чуть не съ дѣтства внѣдрилось преувеличенное понятіе о благодѣтельности учрежденія, стоявшаго внѣ закона и о которомъ даже составители Свода Законовъ изъ страха не рѣшились обмолвиться ни однимъ словомъ.

Рядъ преступныхъ покушеній на жизнь Александра II, начавшійся съ 1866 г. со стороны горсти одурѣвшихъ анархистовъ, далъ новую жизнь обреченному смерти Отдѣленію. Графъ П. А. Шуваловъ сдѣлалъ послѣднее центромъ нашей внутренней политики.

Система графа Шувалова, поддерживаемая по рутинѣ его преемниками, состояла въ прискорбномъ смѣшеніи въ разрядъ государственныхъ преступленій не только преступныхъ дѣяній анархической—революціонной партіи, съ которою ведетъ теперь безпощадную войну вся образованная Европа, но и каждаго проявленія оппозиціи правительству и даже простого выраженія неудовольствія на дѣйствія администраціи, столь естественнаго въ странѣ

обширной, молодой и далеко не устроенной. При подобномъ воззрѣніи количество государственныхъ преступленій росло очень быстро. Неосторожный споръ на полкѣ въ банѣ о судебной реформѣ двухъ лицъ представлялся событіемъ, требовавшимъ экстреннаго разслѣдованія. Въ погонѣ за мелочными фактами пропускались безъ вниманія крупныя проявленія злой воли и въ заключеніе всего вмѣсто успокоенія явилось неудовольствіе въ такихъ именно слояхъ общества, которыя составляютъ главную опору каждаго правительства. Расширяя кругъ своего недовѣрія, администрація дошла до того, что не только печать и выборныя учрежденія, но даже судъ по назначенію отъ правительства казался подозрительнымъ. При графѣ Паленѣ ни одинъ судебный слѣдователь не утверждался, напримѣръ, въ должности, очевидно отъ недовѣрія къ этому институту, на которомъ лежитъ розысканіе преступниковъ и который по принципу долженъ быть консервативнымъ.

Послѣдствія извѣстны. Ограниченія общества не умѣряли, а поощряли дерзость революціонеровъ-анархистовъ. Послѣдніе, очевидно, разсчитывали на усиленіе общаго неудовольствія. Графъ Лорисъ-Меликовъ вмѣсто усиленія строгостей обратился къ содѣйствію общества. Принявъ въ свое вѣдѣніе Третье отдѣленіе, графъ понялъ, что тайныя канцеляріи и застѣнки—устарѣлое, безсильное и вовсе непригодное оружіе въ наше время. Взволнованное общество успокоивается не подземными слѣдствіями и дознаніями, а ясной программой дѣйствій, полной довѣрія и къ силамъ народа, и къ его здравому смыслу. Вмѣсто хлопотъ объ увеличеніи значенія подчиненнаго ему учрежденія, расширенія денежныхъ средствъ Отдѣленія, прибавки числа агентовъ, въ число коихъ успѣли даже попасть анархисты, графъ ходатайствовалъ объ упраздненіи учрежденія, которое было не въ силахъ предупредить прискорбныя событія послѣднихъ лѣтъ и еще менѣе имѣло возможность найти цѣлебное средство отъ угрожавшихъ намъ золъ. Ни одно изъ четырехъ покушеній на жизнь Александра II не было предупреждено, не смотря даже на чрезвычайную сложность приготовленій къ этимъ престу-

пленіямъ. Когда передъ Государемъ представлена была вся правда о III Отдѣленіи, вся вредная безполезность для государства отъ этого учрежденія, онъ не задумался отмѣнить его и прибавилъ прекрасную страницу къ исторіи своего царствованія.

Администрація не отказалась, конечно, отъ права имѣть политическую полицію. Даже республиканскія государства, какъ Швейцарія, имѣютъ тайныхъ агентовъ и секретные фонды, но великая разница между неизбѣжнымъ зломъ и учрежденіемъ, стоявшимъ на такой высотѣ, на какой стояло Третье Отдѣленіе. Политической полиціи отведено теперь въ Россіи подобающее ей спеціальное назначеніе. Тайная же канцелярія въ смыслѣ руководителя внутренней политики, съ лицомъ во главѣ, которое имѣетъ ежедневный доступъ къ государю и по своему положенію первенствуетъ передъ всѣми другими органами правительства, такая канцелярія похоронена надолго, надѣемся навсегда.

Годомъ ранѣе было положено начало преобразованію на новыхъ началахъ нашей тюремной части, учрежденіемъ въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ главнаго тюремнаго управленія. Какъ всегда, дѣло это тормозилось изъ за канцелярскихъ недоразумѣній. Бывшее II Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи затруднялось пересмотромъ уложенія о наказаніяхъ до приведенія въ удовлетворительное состояніе тюремъ и каторжныхъ работъ, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признавало невозможнымъ переустраивать мѣста заключенія въ виду предстоящаго общаго пересмотра уложенія о наказаніяхъ! Въ главныхъ чертахъ новое учрежденіе явилось въ томъ видѣ, какъ оно было проектировано комиссіею о тюремномъ преобразованіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота. Новое управленіе образовалось изъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, вѣдавшаго дѣлопроизводствомъ по тюремной части, и изъ канцеляріи при президентѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ, но устроено на началахъ нѣсколько отличныхъ отъ другихъ высшихъ административныхъ управленій.

Наши министерскіе департаменты, какъ извѣстно, имѣ-

ютъ по закону весьма небольшой кругъ собственной власти и представляютъ только канцеляріи министра по извѣстнымъ отраслямъ администраціи; начальникъ же тюремнаго управленія собственною властью расходуетъ всѣ ассигнованные по смѣтамъ на тюремное управленіе кредиты и принимаетъ вообще всѣ распорядительныя мѣры, необходимыя для дѣйствія существующихъ законовъ по тюремной части, не испрашивая каждый разъ особаго разрѣшенія министра внутренникъ дѣлъ.

Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, вновь образованный при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, также отличается отъ другихъ нашихъ административныхъ совѣтовъ. Предсѣдателю и членамъ этого совѣта не полагается никакого содержанія, членами совѣта могутъ быть даже лица, не состоящія вовсе въ государственной службѣ. Дѣятельность совѣта, между тѣмъ, довольно значительна. Въ совѣтъ поступаютъ всѣ новыя предположенія, касающіяся тюремнаго устройства, порядка пересылки арестантовъ, организаціи частныхъ тюремныхъ учрежденій и обществъ, нравственнаго исправленія заключенныхъ, улучшенія тюремнаго хозяйства, порядка управленія и отчетности, а также проекты общихъ смѣтъ доходовъ и расходовъ по тюремной части, годовые отчеты о дѣятельности тюремнаго управленія и т. д. При главномъ тюремномъ управленіи состоятъ шесть инспекторовъ, которые командируются по мѣрѣ надобности для осмотра мѣстъ заключенія и ссылки.

Тюремная часть въ Россіи давно требовала радикальныхъ преобразованій, унаслѣдовавъ отъ прошлаго весьма дурныя традиціи. Не говоря уже объ XVIII столѣтіи, когда пытка со всѣми ея ужасами царила во всѣхъ тюрьмахъ, даже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, какъ видно изъ записки Магницкаго, напечатанной въ „Русской Старинѣ“, въ тюрьмахъ господствовалъ ужасный произволъ.

Магницкій жаловался министру внутреннихъ дѣлъ, гуманному графу Кочубею, что въ тюрьмахъ, вопреки закону, употребляются истязанія въ видѣ колодокъ, рогатокъ и тяжелыхъ кандаловъ. Осматривавшій въ это время тюрьмы англичанинъ Веннингъ даже въ Петербургѣ въ смирител-

номъ домѣ видѣлъ „бѣдныхъ женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, на которыхъ по три острыхъ спицы, длиною 8 дюймовъ, и такъ вдѣланы, что онѣ не могутъ ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы нѣсколько дней сряду въ ней содержались". Министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій, возражалъ противъ записки Магницкаго, но императоръ Александръ I замѣтилъ, что онъ „самъ лично видѣлъ рогатки на шеѣ у многихъ содержимыхъ въ петербургскомъ смирительномъ домѣ, равномѣрно и въ прочихъ губерніяхъ".

Введеніе новыхъ болѣе легкихъ кандаловъ было, однако, дозволено лишь тамъ, гдѣ устроены надежныя тюремныя зданія. Въ 1826 году императоръ Николай, по докладѣ, что преступниковъ приковываютъ на съѣзжихъ дворахъ цѣпями за шею, вновь повелѣлъ „не изобрѣтать ничего подобнаго". Жестокое обращеніе быстро уничтожилось, однако, подъ вліяніемъ просвѣщенія и наши тюрьмы и каторжныя работы въ 60-годахъ представляли другое зрѣлище—полной распущенности. Случалось, что преступленія совершалось нарочно, чтобы попасть въ каторгу, ибо послѣдняя существовала только на бумагѣ.

Рядомъ, сколько сохранялось въ нашихъ тюрьмахъ злоупотребленій по части продовольствія, одежды арестантовъ, тюремной дисциплины! Раскрытіе этихъ злоупотребленій и устройство тюремной части и ссылки въ возможно благообразномъ видѣ стало, конечно, одною изъ первыхъ задачъ новаго центральнаго тюремнаго управленія. Оно озаботилось также нравственнымъ просвѣщеніемъ арестантовъ и приняло мѣры, чтобы наши тюрьмы не оставались академіями разврата, гдѣ въ конецъ растлѣваются молодые преступники сообществомъ съ закоренѣлыми злодѣями. Благодаря новому тюремному управленію, упорядочилась также ссылка въ каторжныя работы на Сахалинъ и облегчилась служба нашей арміи порученіемъ охраны тюремъ спеціальной тюремной стражѣ. Къ сожалѣнію въ тюремное управленіе вкралось очень скоро доктринерское направленіе, поощряющее къ перениманію чужихъ образцовъ. Поэтому это управленіе настойчиво добивается отмѣны ссылки въ Сибирь, что было бы величайшею ошибкою. Впрочемъ, послѣ десяти-

лѣтняго опыта, какъ видно изъ его отчета, главное тюремное управленіе убѣдилось, что „ложно понятая филантропія развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на преступника и порождаетъ совершенно справедливое неудовольствіе въ свободномъ населеніи, которое въ большинствѣ своемъ при самомъ честномъ иногда трудѣ не въ силахъ доставать себѣ никакого жилища, одежды и пропитанія, какими пользуется человѣкъ, нанесшій вредъ обществу".

Можно пожалѣть еще, что не осуществилось предположеніе подчинить тюремное управленіе Министерству Юстиціи. Управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ превосходитъ силы одного челокѣка, между тѣмъ министръ юстиціи, имѣя у себя только два департамента (юстиціи и межевой), могъ бы съ бо́льшимъ вниманіемъ заняться тюремною частью.

Нѣтъ также никакой необходимости, чтобы департаментъ иностранныхъ исповѣданій находился у насъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; съ августа 1880 г. по мартъ 1881 г. онъ былъ отдѣленъ отъ этого министерства, и никакихъ оттого неудобствъ не происходило. Съ присоединеніемъ дѣлъ о раскольникахъ, производимыхъ теперь въ департаментѣ общихъ дѣлъ, и съ переименованіемъ въ департаментъ неправославныхъ исповѣданій или духовныхъ дѣлъ, онъ могъ бы быть соединенъ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, дѣятельность котораго вращается въ слишкомъ узкомъ кругу и потому неизбѣжно односторонняя.

ГЛАВА V.

Министерства.

Почтовая часть.—Министерство Народнаго Просвѣщенія.—Вѣдомство учрежденій императрицы Маріи.—Государственный Контроль.—Проектъ министерства окраинъ.

Едва ли въ нашъ вѣкъ найдется болѣе важная функція въ общественномъ смыслѣ, какъ почтовая и телеграфная дѣятельность. При помощи ихъ — мысли всѣхъ головъ не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ поддерживаются во взаимномъ общеніи, приводятся, такъ сказать, къ одному знаменателю. Уничтожить почты и телеграфъ равносильно было бы—въ одно поколѣніе вернуть человѣчество за пять вѣковъ назадъ. А между тѣмъ, не смотря на подобное культурное значеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, на нихъ у насъ не обращали никакого вниманія, и если организація телеграфовъ—дѣла новаго—еще сравнительно была удовлетворительна, то почтовая часть въ Россіи пребывала въ первобытномъ состояніи и чувствовалось полное отсутствіе сознанія первостепенной важности роли почты въ государственномъ организмѣ.

Когда послѣ заграничныхъ почтамтовъ, помѣщающихся во дворцахъ, съ ихъ удивительнымъ механизмомъ, приходилось знакомиться съ нашими почтовыми управленіями, то невольно воображеніе переносилось за сто лѣтъ назадъ, когда почта служила для перевозки казенныхъ пакетовъ, частная же корреспонденція была прихотью. Почта долго

представлялась для насъ въ видѣ полупьянаго почталіона на перекладной, вязнущей по ступицу въ грязи, въ видѣ разорванныхъ кожаныхъ чемодановъ съ надписью: „1806 годъ", наполненныхъ казенными рапортами и предписаніями, или письмами, которыя помѣщики не торопятся распечатывать, а откладываютъ до другого дня, недоумѣвая, кто это побезпокоилъ ихъ своимъ писаніемъ—сцена, художественно воспроизведенная г. Гончаровымъ въ „Обломовѣ". Для сравненія стоило бы взглянуть на почту въ другихъ странахъ. Когда везутъ, напр., остъ-индскую почту, то едва съ обсерваторіи замѣчается на горизонтѣ дымокъ парохода, начинаютъ разводить паръ въ локомотивѣ; затѣмъ особый поѣздъ, состоящій только изъ этого локомотива и одного вагона съ почтовою корреспонденціей, немедленно отправляется черезъ Европу, съ невѣроятною скоростью 90 верстъ въ часъ, уплачивая тысячу фунтовъ стерлинговъ штрафа за каждый просроченный часъ. Такая система перевозки обходится, конечно, не дешево, сборы не покрываютъ, быть можетъ, и третьей части расходовъ; но англичане мало объ этомъ безпокоятся, зная, что почта, которая доставитъ правительству сто фунтовъ сбора, везетъ писемъ и приказовъ о дѣлахъ на десятки милліоновъ фунтовъ, отъ которыхъ Англія извлечетъ выгоды, далеко покрывающія приплаты на расходы почты или почтоваго пароходства.

Если публика наша сохраняла устарѣлый взглядъ на почту, то и почтовое вѣдомство упорно держалось чистодопотопныхъ традицій, не только не соображая, что цѣль его—удовлетворять интересамъ публики, а скорѣе полагая, кажется, что публика существуетъ только для излишняго безпокойства почтовыхъ чиновниковъ. Соотвѣтственно съ такимъ архаическимъ взглядомъ на почтовую часть, у насъ выработывался и персоналъ почтовыхъ чиновниковъ. О спеціальности тутъ не было и рѣчи. Женскій трудъ, который особенно удобно приложимъ къ почтовымъ операціямъ, не утилизировался, вознагражденіе почтовымъ чиновникамъ полагалось мизернѣйшее. Оно было нѣсколько повышено, но не достигло даже тѣхъ суммъ, которыя высшіе чиновники получали отъ хвостовъ и копытъ почто-

выхъ лошадей на станціяхъ, а низшіе—отъ праздничныхъ подачекъ помѣщиковъ и купечества. Конечно, одними повышенными окладами почтовая часть не могла улучшиться, но и привлечь способныхъ людей въ почтовую службу, оставляя почтовыхъ чиновниковъ на пищѣ св. Антонія, было невозможно. Безъ способныхъ же людей какія могутъ быть улучшенія.

Образчикомъ порядковъ, существовавшихъ у насъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, можно привести тотъ фактъ, что, восемь лѣтъ спустя послѣ открытія Николаевской желѣзной дороги, почта между обѣими столицами перевозилась на лошадяхъ, вслѣдствіе того, что почтовое вѣдомство „въ такой короткій періодъ времени“ не успѣло составить соображеній объ измѣненіи способа передвиженія почтъ! Другой примѣръ: между Кавказомъ и Константинополемъ существовало получающее помильную плату русское почтовое пароходство; но бумаги „экстренныя“ и „секретныя“ посылались, изъ осмотрительности, сухимъ путемъ, т. е. приходили мѣсяцемъ позже бумагъ не экстренныхъ. Далѣе: почта изъ Одессы въ Поти, вмѣсто парохода, отправлявшагося туда еженедѣльно и приходившаго къ назначенію въ пять сутокъ, въ теченіе многихъ лѣтъ шла пароходомъ только до Керчи, а затѣмъ сворачивала на Таганрогъ, Ростовъ, Тифлисъ, и приходила въ Поти только на шестнадцатые сутки. Изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ можно было попасть, напримѣръ, въ Баку или другой городъ Каспійскаго побережья дней въ семь или восемь; газеты же туда доставлялись на двадцатый или двадцать-первый день, совершая безконечныя странствованія по кавказскимъ и закавказскимъ горамъ и ущельямъ на перекладной. Если это касалось отдаленнаго захолустья, то вотъ явленіе, уже прямо интересовавшее столицу. Когда было устроено прямое желѣзнодорожное сообщеніе, черезъ Бѣлостокъ, Петербурга съ Одессою, а слѣдовательно съ Крымомъ, Кавказомъ, Турціей, Румыніей, Греціей и Египтомъ и весь путь совершался въ 54 часа, почта между Петербургомъ и Одессою направлялась прежнимъ путемъ на Курскъ и газеты и письма, вмѣсто двухъ сутокъ съ

небольшимъ, доходили по назначенію лишь на пятый день.

Улучшенія затягивались на полвѣка. Таковы введеніе почтовыхъ марокъ, открытыхъ писемъ, отмѣна частныхъ подорожныхъ и возвышеніе прогонной платы. Подорожная давно сдѣлалась вопіющею несообразностью. Можно было проѣхать въ какой либо городъ по желѣзной дорогѣ и уѣхать свободно, положимъ на пароходѣ за тысячу верстъ; если же требовалась поѣздка на почтовыхъ хотя бы за десять верстъ, то слѣдовало получить подорожную; но казначейство не выдавало послѣдней безъ разрѣшенія полиціи, на что, въ свою очередь, требовалась прописка и полученіе разрѣшенія на свободный выѣздъ; такимъ образомъ, вмѣсто полученія лошадей, если дѣло происходило ночью, приходилось ждать слѣдующаго дня, а затѣмъ странствовать въ полицію или ратушу, уѣздное казначейство, и, наконецъ, на почтовую станцію. Съ какою цѣлью продѣлывалась вся эта процедура—никто никогда объяснить положительно не могъ.

Рядомъ съ этимъ, почтовыя правила не пересматривались и изъ нихъ не исключалось множество совершенно излишнихъ и стѣснительныхъ формальностей, которыя безполезно раздражали чиновниковъ и приводили въ отчаяніе публику. Почтовый уставъ давно потерялъ силу, вслѣдствіе изданія въ 1871 г. временныхъ постановленій по почтовой части, равно вслѣдствіе состоявшихся въ 1872, 1873, 1874 и 1878 гг. международныхъ почтовыхъ договоровъ, а также другихъ распоряженій. Всѣ эти разнообразныя распоряженія оставались разсѣянными во множествѣ циркуляровъ по почтовому вѣдомству, гдѣ ихъ и почтовому чиновнику разыскивать было затруднительно, а для частнаго человѣка и совсѣмъ невозможно. Изученіе почтовыхъ правилъ по устарѣлымъ или неполнымъ руководствамъ и по массѣ большею частію измѣненныхъ циркуляровъ затруднялось еще и потому, что съ установленіемъ новыхъ распоряженій не всегда было опубликовано, какія изъ предшествовавшихъ узаконеній слѣдовало считать утратившими силу. Не включая разныхъ дополненій, существовало 1138 пра-

вилъ, которыми должны были руководствоваться наши почтовые чиновники, а ежедневно издавались еще новыя, вслѣдствіе развитія и преобразованія почтовыхъ операцій.

Водворился порядокъ въ нашемъ почтовомъ управленіи лишь послѣ слитія его съ телеграфнымъ и учрежденія въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. Послѣднее подъ руководствомъ г. Безака энергически принялось за преобразованія: оно совершило сліяніе почтовыхъ и телеграфныхъ управленій, открыло спеціальное почтово-телеграфное училище въ Петербургѣ, издало новую телеграфную таксу, удешевившую сношенія съ отдаленными мѣстностями Россіи, повысило окладъ служащимъ и приступило къ устройству почтовыхъ сберегательныхъ кассъ.

Почтовая корреспонденція въ Россіи увеличивается, хотя цифры общихъ итоговъ ничтожны сравнительно съ цифрами англійской или американской почтовой статистики, но надобно взять во вниманіе грамотность тамошняго населенія, развитіе торговли и затѣмъ быстроту почтовыхъ сообщеній. У насъ есть еще множество мѣстностей, откуда почта ходитъ только разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ! Самое же важное—это то, что нерѣдко даже большія поселенія удалены въ Россіи отъ почтовыхъ учрежденій, если только чрезъ нихъ не идетъ трактъ,—понятно, что письменныя сношенія жителей не могутъ быть при такихъ условіяхъ очень оживленны. Соотвѣтственно возростанію корреспонденціи ростетъ почтовый доходъ. Онъ могъ бы быть еще болѣе, еслибы не пониженіе цѣны почтовой марки, вслѣдствіе вступленія Россіи во всемірный почтовый союзъ. Простыя письма пересылаются теперь въ Россіи дешевле, чѣмъ заграницею, ибо мы платимъ 7 коп. за лотъ, когда во Франціи, напр., берутъ 25 сантимовъ, т. е. по нынѣшнему курсу 9 и 10 коп., а курсъ рубля со времени учрежденія всемірнаго союза понизился на 40%. Только такса на заграничную корреспонденцію повышена недавно до 10 коп. за лотъ. Эта разница совершенно нечувствительна для публики, тѣмъ болѣе, что заграничною корреспонденціею пользуются у насъ или торговыя конторы

и банки, или болѣе зажиточные классы. При прежней таксѣ была несправедливость и въ томъ отношеніи, что по внутренней корреспонденціи можно было послать за 7 коп. кред. только одинъ лотъ, т. е. 12,72 граммовъ, а по заграничной 15 граммовъ, т. е. письма заграницу, даже въ другія части свѣта, стоили дешевле, чѣмъ если шли въ русскіе города.

Сверхъ увеличенія таксы заграничной корреспонденціи сдѣлана прибавка косвеннымъ образомъ къ прогонной платѣ для проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ по казенной и частной надобности. Хотя она представляется для нѣкоторой части публики тягостной, но желаніе сократить расходы казны по содержанію почтовыхъ станцій весьма законно. Логически за право пользованія почтовыми лошадьми долженъ платить тотъ, кому онѣ нужны. Къ сожалѣнію, въ такомъ случаѣ движеніе по трактамъ Сибири и Туркестана было бы невозможно и правительство вынуждено приплачивать до сихъ поръ въ среднемъ 320 руб. за каждую пару почтовыхъ лошадей, или въ общемъ итогѣ свыше 7 милл. рублей въ годъ почтосодержателямъ за лошадей, которыми пользуются въ значительной мѣрѣ частные люди.

Повышеніе вѣсового сбора за пересылку посылокъ отъ 30 до 60% вызвано также необходимостью уменьшить убытки казны. Есть государства, гдѣ почта не принимаетъ посылокъ, предоставляя операцію ихъ перевозки транспортнымъ конторамъ; перевозка эта для маленькихъ посылокъ обходится тогда очень дорого. Поэтому нѣтъ повода претендовать, что у насъ, при желаніи, въ интересахъ публики, сохранить эту операцію за казною, правительство старается сдѣлать ее наименѣе для себя убыточною. И въ этомъ случаѣ, какъ при пользованіи почтовыми лошадьми, убытокъ, покрываемый изъ государственнаго бюджета, въ сущности покрывается людьми, которые посылочной операціей не пользуются, а часто и вовсе къ почтѣ никакого отношенія не имѣютъ. Къ этой категоріи относится большинство нашего сельскаго населенія.

Увеличенія сборовъ показалось, однако, мало ревнителямъ почтовыхъ доходовъ и для усиленія послѣднихъ было затруднено распространеніе по Россіи періодическихъ изда-

ній, подъ предлогомъ, что пересылка ихъ не окупаетъ себя, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ. Подобный проектъ, сочиненный еще въ старомъ почтовомъ департаментѣ, очень страненъ потому, что нельзя вырывать одну операцію изъ общаго ряда почтовыхъ операцій, монополія которыхъ принадлежитъ правительству, и составлять для нея разсчеты прибыльности. Почтовое вѣдомство везетъ за 7 коп. письмо и въ Царское Село, и въ Якутскъ, между тѣмъ не трудно доказать, что перевозка послѣдняго письма самому почтовому вѣдомству должна стоить не дешевле рубля. Неужели же письма въ Сибирь, какъ убыточныя для казны, слѣдуетъ обложить десятерною таксою?

Составители проекта, вычислявшіе убытки отъ газетной операціи, забывали, что почтовое вѣдомство имѣетъ операціи, прибыли отъ которыхъ вовсе не соотвѣтствуютъ производимымъ казною расходамъ—напр., по страхованію почтовой корреспонденціи. За страхъ почтовое вѣдомство беретъ болѣе 3 милл. руб., а выплачиваетъ за утраченную корреспонденцію менѣе 100 т. р. Какой бы крикъ подняла публика, еслибы частное страховое общество позволило себѣ подобные переборы. Отсюда слѣдуетъ, что если почтовое вѣдомство теряло немного на газетной операціи, то выигрывало вдесятеро на страхованіи, и въ общемъ въ убыткѣ не оставалось. Нельзя не пожалѣть также, что въ реформѣ вѣсового сбора съ посылокъ признано нужнымъ уничтожить привилегію, которую, въ интересахъ народнаго просвѣщенія, имѣла перевозка книгъ. Всѣмъ извѣстно, что книжное дѣло нисколько въ Россіи не развивается: число книгопродавцевъ не увеличивается и издательская дѣятельность, за малыми исключеніями, невыгодна. Изъ почтовой статистики видно, что за двадцать лѣтъ, съ 1874 по 1886 г., количество пересылаемыхъ по почтѣ книгъ почти не увеличилось. Конечно, это зависѣло отчасти отъ развитія пересылки книгъ за бандеролью, которая облегчена въ 1879 г. разрѣшеніемъ посылать за бандеролью посылки до 4 фунтовъ вѣсомъ, но, главнымъ образомъ, сбыту книгъ вредитъ распространеніе газетъ и періодическихъ изданій.

Новые сборы, хотя и могутъ быть обойдены частью расширеніемъ бандерольныхъ отправленій, частью пересылкою книгъ по желѣзнымъ дорогамъ и черезъ транспортныя конторы, все-таки стѣснятъ сбытъ книгъ особенно въ отдаленныя мѣстности Россіи. Между тѣмъ денежныя выгоды казны тутъ совершенно незначительны. Изъ той же почтовой статистики явствуетъ, что весь доходъ отъ пересылки книгъ по почтѣ, по льготной таксѣ, составлялъ немного болѣе пятидесяти тысячъ рублей; предполагая даже, что по новой таксѣ доходъ этотъ удвоится, во всякомъ случаѣ, казначейство получитъ такую сумму, которая ничтожна сравнительно съ интересами грамотности и просвѣщенія. Каждый столичный кабакъ доставляетъ казнѣ болѣе дохода, чѣмъ эта новая прибавка къ почтовой таксѣ. Льготныя таксы для перевозки книгъ существуютъ и въ другихъ странахъ, а можно ли сравнивать тамошнія разстоянія съ нашими? Да и средства заграничныхъ покупателей книгъ гораздо болѣе значительны, нежели русскихъ покупателей.

Рядомъ съ увеличеніемъ доходовъ почтоваго вѣдомства увеличиваются и расходы. Но для правильнаго сужденія о степени производительности въ Россіи почтовой операціи изъ расхода на приплату за содержаніе лошадей на почтовыхъ станціяхъ необходимо исключить издержки на содержаніе лошадей, отпущенныхъ для перевозки проѣзжающихъ, такъ какъ эти издержки, какъ было сказано, не составляютъ дѣйствительной потребности почтоваго вѣдомства, ибо изъ числа содержащихся на всѣхъ станціяхъ Имперіи лошадей для перевозки почтъ и эстафетъ отпускается немного болѣе одной трети. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что на почтовомъ вѣдомствѣ лежитъ обязательство безплатной пересылки разнаго рода корреспонденціи всѣхъ правительственныхъ и многихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій.

Есть еще фактъ почтовой статистики, не лишенный интереса. Это то, что быстрое распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходства не уменьшаетъ числа проѣзжающихъ на почтовыхъ; такимъ образомъ тѣ, кто, вспоминая

романсы „Тройка“, „Вотъ на пути село“ и проч., плачутся о гибели поэтическаго типа ямщика, плачутъ совсѣмъ напрасно. Это обстоятельство объясняется развитіемъ движенія по подъѣзднымъ путямъ къ желѣзнымъ дорогамъ, которое возмѣщаетъ сокращеніе движенія по шоссе и большимъ трактамъ.

Исторія Министерства Народнаго Просвѣщенія до 60-хъ годовъ была главнымъ образомъ исторіей цензуры. Даже министерство полиціи возставало противъ узкаго обскурантизма Министерства Просвѣщенія и во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1818 г. писало: „Правила, пріемлемыя въ руководство народнаго просвѣщенія по сужденіямъ занимающихся науками и словесностью, кажутся преступающими своими предѣлы... Такимъ образомъ предначертывается образъ ученія, противный образованности вѣка... Всѣ умствованія человѣческія вообще ни что иное, какъ догадки. Неужели для того сжечь творенія Бюффона, Невтона и пр.? Неужели уничтожить глобусы и не смѣть болѣе полагать, что земля вращается вокругъ солнца, потому что сіе противно нѣкоторымъ мѣстамъ Библіи?“...

Шестьдесятъ лѣтъ спустя, Третье Отдѣленіе, замѣнившее министерство полиціи, жаловалось на увлеченіе Министерства Народнаго Просвѣщенія классицизмомъ. Водвореніе послѣдняго поглотило дѣятельность министерства за цѣлую четверть вѣка; эта настойчивость, конечно, не имѣла недостатка въ панегиристахъ. Заявлялось даже, будто бы „переворотъ, который начался 19-го февраля 1861 года въ области просвѣщенія, хотя отозвался самой необузданной, самой отчаянной борьбою нашей прессы, но означенная система обученія и создала величіе Пруссіи послѣ 1807 г.“, а безъ этой системы „ничто въ свѣтѣ не можетъ обезпечить какую бы то ни было страну достаточнымъ запасомъ истинно просвѣщенныхъ ученыхъ и учебныхъ силъ“.

Классическая реформа, по правдѣ сказать, ничего общаго съ 19-мъ февралемъ не имѣла, да и не съ 1861 года началась, а нѣсколько позже, когда Катковъ и Леонтьевъ

принялись за это дѣло. Уставомъ гимназій 1864 года они были еще недовольны и только уставъ 1871 г. удовлетворилъ ихъ желаніямъ. Затѣмъ, если Пруссія обязана своимъ величіемъ классическимъ гимназіямъ, то надобно признать пруссаковъ весьма неблагодарными, ибо извѣстно, что пруссаки бросили теперь свою старую учебную систему, уменьшили число уроковъ древнихъ языковъ и почти уничтожили различіе между классическими гимназіями и реальными училищами. Греческій языкъ всюду нынѣ оставляется, да и противъ пользы латыни идетъ агитація.

Вопросъ о нашей школѣ мы разберемъ далѣе подробно, а теперь скажемъ собственно о кругѣ занятій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Мы не можемъ одобрить неоднократно высказанное предположеніе о пользѣ подчиненія всѣхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній этому министерству. Начало такому сосредоточенію было положено г. Абазою, передавшимъ большинство учебныхъ заведеній Министерства Финансовъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія простымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, безъ какого либо предварительнаго обсужденія въ одномъ изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Неизвѣстны мотивы мѣропріятія, но они могли быть двоякіе: или Министерство Финансовъ, обремененное другими заботами, тяготилось своими заведеніями, или же объединеніе заведеній сдѣлано было въ надеждѣ, что сосредоточеніе учебныхъ заведеній въ одномъ вѣдомствѣ внесетъ въ нихъ необходимую дисциплину.

Противъ перваго предположенія можно, однако, возразить, что департаментъ торговли и мануфактуръ, которому были подчинены учебныя заведенія Министерства Финансовъ, не только не былъ обремененъ дѣлами, но принадлежалъ къ числу учрежденій съ весьма небольшимъ кругомъ дѣятельности; касательно же дисциплины можно замѣтить, что и Министерству Народнаго Просвѣщенія не удалось водворить его въ собственныхъ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, поэтому нельзя было заранѣе предсказывать, что одинъ фактъ передачи послужитъ началомъ улучшенія въ нравственномъ воспитаніи молодежи. Между тѣмъ нѣтъ

никакого сомнѣнія, что Министерство Народнаго Просвѣщенія съ его скуднымъ бюджетомъ, не хватающимъ на самыя необходимыя нужды народнаго образованія, не въ состояніи будетъ выказывать такой щедрости, какъ Министерство Финансовъ, по отношенію къ техническому образованію, что въ свою очередь отзовется на успѣхахъ этого образованія въ будущемъ.

У насъ есть не мало учебныхъ заведеній, которыя могли бы быть подчинены Министерству Народнаго Просвѣщенія; таковы, напримѣръ, александровскій лицей, училище правовѣдѣнія, женскіе педагогическіе курсы, женскія гимназіи, находящіяся въ особомъ вѣдомствѣ, и т. д.; но не слѣдуетъ, однако, заботиться непремѣнно, чтобы всѣ учебныя заведенія были сосредоточены въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тутъ легко дойти до крайности. Такъ, ни военныя, ни духовныя академіи, ни морское, ни театральное училища, ни множество другихъ спеціальныхъ заведеній не могутъ быть отданы Министерству Народнаго Просвѣщенія безъ явнаго ущерба дѣлу, а равно школы техническія, ремесленныя, рисовальныя. Опытъ подчиненія этому министерству мореходныхъ классовъ былъ неудаченъ—классами этими должны руководить моряки, а не отставные филологи. Объ этомъ слѣдуетъ помнить въ виду того, что и нѣкоторыя другія спеціальныя заведенія могутъ привлечь къ себѣ вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое, подобно другимъ нашимъ вѣдомствамъ, каждое пріобрѣтеніе отъ другого вѣдомства должно считать чѣмъ-то въ родѣ завоеванія, всегда почетнаго, хотя бы оно было невыгодно и даже безполезно. Таково уже свойство бюрократіи всѣхъ странъ и народовъ.

Есть не мало учебныхъ заведеній, которыя существуютъ для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей и не имѣютъ въ виду общаго просвѣщенія государства, они нужны лишь тѣмъ вѣдомствамъ, на деньги которыхъ содержатся; таковы, напримѣръ, институты путей сообщенія, горный, лѣсной и др. Подобныя заведенія и заграницею находятся въ спеціальныхъ вѣдомствахъ, а не въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, что дѣлается очень понятнымъ,

если прослѣдить тѣсную связь, существующую между такимъ учебнымъ заведеніемъ и дѣятельностью вѣдомства, его учредившаго. Въ подтвержденіе этой мысли возьмемъ для примѣра хоть близко намъ извѣстный горный институтъ.

Горный институтъ съ формальной точки зрѣнія учрежденъ для приготовленія ежегодно десяти, пятнадцати горныхъ инженеровъ, въ которыхъ нуждается наше горное дѣло, а главнымъ образомъ горная администрація и казенные горные заводы. Во Франціи горная школа исключительно даже существуетъ для приготовленія чиновниковъ горной администраціи. Такая цѣль уже указываетъ на тѣсную связь между горнымъ вѣдомствомъ и его заведеніемъ; на дѣлѣ эта связь еще болѣе тѣсна и неразрывна.

Институтъ обладаетъ музеемъ, который вовсе не учебный музей, а громадная коллекція всѣхъ работъ горныхъ инженеровъ по изученію почвы Россіи; онъ необходимъ горному вѣдомству для дальнѣйшихъ работъ, какъ необходимы и профессора института для участія въ геологическихъ описаніяхъ и рудныхъ развѣдкахъ. Такую же роль играетъ библіотека института. Горное вѣдомство издаетъ на пользу горной промышленности множество книгъ и картъ; эти изданія прежде всего соображаются съ потребностью преподаванія въ институтѣ и, наоборотъ, профессора института главные дѣятели въ этихъ изданіяхъ. Тѣ же профессора члены горнаго ученаго комитета, а какъ предметы горной спеціальности по преимуществу практическіе, то нерѣдко горная администрація изъ профессоровъ и адъюнктовъ института беретъ горныхъ начальниковъ и др. дѣятелей на заводы и, въ свою очередь, профессоры должны служить на заводахъ, дабы практически вполнѣ подготовиться къ своей спеціальности. Студенты лѣтомъ практикуются на заводахъ и рудникахъ, открытыхъ для нихъ горной администраціей, и та же администрація заботится помѣстить сначала на практику, а потомъ на службу возможно большее число лицъ, получившихъ патенты на званіе горнаго инженера. Въ этомъ собственная ея выгода.

Такимъ образомъ, сношенія института и горнаго вѣ-

домства безпрерывны и, безъ сомнѣнія, полезны, потому что первый получаетъ этимъ путемъ практическое значеніе для русскаго горнаго дѣла, а послѣднее находится подъ постояннымъ вліяніемъ горной науки. Мы не говоримъ уже объ извѣстной пользѣ корпоративнаго духа, который заставляетъ каждаго русскаго горнаго инженера гордиться научными трудами его заведенія, его вѣдомства и т. п. Совсѣмъ другое произойдетъ при передачѣ горнаго института въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Для этого министерства подобный институтъ будетъ одна изъ сотень и тысячъ школъ, находящихся въ его вѣдѣніи, никакого „горнаго“ духа въ заведеніи министерство укрѣплять не можетъ. Имѣя чисто канцелярскія сношенія съ горнымъ департаментомъ и никакихъ съ частнымъ горнымъ дѣломъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія не можетъ знать потребностей послѣдняго, не можетъ оказать какую либо поддержку молодежи и даже профессорамъ института. Способный горный инженеръ не оставитъ своей выгодной карьеры, чтобы посвятить себя исключительно преподаванію за скромное вознагражденіе, имѣя развѣ въ виду на склонѣ лѣтъ сдѣлаться инспекторомъ мореходнаго училища...

То, что сказано о горномъ институтѣ, прилагается и къ штейгерскимъ школамъ, существующимъ на горныхъ заводахъ прямо для приготовленія ученыхъ мастеровъ. Одинаково прилагается оно къ институту путей сообщенія и къ многимъ другимъ спеціальнымъ заведеніямъ. Единственную реформу, которую можно рекомендовать для нихъ— это учрежденіе со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія большого политехническаго института или школы; тогда можно будетъ упразднить всѣ низшіе курсы спеціальныхъ заведеній, съузить программы послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшить число студентовъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ. Эти заведенія потеряютъ тогда окончательно свой общеобразовательный характеръ, денежныя же средства Министерства Народнаго Просвѣщенія увеличатся.

Вообще же мы того мнѣнія, что для „народнаго просвѣщенія“ было бы несравненно полезнѣе теперь, еслибы

Министерство Народнаго Просвѣщенія, отказавшись отъ мысли приготовлять инженеровъ, шкиперовъ или агрономовъ, обратило бы свое вниманіе и средства на цѣлесообразное народное образованіе, находящееся у насъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что даже такой народолюбецъ, какъ Аксаковъ, призналъ русскаго мужика стоящимъ на уровнѣ XII столѣтія!

Затѣмъ если уже расширять непремѣнно кругъ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, то безъ всякаго затрудненія къ его вѣдомству, хотя на особыхъ правахъ могла бы быть присоединена такъ называемая Собственная Е. И. В. канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи, образующая теперь какъ бы отдѣльное министерство, причемъ хотя главноуправляющій его членъ Комитета Министровъ, но вѣдомство стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Оно до послѣдняго времени считало почему-то нужнымъ держать свой бюджетъ въ тайнѣ. Только о нѣкоторыхъ доходахъ вѣдомства были сообщены г. Безобразовымъ свѣдѣнія въ книгѣ „Государственные доходы Россіи“—свѣдѣнія, полученныя съ большимъ трудомъ; о расходахъ же учрежденій Императрицы Маріи никакихъ данныхъ въ печати не имѣлось, если не считать отрывочныхъ указаній „Военно-статистическаго сборника“, пока статсъ-секретарь Гротъ, вступивъ въ управленіе означеннымъ вѣдомствомъ, справедливо нашелъ, что „таинственность“ въ расходахъ, касающихся учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, по меньшей мѣрѣ курьезна, а выгодна развѣ для нѣсколькихъ служащихъ, опасающихся, что публикація суммы, выдаваемой въ пособіе чиновникамъ, возбудитъ зависть другихъ вѣдомствъ и повліяетъ на ограниченіе размѣра наградъ. Вслѣдствіе этого г. Гротъ приказалъ напечатать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ извлеченіе изъ смѣты доходовъ и расходовъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Отъ означеннаго разоблаченія финансовыхъ тайнъ цѣлаго вѣдомства, понятно, никакихъ бѣдствій не произошло, оно однако вторично не повторялось.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи не введены еще ни единство кассы, ни тѣ правила, которыя

принимаются въ основаніе при составленіи государственной росписи и которыми руководствуется Государственный Контроль при разсмотрѣніи смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ и составленіи государственной отчетности, вслѣдствіе чего и самый порядокъ составленія смѣтъ по этому вѣдомству разнится во многомъ отъ смѣтъ другихъ учрежденій. Ежегодныя смѣты по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи составляются лишь съ 1865 года. Поэтому опубликованная г. Гротомъ смѣта была такъ сложна и запутана, что разобраться въ ней не легко, не имѣя подъ рукою подробныхъ смѣтъ.

Доходы и расходы вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи раздѣляются на спеціальные и общіе. Къ спеціальнымъ средствамъ относятся проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ и поступленія отъ различныхъ сословій, учрежденій и лицъ на какой либо извѣстный предметъ. Въ томъ и другомъ случаѣ назначеніе денегъ имѣетъ строго опредѣленный характеръ, обусловленный или волею жертвователей, или особо утвержденными правилами. Къ общимъ доходамъ вѣдомства относятся всѣ доходы, назначенные на покрытіе общихъ расходовъ по содержанію отдѣльныхъ его учрежденій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда извѣстная часть процентовъ съ благотворительнаго капитала или дохода съ какого либо спеціальнаго источника назначена на расходы, входящіе въ составъ смѣты общихъ средствъ, то означенныя суммы перечисляются изъ смѣты спеціальныхъ въ смѣту общихъ средствъ, равно и изъ числа общихъ доходовъ суммы, назначенныя къ употребленію на расходы въ дополненіе къ спеціальнымъ источникамъ и на усиленіе этихъ послѣднихъ перечисляются изъ смѣты общихъ въ смѣту спеціальныхъ средствъ. Такимъ образомъ по смѣтѣ спеціальныхъ доходовъ, считалось 2.245,750 р., а общихъ 10.512,532 р., всего 12.758,282 р. но съ разными вышеупомянутыми зачетами въ дѣйствительности ожидалось доходовъ въ 1883 году 11.966,451 р.

Разсматривая эти доходы, мы видимъ, что они составлялись главнымъ образомъ изъ пособій государственнаго казначейства—2.647,930 р., дохода отъ монополіи играль-

ныхъ картъ—2.068,000 р. и отъ платы за учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и больныхъ въ больницахъ—2.411,630 руб. Такимъ образомъ, не считая еще разныхъ второстепенныхъ доходовъ, около 60 проц. всѣхъ доходовъ вѣдомства ничего общаго съ капиталами, пожертвованными покойною Императрицею Маріею Ѳеодоровною и частными лицами, не имѣютъ. А именно ради этихъ то капиталовъ учрежденія Императрицы Маріи и выдѣлены въ особое вѣдомство, не подчиненное ни единству кассы, ни смѣтнымъ правиламъ, ни Государственному Контролю.

Между тѣмъ, имѣя въ виду, что болѣе $^3/_5$ всѣхъ доходовъ вѣдомства ничѣмъ не отличаются отъ доходовъ прочихъ нашихъ казенныхъ вѣдомствъ, нѣтъ, казалось бы, повода откладывать слитіе бюджета учрежденій Императрицы Маріи съ общимъ государственнымъ бюджетомъ, оставляя въ спеціальныхъ средствахъ вѣдомства лишь доходы и расходы пожертвованныхъ капиталовъ. Тогда смѣта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи провѣрялась бы предварительно Государственнымъ Совѣтомъ, а исполненіе ея контролировалось бы не собственными чиновниками вѣдомства, а постороннимъ болѣе независимымъ учрежденіемъ.

Безъ такой безпристрастной провѣрки трудно сказать теперь, насколько чрезмѣрны или недостаточны тѣ 11.789,396 р., которые ассигнованы были въ 1883 г. на расходы вѣдомства, хотя они и превышаютъ по смѣтѣ на 177,054 руб. доходы. Нѣкоторые расходы сразу, однако, поражаютъ своею значительностью. Такъ по кругу дѣятельности главное управленіе вѣдомствъ учрежденій Императрицы Маріи не превосходитъ обыкновенный департаментъ какого либо министерства, стоющій отъ 40 до 100,000 руб. въ годъ, между тѣмъ содержаніе главнаго управленія обходилось въ 1883 г. въ 283,867 руб., а съ пенсіями, пособіями, воспитаніями дѣтей служащихъ и пр. свыше 500,000 рублей, если даже не болѣе. На экономію, которая могла быть сдѣлана въ этомъ случаѣ, можно бы содержать нѣсколько новыхъ благотворительныхъ заведеній.

Другой, весьма крупный расходъ составляютъ закрытые женскіе институты. Они стоили въ 1883 г. 3.214,128 ру-

блей. Вычитая изъ этого расходы на содержаніе воспитанницъ (пища, одежда, леченіе, мытье бѣлья и пр.) — 1.087,752 р., получимъ 2.126,376 руб.; на это воспитывалось 7.964 дѣвицы; между тѣмъ воспитаніе 11.582 дѣвицъ въ женскихъ гимназіяхъ того же вѣдомства стоило только 893,799 рублей. Другими словами, совершенно одинаковое образованіе (мы исключили выше содержаніе пансіонерокъ) стоитъ въ институтахъ 263 руб. съ дѣвицы, а въ женскихъ гимназіяхъ 77 руб. съ дѣвицы, или въ послѣднихъ въ три съ половиною раза дешевле. То есть, говоря короче, не принимая въ разсчетъ содержаніе интернатокъ, гдѣ также сбереженія вѣроятно возможны, на сумму, назначаемую собственно на обученіе, на расходы, поглощаемые институтами, можно бы обучать не 8.000 а 26,000 дѣвицъ въ годъ. Разница довольно внушительная.

Не меньшія сбереженія по всей вѣроятности можно бы сдѣлать и въ расходахъ по воспитательнымъ домамъ. Эти спорныя въ теоріи, и далеко неудовлетворительныя на практикѣ учрежденія обходятся ежегодно около 2½ милл. руб. Интересно бы сравнить съ этимъ расходомъ дѣйствительную пользу, приносимую домами, давно требующими коренной реформы.

Недурна также эксплоатація карточнаго дохода. Для полученія отъ картъ дохода въ 2 милл., вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи тратитъ ежегодно, не считая расходовъ центральнаго управленія по надзору, пенсій служившимъ по карточной операціи и пр., 635,710 руб.; иначе говоря, взиманіе карточнаго дохода поглощаетъ болѣе 31%. Такой невыгодной пропорціи нѣтъ у насъ при взиманіи ни одного изъ косвенныхъ налоговъ, къ каковымъ несомнѣнно относится и сборъ съ игральныхъ картъ. Между тѣмъ, сборъ этотъ, при лучшей организаціи дѣла, могъ бы сдѣлаться полезнымъ источникомъ новаго дохода и для государственнаго казначейства.

Въ заключеніе мы должны прибавить, что бывшій главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи ст.-секр. Дурново, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, сознавалъ недостатки этого учрежде-

нія и сдѣлалъ нѣкоторыя реформы, а именно передалъ значительную часть больницъ городамъ, а учебныхъ заведеній Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Россія по справедливости должна гордиться въ настоящее время точностью и быстротою государственнаго счетоводства. Въ то время когда во Франціи, чиновники которой отличаются педантизмомъ, а администрація сцентрализована весьма удобно для отчетности, контрольные отчеты утверждаются семь лѣтъ спустя, у насъ уже въ концѣ ноября всегда готовъ подобный отчетъ, т. е. черезъ десять мѣсяцевъ по окончаніи смѣтнаго года и черезъ шесть мѣсяцевъ по истеченіи льготъ, допускаемыхъ для пользованія этими кредитами, не считая расходовъ строительныхъ и именныхъ кредиторовъ казны.

Нѣтъ надобности объяснять всю пользу отъ тщательной и своевременной ревизіи счетовъ. Недалеко еще отъ насъ время, когда, отъ безпорядка въ счетоводствѣ, министръ финансовъ дѣлалъ займы для покрытія дефицита, а разныя вѣдомства копили, въ то же самое время, значительные экономическіе капиталы, образованные не помощью искусства или бережливостью, а просто отъ несоразмѣрнаго требованія денегъ. До введенія единства кассы, ранѣе десяти лѣтъ отъ заключенія смѣтнаго періода, нельзя было составить себѣ даже приблизительнаго понятія о произведенныхъ расходахъ; конечно, никакой общей картины положенія государственнаго казначейства представить при такихъ порядкахъ было невозможно. Въ настоящее время, въ этомъ смыслѣ, контроль достигъ результатовъ существенныхъ. Но не слѣдуетъ, однако забывать, что все-таки его контроль бумажный, а не фактическій. Безъ сомнѣнія, важно знать, на основаніи подлинныхъ, а не подложныхъ документовъ, что на данный предметъ издержано не двѣ тысячи рублей, какъ было ассигновано, а полторы тысячи рублей, но еще важнѣе знать навѣрное, что на такой предметъ дѣйствительно было потребно и полезно ассигновать полторы тысячи рублей, а не полтараста рублей или полтора рубля.

Ревизіонъ-коллегія для провѣрки счетовъ была у насъ учреждена еще въ прошломъ столѣтіи, Государственный Контроль, какъ особое вѣдомство, возникъ еще при Александрѣ I, но только съ 1862 г. контроль получилъ подобающее ему значеніе*). Но контроль еще не достигъ своего полнаго приложенія: Министерство Двора и вѣдомство православнаго духовенства не подчиняются общему контролю даже для суммъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства и, подобно вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, имѣютъ свой собственный контроль. Счетоводство и контроль казенныхъ кредитныхъ установленій также не могутъ почитаться образцовыми.

„Пока общество и служащіе не доросли до яснаго пониманія значенія казенныхъ и общественныхъ интересовъ, послѣдніе могутъ быть ограждены только формальнымъ образомъ—цѣлесообразными уставами и правильной организаціей контроля". Такова теорія, на основаніи которой г. Ободовскій предлагаетъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" измѣнить контроль надъ Государственнымъ банкомъ и его провинціальными учрежденіями.

Всякому, конечно, извѣстно, что по государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ совершался у насъ рядъ злоупотребленій, постоянно возроставшихъ и состоявшихъ не только въ неправильныхъ операціяхъ и нарушеніяхъ закона, но и въ растратахъ капиталовъ. Первый управляющій Государственнымъ банкомъ, баронъ Штиглицъ, торговый домъ котораго состоялъ до того комиссіонеромъ правительства (придворнымъ банкиромъ, какъ его тогда называли) по заграничнымъ его платежамъ, настоялъ на томъ, чтобы Государственный банкъ находился внѣ отвѣтственности предъ правительствомъ за всю совокупность финансовыхъ операцій, къ которымъ принадлежатъ и обороты съ кредитными билетами, а представлялъ бы изъ себя кре-

*) Что контроль можетъ хорошо работать и не будучи выдѣленъ въ особое министерство, доказываетъ примѣръ Англія, гдѣ счетная палата заставила Веллингтона уплатить 5,000 фунт. стер. двадцать лѣтъ спустя послѣ заключенія мира, такъ какъ герой Англіи не могъ предъявить къ одной статьѣ оправдательныхъ документовъ!

дитное установленіе, непосредственно подчиненное управляющему, который могъ бы совершать операціи за счетъ государственнаго казначейства, не исключая и оборотовъ съ кредитными билетами, на основаніяхъ принятія ихъ на себя банкомъ отъ правительства „какъ бы на отвѣтственную комиссію".

Такая своеобразная организація управленія Государственнаго банка на началѣ „упраздненія правительства", переходя отъ одного управляющаго къ другому, запутала банковый механизмъ до такой степени, что самые годовые отчеты банка заключаются лишь черезъ два, даже три года. Въ результатѣ оказалось, что правительство несло громадные убытки отъ операцій Государственнаго банка, подведеніе точнаго итога имъ составляетъ еще достояніе исторіи, которая узнаетъ „тайны" позанимательнѣе сочиненныхъ Эжень Сю. Новыя казенныя кредитныя учрежденія — Дворянскій и Крестьянскій земельные банки — также быстро обнаружили многіе недостатки.

Несовершенства существующихъ порядковъ сводятся, по словамъ г. Ободовскаго, къ слѣдующему. Ссуды, выданныя подъ учетъ вымышленныхъ и безнадежныхъ векселей, часто не поступаютъ обратно; при этомъ члены учетныхъ комитетовъ остаются безотвѣтственными. По случаю пріема къ переучету векселей всѣхъ частныхъ банковъ безъ переоцѣнки, въ нихъ иногда учитываются векселя не только директоровъ, но и бухгалтеровъ, артельщиковъ и т. п. лицъ, кредитующихся нерѣдко на десятки тысячъ рублей. Управляющіе конторами и отдѣленіями Государственнаго банка позволяютъ себѣ рядъ злоупотребленій, которыя если и обнаруживались, но совершенно не могли быть доказаны. Дѣло доходило даже до оплаты вмѣсто купоновъ простыхъ нарѣзковъ газетной бумаги! Отчеты Государственнаго банка нерѣдко противорѣчили донесеніямъ депутатовъ, что своевременно не замѣчалось совѣтомъ государственныхъ кредитныхъ установленій. За храненіе процентныхъ бумагъ поступало менѣе процентовъ чѣмъ слѣдуетъ. Несвоевременное проведеніе въ теченіе болѣе пятнадцати лѣтъ по счетамъ выплаченныхъ тиражныхъ бумагъ и купоновъ, сдан-

ныхъ комиссіи для пріема и уничтоженія ихъ, было причиной разногласія отчетовъ Государственнаго Контроля и банка. Произведенное по Высочайшему повелѣнію изслѣдованіе обнаружило по этому случаю полное отсутствіе контроля и порядочнаго счетоводства даже по весьма несложнымъ операціямъ. Тиражъ 5-ти-процентныхъ банковыхъ билетовъ 1-го и 2-го выпуска доставилъ возможность—по настоятельно ходившимъ слухамъ—лицамъ, близко стоящимъ у этого дѣла, составить себѣ значительныя состоянія. Нѣкоторые отдѣлы ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, выкупной и другихъ операцій не повѣрялись какъ слѣдуетъ. Наконецъ, служащіе въ Государственномъ банкѣ вредили нерѣдко интересамъ казны, принимая прямое или косвенное участіе въ частныхъ коммерческихъ дѣлахъ, въ особенности въ частныхъ банкахъ.

Всѣ эти неправильности и злоупотребленія явно выставляютъ недостаточность существующаго контроля, не смотря на то, что въ Государственномъ банкѣ и конторахъ до одной трети, а въ отдѣленіяхъ болѣе одной трети контрольныхъ чиновъ; кромѣ того, при банкѣ существуютъ главный контролеръ, нѣсколько инспекторовъ, депутаты отъ Государственнаго Контроля, дворянства, купечества и совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій.

Недостатки существующаго контроля состоятъ въ томъ, что онъ для высшихъ контрольныхъ чиновъ номинальный, низшіе же контрольные чины подчинены управленію банка, его конторъ и отдѣленій, почему никакой самостоятельности и независимости не имѣютъ. Случается также, что служащіе въ банкѣ (наприм. директоръ петербургскихъ сберегательныхъ кассъ) контролируютъ самихъ себя. Для поправленія дѣла г. Ободовскій предлагаетъ наблюденіе совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій распространить на всѣ операціи центральныхъ отдѣленій банка, его конторъ и отдѣленій, для чего назначить отъ Государственнаго Контроля и по выбору изъ мѣстныхъ дворянъ и отъ обществъ или земства потребное число депутатовъ, обязавъ послѣднихъ представлять свои заключенія при ревизіи и заявленія о безпорядкахъ комитету ревизоровъ Го-

сударственнаго банка, а въ важныхъ случаяхъ совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій. Ревизіи текущихъ операцій и обязанности юрисконсульта возложить по банку на особыхъ контрольныхъ чиновъ и депутатовъ, повѣрки же книгъ и отчетовъ самаго банка возложить на комитетъ ревизоровъ.

Контрольную и прокурорскую часть Государственнаго банка вмѣстѣ съ инспекторами г. Ободовскій предлагаетъ совершенно отдѣлить отъ вѣдомства Государственнаго банка и министра финансовъ. Такимъ образомъ всѣ контрольные чины подчинятся совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ государственнаго контролера, или особаго его товарища, и подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ старшаго депутата или члена Государственнаго Контроля при Государственномъ банкѣ. Затѣмъ предлагается учредить новый департаментъ ревизіи отчетовъ кредитныхъ установленій, въ которомъ сосредоточить подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго товарища государственнаго контролера какъ инспекторскую часть надъ всѣми контрольными и инспекторскими чинами банковыхъ учрежденій, такъ и наблюденіе за повѣркой ихъ дѣйствій. Наконецъ, взамѣнъ сосредоточенія всего дѣлопроизводства по совѣту государственныхъ кредитныхъ установленій въ канцеляріи по кредитной части, рекомендуется открыть въ Государственной Канцеляріи особое отдѣленіе изъ лицъ спеціально знакомыхъ съ финансовыми дѣлами государства и въ непосредственномъ завѣдываніи статсъ-секретаря.

Расходы на эти новыя учрежденія г. Ободовскій относитъ на прибыли Государственнаго банка, служащимъ же въ банковомъ контролѣ проектируетъ громадные оклады жалованья и несмѣняемость, подобную той, которою пользуются судьи. Само собою разумѣется, что подобный проектъ вызоветъ чувство умиленія въ средѣ чиновниковъ Государственнаго Контроля. Сколько новыхъ должностей, до товарища министра и статсъ-секретаря включительно! Сколько новыхъ окладовъ и въ придачу несмѣняемость! Къ сожалѣнію, есть интересы поважнѣе интересовъ чиновниковъ

контроля, и съ точки зрѣнія этихъ-то общихъ интересовъ надобно признать, что одинъ административный надзоръ безсиленъ въ данномъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ.

Принятіе проекта г. Ободовскаго было бы равносильно увеличенію до безконечности переписки по разнымъ запросамъ, отвѣтамъ, мелочнымъ начетамъ и т. п., крупныя же злоупотребленія продолжали бы процвѣтать въ Государственномъ банкѣ. И теперь Государственный банкъ страдалъ не отъ недостатка контролеровъ, — выше указано, что ихъ множество,—но отъ недостатка энергіи положить предѣлъ злоупотребленіямъ. Возьмемъ хотя два примѣра изъ указанныхъ г. Ободовскимъ—тиражъ банковыхъ 5% билетовъ и частную службу банковыхъ чиновниковъ.

Сколько лѣтъ всѣмъ въ Петербургѣ было извѣстно, что отъ прежней системы тиража банковыхъ билетовъ наживаются банковые чиновники, ни для кого также не секретъ, что, служа въ частныхъ банкахъ, чиновники Государственнаго банка, въ видахъ покровительства частныхъ банковъ, заводили въ Государственномъ нарочно самыя стѣснительныя и нелѣпыя правила, и что-жъ? Развѣ контрольные чины указали бы здѣсь что нибудь новое противъ того, что было уже извѣстно? Очевидно нѣтъ. Если же злоупотребленія продолжались, если удалось, напр., въ казенномъ зданіи Государственнаго банка помѣстить частный с.-петерб. взаимный кредитъ и той же публикѣ противупоставлять рядомъ любезность одного учрежденія съ формалистикой другого,— то причемъ тутъ дѣятельность контроля? Еслибы контроль былъ не въ двухъ, а въ четырехъ министерствахъ, то и тогда не прекратились бы подобныя явленія, такъ какъ, по справедливой пословицѣ, нѣтъ человѣка болѣе глухого, нежели тотъ, который не желаетъ слышать.

Государственный банкъ требуетъ радикальной реформы, но не въ смыслѣ увеличенія числа чиновниковъ, а въ смыслѣ ограниченія его дѣятельности исключительно необходимѣйшими операціями за счетъ правительства, хотя нельзя не согласиться съ тѣмъ, что существующій контроль совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій совершенно фиктивенъ. Очевидно, исполняется лишь формаль-

ность, а фактически контроля государственныхъ кредитныхъ установленій почти не существуетъ. Одно время шла даже рѣчь о томъ, чтобы, по случаю отъѣзда предсѣдателя, вовсе не собирать совѣта. Кромѣ пополненія этого пробѣла, въ нашемъ контрольномъ вѣдомствѣ необходимы еще нѣкоторыя реформы, характера впрочемъ чисто административнаго.

Важнѣйшая изъ проектированныхъ реформъ касается преобразованія совѣта Государственнаго Контроля въ контрольный департаментъ Правительствующаго Сената. Въ настоящее время совѣтъ Государственнаго Контроля разсматриваетъ дѣла по начетамъ, наложеннымъ контрольными учрежденіями первой инстанціи, на взысканіе коихъ не послѣдовало согласія подлежащихъ распорядительныхъ управленій. При разногласіи министровъ и главноуправляющихъ дѣла эти переходятъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената, изъ котораго за дальнѣйшимъ разногласіемъ восходятъ въ общее собраніе Сената и достигаютъ иногда Государственнаго Совѣта. При такомъ порядкѣ дѣла разсматриваются столь медленно, что начеты, служащіе главнымъ орудіемъ для огражденія казны отъ неправильныхъ расходовъ, теряютъ большую долю ихъ предупредительнаго вліянія, нерѣдко за смертью виновныхъ падаютъ на вдовъ и сиротъ, а часто вовсе не взыскиваются за давностью времени, къ которому относится производство неправильныхъ расходовъ.

Замѣна совѣта Государственнаго Контроля особымъ сенатскимъ департаментомъ, упраздняя лишнюю инстанцію и не требуя никакихъ почти новыхъ расходовъ, во многомъ бы ускорила и упростила крайне медленное и сложное движеніе контрольныхъ дѣлъ и придала бы рѣшеніямъ высшаго контрольнаго учрежденія Имперіи новую силу и значеніе. Учрежденіе контрольнаго департамента Правительствующаго Сената представляетъ еще ту пользу, что оно освободитъ 1-й департаментъ Сената, нынѣ очень обремененный занятіями, отъ контрольныхъ, недоимочныхъ и т. п. дѣлъ, которыя могли бы по принадлежности быть переданы въ департаментъ контрольный. Раціональное тѣэтого проекта

не подлежитъ сомнѣнію. Заграницею въ наиболѣе благоустроенныхъ странахъ высшія счетныя учрежденія всегда имѣютъ характеръ судебнаго учрежденія, которое дѣлаетъ начеты безапеляціонно и независимо отъ распорядительныхъ управленій.

Другая болѣе скромная контрольная реформа касается сокращенія числа контрольныхъ палатъ въ губерніяхъ. Она уже начала осуществляться упраздненіемъ нѣкоторыхъ контрольныхъ палатъ, послѣ пожаровъ, истребившихъ дѣла этихъ учрежденій. Соединеніе контрольныхъ палатъ полезно, какъ средство увеличенія содержанія контрольнымъ чиновникамъ; кромѣ того, огражденіе объема ревизіонной дѣятельности предѣлами губерніи, связывая палату съ житейскими интересами губернской среды, создаетъ отношенія, которыя могутъ вредить иногда безпристрастію контрольнаго надзора.

Во время учрежденія контрольныхъ палатъ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ повсемѣстное почти отсутствіе желѣзныхъ дорогъ могло дать поводъ къ опасенію, что отдаленность ревизуемыхъ учрежденій отъ ревизующихъ помѣшаетъ своевременности ревизіи. Опытъ показалъ однакожъ, что своевременность эта не была достигнута, не смотря на близость отчетныхъ мѣстъ къ контрольнымъ палатамъ. Въ настоящее же время желѣзные пути прорѣзываютъ Россію во всѣхъ направленіяхъ и число ихъ съ каждымъ годомъ ростетъ. Все это убѣждаетъ, что неудобства, которыхъ можно было ожидать отъ соединенія палатъ, ничтожны, а польза во всѣхъ отношеніяхъ весьма значительна.

Заканчивая очеркъ современнаго положенія нашихъ министерствъ, мы считаемъ не лишнимъ коснуться вопроса о пользѣ учрежденія особаго вѣдомства для дѣлъ нашихъ окраинъ, получившихъ въ послѣднее время важное значеніе. Кому должно быть подчинено въ Петербургѣ высшее завѣдываніе окраинами? На этотъ счетъ у насъ была и существуетъ весьма разнообразная практика. Хотя различныя центральныя учрежденія для Царства Польскаго, Сибири и Кавказа упразднены, но, напр., полное подчиненіе

Кавказа разнымъ министерствамъ далеко еще не осуществилось. Не только казачьи земли, но и обширныя земли, подчиненныя военно-народному управленію, т. е. въ сущности большая часть Кавказа, остаются въ завѣдываніи Военнаго Министерства, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не выказываетъ ни малѣйшаго желанія принимать въ свое вѣдѣніе инородческія территоріи Кавказа. Туркестанскій край всегда былъ подчиненъ Военному Министерству, кромѣ нѣкоторыхъ органовъ управленія. То же касается и Закаспійскаго края. И другія наши окраины имѣютъ свои отличія.

При такомъ разнообразіи трудно ожидать какого либо общаго руководства дѣлами нашихъ окраинъ. При этомъ въ судьбахъ ихъ принимаетъ еще большое участіе Министерство Иностранныхъ Дѣлъ черезъ свой азіятскій департаментъ, вѣдающій, впрочемъ, и многими вовсе не азіятскими дѣлами; компетентность же этого департамента не всегда достаточна. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ изъ прошлаго фактъ, оглашенный въ печати, какъ князь Горчаковъ, прощаясь съ покойнымъ фонъ-Кауфманомъ, отправлявшимся завоевывать Хиву, просилъ его не заходить по дорогѣ... въ Кашгаръ!

Разнообразіе вѣдомствъ, дающихъ направленіе нашимъ окраинамъ, создаетъ, и нерѣдко, противорѣчивое направленіе русской по отношенію къ нимъ политики. Мало того, Петербургъ постоянно запаздывалъ признавать даже существующіе факты и въ то время, когда наша дипломатія раскланивалась передъ Европою и извинялась въ сдѣланномъ шагѣ, наши войска далеко уходили впередъ. При каждомъ совѣщаніи Министерство Иностранныхъ Дѣлъ говорило одно, Министерство Военное—другое, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обыкновенно не высказывалось, хотя по складу и нашего государственнаго управленія оно во многихъ вопросахъ внутренней политики невольно должно бы имѣть рѣшающій голосъ.

Намъ кажется, что для единообразнаго завѣдыванія нашими окраинами долженъ быть устроенъ новый, совершенно особый органъ въ видѣ министерства окраинъ и надъ нимъ, какъ мы уже говорили, какого либо совѣщательнаго учрежде-

нія изъ министровъ и нѣкоторыхъ спеціально знакомыхъ съ окраинами Россіи лицъ: бывшихъ генералъ-губернаторовъ, посланниковъ и т. п. При учрежденіи подобнаго органа большая часть административныхъ вопросовъ, касающихся окраинъ, за исключеніемъ, конечно, Финляндіи, можетъ быть распредѣлена по подлежащимъ министерствамъ, въ министерствѣ же окраинъ сосредоточится только разрѣшеніе вопросовъ спеціальныхъ, вытекающихъ изъ мѣстныхъ въ различныхъ краяхъ положеній и изъ сношеній и столкновеній съ сосѣдними странами.

Совѣту по дѣламъ окраинъ или департаменту окраинъ въ Государственномъ Совѣтѣ будутъ предлагаться болѣе важные вопросы, касающіеся, такъ сказать, той политики, которой слѣдуетъ держаться по отношенію къ окраинамъ. Вопросы эти, по сношеніи съ мѣстною администраціею и другими министерствами, будутъ подготовляться министерствомъ окраинъ. Министръ окраинъ станетъ компетентнымъ лицомъ, которое, находясь au courant всѣхъ связанныхъ съ обладаніемъ нашихъ окраинъ вопросовъ, будетъ служить посредникомъ и регуляторомъ между стремленіями военнаго вѣдомства—идти постоянно впередъ и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — сохранять призрачное европейское равновѣсіе...

Наше предложеніе не представляетъ ничего новаго. Это будетъ въ Россіи pendant къ существующимъ во многихъ государствахъ Европы министерствамъ колоній, съ тѣмъ отличіемъ, которое объясняется различіемъ русскихъ окраинъ отъ колоній западныхъ государствъ. Оно не представитъ также ничего новаго и въ кругу нашей административной практики. У насъ были и существуютъ нѣсколько органовъ для руководства дѣлами окраинъ. Главный недостатокъ ихъ былъ именно въ многочисленности и разнообразіи, отчего никакого общаго руководства не было, и по отношенію къ разнымъ окраинамъ Россіи существовала прямо противоположная политика. Ничего подобнаго не можетъ случиться при сосредоточеніи дѣлъ въ однѣхъ рукахъ, а особенно если министромъ окраинъ сдѣлается человѣкъ истинно русскій, съ энергіей и патріотизмомъ.

ГЛАВА VI.

Генералъ-губернаторы.

Наши окраины.—Главныя управленія: Царствомъ Польскимъ, Западнымъ краемъ, Кавказомъ и Финляндіей.

Генералъ-губернаторства были установлены повсемѣстно въ Россіи при Екатеринѣ II, когда осутствіе путей сообщенія, крайнее неустройство суда и отсутствіе гражданскихъ правъ у большей части населенія, остававшагося закрѣпощеннымъ, ставило сколько нибудь отдаленныя области Имперіи въ совершенную зависимость отъ произвола мѣстной администраціи. Имѣть въ то время лицо, облеченное довѣріемъ верховной власти и стоящее внѣ мѣстныхъ чиновничьихъ и дворянскихъ партій, было очень важно. Конечно, не всѣ генералъ-губернаторы оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды, но примѣръ неслыханныхъ злоупотребленій въ Сибири, лишенной въ началѣ нынѣшняго столѣтія какой либо независимой власти, такъ какъ губернаторъ Сибири управлялъ ею изъ Петербурга, показываетъ, что идея учрежденія генералъ-губернаторовъ соотвѣтствовала требованіямъ времени. Ермоловъ на Кавказѣ, Ришелье и Воронцовъ въ Новороссійскомъ краѣ, Сперанскій и Муравьевъ-Амурскій въ Сибири, Броунъ въ Ригѣ и другіе оказали управляемымъ ими краямъ несомнѣнныя услуги.

Мало-по-малу, однако, при облегченіи сношеній съ Пе-

тербургомъ, при относительномъ улучшеніи центральной администраціи, при нарожденіи хотя и слабаго общественнаго мнѣнія въ столицѣ и даже въ провинціи, власть генералъ-губернатора, недостаточно опредѣленная въ законѣ, стала являться во многихъ мѣстахъ если не помѣхой, то во всякомъ случаѣ лишней инстанціей, которая замедляла и безъ того не очень быстрое у насъ теченіе дѣлъ. Пользуясь неопредѣленностью круга своей власти, генералъ-губернаторы вторгались въ такія сферы, гдѣ, какъ, напр., въ дѣлѣ суда, это вмѣшательство было не совсѣмъ пріятно и высшему правительству. Поэтому въ послѣдніе сорокъ и даже пятьдесятъ лѣтъ начинается постепенное упраздненіе генералъ-губернаторскихъ должностей.

Уже въ царствованіе Николая I должность эта, кромѣ столичныхъ генералъ-губернаторовъ, получила преимущественно политическое значеніе, и генералъ-губернаторства учреждались тамъ, гдѣ близость границъ и избытокъ иноплеменнаго населенія могли вызывать различныя политическія затрудненія, гдѣ на обширномъ районѣ необходимо было согласовать дѣйствія отдѣльныхъ административныхъ начальниковъ. Такимъ образомъ вся западная и южная границы наши отъ Нордкапа до береговъ Тихаго океана представляли непрерывный рядъ генералъ-губернаторствъ или намѣстничествъ. Исключеніе составляла Астраханская губернія, еще въ двадцатыхъ годахъ отдѣленная отъ кавказскаго управленія.

И до настоящаго времени нельзя отрицать пользу учрежденія главныхъ начальниковъ съ значительными полномочіями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ или политическіе вопросы вызываютъ изученіе особенностей края, часто вовсе неизвѣстныхъ петербургскимъ департаментамъ, каковы, напримѣръ, генералъ-губернаторства финляндское и варшавское, или гдѣ отдаленность отъ столицы ставитъ иногда администрацію въ невозможность ждать указаній изъ Петербурга. Въ такомъ положеніи находятся Закавказскій край, Туркестанъ и часть Восточной Сибири, прилегающая къ Тихому океану. Но во внутреннихъ губерніяхъ, связанныхъ съ Петербургомъ желѣзными и телеграфными

путями, не предвидится никакой надобности въ нормальное время въ инстанціи, которая являлась бы посредницей между губернскою администраціей и земствомъ съ одной стороны и министерствами—съ другой.

Тѣмъ менѣе, конечно, необходимости въ генералъ-губернаторѣ въ самой столицѣ. Относительно мысли возстановить въ Петербургѣ генералъ-губернаторство мы можемъ только замѣтить, что считаемъ весьма не практическимъ имѣть особое высшее административное лицо въ городѣ, гдѣ пребываетъ министръ внутреннихъ дѣлъ; къ послѣднему и градоначальникъ, и с.-петербургскій губернаторъ могутъ всегда обратиться за необходимыми указаніями въ экстренныхъ случаяхъ. Съ точки же зрѣнія политической безопасности достаточно припомнить, что во время покушеній Каракозова и взрыва въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ были генералъ-губернаторскія управленія. Они, однако, оказались безсильными предотвратить что либо, равно какъ и блаженной памяти III Отдѣленіе.

Къ числу мѣстностей, въ которыхъ существованіе генералъ-губернатора стало излишне, относится также Новороссійскій край, совершенно безопасный, соединенный отличными путями сообщенія со столицей, имѣющій земскія и новыя судебныя учрежденія и, наконецъ, мѣстную періодическую печать. Нѣтъ сомнѣнія, что обо всемъ, что дѣлалось въ Екатеринославѣ или Таганрогѣ, знали прежде въ Петербургѣ, чѣмъ въ Одессѣ, да и время, потребное для переѣзда по желѣзной дорогѣ, было не меньше въ обѣ стороны. Объясненіемъ существованія новороссійскаго генералъ-губернаторства могла служить близость Турціи, но, конечно, генералъ-губернаторъ не игралъ никогда роли въ дипломатическихъ сношеніяхъ, хотя и имѣлъ особаго для того чиновника. Безполезность генералъ-губернаторства была признана и оно было уничтожено, а затѣмъ хотя и возстановилось подъ именемъ временнаго одесскаго генералъ-губернаторства, но уже исключительно для дѣлъ полицейскихъ. А теперь предполагается упразднить и это временное генералъ-губернаторство.

Въ другомъ положеніи наша западная окраина. Здѣсь

время уничтоженія генералъ-губернаторствъ не наступило,—полезно было только уничтожить въ Царствѣ Польскомъ намѣстничество.

Съ административной точки зрѣнія это преобразованіе въ высшемъ управленіи Царства Польскаго совершилось легко, такъ какъ фактически, съ реформами послѣднихъ лѣтъ и съ уничтоженіемъ отдѣльной независимой администраціи для Царства, власть намѣстника была приравнена къ власти обыкновеннаго генералъ-губернатора и, по своему значенію, далеко отставала, напримѣръ, отъ размѣра власти намѣстника кавказскаго. Гораздо больше значенія имѣла эта перемѣна названія съ точки зрѣнія политической. Заграничная польская печать встрѣтила ее не слишкомъ дружелюбно, такъ какъ увидѣла въ ней уничтоженіе послѣднихъ признаковъ автономіи Привислянскаго края, созданной Вѣнскимъ конгрессомъ. Еще болѣе выяснился бы этотъ вопросъ съ измѣненіемъ настоящихъ границъ Царства, т. е. съ присоединеніемъ Забужья: части Люблинской и Сѣдлецкой, населенной православными малороссами, къ Гродненской губерній. Давно уже поднятъ вопросъ о выдѣленіи этой территоріи изъ Царства Польскаго и полномъ слитіи ея съ русскими губерніями. Но ничего за двадцать лѣтъ не рѣшено, и мы продолжаемъ навязывать коренному русскому населенію несвойственные ему порядки.

Русская политика въ бывшей Польшѣ достаточно обрисовалась въ общихъ чертахъ. Ее нечего вновь выдумывать. Она даже, можно сказать, традиціонная, такъ какъ ея держались русскіе дипломаты въ XVII и въ XVIII столѣтіи. Все что нужно отъ западныхъ генералъ-губернаторовъ—это строгая послѣдовательность и твердый характеръ, т. е. именно такія двѣ вещи, которыя труднѣе всего даются намъ, какъ по системѣ выбора у насъ людей, предоставленнаго странной случайности, которая для одного и того же дѣла употребляла почти одновременно. Н. Милютина и Потапова—двѣ совершенныя противоположности,—такъ и по отсутствію единства въ средѣ русскихъ дѣятелей. Послѣднее проявляется только въ трудныя минуты.

Въ нормальное же время русскіе, какъ другіе славяне, точно козьи рога, въ одинъ мѣшокъ не лѣзутъ.

Какъ важна роль главнаго начальника на нашихъ западныхъ окраинахъ, лучше всего можно видѣть изъ напечатанной въ „Русской Старинѣ“ записки графа М. Н. Муравьева—le proconsul de Vilna, какъ прозвали его подкупленныя въ 1863 г. польскими революціонерами парижскія газеты. Многимъ не поздоровилось отъ разоблаченій, содержавшихся въ запискахъ; признавая даже, что покойный Муравьевъ—человѣкъ вообще желчный и пристрастный—кое что и преувеличилъ, нельзя не согласиться съ редакторомъ „Русской Старины“, что въ интересахъ исторической правды нельзя было оставлять записокъ подъ спудомъ.

Записки Муравьева кажутся важными не столько еще по своимъ ретроспективнымъ разоблаченіямъ, сколько именно по содержащимся въ нихъ урокамъ для будущаго. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Муравьевымъ, видно, до чего можетъ довести ложная система дѣйствій, прикрытая снаружи яко бы искреннимъ стремленіемъ угодить всѣмъ сторонамъ. Гибельныя послѣдствія фальшивой политики по отношенію къ польскимъ претензіямъ въ Западной Россіи охарактеризованы Муравьевымъ чрезвычайно мѣтко и вмѣстѣ съ тѣмъ преподаны наставленія, какъ надобно дѣйствовать впредь, чтобы избѣжать повторенія прискорбныхъ ошибокъ, предшествовавшихъ мятежу 1863 г.

Насколько виноваты были мы сами, лучше всего явствуетъ изъ того обстоятельства, что бѣлорусскія губерніи пятьдесятъ лѣтъ назадъ,—когда Муравьевъ былъ тамъ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, казались, по его словамъ, совершенно русскими, за малыми, по крайней мѣрѣ, исключеніями. Въ 1831 году мятежъ преимущественно распространялся въ Ковенской и Виленской губерніяхъ, гдѣ многочисленно фанатизированное католическое населеніе, и только кое гдѣ появлялись шайки мятежниковъ въ Минской и весьма немного въ Гродненской; въ бѣлорусскихъ же губерніяхъ шайки были въ одной Витебской губерніи, а именно въ Лепельскомъ уѣздѣ; кромѣ того возбужденіе было замѣтно въ уѣздахъ: Полоцкомъ, Дриссенскомъ и Ди-

набургскомъ, гдѣ вокругъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ утвердился католическій фанатизмъ.

Между тѣмъ въ 1863 году всѣ эти губерніи были одинаково объяты пламенемъ мятежа и если по недостатку средствъ вооруженія и отъ противодѣйствія православнаго сельскаго населенія не вездѣ проявлялись вооруженныя шайки, то тѣмъ не менѣе все дворянство, шляхта и ксендзы повсемѣстно явно и безбоязненно провозглашали владычество Польши и старались въ томъ увѣрить крестьянъ. Такимъ образомъ, при малѣйшемъ успѣхѣ мятежа въ литовскихъ губерніяхъ, Бѣлоруссія безъ всякаго затрудненія вошла бы въ составъ предполагаемой революціонерами Польши въ границахъ 1772 года.

Политическое и нравственное положеніе Сѣверо-Западнаго края въ 1831 году, въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1863 году, ясно доказываетъ, по мнѣнію Муравьева, что въ теченіе тридцати лѣтъ не только не принималось мѣръ къ уничтоженію въ краѣ польской пропаганды, но напротивъ того, по крайнему недоразумѣнію мѣстныхъ и главныхъ правителей, давались всѣ средства къ развитію польскаго элемента въ краѣ, уничтожая всѣ бывшіе зародыши русскаго начала.

„Я не стану входить въ подробности“,—пишетъ Муравьевъ,—„поминать о дѣйствіяхъ тѣхъ лицъ, которыя съ 1831 г. были главными на мѣстахъ распорядителями, о ихъ безсмысленности и неразумѣніи положенія края, польскихъ тенденцій; о незнаніи исторіи сей искони русской страны и постоянномъ ихъ увлеченіи призраками польскаго высшаго общества, пресмыкавшагося передъ ними и выказывавшаго преданность правительству; но не только тайно, а явно обнаруживавшаго свои тенденціи къ уничтоженію всего русскаго: но все это привлекало на ихъ сторону генералъ-губернаторовъ, а въ особенности женскій полъ, жертвовавшій честью и цѣломудріемъ для достиженія сказанныхъ цѣлей“...

По словамъ Муравьева, изъ начальниковъ того края наиболѣе ознаменовали себя подобными тенденціями и нанесли огромный вредъ могуществу Россіи кн. Хованскій, Дьяковъ, кн. Голицынъ, кн. Долгоруковъ, И. Г. Бибиковъ

и Назимовъ. Вотъ рядъ людей, чисто русскихъ по именамъ, которые, при содѣйствіи подобныхъ дѣятелей въ Петербургѣ, въ глубокомъ невѣдѣніи своемъ положили въ Сѣверо-Западномъ краѣ твердое начало польской пропагандѣ и впослѣдствіи развитію мятежа, стоившаго такъ дорого Россіи.

Хотя записки Муравьева напечатаны въ 80-хъ годахъ, но въ рукописи онѣ давно извѣстны и въ 1866 году были распространены въ публикѣ. Этотъ фактъ весьма важенъ, ибо, не смотря на то, что выводы Муравьева сдѣланы были подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возстанія и вполнѣ подтверждались событіями, которыя произошли у всѣхъ передъ глазами, но уже вскорѣ послѣ перваго появленія записокъ уроки 1863 г. были забыты, и въ той же Вильнѣ мы видѣли администраторовъ съ русскими именами, попрежнему упорно продолжавшихъ несчастную политику, такъ рѣзко заклейменную Муравьевымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта политика принесетъ когда либо свои вредные плоды. Они даже сказались, какъ явствуетъ изъ разоблаченій, сдѣланныхъ профессоромъ Кояловичемъ, а что польскія претензіи ни на волосъ не умалились, доказывается не только тономъ заграничной польской печати, но и статьями польскихъ корреспондентовъ въ русскихъ газетахъ. Изъ этихъ статей видно, что твердую русскую политику въ Западномъ краѣ поляки попрежнему считаютъ не опредѣленною разъ навсегда системою правительственныхъ дѣйствій, а случайнымъ „набѣгомъ“ на Польшу Муравьева, Милютина и др. дѣятелей ультраруссофильской партіи, мѣрою не для организаціи края, а однимъ изъ видовъ наказанія ослушниковъ. Разъ открытаго возстанія нѣтъ, наказаніе, молъ, можно и отмѣнить.

Для тѣхъ, кто въ этомъ случаѣ продолжаетъ содѣйствовать, хотя и безсознательно, польскимъ иллюзіямъ, очень поучительно прочесть у Муравьева описаніе паники, охватившей петербургскія высшія сферы весною 1863 года, когда у насъ готовы были пожертвовать Польшей, чтобы только спасти Литву!

Кавказскій край также весьма нуждается въ генералъ-

губернаторскомъ управленіи. Тамошній генералъ-губернаторъ, въ виду того, что Закавказье граничитъ съ двумя азіятскими государствами, получилъ даже внушительный титулъ главноначальствующаго. Измѣненіемъ титула главнаго начальника не ограничилась, однако, реформа кавказскаго управленія. Съ этимъ измѣненіемъ было связано уничтоженіе автономнаго управленія. Замѣчательно, что послѣднее было создано не въ то время, когда Кавказъ, имѣя весьма непрочное сообщеніе съ „оказіями“ по военно-грузинской дорогѣ, представлялъ совершенно отрѣзанную отъ Имперіи область, заключавшую въ себѣ нѣсколько полунезависимыхъ и частью вовсе независимыхъ народовъ, а во время намѣстничества князя Барятинскаго, когда умиротвореніе Кавказа сдѣлало уже большіе шаги впередъ.

При князѣ Барятинскомъ въ Тифлисѣ учредился рядъ департаментовъ, соотвѣтствовавшихъ петербургскимъ министерствамъ, и существовало, повидимому, предположеніе совершенно отдѣлить кавказскую администрацію отъ общеимперской, причемъ Кавказскій Комитетъ въ Петербургѣ игралъ бы ту же роль, что Статсъ-секретаріатъ играетъ для Финляндіи.

. Сразу, однако, обозначилось неудобство подобнаго раздѣленія; большинство департаментовъ оказалось излишними и при управленіи великаго князя Михаила Николаевича они были упразднены. Съ тѣхъ поръ автономное устройство края выражалось только въ томъ, что издаваемые для Имперіи законы не распространялись сразу на Кавказъ, а примѣненіе ихъ тамъ обыкновенно предоставлялось благоусмотрѣнію великаго князя намѣстника. Спеціальныхъ же законовъ собственно для Кавказа издавалось очень мало, если не считать нѣкоторыхъ распоряженій намѣстника, имѣвшихъ силу закона. Затѣмъ бюджетъ Закавказскаго края, хотя былъ особый отъ другихъ министерствъ, разсматривался обычнымъ порядкомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и исполненіе бюджета контролировалось чинами того же Государственнаго Контроля. Совѣтъ намѣстника никакой серьезной компетенціи не имѣлъ и болѣе важныя дѣла,

касавшіяся Кавказа, рѣшались въ Петербургѣ по выслушаніи заключеній разныхъ министерствъ.

Такимъ образомъ „автономія“ Кавказа не имѣла ничего общаго съ тѣмъ понятіемъ, которое даетъ объ этомъ словѣ наука государственнаго права. Въ дѣйствительности никакой автономіей Кавказъ не пользовался, а подъ предлогомъ политическаго несовершеннолѣтія населенія мѣстному управленію дозволялось создавать и поддерживать своеобразные порядки, пользуясь по вкусу изъ общеимперскихъ учрежденій лишь тѣмъ, что болѣе нравилось и казалось подходящимъ. Очевидно, что сохраненіе подобнаго произвола пользы принести не могло и чѣмъ скорѣе онъ могъ уничтожиться, тѣмъ лучше, не говоря уже о денежныхъ сбереженіяхъ отъ упраздненія дорого стоившаго намѣстничества. Никакой особенности края, соотвѣтствовавшей его національнымъ и экономическимъ условіямъ, автономія не гарантировала, а сводилась главнымъ образомъ къ тому, что чиновники намѣстничества подчинялись не своимъ подлежащимъ министерствамъ, а одному лицу, жившему въ Тифлисѣ и носившему званіе начальника гражданскаго управленія. Лицо это хотя подчинялось намѣстнику, но, по существу власти, было почти равносильно министру.

Подобное подчиненіе имѣло, пожалуй, нѣкоторое значеніе въ смыслѣ надзора — хотя не достигало цѣли и въ этомъ отношеніи—но за то представляло много неудобствъ, требуя отъ начальника гражданскаго управленія необыкновеннаго разнообразія спеціальностей. Онъ одновременно завѣдывалъ и полиціей, и просвѣщеніемъ, и горнымъ дѣломъ, и финансами, и юстиціей, и т. д. Совершенно однородные вопросы, давно рѣшенные въ Петербургѣ, могли заставлять работать умы чиновниковъ въ Тифлисѣ и не находить себѣ разрѣшенія, или разрѣшаться совершенно иначе.

Едва ли не этимъ обстоятельствомъ можно объяснить отсталость Кавказа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Такъ, еще десять лѣтъ тому назадъ порядочная часть бюджета края, его финансовой силы, основывалась на откупахъ! Точь въ точь какъ при персидскомъ владычествѣ. Уничто-

женіе кавказской автономіи было, впрочемъ, не легко. Хотя неоднократно категорически повелѣвалось закончить всѣ предположенія о сліяніи тамошняго управленія съ общеимперскимъ, но мѣстное управленіе находило обыкновенно, что не сокращать его власть, а, наоборотъ, расширять—составляетъ будто бы неотложную необходимость для блага края.

Въ подобныхъ увѣреніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивительно было бы скорѣе противоположное явленіе, т. е. еслибы мѣстное управленіе заявляло, что и дѣйствительно надобно поскорѣе поурѣзать ему крылья. Достаточно вспомнить, что Кавказъ былъ долгіе годы вмѣстилищемъ разнаго беззаконія и гнѣздомъ хищенія. Кому же изъ мѣстныхъ дѣятелей хотѣлось давать средства къ раскрытію прежнихъ дѣяній? Затѣмъ, даже и для честныхъ дѣятелей реформа была непріятна. На Кавказѣ число военныхъ и чиновниковъ значительно превышало дѣйствительную потребность. Реформа оставляла за штатомъ множество господъ, привыкшихъ двадцатаго числа аккуратно росписываться въ полученіи жалованья. Гдѣ люди, которые добровольно откажутся отъ этой пріятной манипуляціи?

Словомъ, вездѣ на Кавказѣ имѣлся существенный интересъ сохранять подолѣе statu quo, тѣмъ болѣе, что бумага все терпитъ и на бумагѣ очень легко росписать десятки причинъ, одна будто бы важнѣе другой, почему преобразованіе слѣдовало отложить. А въ Петербургѣ произошли перемѣны и первые иниціаторы кавказской реформы сошли со сцены; между тѣмъ только нѣкоторые вопросы административнаго устройства, особенно касающіеся сельскаго населенія, требовали болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія; преобразованія же по части военной, финансовой, государственныхъ имуществъ, судебной могли быть сдѣланы когда угодно, не дожидаясь отзывовъ изъ Тифлиса, ибо ничего почти спеціально приспособленнаго къ мѣстнымъ условіямъ тамъ не имѣлось, а что и имѣлось, то нисколько не измѣнилось и не пострадало потому, что вѣдалось бы въ Петербургѣ, а не въ Тифлисѣ.

Такимъ образомъ, упраздненіе намѣстничества рѣшительно не могло имѣть никакого дурного вліянія. Напро-

тивъ, оно ускорило теченіе дѣлъ, отстраняя лишнюю посредствующую инстанцію, и отчасти даже улучшило ходъ дѣлъ, давая возможность центральной администраціи болѣе близко слѣдить за тѣмъ, что дѣлается на Кавказѣ. Говоря, о полномъ слитіи послѣдняго съ Имперіей, мы, само собою, подразумѣваемъ здѣсь административное только объединеніе, но вовсе не желаемъ, чтобы были затронуты особенности въ гражданскихъ законахъ, обусловливающихъ Кавказу или нѣкоторымъ частямъ его нѣсколько отличное отъ чисто русскихъ губерній существованіе. Подобныя различія должны оставаться, пока въ нихъ будетъ предстоять надобность, и искусственное объединеніе края въ смыслѣ руссификаціи было бы безполезнымъ насиліемъ, котораго, впрочемъ, ни у кого, кажется, нѣтъ и въ мысляхъ.

Нѣтъ, однако, надобности и усиливать чѣмъ либо различіе. А въ этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на сѣверный Кавказъ.

Ставропольская губернія и ранѣе во многихъ отношеніяхъ подчинялась центральнымъ учрежденіямъ Имперіи. Западная часть этой губерніи ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ юго-восточныхъ русскихъ губерній; восточная очень похожа на Астраханскую губернію, управляемую также безъ генералъ-губернатора. Поэтому нѣтъ болѣе никакихъ резоновъ связывать Ставропольскую губернію съ отдѣльнымъ кавказскимъ управленіемъ и заставлять дѣла изъ Ставрополя переѣзжать въ Тифлисъ, чтобы мимо того же Ставрополя нѣсколькими мѣсяцами позже прослѣдовать въ Петербургъ.

Не можемъ вполнѣ согласиться и съ необходимостью Терскую и Кубанскую области изъять вовсе изъ вѣдѣнія общаго гражданскаго управленія и непосредственно подчинить военному министру на томъ же основаніи, какъ подчинена послѣднему область Войска Донского, къ которой присоединена была еще часть Екатеринославской губерніи.

Прежде всего является вопросъ: какимъ это образомъ Военное Министерство — у насъ одно изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ, и безъ того обремененное множествомъ несоотвѣтствующихъ его компетенціи дѣлъ (въ родѣ педа-

гогіи и постройки желѣзныхъ дорогъ)—найдетъ время заняться администраціей двухъ обширныхъ губерній, исключивъ участіе почти всѣхъ другихъ вѣдомствъ. Военное Министерство держитъ до сихъ поръ въ своихъ рукахъ администрацію Туркестанскаго края, а ревизія гг. Гирса и Веретенникова показала, насколько удовлетворителенъ подобный порядокъ вещей. И дѣйствительно, каждое вѣдомство, какъ бы оно слабо организовано ни было, все-таки имѣетъ составъ спеціалистовъ или людей, опытомъ выработавшихся для извѣстнаго рода службы; Военное же Министерство, вынужденное черпать по преимуществу изъ среды офицеровъ генеральнаго штаба, поневолѣ прибѣгаетъ иногда къ помощи лицъ, къ администраціи неподготовленныхъ и относящихся къ дѣлу поверхностно.

Военное управленіе въ области Войска Донского сложилось исторически. До извѣстной реформы Чернышева, въ 30-хъ годахъ, край этотъ пользовался почти совершенной административной автономіей, подъ условіемъ выставлять извѣстное число полковъ. Затѣмъ и послѣ реформы нѣсколько лѣтъ казачья исключительность продолжалась, и только попы не носили синихъ казакиновъ съ выпушками и не имѣли военныхъ чиновъ. Но мало-по-малу потребности цивилизаціи, приливъ „иногородныхъ“ и проведеніе желѣзныхъ дорогъ сдѣлали свое дѣло. Хотя и теперь можно встрѣтить на Дону въ мелочной лавочкѣ или кабачкѣ казака, сидящаго въ мундирѣ за прилавкомъ, но многія отрасли администраціи и суда находятся въ рукахъ общегражданскаго управленія и число исключительно казачьихъ учрежденій быстро сокращается. То же замѣчается и въ другихъ казачьихъ земляхъ.

Мы не сторонники насильственнаго разстройства казачьяго быта и не видимъ идеала въ томъ, чтобы непремѣнно на мѣсто какого нибудь заурядъ-хорунжаго, хотя и невѣжественнаго, но близкаго населенію и стоющаго грошъ, посадить чиновника столь же внутри невѣжественнаго, но получающаго вдесятеро болѣе жалованья. Не видя прогресса въ подобной перемѣнѣ, мы не считаемъ, однако, возможнымъ и полезнымъ возвращаться назадъ. Если, на-

примѣръ, инженеры путей сообщенія плохо инспектируютъ желѣзныя дороги, прорѣзывающія Донскую область, то нисколько они не станутъ инспектировать лучше, если ихъ перерядятъ въ казачьи казакины и подчинятъ не департаменту желѣзныхъ дорогъ, а главному казачьему управленію. Это ясно какъ день.

А именно нѣчто подобное произошло въ областяхъ сѣвернаго Кавказа. Области эти заключаютъ въ себѣ значительную часть туземнаго населенія, которое не можетъ пользоваться полнотою гражданскихъ правъ; преждевременно и безполезно давать лезгинамъ или чеченцамъ право судиться судомъ присяжныхъ или имѣть земскія собранія, но ради этихъ лезгинъ едва ли удобно лишать благъ гражданскаго управленія ту часть русскаго населенія сѣвернаго Кавказа, которая уже доросла до пониманія различія между благоустроенною администраціею и судомъ и произволомъ какихъ нибудь станичныхъ атамановъ.

Вся будущность сѣвернаго Кавказа въ русской колонизаціи и въ привлеченіи туда капиталовъ. Отъ этихъ же двухъ факторовъ зависитъ и умиротвореніе края въ политическомъ отношеніи. При увеличеніи народнаго богатства чеченцы также быстро потеряютъ полудикую воинственность, какъ потеряли ее казаки Черниговской и Полтавской губерній, давно ли „промышлявшіе“ набѣгами на сосѣдей. Какая же можетъ быть серьезная колонизація въ казачьихъ территоріяхъ.

Да и затѣмъ не надобно забывать, что нынѣшняя система администраціи казачьихъ земель не имѣетъ ровно ничего общаго со старою системою казачьяго управленія, съ ихъ „кругами“ и широкою свободою выбора и контроля должностныхъ лицъ. Нынѣшняя система есть продуктъ чистѣйшаго военно-писарскаго канцеляризма, навязанный казакамъ изъ Петербурга. Въ извѣстной книгѣ генерала Фадѣева: „Вооруженныя силы Россіи“ неудобства означенной системы блистательно разобраны и оцѣнены.

Одно время поднимался вопросъ объ образованіи изъ Закаспійской области особаго генералъ-губернаторства, въ виду отдаленности ея отъ Тифлиса, которому эта область

подчинялась. Такое подчиненіе представляло разныя неудобства, но справедливо не находятъ повода учреждать особое генералъ-губернаторство, съ которымъ обыкновенно связано у насъ образованіе новаго военнаго округа. Вмѣсто учрежденія въ Асхабадѣ дорого стоющаго генералъ-губернаторства и военно-окружнаго управленія, достаточно выдѣленія Закаспійской области изъ состава Кавказскаго края и непосредственнаго подчиненія ея Петербургу. При существованіи телеграфа рѣшительно все равно, откуда получать указанія, изъ столицы или изъ Тифлиса, по наиболѣе важнымъ дѣламъ; для текущихъ же и второстепенныхъ дѣлъ вполнѣ достаточно расширенія правъ мѣстнаго военнаго губернатора.

Собраніе сейма финляндскихъ государственныхъ чиновъ каждый разъ напоминаетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ Финляндіи, по нашему мнѣнію генералъ-губернаторству, а по мнѣнію финновъ отдѣльному отъ Россіи государству, удалось не только сохранить свою старую шведскую конституцію, но и подчинить этой конституціи, уступленные въ 1809 году и никогда не входившіе въ составъ Финляндіи, Аландскіе острова и часть Вестерботніи, а затѣмъ и юго-восточное прибрежье Финскаго залива, принадлежавшее въ древности великому Новгороду и уже около ста лѣтъ находившееся въ непосредственной связи съ Россіей.

Финляндскіе законовѣды увѣряютъ, будто все это совершилось не по великодушному изволенію Александра I, получившаго совѣты отъ нѣкоторыхъ шведскихъ патріотовъ, Спренгпортена и К°, а въ силу какого-то договора, заключеннаго между сеймомъ въ Борго и русскимъ императоромъ, договоромъ, въ силу котораго послѣдній былъ „признанъ“ финляндскимъ великимъ княземъ и съ своей стороны „обязался“ будто бы подтвердить конституцію страны. Эта нелѣпая историческая выдумка попала въ книгу Демомбина: „Constitutions européennes“, гдѣ глава о Финляндіи составлена на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ профессорами гельсингфорскаго университета, а нынѣ се-

наторами Мехелинымъ и Монгомери, а затѣмъ ее повторилъ Мехелинъ въ своемъ „Précis du droit public de Finlande“, назначенномъ для одураченія заграничныхъ публицистовъ.

Извѣстно, между тѣмъ, что мысль о созваніи сейма въ Борго, съ цѣлью разсѣянія сомнѣній тѣхъ изъ жителей Финляндіи, которые все еще считали возможнымъ возвращеніе подъ власть Швеціи, явилась послѣ побѣды при Оравайсѣ и заключенія олькіокиской конвенціи, по которой шведы обязались, очистивъ Улеаборгскую губернію, отойти за рѣку Кеми, т. е. въ моментъ полнаго торжества русскаго оружія. Сеймъ открылся 16 марта 1809 года, но еще наканунѣ былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій всѣ права, коими дотолѣ по конституціи пользовались жители Финляндіи. Объ этомъ Александръ I упомянулъ и въ своей привѣтственной французской рѣчи къ сейму въ словахъ: „Я обѣщалъ сохранить ненарушимо вашу конституцію, ваши основные законы; ваше собраніе служитъ залогомъ моего обѣщанія“.

Гдѣ же тутъ намекъ на какой либо договоръ съ сеймомъ? Далѣе въ своей рѣчи государь обѣщалъ сообщить сейму свои „распоряженія“ насчетъ предметовъ обсужденія. Предметами этими были: распредѣленіе повинностей на содержаніе войска, измѣненіе системы податей, монетное обращеніе и организація высшаго административно-судебнаго мѣста — правительственнаго совѣта, переименованнаго потомъ въ финляндскій сенатъ. Только эти вопросы и обсудилъ сеймъ, причемъ послѣдній вопросъ былъ разрѣшенъ уже по закрытіи сейма. Сеймъ, впрочемъ, въ нѣсколькихъ петиціяхъ обратилъ вниманіе государя и на другіе общественные вопросы. Сперанскій принималъ въ окончательныхъ трудахъ сейма дѣятельное участіе.

Такимъ образомъ, сдѣланныя Финляндіи уступки, находившіяся въ связи съ цѣлымъ рядомъ милостей, оказанныхъ населенію ея въ теченіе всей войны 1808—1809 года, были личнымъ изволеніемъ Александра I. Хотя онъ твердо желалъ получить Финляндію, о чемъ условился съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, и отказался даже разсуждать о со-

блазнительномъ предложеніи шведскихъ дипломатовъ возвратить Финляндію подъ условіемъ возведенія на шведскій престолъ одного изъ русскихъ великихъ князей, либо принца Ольденбургскаго, супруга великой княгини Екатерины Павловны, но императора, очевидно, безпокоило сознаніе, какъ бы это завоеваніе, совершенно законное, не было истолковано въ Европѣ и въ Россіи какъ подачка Наполеона за содѣйствіе въ континентальной системѣ.

Великодушіе Александра I не было отдѣльнымъ явленіемъ, которое рѣзко противорѣчило бы общественному настроенію. Хотя немногіе русскіе люди, знакомые съ исторіей, благодарили небо за присоединеніе Финляндіи, и даже Сперанскій, руководитель сейма, вовсе не восхищался финляндской автономіей, но, по свидѣтельству Вигеля, фридрихсгамскій миръ, возвѣщенный 8-го сентября пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости, далеко не былъ встрѣченъ изъявленіями общественной радости. „Всѣ спрашивали другъ у друга: въ чемъ состоятъ условія? Неужели большая часть Финляндіи отходитъ къ Россіи?—Нѣтъ, вся Финляндія. — Неужели по Торнео, съ частью Лапландіи? Неужели и Аландскіе острова? — И Аландскіе острова. — О, Боже мой! О, бѣдная Швеція, о бѣдные шведы! Вотъ что было слышно со всѣхъ сторонъ...“

Эти сантиментальныя глупости повторялись русской публикой еще очень долго и ихъ съ выгодою эксплоатировали по заключеніи мира въ свою пользу финляндцы, или, вѣрнѣе, шведское меньшинство этой страны, желавшее сохранить свое господствующее въ администраціи, церкви и торговлѣ положеніе. Продолжается это эксплоатированіе и до сихъ поръ. Благодаря подобнымъ наивнымъ воззрѣніямъ, Финляндія возвратилась къ своему положенію до сейма въ Борго, т. е. онъ сохранила не только свои основные законы, гарантированные обѣщаніемъ Александра I, но и возстановила финскую армію, свою монету и бумажное обращеніе, и свои таможни. Мало того, возстановивъ прежніе шведскіе порядки, вытѣснивъ изъ старой Финляндіи русскихъ землевладѣльцевъ, водворившихся съ Нейштадскаго мира, и всячески заткнувъ для русскихъ подданныхъ возможность поль-

зоваться въ Финляндіи какими либо правами, кромѣ правъ иностранцевъ, финляндцы въ Россіи продолжали и продолжаютъ пользоваться не только всѣми правами коренного русскаго населенія, но и имѣли еще по торговлѣ огромныя и совершенно несправедливыя привилегіи, угрожавшія даже благосостоянію весьма крупныхъ отраслей русской промышленности.

Въ настоящее время только въ двухъ пунктахъ еще и сохранилась связь Россіи съ Финляндіей, кромѣ, конечно, династическаго единенія — это то, что финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ и встрѣчаютъ заграницею консуловъ, считающихся въ русской службѣ, хотя изъ нихъ не мало финляндцевъ, и то, что телеграфы въ Финляндіи подчинены нашему Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Эти два предмета какъ бѣльмо въ глазу у финляндцевъ. Объ отдачѣ имъ телеграфовъ они недавно еще хлопотали, хотя и тщетно; въ Петербургѣ объ учрежденіи особыхъ финляндскихъ консульствъ заграницею (такія ужъ заведены подъ другимъ названіемъ въ Петербургѣ, Ревелѣ и другихъ русскихъ портахъ!) также неоднократно заводилась рѣчь. Съ своей стороны, мы, конечно, можемъ пожелать только, чтобы эти петиціи, какъ и всѣ подобныя, имѣющія цѣлью разрушить окончательно связь Финляндіи съ Россіей, созданную русскою кровью, оставались безъ всякихъ послѣдствій.

Къ сожалѣнію, финляндцы одними петиціями не ограничиваются. Быстро слѣдующія одна за другой анти-русскія демонстраціи въ Финляндіи показываютъ ненормальныя вообще отношенія къ намъ этой части Имперіи и должны, наконецъ, открыть глаза даже самымъ предубѣжденнымъ людямъ. Нельзя же думать, что въ нашей политикѣ мы махнули рукой на Финляндію и завѣдомо въ двухъ шагахъ отъ столицы создаемъ себѣ великую опасность въ будущемъ. Такъ какъ самое предположеніе о чемъ либо подобномъ было бы преступнымъ, то пора бы заняться, кажется, нѣсколько урегулированіемъ нашихъ отношеній къ Великому Княжеству.

Вопросъ этотъ очень не новый, ибо еще Екатерина II,

когда Россіи принадлежала только четверть нынѣшней Финляндіи, въ секретной инструкціи генералъ-прокурору князю Вяземскому, приведенной въ знаменитой запискѣ Карамзина о Древней и Новой Россіи, которая должна считаться Кораномъ нашей политики по отношенію къ окраинамъ, говорила, что Финляндія, подобно Лифляндіи, Малой Россіи, хотя „правятся конфирмованными имъ привилегіями и нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было; однако же и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка". Слова эти и теперь должны быть руководящею нитью нашей политики.

Мы не стремимся, впрочемъ, не смотря на племенную рознь финновъ и шведовъ, отнять или ограничить органическіе законы этой страны. Такое подчиненіе обратило бы Финляндію, имѣющую хотя и устарѣлое, но все-таки недурное государственное устройство, въ обыкновенную русскую губернію, а выдерживаетъ ли какая нибудь наша губернія даже отдаленное сравненіе съ Финляндіей?

Въ Финляндіи менѣе двухъ милліоновъ жителей, почва скудна, народъ—финны не слишкомъ одаренъ отъ природы; сравнимъ ее, однако, съ русской губерніей такого же населенія, но въ несравненно болѣе благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, напримѣръ, хоть съ Черниговской губерніей. Гдѣ въ послѣдней университетъ, масса учебныхъ заведеній, газетъ, отличныя дороги, фабрики, производительность которыхъ извѣстна въ цѣломъ мірѣ, гдѣ благоустроенные города, освѣщенные газомъ, порядокъ и уваженіе къ закону и т. д.? Такъ можно ли серьезно толковать о насильственномъ обращеніи Финляндіи въ русскую область? Это значило бы отодвинуть Финляндію на степень Олонецкой, Архангельской или Вологодской губерній, умирающихъ съ голоду среди гигантскихъ богатствъ, ихъ окружающихъ и лежащихъ мертвымъ капиталомъ.

Если мы желаемъ объединенія и возстаемъ противъ усиленія обособленности, то вовсе не ради примѣненія къ Финляндіи становыхъ приставовъ. Есть почва, на которой, сохраняя за Финляндіей счастливыя особенности ея орга-

низаціи, мы могли бы за двадцать лѣтъ достигнуть значительнаго сближенія. Таково общее устройство арміи, флота, общее таможенное и почтовое устройство, одинаковое торговое законодательство, общая монета, мѣры, вѣсы и т. д. Мы не говоримъ ужъ объ отмѣнѣ такихъ несправедливостей, какъ тѣ, что финляндскіе подданные пользуются въ Россіи всѣми правами русскихъ подданныхъ, а русскіе въ Финляндіи считаются за иностранцевъ. Охрана Финляндіи составляетъ для нашего бюджета $2^1/_2$ милл. чистаго убытка въ годъ; финляндцы не принимаютъ также участія въ бюджетѣ Министерства Императорскаго Двора *).

Въ отмѣнѣ подобныхъ несправедливостей и въ болѣе тѣсномъ экономическомъ и военномъ сближеніи мы и полагаемъ задачу русской политики по отношенію къ Финляндіи. Тѣсная экономическая связь гораздо лучше сблизитъ насъ, нежели платоническое чувство признательности. Народы, какъ писалъ еще Людовикъ XIV Голландскимъ Штатамъ, не знаютъ признательности, но очень хорошо знаютъ свои интересы.

И по мнѣнію Ивана Аксакова, намъ нѣтъ повода измѣнять порядокъ управленія, существующій въ Финляндіи. Хотя Финляндія копируетъ до обезьянства шведскія учрежденія и тѣмъ ежедневно отдѣляется все болѣе отъ Россіи, но и въ этомъ нѣтъ еще непосредственной опасности; опасность будетъ, когда господствующее въ Великомъ Княжествѣ меньшинство отыметъ окончательно возможность для массы финскаго народа развиваться иначе, какъ въ узкихъ

*) Мы не говоримъ уже о такихъ курьезахъ, которыя просто необъяснимы. Напримѣръ, кто повѣритъ, что насчетъ русской государственной росписи недавно содержалась, а можетъ быть и содержится, шведская оперетка въ Гельсингфорсѣ! Это было сдѣлано такимъ образомъ: для устройства *русскаго* театра въ столицѣ Финляндіи положили отпускать ежегодно 14,000 рублей; но такъ какъ русской труппы тамъ не оказывалось, то сочли, что русская субсидія дана *зданію* театра, и помощью подобной хитроумной комбинаціи русскія казенныя деньги шли для развлеченія тѣхъ самыхъ финляндцевъ, которые отказались платить квартирное довольствіе русскимъ войскамъ, охраняющимъ ихъ спокойствіе и безопасность!

шведскихъ рамкахъ, и всячески закроетъ для финновъ путь къ сближенію съ Россіей. Въ предвидѣніи этого, не вторгаясь непосредственно въ законодательную и административную дѣятельность Великаго Княжества, Аксаковъ предполагалъ подчинить ихъ контролю какого либо высшаго русскаго государственнаго учрежденія.

Подобныхъ учрежденій три: Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ, первый департаментъ Сената. Финляндскія узаконенія и высшія правительственныя распоряженія не слѣдовало бы распубликовывать ранѣе, чѣмъ одно изъ этихъ учрежденій выскажется, не входя въ существо и детали проекта, нѣтъ ли въ немъ чего вреднаго по отношенію къ русскимъ интересамъ. Отчеты финляндскаго генералъ-губернатора также могли бы разсматриваться съ русской точки зрѣнія русскимъ компетентнымъ учрежденіемъ и на нихъ дѣлаться соотвѣтственныя замѣчанія.

При такой системѣ контроля нормальное теченіе финляндскихъ дѣлъ нисколько не было бы затруднено. Финляндія пользовалась бы своею автономіею, по скольку оная не противорѣчитъ интересамъ и достоинству Россіи, но верховная власть была бы обезпечена, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшихъ поводовъ къ антагонизму двухъ нераздѣльныхъ частей Имперіи. Означенная система контроля сдѣлала бы конечно, совершенно излишнимъ дальнѣйшее существованіе такъ называемаго Статсъ-секретаріата по дѣламъ Великаго Княжества Финляндскаго. Это учрежденіе скопировано со шведскаго, именно съ существующаго въ Стокгольмѣ для норвежскихъ дѣлъ. Но не надобно забывать великой разницы, что Норвегія—страна вполнѣ независимая, имѣющая со Швеціей только общаго короля, ограниченнаго настолько, что, отправляясь въ Норвегію, онъ не имѣетъ права брать съ собою въ свитѣ ни одного шведа, тогда какъ Финляндія—только часть Россіи, пользующаяся, изволеніемъ русскихъ самодержавныхъ государей, особымъ устройствомъ, какъ пользовались совершенно особымъ устройствомъ — Бессарабія, Мингрелія, Вольная Сванетія и пр.

Статсъ-секретаріатъ можетъ быть сохраненъ въ буду-

щемъ только развѣ какъ высшая прокурорская власть Россіи надъ Финляндіей, а не какъ представительство финляндской державы при особѣ русскаго Императора, чѣмъ de facto Статсъ-секретаріатъ сталъ нынѣ, поэтому онъ вполнѣ можетъ быть замѣненъ министерствомъ окраинъ, о которомъ было сказано выше.

ГЛАВА VII.

Генералъ-губернаторы.

Главныя управленія Оренбургскимъ и Степнымъ краями, Западно-Сибирскимъ, Иркутскимъ и Приамурскимъ генералъ-губернаторствами.— Сѣверъ Россіи.

При учрежденіи въ 30-хъ годахъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства ему былъ подчиненъ обширный, мало устроенный и неспокойный край. Близь самаго Оренбурга шла граница и таможенная черта, за предѣлами которой двѣ киргизскія орды считались только въ номинальномъ подданствѣ Россіи и вызывали постоянныя экспедиціи для своего успокоенія. Нынѣшняя Самарская губернія еще только колонизировалась, а Оренбургская, т. е. нынѣшняя Уфимская и Оренбургская, частью состояла изъ земель, управляемыхъ на военныхъ началахъ, частью формировалась еще присоединеніемъ такъ называемой Новой линіи. Компетенція генералъ-губернаторства распространялась на Мангышлакъ и восточное прибрежье Каспійскаго моря, а генералъ-губернаторъ велъ дипломатическіе переговоры съ независимыми владѣтелями Средней Азіи. Очевидно, что въ подобномъ краѣ требовалась сильная центральная власть, и управленія Перовскаго, Обручева и Безака принесли значительную долю пользы.

Но за пятьдесятъ лѣтъ обстоятельства совершенно видоизмѣнились. Самарская губернія была изъята изъ вѣдѣнія Оренбурга, какъ ничѣмъ не отличающаяся отъ дру-

гихъ нашихъ приволжскихъ губерній. Съ уничтоженіемъ Башкиро-мещерякскаго казачьяго войска и съ введеніемъ земскихъ учрежденій, въ такое же положеніе стала и Уфимская губернія, изъ побережій Каспійскаго моря была образована Закаспійская область, подчиненная намѣстнику кавказскому. Внутренняя букеевская орда присоединена къ Астраханской губерніи. Оренбургская губернія на двѣ трети состоитъ изъ земель оренбургскаго казачьяго войска, имѣющаго особое управленіе, подчиненное Военному Министерству и вовсе ничѣмъ не связанное съ общею гражданскою администраціей. Наконецъ, съ упраздненіемъ таможенной черты, удаленіемъ границы отъ Сыръ-Дарьи и образованіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства Оренбургскій край пересталъ быть пограничнымъ и потерялъ стратегическое и военно-политическое значеніе. Въ административномъ же отношеніи генералъ-губернаторство приносило такъ мало пользы, что не могло содержать даже исправнаго почтоваго сообщенія между Оренбургомъ и Перовскомъ и казенные путешественники предпочитали дѣлать тысячи двѣ верстъ крюка, дабы избѣжать благъ странствованія по этому краю. А пути сообщенія служатъ лучшимъ мѣриломъ культуры данной мѣстности.

Въ ненормальномъ положеніи оставалась только часть Киргизской степи, входящая въ составъ областей Тургайской и Уральской. Ради ихъ собственно и признавалось необходимымъ имѣть въ Оренбургѣ особаго главнаго начальника. Но и по отношенію къ киргизамъ обстоятельства сильно перемѣнились. Съ учрежденіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и съ усмиреніемъ Хивы, Киргизская степь стала внутренней областью и успокоилась. Вспышка 1869 г. была послѣдней попыткой противостоять русской гражданственности и русской администраціи. Съ тѣхъ поръ ничего въ этомъ краѣ выдающагося, кромѣ крупныхъ скотскихъ падежей отъ большихъ снѣговъ, не происходило. Большинство городовъ Тургайской области существовало попрежнему лишь на бумагѣ, а лучшая часть Уральской области, какъ земля Уральскаго казачьяго войска, была подчинена Военному Министерству,

слѣдовательно необходимость въ особомъ для нея главномъ управленіи въ Оренбургѣ не ощущалась.

Упраздненіе оренбургскаго военнаго округа еще болѣе было настоятельно необходимо, нежели упраздненіе генералъ-губернаторства. Войска округа состояли преимущественно изъ двухъ казачьихъ войскъ Уральскаго и Оренбургскаго, имѣвшихъ свои особыя управленія, число линейныхъ войскъ въ краѣ было всегда ничтожно: нѣсколько баталіоновъ; между тѣмъ для этихъ баталіоновъ содержались особые штабы, отдѣльныя артиллерійскія, инженерныя, интендантскія, военно-медицинскія, военно-топографическія и др. управленія и канцеляріи, составляющія квинтъ-эссенцію военноокружной системы, имѣющей цѣлью занять сотни чиновничьихъ рукъ микроскопическимъ трудомъ.

Съ упраздненіемъ округа, Оренбургскій край съ западною частью Киргизской степи подчинился казанскому, а не туркестанскому военному округу. По всей вѣроятности, соображенія стратегическія были здѣсь поставлены на второй планъ передъ интересами болѣе дешеваго содержанія войскъ. Снабженіе степи изъ Приволжья удобнѣе, нежели изъ Туркестана, поэтому и безъ того всякаго рода торги и заготовленія приходилось бы дѣлать въ Казани, а не въ Ташкентѣ.

Впрочемъ, Киргизскую степь очень не лишнее до времени подчинять какому либо лицу, облеченному значительною политическою и военною властью. Для этого не надобно имѣть особаго генералъ-губернатора, достаточно области Тургайскую и Уральскую подчинить туркестанскому генералъ-губернатору, имѣющему у себя въ краѣ не мало киргизовъ и слѣдовательно знающему, какъ съ ними обращаться. Хотя обязанности туркестанскаго генералъ-губернатора и безъ того довольно сложны, но не подлежитъ сомнѣнію, что управленіе двумя милліонами лишнихъ киргизовъ не особенно обременило бы его. Можно было и, вмѣсто двухъ существовавшихъ генералъ-губернаторствъ, Оренбургскаго и Западной Сибири, образовать одно степное или Киргизскаго края съ центромъ управленія въ Акмолинскѣ

или Омскѣ, смотря по удобству. Означеннымъ преобразованіемъ сокращались бы значительно расходы, а губерніи: Уфимская, Тобольская, Томская и не военная часть Оренбургской вошли бы въ нормальное положеніе. Новый же степной генералъ-губернаторъ обратилъ бы вниманіе на устройство своего непочатаго края, занялся бы тамъ русской колонизаціей, ирригаціей, проведеніемъ дорогъ и развитіемъ горнаго дѣла, для котораго восточная часть Киргизской степи представляетъ богатыя данныя.

Вопросъ былъ рѣшенъ иначе: для степныхъ областей Тургайской и Уральской правительство признало излишнимъ мѣстное главное управленіе, почему подчинило эти области непосредственно министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному. Само собою, что противъ такого порядка вещей ничего возразить нельзя. Децентрализація отличная вещь, но только тогда, когда она является въ формѣ широкаго мѣстнаго самоуправленія. Генералъ-губернаторскія же канцеляріи ничего общаго съ децентрализаціей не имѣютъ.

Упраздненіе Западно-Сибирскаго генералъ-губернаторства, просуществовавшаго около пятидесяти лѣтъ, также давно составляло насущную потребность. Губерніи Тобольская и Томская ничѣмъ существенно не отличались отъ сосѣднихъ съ ними губерній Европейской Россіи, а съ устройствомъ телеграфныхъ сношеній онѣ стали въ одинаковое разстояніе въ административномъ отношеніи отъ Петербурга съ остальными губерніями Россіи, управляемыми на общемъ основаніи. Томская и Тобольская губерніи гораздо ближе по своему быту къ чисто-русскимъ губерніямъ, чѣмъ большая часть южныхъ губерній Россіи, а по своему географическому положенію не требовали никакой политической власти. На китайско-монгольской границѣ, прилегающей къ Томской губерніи, по отсутствію населенія, почти никакихъ серьезныхъ дѣлъ возникнуть не могло.

Существованіе особаго генералъ-губернаторства въ Западной Сибири можно было бы еще допустить, еслибы мѣстное главное начальство проявило чѣмъ либо свою попечительность о нуждахъ края, но, на этотъ счетъ, кажется, ни одинъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири не могъ по-

хвастать чѣмъ либо, если не считать покойнаго генерала Гасфорта, представившаго Министерству Внутреннихъ Дѣлъ проектъ „промежуточной“ вѣры между магометанствомъ и христіанствомъ, въ которую слѣдовало, по мнѣнію генералъ-губернатора, обращать предварительно киргизовъ для облегченія имъ дальнѣйшаго перехода въ православіе. Проектъ представлялъ удивительный плодъ канцелярской премудрости, и желательно, чтобы онъ когда либо былъ опубликованъ для вразумленія грядущихъ администраторовъ нашихъ окраинъ.

Затѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, проживавшихъ съ 1839 года въ скучномъ Омскѣ (этотъ безжизненный городъ также въ своемъ родѣ изобрѣтеніе канцелярской премудрости), только генералъ Казнаковъ, въ первый годъ своего управленія, т. е. въ 1875 г., проявилъ живую дѣятельность и представилъ рядъ предположеній довольно разумныхъ, въ особенности по части колонизаціи края, которыя, впрочемъ, застряли въ разныхъ петербургскихъ департаментахъ и остались безъ исполненія. Кромѣ этого минутнаго одушевленія на благо общественное, Омскъ служилъ лишь совершенно ненужною инстанціей, куда совершали понапрасну прогулки губернаторскія представленія изъ Тобольска и Томска прежде, чѣмъ пойти въ Петербургъ. Такимъ образомъ, упраздненіе генералъ-губернаторства Западной Сибири повліяло лишь на скорѣйшее теченіе дѣлъ и не вызвало ничьихъ сожалѣній, кромѣ десятка оставшихся за штатомъ чиновниковъ.

Восточная часть Киргизской степи находится въ совсѣмъ другомъ положеніи, нежели губерніи Томская и Тобольская. Хотя киргизы народъ очень мирный и съ учрежденіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства опасность ихъ возстанія сдѣлалась совершенно ничтожною, но какъ народъ кочевой и находящійся въ младенческомъ состояніи цивилизаціи, онъ требуетъ власти твердой и снабженной обширными полномочіями. Эта власть должна служить для обузданія чиновничества, обыкновенно склоннаго къ злоупотребленіямъ среди инородческаго населенія, незнающаго ни русскаго языка, ни русскихъ законовъ. Здѣсь также

необходимо, чтобы власть военная находилась въ однѣхъ рукахъ съ властью гражданскою. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что для восточной части Киргизской степи, какъ и для другихъ частей Средней Азіи, сохраненіе генералъ-губернаторскаго управленія еще надолго останется необходимымъ.

Вопросъ, однако: требовалось ли для областей Акмолинской и Семипалатинской учрежденіе новаго Степного генералъ-губернаторства? Послѣднее имѣло бы значеніе, еслибы оно распространялось на всю Киргизскую степь, но вся западная половина послѣдней, такъ называемыя области Уральская и Тургайская, остались, за упраздненіемъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства, какъ мы говорили, въ непосредственномъ подчиненіи министерствамъ, а въ военномъ отношеніи онѣ подчинились отдаленному управленію Казанскаго военнаго округа. Новое Степное генералъ-губернаторство касается только восточной части степи, содержащей, включая и прибавленную для округленія Семирѣченскую область, менѣе $1^1/_2$ милл. жителей, изъ которыхъ не кочевого населенія не наберется одной десятой. Какъ на необходимость генералъ-губернаторства указывалось на границу съ Китаемъ, наши отношенія къ которому замѣтно ухудшились въ послѣднее время. Едва ли, однако, граница здѣсь имѣетъ такое важное политическое значеніе. Извѣстно, что Китай примыкаетъ къ намъ по западной своей границѣ весьма мало населенною частью своихъ внѣшнихъ областей, торговые обороты Россіи съ Китаемъ по означенной границѣ крайне незначительны, наконецъ, дружба Россіи съ Китаемъ зависитъ не столько отъ современнаго устраненія мелкихъ безпорядковъ на отдаленныхъ границахъ, сколько отъ искусной дипломатіи въ Пекинѣ и отъ убѣжденія тамошнихъ заносчивыхъ мандариновъ въ нашей силѣ.

По этимъ соображеніямъ мы и полагали, что Степное генералъ-губернаторство могло бы въ одинаковой степени быть замѣнено простымъ подчиненіемъ въ военномъ и политическомъ отношеніи всей Киргизской степи Туркестанскому генералъ-губернаторству. Конечно, это имѣло бы свои неудобства, напримѣръ, по необходимости посылать нѣкоторые пакеты изъ Семипалатинска или Омска сначала въ

Ташкентъ, а потомъ въ Петербургъ; но такое неудобство могло бы значительно уменьшиться благоразумнымъ расширеніемъ права губернаторовъ отдѣльныхъ областей сноситься съ министерствами прямо по множеству второстепенныхъ вопросовъ, гдѣ заключеніе генералъ-губернатора совершенно не нужно.

Кромѣ немаловажныхъ расходовъ, существованіе рядомъ двухъ генералъ-губернаторствъ съ оставленіемъ половины степи управляться непосредственно изъ Петербурга и Казани, можетъ сдѣлаться, при различіи взглядовъ главныхъ начальниковъ, источникомъ столкновеній и пререканій въ вопросахъ средне-азіятской политики, требующей, наоборотъ, единства и строгой послѣдовательности.

На учрежденіи Степного и упраздненіи Оренбургскаго генералъ-губернаторствъ переустройство Киргизской степи не остановилось. Теперь возникаетъ проектъ объ упраздненіи Тургайской области и учрежденіи вмѣсто нея Казалинской, причемъ южная часть области отойдетъ отъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, а сѣверная—сольется съ Оренбургскою губерніею. Акмолинская область переименуется въ Омскую.

Преобразованіе главнаго управленія Восточной Сибири, вслѣдъ за упраздненіемъ Западно-сибирскато генералъ-губернаторства, почти окончательно разрушило тотъ порядокъ устройства высшаго сибирскаго управленія, который былъ положенъ Сперанскимъ послѣ его знаменитой ревизіи.

Сибирь долгое время управлялась, какъ какой нибудь пашалыкъ, по произволу своихъ администраторовъ. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ многократно мѣнялись названія учрежденій: являлись воеводы, губернаторы, намѣстники, генералъ-губернаторы, но сущность оставалась та же—самовластіе, безконтрольность и личный произволъ развивались, благодаря отдаленности страны. Правительство мѣняло лицъ, но систему измѣнить было безсильно, и свѣжіе люди, пріѣзжавшіе на мѣсто, видѣли, что съ тѣми элементами, которые они имѣли въ рукахъ, и дѣйствовать было иначе невозможно.

Не все, однако, было дурно и въ это старое время. Многіе

администраторы „желѣзнаго вѣка“ выказали распорядительность и хозяйственную сметку. Мы видимъ поэтому, что, не смотря на многочисленныя препятствія, въ Сибири устроились почтовыя сообщенія, развилось горное дѣло, упрочилась кяхтинская чайная торговля, нѣсколько упорядочилась ссылка, а крестьяне жили въ Сибири навѣрное богаче, чѣмъ внутри Россіи, конечно за исключеніемъ мѣстностей уже вовсе неблагопріятныхъ для культуры, въ родѣ Туруханскаго края или Якутской области.

Замѣнить старинную патріархальную систему управленія строго законнымъ порядкомъ было цѣлью реформы 20-хъ годовъ. Преобразованіе сибирскаго управленія, сдѣланное Сперанскимъ, — который свою командировку въ Сибирь, замѣтимъ, считалъ только почетной ссылкой, — не удовлетворило, однако, ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго же раза были замѣчены. Оно повело къ послѣдствіямъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыя были высказаны въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Какъ всѣ созданія Сперанскаго, преобразованіе сибирскаго управленія имѣло характеръ чисто бюрократическій, увеличило до крайности письменное производство, и благія намѣренія остались на бумагѣ.

Произволъ начальниковъ края Сперанскій полагалъ ограничить учрежденіемъ при генералъ-губернаторахъ совѣтовъ изъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и частью отъ министерствъ. Члены совѣта непринятое ихъ мнѣніе имѣли право представлять высшему начальству. Такимъ образомъ введеніе коллегіальнаго начала должно было ослаблять власть единоличную и устанавливался взаимный контроль одного учрежденія другимъ. Подобный же планъ преобразованія былъ предложенъ, какъ извѣстно, въ 1816 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ для всей Россіи.

На дѣлѣ никакого существеннаго контроля совѣты не представляли, власти генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ они не ограничивали, пользуясь своимъ правомъ протеста лишь по дѣламъ второстепеннымъ. Коллегіальный же порядокъ велъ къ медленности, когда и безъ того, вслѣдствіе огромныхъ разстояній и недостатка путей со-

общенія, дѣлопроизводство въ Сибири отличалось и отличается крайнею вялостью.

Вслѣдъ за упраздненіемъ генералъ-губернаторства въ Западной Сибири предполагалось въ Восточной Сибири образовать два генералъ-губернаторства; первое изъ губерній: Енисейской, Иркутской и Якутской области; второе изъ областей: Забайкальской, Амурской, Камчатской, Уссурійской и Сахалинской. Центральнымъ административнымъ пунктомъ новаго генералъ-губернатора назначался Благовѣщенскъ, а для губернаторовъ областей: Забайкальскаго—въ Читѣ, Амурскаго—въ Хабаровкѣ, Камчатскаго—въ Петропавловскѣ, Уссурійскаго—въ Владивостокѣ и Сахалинскаго—въ слободѣ Александровской, возникшей на западномъ берегу острова Сахалина, не въ далекомъ разстояніи отъ Дуэ. Сѣверная граница Уссурійской области, смежная съ Амурскою, должна была проходить по хребту Цехицыръ, часть Приморской области на сѣверъ отъ Цехицыра отойти къ Амурской, въ которую взамѣнъ того входилъ Охотскій округъ, наконецъ, самая сѣверная часть Приморской области образовала бы Камчатскую область.

Такое административное дѣленіе, по словамъ прожектеровъ, представляетъ „большія выгоды для гражданскаго развитія нашихъ восточныхъ окраинъ, а въ военномъ отношеніи облегчаетъ защиту нашихъ границъ, сосредоточивая власть въ Благовѣщенскѣ, какъ въ главномъ административномъ пунктѣ, находящемся почти на срединѣ граничнаго протяженія отъ р. Туменьулы на востокъ до границы Иркутской губерніи на западъ".

Признаться сказать, мы рѣшительно не понимаемъ мотивовъ, которые могли бы вызывать необходимость въ огромномъ и совершенно непроизводительномъ расходѣ на учрежденіе столькихъ новыхъ канцелярій и другихъ административныхъ учрежденій въ Восточной Сибири.

Проектъ учрежденія для Амурскаго и Приморскаго краевъ особаго генералъ-губернаторства давно существовалъ, но его обыкновенно связывали съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства въ Иркутскѣ. Дѣйствительно, послѣ того какъ Тобольская и Томская губерніи благополучно существовали

послѣ уничтоженія генералъ-губернаторства Западной Сибири, не было никакихъ резоновъ для сохраненія генералъ-губернатора для губерній Енисейской, Иркутской и области Якутской. Первыя двѣ въ политическомъ отношеніи не отличаются отъ губерніи Томской, также граничащей съ Китаемъ, а по части инородцевъ и малой населенности Якутская область и Туруханскій край недалеко ушли отъ Обдорскаго края.

Это было настолько ясно, что при управленіи Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Игнатьевымъ состоялось даже повелѣніе объ отдѣленіи Енисейской губерніи отъ генералъ-губернаторства Восточной Сибири. Если означенное повелѣніе не исполнено было въ свое время, то по чисто второстепеннымъ административнымъ соображеніямъ, а именно предстояло выяснить вопросъ, кому подчинить нѣкоторыя учрежденія въ Енисейской губерніи, напримѣръ, учебныя заведенія, вѣдавшіяся болѣе или менѣе самостоятельно изъ Иркутска. Такимъ образомъ доказывать необходимость сохраненія генералъ-губернаторства въ Иркутскѣ, да еще въ уменьшенномъ противу прежняго объемѣ, почти излишне.

Приморскую и Амурскую области можно разсматривать какъ наши колоніи. Здѣсь не худо имѣть управленіе въ извѣстной степени самостоятельное и отъ С.-Петербурга мало зависимое, хотя, по нѣкоторымъ соображеніямъ, учрежденіе генералъ-губернаторства представляется и тутъ роскошью; скорѣе желательно бы расширеніе власти губернатора, даже исправника. Какая польза, напримѣръ, для Камчатки отъ генералъ-губернатора, живетъ ли онъ въ Иркутскѣ или Хабаровкѣ? Почта ходитъ въ Камчатку два или три раза въ годъ, и если Петропавловскъ имѣетъ еще экстренныя сношенія, то скорѣе съ Санъ-Франциско, а не съ портами Приморской области Восточной Сибири. Понятно, при такомъ отдаленіи, гдѣ бы ни жилъ генералъ-губернаторъ, все равно отъ него для Камчатки своевременно нельзя получить никакихъ указаній, а отвѣта по почтѣ скорѣе можно дождаться черезъ Америку изъ С.-Петербурга, нежели изъ Иркутска или Хабаровки. Если такое важнѣйшее извѣстіе,

какъ манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора, хотя и посланное съ нарочными казаками, пришло въ 1881 году въ Камчатку лишь черезъ пять мѣсяцевъ, то какихъ Камчатка можетъ дождаться генералъ-губернаторскихъ наставленій по текущимъ дѣламъ?

Раздѣленіе Приморской области на три области также нельзя было признать мѣрою очень практическою. Если для созданія губерній брать за норму лишь одну площадь территоріи, то изъ Якутской области или Туруханскаго уѣзда, Енисейской губерніи, можно накроить двадцать нѣмецкихъ королевствъ, двѣсти губерній, пятьсотъ французскихъ департаментовъ. Очевидно, правильнѣе брать въ разсчетъ населеніе; но его въ Приморской области всего-то тысячъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ треть китайцевъ, не состоящихъ въ нашемъ подданствѣ и почти не признающихъ нашей власти, треть полудикихъ инородцевъ, живущихъ, такъ сказать, внѣ административной машины и треть казаковъ, сухопутныхъ войскъ и моряковъ, имѣющихъ спеціальное начальство. Для кого же необходимы были новые административные органы и къ кому они могли прилагать свои попеченія?

У сахалинскаго губернатора не будетъ другого населенія въ области, кромѣ 2 или 3 тысячъ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ и батальона конвойныхъ солдатъ. Не проще ли назначить сюда не губернатора, а энергическаго и толковаго смотрителя тюрьмы. Тоже и для Камчатки. Въ предполагавшемся губернскомъ городѣ Петропавловскѣ осталось 350 жителей и по городскому бюджету издерживается на „народное образованіе“ 2 р. 50 к., а на очистку города отъ палыхъ кошекъ и собакъ 10 рублей. Въ Камчатскомъ краѣ нѣтъ земледѣлія; торговля ограничивается приходомъ 3-хъ кораблей въ годъ. Еслибы губернаторъ пожелалъ посѣтить какой либо изъ населенныхъ пунктовъ своей области, состоящій изъ трехъ-четырехъ рыбачьихъ хижинъ, то на одинъ уголь, который сгоритъ на казенномъ пароходѣ въ эту поѣздку за нѣсколько тысячъ верстъ, можно облагодѣтельствовать всѣхъ жителей посѣщаемаго уголка; можно даже снять фотографическіе

портреты всѣхъ жителей области и собрать ихъ въ альбомъ попечительнаго начальства.

По нашему мнѣнію, не созданіе новыхъ должностей и новыхъ канцелярій требуется для Восточной Сибири, а сокращеніе существующихъ. Необходимо упразднить Иркутское генералъ-губернаторство, а области Амурскую и Приморскую соединить въ одну губернію, оставивъ административнымъ центромъ Хабаровку. Губернатору этой области слѣдуетъ дать права генералъ-губернатора, а, главное, выбирать на этотъ постъ хорошаго хозяина, въ родѣ того, что въ старые годы были въ губерніяхъ Новгородской—графъ Сиверсъ, Пермской—Модерахъ, а недавно въ Семирѣченской области—генералъ Колпаковскій. Кромѣ широкихъ правъ, надобно новому губернатору предоставить въ полное распоряженіе на нужды края всѣ тѣ сбереженія, которыя будутъ сдѣланы отъ сокращенія излишнихъ должностей. Съ деньгами и полномочіями дѣятельный человѣкъ можетъ кое-что подѣлать, хотя и онъ противъ природы не пойдетъ. Серьезнаго же развитія Приморскаго края можно ожидать лишь когда удесятерится его населеніе, что сдѣлаютъ не губернаторы, а устройство срочнаго пароходства и облегченіе эмиграціи изъ малоземельныхъ уѣздовъ Европейской Россіи.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи проекта Государственный Совѣтъ призналъ излишнимъ сейчасъ же перекраивать край на новыя губерніи и области, и создавать такимъ образомъ новыя административныя должности — въ краѣ, гдѣ жителей менѣе, чѣмъ въ какомъ либо уѣздѣ одной изъ нашихъ населенныхъ губерній, и эта горсть людей разбросана на территоріи, превосходящей въ четыре раза Австро-Венгерскую имперію, но генералъ-губернаторство призналъ необходимымъ въ видахъ политическихъ и военныхъ: по важности для Россіи ея положенія на Тихомъ океанѣ и на границѣ съ враждебнымъ намъ Китаемъ, предпринявшимъ цѣлый рядъ мѣръ для колонизаціи Манджуріи съ цѣлью созданія болѣе солиднаго операціоннаго базиса на случай войны съ Россіей. Приморская область важна и по возникающимъ сношеніямъ Россіи съ

Японіей, по возможности завязать несравненно болѣе дѣятельныя и полезныя для края сношенія съ сосѣдней Кореей, которая сдѣлалась теперь доступною для иностранцевъ, по тому значенію, которое, въ случаѣ обще-европейской войны, можетъ имѣть дѣятельное крейсерство въ портахъ Тихаго океана.

Экономически Приморская область также заслуживаетъ вниманія. Южная часть ея, называемая Южно-Уссурійскимъ краемъ, есть пунктъ весьма удобный для колонизаціи, сюда будутъ мало-по-малу перевозиться избытки безземельныхъ крестьянъ изъ средней и юго-западной Россіи и мѣста для новыхъ переселенцевъ хватитъ еще на десятки лѣтъ. Въ свою очередь такое переселеніе, обезпечивая наше пароходство обратными фрахтами, станетъ содѣйствовать развитію русской торговли и мореходства на дальнемъ Востокѣ. Сахалинъ съ его огромными залежами каменнаго угля, лѣсными и рыбными богатствами, удобный пунктъ для каторжной колоніи, и надобно только радоваться, что стали закрывать дорогія и безполезныя центральныя тюрьмы внутри Россіи, чтобы сосредоточить каторжныя работы на островѣ. У насъ думали было, въ угоду нѣсколькимъ тупоумнымъ теоретикамъ, отказаться отъ ссылки въ Сибирь, но, къ счастью, очень скоро сознали свою ошибку и, если Сахалинъ долго еще, конечно, не будетъ имѣть ничего общаго съ раемъ земнымъ, то вѣдь въ такомъ дѣлѣ, какъ созданіе изъ отверженцевъ общества честнаго и трудолюбиваго населенія, надобно дожидаться, по крайней мѣрѣ, третьяго или четвертаго поколѣнія. Разбойники и убійцы не могутъ воспитать своихъ дѣтей въ духѣ благочестія и любви къ наукѣ; слава Богу, если дѣти ихъ будутъ только на половину мазурики; дѣти послѣднихъ, сохраняя кое-какія дурныя наслѣдственныя черты отцовъ и дѣдовъ, станутъ уже почти хорошими гражданами, а правнуки бывшихъ каторжныхъ сдѣлаются и совсѣмъ джентльменами. Такъ было въ Австраліи, такъ будетъ несомнѣнно и на Сахалинѣ. Ничего же подобнаго не можетъ быть въ центральныхъ тюрьмахъ, гдѣ истинными каторжными является бо-

лѣе охрана, день и ночь дежурящая, а не сами заключенные, сидящіе сложа руки.

И сѣверная часть Приморской области не лишена значенія. Теперь это—гибнущій въ своемъ родѣ край; но примѣръ сосѣднихъ съ Камчаткою Командорскихъ острововъ, арендуемыхъ американской компаніей Гутчисона и Коля, доказываетъ, что и здѣсь при умѣніи можно существовать и даже благодушествовать. Какъ выгодны промыслы, видно изъ того, что за 8 лѣтъ до срока аренды Командорскихъ острововъ, заключенной бывшимъ директоромъ департамента полиціи г. Косаговскимъ, американская компанія предлагала немедленно же возвысить арендную плату, если согласятся продолжить договоръ. Пронюхавъ это, явились у американцевъ сейчасъ же конкурренты. Значитъ и въ сѣверной части новаго генералъ-губернаторства можно коечто сдѣлать.

Наиболѣе спорнымъ пунктомъ при учрежденіи Приамурскаго генералъ-губернаторства служилъ вопросъ о Забайкальской области. Одни доказывали, что безъ Забайкалья новое генералъ-губернаторство не будетъ имѣть смысла, ибо Забайкалье въ экономическомъ отношеніи базисъ для Приамурскаго края, а въ политическомъ, по пограничности съ Китаемъ, находится буквально и въ томъ же положеніи, какъ и Амурская область и Уссурійскій край. Другіе, особенно иркутская администрація, не признавали этого, подозрѣвая, что съ отнятіемъ пограничной черты Забайкальской области уничтожается послѣдній предлогъ для сохраненія въ Иркутскѣ особаго генералъ-губернаторства. Сторонники этого мнѣнія утверждали, что Забайкальская область присоединяется къ новому генералъ-губернаторству, вѣроятно, только ради того, что не ловко имѣть особаго генералъ-губернатора для населенія въ 100,000, т. е. такого, какое живетъ у насъ въ столицѣ въ Казанской и Спасской частяхъ, вѣдающихся нѣсколькими участковыми приставами, хотя людскія отношенія куда какъ сложнѣе и разнообразнѣе въ центрѣ столицы, нежели въ дебряхъ Восточной Сибири. Забайкальская область колонизирована русскими еще въ XVII столѣтіи и теперь не-

многимъ отличается отъ прочихъ русскихъ губерній. Искать въ ней какую-то „политику“, требующую неусыпнаго надзора со стороны высшей мѣстной власти, нѣтъ-де основанія. Вмѣсто учрежденія подобнаго органа гораздо производительнѣе было бы построить въ области нѣсколько острововъ для ссыльно-каторжныхъ, ежегодно разбѣгающихся отъ недостатка надзора во всѣ стороны, и снабдить каторжныхъ одеждою, въ которой они, по словамъ очевидцевъ, крайне нуждаются.

Государственный Совѣтъ призналъ присоединеніе Забайкальской области къ новому генералъ-губернаторству вполнѣ уважительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ кому слѣдуетъ скорѣйшее обсужденіе вопроса объ упраздненіи генералъ-губернаторства Восточной Сибири. Означеннаго упраздненія, однако, не послѣдовало и преобразованіе управленія Восточной Сибири свелось лишь къ уничтоженію призрачнаго контроля коллегіальнаго учрежденія. Генералъ-губернаторъ и въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ сохранитъ за собою только высшій надзоръ за администраціей, а не будетъ непосредственно вмѣшиваться въ административныя и даже судебныя дѣла. До настоящаго времени генералъ-губернаторъ Восточной Сибири сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей исполнялъ обязанности главнаго начальника горныхъ заводовъ по отношенію къ горному управленію, попечителя учебнаго округа по отношенію къ учебной части и завѣдывалъ путями сообщенія въ краѣ. Эти обязанности съ него сняты. Уже учреждено въ Иркутскѣ самостоятельное горное управленіе, подобное тѣмъ, которыя имѣются въ Екатеринбургѣ, Томскѣ и Тифлисѣ, а затѣмъ, вѣроятно, учредится особый учебный округъ и управленіе путями сообщеній.

Всѣ эти преобразованія крайне желательны. Для контроля же надъ мѣстною администраціею и самимъ генералъ-губернаторомъ лучшею мѣрою будетъ не распложеніе чиновниковъ, какъ полагалъ Сперанскій, а развитіе мѣстнаго общества. Когда Сибирь соединится съ Европейскою Россіею, когда ея интеллигентный слой сдѣлается многочисленнѣе, образованнѣе, культурнѣе и матеріально болѣе

обезпеченнымъ, тогда и надъ администраціей установится наиболѣе могущественный контроль общественнаго мнѣнія. Уже и теперь мы видимъ задатки этого, хотя и не совсѣмъ удачныя, въ мѣстной печати, которая неустанно обличаетъ мѣстные безпорядки и злоупотребленія, но рядомъ проводитъ и вредныя идеи.

Участь нашего Сѣвера давно обратила вниманіе и печати, и правительства. Сколько сочинялось проектовъ для его поднятія: одинъ г. Барановъ, управляя губерніей сто дней, привезъ въ Петербургъ сто проектовъ, изъ которыхъ, однако, осуществился пока одинъ—возстановленіе въ Колѣ должности исправника. Ничего все-таки серьезнаго не предпринимается, хотя долго существовала въ Петербургѣ особая комиссія о нуждахъ Сѣвера. Но ни кольскій исправникъ, ни означенная комиссія дѣлу помочь не могутъ, ибо задача превосходитъ ихъ силы.

Нашъ Сѣверъ, т. е. губерніи Архангельская, Вологодская и Олонецкая съ прилегающими частями губерній Пермской, Вятской и Костромской—цѣлый край, обширное государство, которое хотя политически и входитъ въ составъ Европейской Россіи, но имѣетъ совершенно особые экономическіе интересы. Это край, представляющій отдѣльный міръ и населеніе котораго должно жить непремѣнно своеобразною и независимою жизнью, рискуя иначе умереть съ голоду. Уравненіе сѣвернаго населенія въ условіяхъ быта съ крестьянами внутреннихъ губерній вело только до сихъ поръ къ разоренію.

Наши администраторы убѣждены, правда, что Сѣверъ очень бѣденъ, но это убѣжденіе основано на недоразумѣніи. Сѣверъ бѣденъ не потому, что его экономическія условія таковы, а потому, что мы сдѣлали его бѣднымъ неудачною торгово-промышленною политикою. Страны съ буквально такимъ же суровымъ климатомъ и скудною для хлѣбопашества почвою: Канада, сѣверная Шотландія, Норвегія принадлежатъ къ числу богатѣйшихъ и жители ихъ пользуются широкимъ довольствомъ и всѣми благами цивилизаціи. Наша Финляндія ничѣмъ не отличается, даже по племенному составу жителей, отъ сосѣднихъ частей

Олонецкой губерніи, но можетъ ли быть проведена, какъ мы уже говорили, какая либо параллель между экономическимъ благосостояніемъ обѣихъ мѣстностей.

Задача, значитъ, не въ томъ, чтобы построить ту или другую желѣзную дорогу, или выпросить какую нибудь для сѣверныхъ крестьянъ льготу. Дѣло представляется болѣе обширнымъ и труднымъ. Надобно цѣлый край направить на правильный путь дѣятельности. Нашъ Сѣверъ имѣетъ всѣ данныя для процвѣтанія: не замерзающіе порты, рыбные и звѣриные ловы, громадные лѣса, рудныя богатства, прекрасные внутренніе водяные пути, населеніе знакомое съ моремъ и способное дать матеріалъ для торговаго флота. Словомъ, здѣсь все есть, что нужно, все то, что есть въ Норвегіи или Канадѣ, но нѣтъ того „духа жива“, который далъ этимъ странамъ раціональное направленіе народной дѣятельности.

Не надобно думать, что и послѣдніе всегда были такъ умны, какъ нынѣ. Сѣверъ Норвегіи пятьдесять лѣтъ тому назадъ представлялся пустыней не лучше нашей Архангельской губерніи; теперь же это цвѣтущій и богатѣющій край. Не нужно, слѣдовательно, отчаяваться въ будущемъ. И нашему Сѣверу можетъ достаться лучшая доля,— это сдѣлается не иначе, однако, какъ если займутся имъ серьезно. Продолжая же старую рутину, мы доведемъ населеніе нашихъ сѣверныхъ губерній до нищенства и сдѣлаемъ его въ концѣ концовъ пенсіонеромъ государственнаго казначейства.

Вотъ для этакого-то края, по нашему мнѣнію, учрежденіе особаго генералъ-губернаторства, и назначеніе на должность генералъ-губернатора съ обширными полномочіями человѣка просвѣщеннаго, заботливаго и распорядидительааго, было бы весьма не лишнимъ. Но для развитія какой либо окраины первое условіе для начальника края проводить въ ней лѣтъ десять, а если можно, то и долѣе. Оттого многія наши отдаленныя области до сихъ поръ такъ дурно управлялись, что администраторы ихъ, отправляясь туда, глядѣли на свою службу, какъ на временную ссылку.

Обыкновенно дѣло начиналось съ того, что посылае-

мый администраторъ, прежде принятія должности, просилъ объ уплатѣ его долговъ на казенный счетъ, затѣмъ, получивъ огромные подъемные, прогоны и т. д., администраторъ ѣхалъ, захвативъ въ Петербургѣ случайно штатъ молодежи, которой Кюба или Борель почему-либо прекратили кредитъ. На мѣстѣ новый администраторъ старался оставаться обыкновенно не болѣе года и, составивъ наскоро проектъ реформъ, одна другой необходимѣе для края, просился въ Петербургъ, гдѣ и жилъ годъ или два, тщетно добиваясь, чтобъ петербургскіе департаменты удостоили взглянуть на его проектъ. Реформы, конечно, оставались подъ сукномъ, а администраторъ, получивъ новые прогоны, подъемные и т. д. и освѣживъ свой штатъ, ибо Борель опять кому нибудь закрывалъ кредитъ, возвращался, чтобы черезъ годъ или два совсѣмъ уже оставить край, куда, по уплатѣ вновь долговъ, назначался такой же администраторъ, повторявшій буквально всѣ пріемы прежняго, и т. д., и т. д. до безконечности.

Понятно, что подобная система продолжаться не можетъ. Если начальникъ отдаленнаго края пожелаетъ хотя что нибудь сдѣлать серьезное, то для одного предварительнаго ознакомленія съ краемъ у него уйдетъ нѣсколько лѣтъ, что и неудивительно, взявъ въ разсчетъ трудность тамошнихъ сообщеній. Въ три-четыре года сдѣлать на подобномъ постѣ рѣшительно ничего нельзя. Князь Воронцовъ оттого оставилъ по себѣ такую хорошую память въ Новороссійскомъ краѣ, что управлялъ имъ двадцать лѣтъ почти безвыѣздно, да лѣтъ десять еще сохранялъ главное наблюденіе за краемъ, посвящая главнымъ образомъ свою дѣятельность Кавказу. Два другіе новороссійскіе генералъ-губернатора, сдѣлавшіе много для края, герцогъ Ришелье и графъ Коцебу, также оставались довольно продолжительное время на своихъ постахъ.

ГЛАВА VIII.

Чиновники.

Бюрократія, табель о рангахъ, государственные экзамены. — Число чиновниковъ, ихъ содержаніе.—Казенныя зданія.

Не углубляясь въ темный удѣльный періодъ нашей исторіи, нельзя не замѣтить, что въ московскій періодъ существовало выборное начало для дѣлъ судебныхъ, финансовыхъ и даже полицейскихъ, и хотя рядомъ дѣйствовалъ элементъ приказный, но окончательно онъ пріобрѣлъ перевѣсъ лишь съ бо̀льшимъ развитіемъ государственной жизни, а именно со времени царя Михаила Ѳеодоровича,— движущею иниціативою администраціи сталъ тогда интересъ казны, ослабившій значеніе общинъ. Земскіе выборы приняли характеръ повинности, ясно выраженной въ извѣстныхъ указахъ 1681 года; въ нихъ *о правѣ* выбора нѣтъ и рѣчи, существуетъ только *обязанность,* и правительство могло назначить другихъ лицъ вмѣсто избранныхъ, если находило это удобнымъ.

Выборное начало взяло опять нѣкоторый перевѣсъ, хотя и въ другомъ видѣ, при Екатеринѣ II, вслѣдствіе привилегій, дарованныхъ дворянству, но съ реформою 1861 г. приказный элементъ опять восторжествовалъ и продолжаетъ все болѣе и болѣе входить во вкусы общества. Въ этомъ случаѣ въ нашемъ общественномъ мнѣніи, какъ и въ печати, его отражающемъ, существуютъ даже неизъяснимыя

противорѣчія. Съ одной стороны, безконечныя жалобы на неудовлетворительность административныхъ порядковъ, на слабость контроля, даже на невозможность имѣть его въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Между тѣмъ, безпрерывно предлагаются проекты улучшенія той или другой отрасли государственнаго управленія или хозяйства, помощью созданія штата новыхъ чиновниковъ. Какъ будто бы эти нововымышленные администраторы будутъ взяты съ другой планеты и не будутъ заключать въ себѣ никакихъ человѣческихъ слабостей, свойственныхъ нашему чиновничеству.

Безпрестанно слышатся жалобы на неустройство у насъ полиціи за невозможностью найти людей для нея; желѣзныя дороги находятся въ отвратительномъ положеніи опять-таки по невозможности сыскать хорошихъ ревизоровъ; казенныя земли утекли изъ рукъ казны по слабости чиновнаго надзора и т. д., и т. д. А между тѣмъ являлись проекты даже питейную торговлю — этотъ исконный корень всякаго соблазна и безчисленныхъ злоупотребленій—передать въ руки чиновнаго персонала, для чего потребовалось бы созданіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ идеальныхъ въ нравственномъ отношеніи людей. Не странно ли это?

Безъ чиновниковъ, однако, никакое государство обойтись не можетъ и каждое государство для обезпеченія законности и направленія общему благу правительственной дѣятельности должно заботиться о правильной постановкѣ государственной службы. Отъ того, какова подготовка чиновниковъ, каково ихъ матеріальное положеніе, каковы ихъ іерархическія отношенія между собою и отношенія къ публикѣ, какова ихъ отвѣтственность — отъ всего этого въ значительной мѣрѣ зависитъ спокойствіе и благосостояніе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего государства.

Отъ должностныхъ лицъ государственная власть должна требовать, чтобы они служили достойными ея представителями, чтобы своими знаніями, законностью, безкорыстіемъ и благоразумною твердостью они все больше и больше увеличивали уваженіе къ ней общества. Не только на службѣ, но и внѣ службы, въ частной жизни, чиновники должны держать себя такимъ образомъ, чтобы не умалять достоин-

ства государственной власти, ибо въ истинномъ уваженіи подданныхъ къ этой власти и заключается основаніе ея силы.

Извѣстно, какое благопріятное впечатлѣніе въ обществѣ произвелъ у насъ приказъ объ увольненіи отъ службы по 3-му пункту, т. е. безъ прошенія и съ воспрещеніемъ принимать куда либо, бывшихъ оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго, правителя его канцеляріи Холодковскаго, директора временнаго отдѣла Министерства Государственныхъ Имуществъ Климова и управляющаго государственными имуществами въ Уфимской губерніи Ивашинцова по извѣстному дѣлу о расхищеніи уфимскихъ казенныхъ земель.

Дѣло это разобрано сенаторской ревизіей М. Е. Ковалевскаго. Строгое взысканіе произвело въ обществѣ самое лучшее впечатлѣніе, такъ какъ, само собою разумѣется, весьма трудно было добраться до виновности лицъ, успѣвшихъ щедрою раздачею чужой собственности создать себѣ, въ видѣ признательности, вліятельныхъ друзей, готовыхъ всячески содѣйствовать потушенію дѣла, косвенно отражавшагося и на личныхъ интересахъ послѣднихъ*).

Послѣ честности государство должно требовать отъ чиновниковъ знанія дѣла. Для этого теперь критеріумомъ служатъ экзамены. Только во Франціи опредѣленіе на государственную службу (кромѣ судебнаго, дипломатическаго и инженерныхъ вѣдомствъ) не подчинено еще никакимъ законамъ и правиламъ; все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія и произвола начальниковъ, которые могутъ назначать на должности какъ высшія, такъ и низшія, безъ всякаго соображенія съ образованіемъ кандидатовъ; поэтому общій уровень французскаго чиновничества довольно низокъ, въ немъ господствуетъ канцелярская рутина и фаворитизмъ. Бельгія сходна въ этомъ случаѣ съ Франціей. Затѣмъ еще въ Голландіи государственные экзамены установлены только

*) Интереснѣйшія подробности объ этомъ дѣлѣ находятся въ книгѣ *Н. Ремизова* „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“, къ которой приложенъ и полный списокъ всѣхъ поживившихся насчетъ башкиръ.

для нѣкоторыхъ отраслей службы; въ остальныхъ европейскихъ государствахъ пріемъ на службу строго ограниченъ условіями высшаго образованія. Англійское правительство старается еще всячески расширить дѣйствіе новаго закона, чтобы возможно болѣе устранить протекцію и личный произволъ по службѣ, хотя, надобно признаться, и англичане не очень сочувственно относятся къ принципу экзаменовъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ введены отчасти государственные экзамены, хотя и тамъ общественное мнѣніе относится къ нимъ недружелюбно.

Понятное дѣло, что при такихъ порядкахъ поступленія въ государственную службу не можетъ быть и рѣчи о прямомъ переходѣ въ нее изъ службы военной; подобные переходы въ западной Европѣ являются только какъ рѣдкое исключеніе. Во Франціи, гдѣ какъ мы выше сказали, экзаменовъ нѣтъ, переходъ невозможенъ потому, что общество смотритъ тамъ на военную службу какъ на почетную.

Нѣтъ сомнѣнія, что порядки, существующіе у насъ относительно поступленія въ гражданскую службу, должны бы сильно измѣниться, еслибы мы пожелали, взявъ за образецъ Европу и Америку, преобразовать весь персоналъ нашего чиновничества примѣненіемъ конкурсовъ и экзаменовъ. Къ сожалѣнію, подобная реформа, если даже признавать пользу экзаменовъ, а мы ее не признаемъ*), не очень-то легка, ибо затрудненія кроются въ самомъ основаніи нашего государственнаго устройства.

При сравненіи нынѣшняго положенія вопроса объ условіяхъ поступленія на службу въ другихъ государствахъ и у насъ въ Россіи, сейчасъ же замѣчается весьма рѣзкое

---

*) Особенно сильная агитація противъ экзаменовъ на административныя должности идетъ теперь въ Англіи и во главѣ ея стоитъ извѣстный журналъ „Nineteenth Century“. На экзаменѣ чиновниковъ ихъ спрашиваютъ изъ латыни, греческаго языка, физики и др. наукъ, рѣшительно не имѣющихъ ничего общаго со службою; не гораздо ли лучше, замѣчаетъ англійскій журналъ, убѣдиться какимъ либо способомъ, что кандидатъ человѣкъ толковый, честный, здоровый, способный занимать свою должность и понимающій свои обязанности. Объ этомъ никто не думаетъ и никто не заботится.

различіе, объясняющее различіе и въ практическихъ послѣдствіяхъ. Это различіе заключается, во-первыхъ, въ одномъ изъ фундаментальныхъ различій въ государственномъ строѣ. Во всѣхъ безъ изъятія иностранныхъ государствахъ не существуетъ болѣе государственныхъ сословій, т. е. никакихъ закономъ опредѣленныхъ правъ и преимуществъ различныхъ классовъ общества, сохраняющихъ до сихъ поръ свою силу и значеніе для Россіи.

Нигдѣ, кромѣ Россіи, не можетъ быть теперь и рѣчи о какихъ либо правахъ состоянія, ни наслѣдственныхъ, ни личныхъ, пріобрѣтенныхъ по государственной службѣ. Если гдѣ и жалуются какіе либо титулы, то они не имѣютъ другого значенія, кромѣ почетнаго званія. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Англіи и въ Германіи, сохранилось еще въ обществѣ понятіе о дворянскомъ или благородномъ сословіи, но только какъ понятіе, которое не связано ни съ какимъ конституированнымъ (корпоративнымъ) сословіемъ и ни съ какими законными различіями на почвѣ гражданскаго права. Только на почвѣ политическихъ правъ въ представительныхъ учрежденіяхъ (палата лордовъ, палата господъ) сохранились еще въ нѣкоторыхъ государствахъ слѣды сословій.

Отсюда возникаетъ весьма существенное различіе въ дѣйствіи самыхъ правъ и условій поступленія на государственную службу, прохожденія ея и назначенія на ту или другую должность. Условія эти имѣютъ совсѣмъ различныя практическія послѣдствія у насъ (при пріобрѣтеніи черезъ нихъ извѣстныхъ правъ состоянія) и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Точно такъ же университеты и другія учебныя заведенія служатъ заграницею лишь путемъ къ образованію, къ высшимъ профессіямъ въ государствѣ и къ положенію въ обществѣ (въ средѣ его интеллигенціи), у насъ же вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ и къ пріобрѣтенію извѣстныхъ привилегированныхъ гражданскихъ правъ.

Другое весьма существенное отличіе иностранныхъ государствъ отъ Россіи въ устройствѣ гражданской службы, это—отсутствіе чиновъ, права на которые составляютъ одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, пріобрѣтаемыхъ у насъ

на службѣ и вмѣстѣ главную привилегію всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

Если гдѣ еще и остались въ другихъ государствахъ чины, то они имѣютъ тамъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ Россіи. Неразрывно связанныя съ должностью и безъ нея отпадая, они служатъ только почетнымъ титуломъ безъ всякихъ правъ служебныхъ и гражданскихъ. У насъ же чины имѣютъ гораздо болѣе значенія, и главнымъ образомъ они имѣютъ вѣсъ въ связи съ сословною организаціею, доставляя тѣ или другія права состоянія.

Такое же коренное различіе замѣчается у насъ и по вопросу объ отношеніяхъ военной службы къ гражданской и о переходѣ изъ первой въ послѣднюю, хотя въ организаціи военной службы и всѣхъ вообще военныхъ учрежденій очень много сходства между Россіей и остальной Европой, въ особенности послѣ введенія воинской повинности.

Военная служба, какъ и гражданская, влечетъ у насъ за собою сословныя права; при значеніи чина для правъ состоянія не можетъ не быть единства въ организаціи чиновъ военныхъ и гражданскихъ; поэтому табель о рангахъ, введенная Петромъ Великимъ, столько же учрежденіе гражданское, какъ и военное. Отсюда происходятъ многія близкія и столь сложныя у насъ связи между обоими родами службы и между личнымъ составомъ той и другой. Этимъ объясняется одна изъ главныхъ причинъ отсутствія въ Россіи той рѣзкой грани, какая существуетъ вездѣ между военнымъ должностнымъ составомъ и гражданскимъ.

Вопросъ объ упраздненіи гражданскихъ чиновъ и отмѣны табели о рангахъ недавно еще разбирался въ комиссіи статсъ-секретаря Танѣева, но трудамъ этой комиссіи, повидимому, суждено кануть въ Лету, какъ не имѣли послѣдствій подобные же труды предыдущихъ комиссій, начиная съ 20-хъ годовъ. Между тѣмъ, вопросъ объ уничтоженіи чиновъ въ гражданской службѣ сохраняетъ свою настоятельность и надобно сожалѣть, что къ нему относятся исключительно съ той точки зрѣнія, что существованіе табели о рангахъ никому будто бы не мѣшаетъ, а между тѣмъ для многихъ пріятно.

Не говоря о томъ, что нынѣшняя табель о рангахъ ничего не имѣетъ общаго съ предположеніями Петра I, а вытекла изъ совершенно противоположныхъ распоряженій Екатерины II и Павла I, значеніе дворянства, какъ высшаго сословнаго отличія, только тогда будетъ поставлено у насъ на подобающую ему высоту, когда оно перестанетъ быть необходимою принадлежностью чиновничества. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно былъ разобранъ въ интересной брошюрѣ „Замѣтка о мѣстной реформѣ", принадлежащей перу Г. А. Евреинова.

Чтобы поднять значеніе дворянскаго званія, нужно, по мнѣнію г. Евреинова, ограничить его численный составъ и усилить въ немъ родовое начало — для этого требуется упразднить чины и дворянство личное. Сословныя прерогативы слѣдуютъ общему закону, въ силу котораго цѣнность вещи пропорціональна ея рѣдкости. Убѣдительное тому доказательство представляетъ и исторія сословныхъ отличій въ русскомъ государствѣ. Въ до-Петровское время родовое начало было сильно развито только въ высшихъ слояхъ служилаго класса — и объясняется это тѣмъ, что число ихъ представителей было крайне ограничено.

Табель о рангахъ несомнѣнно обнаруживаетъ весьма сильное вліяніе на весь строй нашей государственной и общественной жизни. Какъ справедливо замѣтилъ еще графъ Уваровъ, она демократизируетъ наше общество, ставя послѣдняго слугу государства выше неслужащаго барина. Съ одной стороны она придаетъ чиновную окраску всему высшему сословію дворянъ, а съ другой—выдѣляетъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ особенное чиновное сословіе или касту. Чинъ въ Россіи самъ по себѣ составляетъ отличительное свойство принадлежности къ привилегированному сословію, а градація чиновъ представляетъ послѣдовательный рядъ чисто внѣшнихъ въ этомъ сословіи отличій. Отличія эти искусственно привлекаютъ на государственную службу массу лицъ, для службы неспособныхъ или служить не желающихъ, только потому, что быть безъ чина въ извѣстной степени предосудительно. Одни отвлекаются такимъ образомъ отъ дру-

гихъ болѣе производительныхъ занятій; другіе, зачисливъ себя на службу, считаютъ свое призваніе исполненнымъ и остаются на всю жизнь тунеядцами, такъ какъ восхожденіе по лѣстницѣ ранговъ возможно и безъ исполненія какихъ либо служебныхъ обязанностей.

Русское дворянство,—непрерывнымъ дѣйствіемъ табели о рангахъ,—включаетъ въ свой сословный союзъ громадное число лицъ всевозможныхъ профессій. Это умаляетъ значеніе дворянскаго званія, какъ высшаго сословнаго отличія, и принижаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, достоинство такихъ общественныхъ элементовъ, какъ духовенство и промышленные классы, представители которыхъ,—сколько бы они ни возвышались надъ народной массой своими дарованіями, образованностью и состоятельностью,—поставлены въ сословномъ отношеніи ниже всей остальной интеллигенціи, пріобщаемой чиномъ благородному званію. Табель о рангахъ плодитъ дворянство бѣдное, нуждающееся, впередъ обреченное на фальшивое общественное положеніе, вслѣдствіе невозможности жить „по состоянію“, и для котораго сословные предразсудки ограничиваютъ кругъ занятій, могущихъ дать скромное обезпеченіе.

Званіе личнаго дворянства — это переходная ступень для полученія затѣмъ дворянства потомственнаго. Посредствомъ учрежденія личнаго дворянства, высшее сословіе, при обязательномъ содѣйствіи табели о рангахъ, и вбираетъ въ себя почти безъ остатка всѣхъ представителей интеллигентнаго труда и либеральныхъ профессій, родившихся въ другихъ состояніяхъ. Съ упраздненіемъ этого званія дворянское сословіе значительно сократилось бы въ своемъ численномъ составѣ, а среднее сословіе возвысилось въ своемъ значеніи и облагородилось, сохранивъ въ своей средѣ часть интелигенціи страны. Безъ этого упраздненія табель о рангахъ будетъ имѣть соціальное значеніе, которое трудно даже предвидѣть. Оно извлечетъ изъ нашего слабаго средняго сословія огромную массу людей и переведетъ ихъ въ служилое сословіе. Подобное перечисленіе только усилитъ рознь, существующую у насъ между высшими и низшими сословіями, и поведетъ къ постепенному раз-

дѣленію населенія на два класса: народъ и бюрократію,— а это китайскій порядокъ вещей.

Кокоревъ въ своей книгѣ „Экономическіе провалы“ очень рельефно обрисовалъ вредъ, происходящій отъ „чинобѣсія“ купечества. „Если стремленіе нѣкоторыхъ купцовъ къ полученію чиновъ будетъ возрастать, говоритъ онъ, то при существующей благосклонности правительства производство купцовъ въ чины можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, что во всѣхъ торговыхъ амбарахъ и лавкахъ при разговорѣ приказчиковъ съ хозяевами будетъ, какъ въ департаментахъ, безпрерывно слышаться возгласъ: „Ваше прев—ство! ваше прев—ство“, почемъ прикажете продавать товаръ, вчера полученный съ фабрики его прев—ства?“

„Неужели бы можно было считать преуспѣяніемъ Россіи, говоритъ Кокоревъ, еслибы она имѣла лишнихъ 50 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, потерявъ въ то же время такое же количество коммерческихъ домовъ?.. Еслибы какую либо самую зажиточную деревню вздумалось, со всѣмъ ея народонаселеніемъ произвести въ коллежскіе регистраторы, то жители этой деревни были бы, конечно, сначала сбиты съ толку отъ изумленія, не могли бы понять, что они такое, и потомъ, отвыкнувъ отъ труда и заразившись презрѣніемъ къ своему дѣлу, пришли бы къ необходимости испрашивать пособія отъ тѣхъ, кого не поразило подобное благополучіе“.

Кромѣ сословнаго своего значенія, наша бюрократія поражаетъ еще своею численностью. Въ генеральскомъ только рангѣ гражданскихъ чиновниковъ состоитъ около трехъ тысячъ. Это изобиліе давно озабочиваетъ правительство. Высшая комиссія по сокращенію государственныхъ расходовъ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря А. А. Абазы, испросила Высочайшее повелѣніе, воспрещавшее впредь до пересмотра штатовъ назначать новыхъ членовъ совѣтовъ министровъ и другихъ высшихъ коллегіальныхъ учрежденій при министерствахъ, а равно назначать содержаніе всѣмъ тѣмъ лицамъ, причисляемымъ къ министерствамъ, которыя не занимаютъ штатныхъ долж-

ностей. Повелѣніе это стало, однако, очень скоро не исполняться.

Въ принципѣ опредѣленіе содержанія членамъ коллегіальныхъ учрежденій и лицамъ, не занимающимъ штатныхъ должностей, не можетъ быть отрицаемо. Правда, ничего подобнаго не существуетъ заграницею, но тамъ совсѣмъ другія условія жизни. Только въ Россіи государственная служба составляетъ въ полномъ смыслѣ слова профессію, къ которой начинаютъ готовиться почти съ пеленокъ и которая заканчивается у гробовой доски. Худо это или хорошо—другой вопросъ, но правительство не можетъ не считаться съ условіями соціальнаго быта, сложившагося вѣками и отчасти по волѣ самого же правительства. Заграницею разныя высшія коллегіальныя административныя учрежденія очень легко формируются изъ разныхъ болѣе выдающихся по своему вліянію и положенію лицъ. Нѣсколько депутатовъ, богатыхъ капиталистовъ, заявившихъ свою дѣловитость, крупныхъ промышленниковъ или помѣщиковъ образуютъ спеціальные совѣты и комитеты министерствъ, не получая ни копѣйки вознагражденія. У насъ далеко не то: въ Россіи даже города и акціонерныя учрежденія во главѣ своихъ совѣтовъ и управленій ставятъ чиновниковъ, за недостаткомъ другихъ образованныхъ дѣятелей; очевидно, у правительства нѣтъ такого широкаго запаса людей, какъ заграницею. Съ другой стороны, постоянная служба подготовляетъ мало-по-малу такихъ дѣятелей, которые не годятся уже по лѣтамъ на мѣстахъ отвѣтственныхъ или требующихъ усидчивыхъ занятій, между тѣмъ лица эти еще очень могутъ быть полезны своею опытностью. Живя всю жизнь на казенномъ содержаніи, и въ высокихъ чинахъ подобныя личности очень рѣдко имѣютъ средства къ существованію, а если ихъ имѣютъ, то, значитъ, пріобрѣли незаконными путями. Правительство, очевидно, должно, увольняя лицъ, „обезпечившихъ“ себя на службѣ, озаботиться участью людей заслуженныхъ. Коллегіальныя учрежденія являются въ этомъ случаѣ единственнымъ исходомъ.

Наша администрація постоянно преобразуется, поэтому

съ одной стороны безпрерывное сочиненіе и изданіе для нея новыхъ штатовъ было бы дѣломъ крайне затруднительнымъ, даже безцѣльнымъ, а съ другой—учрежденія, образованныя по старымъ штатамъ, совсѣмъ оказываются несоотвѣтствующими, ни по числу лицъ, ни по размѣру вознагражденія, современнымъ потребностямъ. На нашихъ глазахъ выросли силою вещей огромныя, совершенно новыя административныя учрежденія въ родѣ департаментовъ земскаго, желѣзныхъ дорогъ, телеграфнаго, тюремнаго, тарифнаго и т. п., наоборотъ, нѣсколько департаментовъ, вѣдавшихъ казенными крестьянами, сократились; такая же ломка происходитъ и внутри каждаго отдѣльнаго административнаго учрежденія. Поэтому въ принципѣ нельзя сказать, чтобы всѣ сверхштатные чиновники были непремѣнно лишніе и для службы не нужные, или что выдача вознагражденія за ихъ трудъ всегда оказывалась синекурою.

Но если принципъ самъ по себѣ вѣренъ, то нельзя не признать, что въ приложеніи его мы дошли почти до карикатурныхъ преувеличеній. Число коллегіальныхъ учрежденій плодится у насъ постоянно, въ одномъ Военномъ Министерствѣ ихъ многое множество. Трудно даже понять, чѣмъ, напримѣръ, военно-медицинскій комитетъ отличался отъ главнаго госпитальнаго комитета. Какъ будто бы бываютъ военные медики безъ госпиталей или госпитали безъ медиковъ! Между тѣмъ каждое подобное учрежденіе состоитъ изъ членовъ, получающихъ опредѣленное жалованье, и имѣетъ обширную канцелярію. Возьмемъ для примѣра военно-ученый комитетъ. Судя по отчетамъ, печатавшимся въ „Русск. Инвалидѣ“, дѣятельность этого комитета сводится къ рецензіямъ нѣкоторыхъ сочиненій и къ собиранію военно-статистическихъ свѣдѣній; дѣятельность, безспорно, полезная, но очевидно, что военное вѣдомство, имѣющее пять военныхъ академій и огромные штабы, очень легко можетъ изъ профессоровъ академій и другихъ лицъ образовать безъ всякихъ расходовъ подобный комитетъ. Конечно, у комитета можетъ быть свой правитель дѣлъ, но для чего, спрашивается, въ настоящемъ составѣ

у военно-ученаго комитета управляющій дѣлами комитета генералъ, да у него пять или шесть помощниковъ въ полковничьихъ чинахъ?

То же самое можно сказать и относительно причисленныхъ къ министерствамъ. Списокъ чиновниковъ особыхъ порученій и причисленныхъ къ одному Министерству Финансовъ занимаетъ нѣсколько страницъ убористаго шрифта въ два столбца. Какъ бы ни были неудовлетворительны наши штаты, очевидно, что такое изобиліе сверхштатныхъ чиновниковъ трудно оправдать и оно объясняется единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Министерству Финансовъ легче всѣхъ другихъ министерствъ дѣлать назначеніе содержаній изъ экстра-ординарныхъ суммъ.

Между тѣмъ содержаніе нашихъ чивновниковъ вообще очень невелико. Исключеніе составляютъ едва ли не оклады инженеровъ путей сообщенія, служащихъ въ временномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти оклады многіе называютъ „министерскими“, такъ какъ по штату наши министры получаютъ по 18,000 руб. въ годъ. На дѣлѣ это не такъ. Не говоря о томъ, что большинство получаетъ жалованья болѣе, даже до 40,000 руб., всѣ министры имѣютъ даровые дома или квартиры и дачи съ даровою прислугою, получаютъ аренды, совершаютъ поѣздки и путешествія на казенный счетъ и имѣютъ суммы въ безотчетное распоряженіе, доходящія до 60,000 руб. Все это вмѣстѣ взятое далеко отъ нормальныхъ 18,000 руб. Такъ оно, впрочемъ, и должно быть и вознагражденіе нашихъ министровъ нисколько не выше, чѣмъ въ другихъ большихъ государствахъ.

Директора департаментовъ, занимающіе довольно важныя и отвѣтственныя положенія въ администраціи, съ разными добавочными, остаточными, арендами, и пр. получаютъ не менѣе 10,000 руб., иные получаютъ и свыше 15,000 руб., не считая цѣнности казенныхъ квартиръ. Наконецъ, многіе второстепенные служащіе въ министерствахъ, занимающіе должности V — VI класса, получаютъ по 8, 10 до 15,000 рублей, исполняя по двѣ и по три обязанности сразу.

Такимъ образомъ, оклады инженеровъ временнаго управленія не представляютъ еще рѣзкаго исключенія изъ порядковъ, установившихся въ нашей администраціи, хотя оправданіе такого размѣра окладовъ именно для означенныхъ инженеровъ мы считаемъ неосновательнымъ. Сравнительно высокіе оклады ихъ объясняютъ невозможностью удержать на казенной службѣ лучшихъ изъ инженеровъ, которымъ частная служба представляетъ несравненно болѣе высокое вознагражденіе. Частныя же дороги платятъ большіе оклады не только какъ жалованье, но какъ бы застраховывая свои барыши, потому что отъ болѣе или менѣе искуснаго управленія дорогами разница въ чистомъ доходѣ можетъ быть не только въ сотняхъ тысячъ, но и въ милліонахъ рублей. По подобному же разсчету наши коммерческіе банки соглашаются-де платить своимъ управляющимъ сотни тысячъ рублей въ годъ.

Но въ такомъ же точно положеніи находятся у насъ и другіе спеціалисты. Многіе судьи и прокуроры заработали бы втрое, какъ адвокаты, горные инженеры—управляя большими частными заводами, моряки—служа въ субсидируемыхъ пароходныхъ обществахъ и т. д., слѣдовательно, причина высокихъ путейскихъ окладовъ скорѣе случайность, нежели необходимость.

Во всякомъ случаѣ и отрицая офиціальныя объясненія причины сравнительно высокаго вознагражденія инженеровъ временнаго управленія, мы не можемъ не признать, что не только въ этомъ случаѣ, но и вообще вознагражденіе служащихъ у насъ весьма неравномѣрно. Равномѣрность не должна быть, однако, достигаема урѣзкою окладовъ, уже обезпечивающихъ человѣка по службѣ, а, наоборотъ, повышеніемъ окладовъ тѣхъ лицъ, которыя вознаграждены недостаточно.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что существующіе оклады даже въ центральныхъ учрежденіяхъ весьма неудовлетворительны. Кому извѣстенъ строй нашей администраціи, знаетъ, какую важную роль играютъ въ ней, напримѣръ, начальники отдѣленія и столоначальники. Въ рукахъ начальниковъ отдѣленія нерѣдко цѣлыя отрасли

государственнаго управленія и хозяйства, ихъ глазами поневолѣ смотрятъ и вышепоставленныя лица, у которыхъ не можетъ быть дара всезнанія. Столоначальники—это рабочая сила администраціи; они должны знать не только технику своего дѣла, но и быть опытными въ законахъ, владѣть перомъ, а кромѣ того сидѣть настолько долго на мѣстахъ, чтобы помнить важнѣйшіе случаи по своей части, такъ сказать ея исторію, иначе по каждому вопросу начинаются безконечныя справки, плодится переписка и теряется время.

Въ настоящее время, за исключеніемъ людей, имѣющихъ особое покровительство и занимающихъ по нѣсколько должностей, начальники отдѣленій получаютъ отъ 3 до 3½ тыс. руб., столоначальники отъ 1½ до 2 тыс. руб. Такое вознагражденіе для людей, получившихъ высшее или спеціальное образованіе, которые по лѣтамъ должны уже имѣть семейства и для которыхъ ихъ должности по большей части служатъ вѣнцомъ служебной карьеры, несомнѣнно незначительно. Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, оно не соотвѣтствуетъ уже условіямъ жизни. Но государство не въ силахъ увеличить оклады, если число чиновниковъ останется то же, что и нынѣ. Вотъ въ этомъ-то и коренится разрѣшеніе вопроса. Требуется сократить число чиновниковъ. Возможно ли это?

На этотъ вопросъ можно прямо и положительно сказать, что чиновниковъ у насъ вдвое болѣе, чѣмъ необходимо. Только въ полиціи и на почтѣ чиновники работаютъ въ размѣрахъ, похожихъ на трудъ служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ, въ остальныхъ администраціяхъ чиновничій трудъ сводится къ возможному минимуму. Если выключить куреніе папиросъ, завтраки, чтеніе газетъ, разговоры о винтѣ и о несправедливости начальствъ, то едва ли на долю чиновниковъ останется болѣе одного или двухъ часовъ производительнаго труда. Есть учрежденія, гдѣ чиновники даже никогда не ходятъ на службу, подъ предлогомъ, что они имѣютъ серьезныя служебныя занятія на дому. Вычислено самыми опытными дѣльцами, что небольшое дѣло требуетъ въ Петербургѣ на свое окончаніе не

менѣе года; только въ Мадридѣ и Константинополѣ, можетъ быть, замѣчается большая медленность, но тамъ оправданіемъ служитъ частая перемѣна министровъ, а въ Турціи еще и то, что чиновникамъ по году и болѣе не выдаютъ жалованья.

Нѣтъ сомнѣнія, что, не сравнивая даже мозговую работу чиновника съ механическимъ трудомъ приказчиковъ или фабричныхъ рабочихъ, возможно если не утроить, то во всякомъ случаѣ удвоить продолжительность занятій въ администраціяхъ. Въ настоящее время поступаютъ иначе. Чѣмъ хуже и лѣнивѣе составъ чиновниковъ извѣстнаго учрежденія, тѣмъ болѣе создаютъ параллельно разныя комиссіи и возлагаютъ работы на разныхъ причисленныхъ и состоящихъ. Такимъ образомъ, какъ чужеядное растеніе, администрація разростается, а вмѣстѣ съ нею увеличивается число лицъ, неудовлетворительно кормящихся на счетъ государственнаго бюджета и затѣмъ получающихъ пенсіонъ отъ государства не только для себя, но и для своего семейства.

Сократить число чиновниковъ не трудно, для этого лучшее средство—уже неоднократно практиковавшееся: позволить чиновникамъ поѣдать другъ друга. А именно предоставить каждому учрежденію сокращать число своихъ служащихъ съ тѣмъ, чтобы освобождающееся жалованье раздѣлялось между остающимися, причемъ трудъ послѣднихъ пропорціонально увеличивался бы. Мѣра эта требуетъ, однако, осторожности и извѣстной послѣдовательности.

Осторожность должна вытекать изъ того обстоятельства, что, какъ мы уже говорили, классъ чиновниковъ явился у насъ не самъ собою, а созданъ правительствомъ. И теперь все высшее образованіе въ Россіи направлено исключительно для фабрикаціи чиновниковъ и казенныхъ спеціалистовъ. Разъ же люди оставили полезныя профессіи и привлечены къ бюрократіи, они не могутъ быть пущены на „подножный кормъ“. Правительство вынуждено озаботиться ихъ участью, но такъ какъ раздача пенсій, при сохраненіи тѣхъ же штатовъ для остающагося меньшаго числа служащихъ, только удвоила бы расходы казны на

жалованья, то по-неволѣ приходится указанныя выше сокращенія дѣлать постепенно, не замѣщая вакансій, очищающихся смертью, отставкою, повышеніемъ или переходомъ въ другія учрежденія.

Но при этомъ необходимо прекратить наплывъ новыхъ чиновниковъ, для чего неоднократно уже рекомендовались: отмѣна личнаго дворянства, сокращенія числа стипендій, уничтоженіе служебныхъ привилегій по образованію, и наблюденіе, чтобы лица, не занимающія штатныхъ должностей, не могли получать, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, жалованья и никоимъ образомъ пенсій. У насъ на этотъ счетъ держались другой системы: люди, состоявшіе для вида на службѣ, получали нерѣдко болѣе старыхъ служакъ, а пенсіи давались даже за частную службу *). Кто-то хорошо даже сострилъ, что нѣтъ въ Россіи лучше мѣста, какъ „исправляющаго должность сверхштатнаго члена упраздненной комиссіи".

Между мѣрами, которыя непремѣнно поведутъ къ сокращенію у насъ переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чиновничества, можно указать еще на то, чтобы казенныя учрежденія оплачивали свою корреспонденцію. Вопросъ объ этомъ поднятъ давно, но встрѣчаетъ противодѣйствіе разныхъ вѣдомствъ, хотя это одна изъ самыхъ важныхъ административныхъ реформъ. Польза оплаты корреспонденцій состоитъ не въ ясности только счетоводства и вѣрности оцѣнки стоимости почтовой регаліи, а именно—въ уменьшеніи канцелярскаго многописанія. Казенныя телеграммы у насъ оплачиваются, потому онѣ составляютъ не болѣе $2^1/_2\%$ общей телеграфной корреспонденціи, тогда какъ казенная почтовая корреспонденція составляетъ около 40%. Что здѣсь много пишется и пересылается лишняго, видно изъ того, что средній вѣсъ частнаго письма былъ въ 1883 году 1,02 золотникъ, а казеннаго 3,14 золотника, част-

*) Теперь уже невозможно, какъ при Потемкинѣ, чтобы „мадаму" по протекціи прикомандировали къ какому нибудь полку, но на Кавказѣ не такъ давно еще одного чиновника, въ ожиданіи вакансіи участковаго начальника, назначили исправляющимъ должность уѣзднаго врача!

наго пакета 1,45 золотн., а казеннаго 10,04 и даже 80,10 золотниковъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что при оплатѣ казенной корреспонденціи деньгами изъ канцелярскихъ суммъ сейчасъ же уменьшится и число ненужныхъ бумагъ: запросовъ, справокъ и вѣдомостей и вѣсъ пакетовъ; писать будутъ короче, другимъ почеркомъ, на болѣе удобной бумагѣ; такимъ образомъ сразу получится сбереженіе и времени, и чиновниковъ, и канцелярскихъ матеріаловъ.

Мы коснемся еще нѣсколькихъ вопросовъ, касающихся нашего чиновничества, прежде всего получаемыхъ имъ денежныхъ выдачъ сверхъ жалованья и затѣмъ казенныхъ квартиръ.

Высочайше утвержденной при Министерствѣ Финансовъ комиссіей для составленія предположенія о мѣрахъ къ усиленію доходовъ Александровскаго комитета о раненыхъ въ первый разъ собраны и изданы свѣдѣнія о денежныхъ наградахъ и пособіяхъ, выдаваемыхъ у насъ служащимъ. Свѣдѣнія получены были за 1878 г., въ нихъ не включены, однако, свѣдѣнія о наградахъ и пособіяхъ по Министерству Императорскаго Двора и Удѣловъ, по вѣдомству Св. Синода (изъ спеціальныхъ средствъ), по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи и тѣ, которыя выдаются изъ прибылей Государственнаго Банка. Эти суммы не малы, такъ, напримѣръ, одинъ банкъ роздалъ въ 1876 г. своимъ служащимъ изъ прибылей 292,000 рублей, вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи роздало въ 1877 г. наградъ и пособій служащимъ 449,196 рублей. За исключеніемъ указанныхъ выше вѣдомствъ, общая сумма единовременныхъ выдачъ служащимъ составляла 11.744,574 р., изъ которыхъ, впрочемъ, было удержано въ инвалидный капиталъ 797,120 рублей.

Изъ общей суммы единовременныхъ выдачъ было выдано на воспитаніе дѣтей 908,645 руб., на леченіе болѣзней и ранъ 561,528 руб., на погребеніе 226,686 руб. Въ числѣ выдачъ мелкихъ пособій, на сумму не свыше 25 р. по каждому случаю, было выдано 54,233 лицамъ всего 423,788 рублей.

Наиболѣе было сдѣлано выдачъ по департаменту неокладныхъ сборовъ, Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, главному интендантскому управленію и т. д. При этомъ замѣчается неравномѣрность: Министерство Путей Сообщенія, съ его огромнымъ штатомъ, роздало пособій и наградъ лишь 149,170 руб., а маленькое управленіе Государственнаго Контроля 148,214 рублей. Не слѣдуетъ упускать еще изъ виду, что въ число пособій включены процентныя деньги акцизнымъ и таможеннымъ чиновникамъ, составляющія въ сущности добавочное жалованье. Въ общемъ выводѣ награды и пособія составляютъ, примѣрно, прибавку отъ 15 до 20 проц. къ содержанію служащихъ.

Хотя въ публикѣ укоренилось убѣжденіе, что наши вѣдомства въ изобиліи снабжены казенными домами и что содержаніе послѣднихъ правительству въ тягость, но это мнѣніе невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, справедливо для отдѣльныхъ, весьма немногихъ случаевъ. Можно указать, напримѣръ, на Конногвардейскія казармы, которыя занимаютъ нѣсколько лучшихъ кварталовъ въ столицѣ и содержаніе коихъ въ тягость военному вѣдомству, требуя дорогого ремонта, но такихъ полупустыхъ помѣщеній немного. Большая же часть вѣдомствъ крайне нуждается въ зданіяхъ. Такъ, только недавно главныя управленія казачьихъ войскъ и военно-медицинское и комиссія прошеній получили возможность помѣститься въ казенныхъ домахъ; главное межевое управленіе, Дворянскій и Крестьянскій банки, временное управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ нанимаютъ квартиры въ частныхъ домахъ. По всей вѣроятности, найдутся и многія другія учрежденія, не менѣе неудобно помѣщенныя.

Между тѣмъ положительно надобно признать за правило, что правительственныя учрежденія должны помѣщаться въ собственныхъ домахъ. Только тамъ ихъ можно размѣстить достаточно удобно и безопасно; тамъ только возможно сдѣлать требующіяся закономъ помѣщенія для храненія архивовъ и документовъ. Только въ казенныхъ домахъ возможны при правительственныхъ учрежденіяхъ библіотеки, музеи образцовъ, лабораторіи и т. п. Заграни-

цею повсемѣстно правительственныя учрежденія имѣютъ свои собственные дома и въ этомъ отношеніи, напримѣръ въ Парижѣ, полицейскія части или окружныя мэріи помѣщены роскошнѣе большинства нашихъ министерствъ.

Затрата на казенныя зданія незначительна сравнительно съ расходомъ на наемъ помѣщеній въ частныхъ квартирахъ. Это объясняется простымъ ариѳметическимъ разсчетомъ. Затрата на каждое казенное зданіе погашается по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ. Если для найма помѣщенія какого либо департамента требовалось, напримѣръ, 15,000 руб. въ годъ, то, очевидно, при постройкѣ дома въ 300,000 руб., расходъ погасится въ 20 лѣтъ. Между тѣмъ если за квартиру платилось 15,000 руб., то черезъ двадцать лѣтъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго вздорожанія квартиръ, придется за то же помѣщеніе платить 25—30,000 рублей. Значитъ, въ общемъ итогѣ расходъ здѣсь постоянно возростаетъ и тогда, когда при казенномъ домѣ онъ, выключая ремонтъ и содержаніе, сводится къ нулю, въ частномъ домѣ онъ удвоивается и утроивается.

Противъ казенныхъ помѣщеній дѣлаютъ одно возраженіе, довольно существенное, именно, что казенныя зданія, устраиваемыя для разныхъ учрежденій, мало-по-малу обращаются подъ квартиры чиновниковъ. Служащіе при этомъ захватываютъ большія помѣщенія, и одна покупка дровъ казною поглощаетъ непроизводительно огромныя суммы. Мы не отрицаемъ; что здѣсь возможны злоупотребленія, легко, впрочемъ, устранимыя при нѣкоторомъ надзорѣ со стороны Контроля; въ общемъ, однако, раздача чиновникамъ казенныхъ квартиръ для правительства только выгодна въ экономическомъ отношеніи. Это доказать вовсе не трудно.

Мы объяснили выше, что цѣнность каждаго казеннаго зданія можно считать погашенною въ періодъ 20—40 лѣтъ; послѣ этого періода можно сказать, что квартиры, которыя казна даетъ чиновникамъ въ извѣстномъ домѣ, ей ничего не стоятъ, кромѣ расходовъ на ремонтъ и содержаніе зданія. Наоборотъ, если вмѣсто казенной квартиры полагаются чиновникамъ квартирныя деньги, то мы видимъ неизбѣж-

ное явленіе, что если по какой либо должности въ 1858 году считалось соотвѣтственнымъ давать 800 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ, то въ 1878 году навѣрное уже признано, въ виду вздорожанія всѣхъ предметовъ, назначить 1,200 руб., а по штатамъ 1898 года, по всей вѣроятности, цифра эта возрастетъ до 1,600 рублей. Другими словами, расходъ на квартирныя деньги, взамѣнъ казенныхъ квартиръ, чиновникамъ постоянно и прогрессивно возростаетъ. Приходится ихъ увеличивать; между тѣмъ при казенной квартирѣ чиновникъ, если имѣлъ въ 1858 году 3,000 руб. жалованья и квартиру, то считалъ, что получаетъ около $3^1/_2$—4 тысячъ, въ 1898 году онъ будетъ считать безъ всякой затраты казны, что получаетъ отъ 4 до $4^1/_2$ тысячъ въ годъ и менѣе будетъ жаловаться, чѣмъ оставаясь при тѣхъ же квартирныхъ деньгахъ.

По этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, что продажа и отчужденіе какихъ бы то ни было казенныхъ зданій въ городахъ, а тѣмъ болѣе въ Петербургѣ должна производиться съ чрезвычайною осторожностью. Одно время у насъ была почти манія сбывать казенные дома; особенно много ихъ продало морское вѣдомство въ 50-хъ годахъ; отличный домъ министра финансовъ былъ проданъ такъ дешево, что затѣмъ отдѣлка квартиры для министра въ казенномъ домѣ обошлась дороже. Въ виду подобныхъ опытовъ осмотрительность очень не мѣшаетъ.

Мы говорили о томъ, что даютъ чиновникамъ на службѣ, но надобно упомянуть и о томъ, что у нихъ отбираютъ. Между весьма практикуемыми у насъ способами собирать деньги со служащей братіи нельзя не обратить вниманія на постоянныя подписки, гуляющія по департаментамъ и канцеляріямъ. Какіе нибудь молодцы, желающіе отличиться передъ начальствомъ, или отличенные уже имъ не по заслугамъ, выдумываютъ подписку на юбилей, на стипендію, на премію и пойдетъ ходить подписной листъ въ разсчетѣ на то, что чѣмъ скромнѣе чиновникъ, тѣмъ менѣе рѣшится онъ отказаться отъ подписки, изъ опасенія, не приняли бы этотъ отказъ за неумѣстное проявленія духа оппозиціи и неуваженія къ высшему начальству. Суммы вытягиваются

такимъ образомъ, вопреки категорическому воспрещенію закона, не малыя. Содержаніе же чиновниковъ, какъ извѣстно, не Богъ вѣсть какое.

Писцы въ департаментахъ, люди нерѣдко семейные, получаютъ отъ 200 до 400 руб. въ годъ жалованья. Между тѣмъ какъ велики подписки, видно изъ того, что по одному только департаменту на премію по случаю увольненія одного сановника собрано въ 1880 г. 2,375 руб. 58 коп. Даже копѣйками не побрезгали! Цифра эта составляла около 5% содержанія всѣхъ чиновниковъ, а всякій знаетъ, что такое 5% въ годовомъ бюджетѣ: вѣдь это расходъ слишкомъ двухъ недѣль, цифра для бѣднаго человѣка очень чувствительная.

Притомъ никто не зналъ, за какія это именно заслуги предполагалось учредить премію. За шесть лѣтъ управленія никто подобныхъ заслугъ не осязалъ. Само собою, что лица, успѣвшія за эти шесть лѣтъ получить по двѣ или по три звѣзды, да притомъ тысячъ 12 — 18 изъ „остатковъ“, да землю въ казенныхъ дачахъ, да тысяча три на леченіе заграницею и въ придачу не только наслаждавшіяся лицезрѣніемъ сановника, но и выслушивавшія его афоризмы à la Шамфоръ или Ларошфуко, не сочли обременительнымъ удѣлить полсотни рублей и даже цѣлую радужную; но каково было тѣмъ, кто и до этого „радостнаго“ событія и послѣ онаго остался при прежнихъ шестистахъ, тысячѣ или полуторыхъ тысячахъ рубляхъ, зная при томъ сановника лишь по имени.

По военному вѣдомству уже обращено на это вниманіе; пора обратить вниманіе на этотъ вопросъ и въ гражданскомъ, и не только не поощрять подписокъ, но, наоборотъ, строго взыскивать съ ихъ устроителей, особенно если о собранныхъ деньгахъ пишутся казенныя бумаги и для храненія жертвоприношеній употребляются казенные казначеи.

ГЛАВА IX.

Чиновники.

Наши дипломаты. — Финансисты-доктринеры, экономическіе обѣды. — Чиновники фиска.—Казенное хозяйство.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о русской бюрократіи вообще. Теперь мы разсмотримъ нѣкоторыя типичныя разновидности нашего чиновничества, ограничиваясь важнѣйшими: дипломатами, финансистами-доктринерами и представителями казеннаго хозяйства, куда могутъ быть отнесены всѣ наши инженеры. Скажемъ также нѣсколько словъ о размноженіи представителей фиска. Карамзинъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу писалъ какъ-то: „Для насъ, русскихъ съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе“. Вотъ слова истиннаго патріота, ихъ никогда не слѣдуетъ забывать нашимъ дипломатамъ, для которыхъ Европа и ея „концерты“ есть вещь, а прочее все гиль.

По адресу нашей дипломатіи въ послѣднее время написано много рѣзкихъ упрековъ, вызванныхъ событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ еще кончатся эти событія, къ чему они приведутъ — неизвѣстно; но они характеризовали отсутствіе во многихъ случаяхъ предусмотрительности у дипломатовъ. Правда, и у другихъ народовъ дипломатія невсегда хороша, ибо и Бисмаркъ писалъ какъ-то въ припадкѣ откровенности: „никто, даже

самый злонамѣренный и недовѣрчивый дипломатъ не повѣритъ, сколько шарлатанства и напускной важности въ дипломатахъ". Но для насъ чужіе дипломаты менѣе интересны, а собственныхъ желательно всегда видѣть на высотѣ ихъ призванія.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ дипломатія была у насъ въ русскихъ рукахъ и надобно признаться, что русскіе выказали себя отличными дипломатами, соединявшими горячій патріотизмъ съ гибкостью и тонкостью ума. Долгорукіе, Обресковы, Рѣпнинъ, Панинъ и многіе друг. отлично устраивали наши дѣла. Со временъ графовъ Каподистрія и Нессельрода въ наше дипломатическое вѣдомство водворились греки и нѣмцы, даже крещеные жиды, и характеръ нашей дипломатіи рѣзко измѣнился. Съ измѣнившимся въ нынѣшнемъ столѣтіи характеромъ нашей дипломатіи измѣнились и ея отношенія къ русскимъ заграницею. Ничѣмъ такъ нельзя было испугать нашихъ дипломатовъ, какъ предложеніемъ объ устройствѣ какихъ либо русскихъ дѣлъ въ иностранныхъ государствахъ. Каждая изъ такихъ попытокъ представлялась имъ въ видѣ нескончаемыхъ запросовъ, разбирательствъ и пререканій, и каждый дипломатъ старался чашу сію пронести мимо себя. Торговые вопросы въ особенности тревожили дипломатовъ, пугали настолько, что не нашлось между ними никого, кто бы согласился, какъ мы говорили, занять мѣсто консула въ Бомбеѣ, не смотря на несомнѣнную важность подобнаго поста.

То же самое прилагается и къ Персіи. Любопытно даже знать, каковы могли быть мнѣнія о Персидскомъ заливѣ нашихъ дипломатовъ, когда никто изъ нихъ этого залива не видалъ, развѣ во снѣ. Да и о другихъ частяхъ Персіи читалъ ли кто либо когда либо или даже слыхалъ про труды нашихъ дипломатовъ; жиденькая брошюрка одного изъ консуловъ о торговлѣ Решта и сосѣднихъ портовъ — вотъ все, что появилось изъ среды дипломатіи за двадцать лѣтъ о нашей сосѣдкѣ. Наши дипломаты безпрерывно мѣнялись и главная забота каждаго изъ нихъ была поскорѣе уѣхать въ болѣе гостепріимныя мѣста или хотя получить

продолжительный отпускъ; гдѣ тутъ время по странѣ разъѣзжать и ее изучать. „Всѣ посольства въ Тегеранѣ,— говоритъ новѣйшая итальянская путешественница по Персіи, г-жа Серена,—чистѣйшія синекуры. Дипломаты берутъ жалованье, но дѣлаютъ за эти деньги очень мало или вѣрнѣе ровно ничего не дѣлаютъ... Только еще англійскіе чиновники и заботятся о своихъ соотечественникахъ. Это исключеніе имъ надобно поставить въ заслугу"... Таково свидѣтельство умной иностранки. Для русскихъ, бывавшихъ заграницею, понятно, такіе отзывы ничего новаго не представляютъ. Бывшій дипломатъ г. Татищевъ, который въ молодыхъ еще годахъ игралъ видную роль въ вѣнскомъ посольствѣ, сдѣлалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" родъ признанія, почему наши дипломаты нерѣдко не удовлетворяютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя на нихъ возлагаютъ. По мнѣнію г. Татищева, главною виною тому слабая предварительная подготовка дипломатовъ, въ особенности по части познанія всего, что касается исторіи русской политики.

Для дипломата необходимы, во-первыхъ, основательное знакомство съ политическимъ прошлымъ, какъ своего отечества, такъ и прочихъ государствъ; во-вторыхъ, тщательное изученіе современнаго положенія чужеземныхъ странъ, въ которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Если вторая часть этой задачи легко разрѣшима при внимательномъ отношеніи дипломата къ окружающимъ его лицамъ и предметамъ, то для первой нашему дипломату задача облегчена только по отношенію къ западной политической исторіи, хорошо разработанной; въ исторіи же русской политики дипломатъ всю свою службу будетъ пребывать во тьмѣ.

Впрочемъ и для повѣрки того, знаетъ ли что нибудь кандидатъ по дипломатической исторіи Запада, а равно по международному праву, политической экономіи и статистикѣ, т. е. въ наукахъ, познаніе которыхъ каждому дипломату обязательно, у насъ почти ничего не принято. По словамъ г. Татищева, существующій „дипломатическій экзаменъ" есть чистая комедія, не достигающая цѣли —

одна формальность. Экзаменъ ограничивается заданіемъ на французскомъ языкѣ нѣсколькихъ несложныхъ вопросовъ лицами, которыя сами не очень-то тверды въ тѣхъ предметахъ, изъ которыхъ они обязаны экзаменовать. „Впрочемъ", прибавляетъ г. Татищевъ, „еслибы кандидатъ и проявилъ случайно на экзаменѣ необычайныя познанія, то это не имѣло бы вліянія на дальнѣйшій ходъ его служебной карьеры".

Довольствуясь подобными недостаточными требованіями отъ лицъ, избирающихъ дипломатическое поприще, или, какъ выражается картинно г. Татищевъ, довольствуясь для дипломатической войны людьми, вооруженными дрекольями, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не думало вооружать своихъ ратниковъ болѣе современными усовершенствованіями науки и техники.

Дипломатъ, который пожелалъ бы научиться чему нибудь, встрѣчалъ огромныя затрудненія. Архивы нашихъ посольствъ содержатъ только новѣйшія дѣла, архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ окружены непроницаемою тайною и даже такому, кажется, благонамѣренному человѣку, какъ покойный Соловьевъ, которому довѣрено было преподаваніе исторіи Государю Императору, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не довѣрило доступа къ документамъ даже Александровскаго времени. Само министерство начало, правда, кое-какія изданія, подъ руководствомъ г. Мартенса; но это малая часть нашихъ архивныхъ матеріаловъ и исторія русской дипломатіи еще лежитъ подъ спудомъ.

Единственнымъ почти источникомъ остаются для русскаго дипломата иностранныя изданія, да сборники тѣхъ документовъ, которые выкрадены были за англійскія деньги польскими эмигрантами. Пользуясь подобными отрывочными данными, нашему дипломату трудно усвоить себѣ общую руководящую нить русской политики, а всѣмъ дипломатамъ въ сложности образовать „школу", подобную той, которую представляла блестящая французская дипломатія отъ временъ Ришелье до французской революціи.

Конечно, можно возразить, что въ дипломатіи тайна

играетъ весьма важную роль и что дипломатіи невыгодно раскрывать свои карты даже десятки лѣтъ спустя послѣ событій, ибо однѣ и тѣ же политическія коньюнктуры, какъ любили выражаться въ прошломъ столѣтіи, нерѣдко повторяются. Французская дипломатія повторила, напримѣръ, по отношенію къ Пруссіи въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія буквально тѣ же ошибки, которыя она сдѣлала въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но подобные примѣры скорѣе можно истолковать и въ обратную сторону, какъ лучшее доказательство необходимости слишкомъ долго тайнъ переговоровъ не хранить, а своевременно опубликовывать документы. Знай твердо французскіе дипломаты, какія однажды, при сходныхъ условіяхъ, натворили глупости ихъ предшественники, можетъ быть они не сдѣлали бы ихъ вторично. Да и общественное мнѣніе было бы на-сторожѣ.

Впрочемъ, тутъ все дѣло такта и благоразумной середины. Смѣшно было бы требовать, чтобы государственные архивы обратились въ кабинеты для чтенія, гдѣ каждому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ какимъ либо событіемъ, сейчасъ предлагались подлинныя депеши. Но еще нелогичнѣе оставлять своихъ собственныхъ чиновниковъ бродить во тьмѣ и посылать ихъ защищать русскіе исторические интересы, когда это понятіе твердо не установилось и никакой исторіи этого предмета не имѣется. Мало того, при легкости у насъ пожаровъ, можетъ случиться, что архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ какъ нибудь погорятъ, какъ сгорѣли, напримѣръ, архивы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и тогда исторія русской политики останется навѣки сфинксомъ.

Весьма извѣстный писатель и бойкій фельетонистъ Вейсъ назначенъ былъ во Франціи директоромъ политическаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и ходили даже слухи о назначеніи того же Вейса посломъ въ Берлинъ. Выборъ Вейса, сдѣланный Гамбеттою, возбудилъ горячую полемику. Интересны тѣ аргументы, которыми „République Française“, органъ Гамбетты, защищалъ Вейса и косвенно оправдывалъ своего хозяина.

Французская газета объясняла, что Вейсъ сдѣланъ дипломатомъ не но тѣмъ или другимъ соображеніямъ политическихъ партій, а потому, что онъ „спеціалистъ“ своего дѣла. Спеціалистъ же Вейсъ потому, что тридцать лѣтъ подъ-рядъ писалъ статьи объ иностранной политикѣ. Примѣръ Вейса не первый во Франціи; Шальмель-Лакуръ былъ назначенъ посломъ въ Бернъ, а затѣмъ въ Лондонъ, и Джонъ Лемуанъ—въ Брюссель равнымъ образомъ за свои познанія международныхъ отношеній, выказывавшіяся въ ихъ газетныхъ статьяхъ.

Мнѣніе „République Française“ не лишено основательности. Дѣйствительно, если есть въ настоящій моментъ, при крайней сложности политическихъ отношеній, лица, въ тонкости знакомыя съ послѣдовательнымъ, такъ сказать, ежедневнымъ ходомъ разныхъ „вопросовъ“, то это именно публицисты, посвящающіе себя изученію внѣшней политики. Дѣятельность публициста по этой части требуетъ познанія языковъ и значительныхъ свѣдѣній въ исторіи, статистикѣ, государственномъ и международномъ правѣ, т. е. въ такихъ предметахъ, которые для дипломатовъ обязательны, но которые послѣдніе обыкновенно знаютъ меньше всего.

Примѣръ Франціи весьма важенъ, ибо Франціи всѣ охотно подражаютъ. То, что дѣлаетъ она, давно уже практикуетъ Америка; тамъ нѣтъ профессіи „дипломата“ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Европѣ, т. е. въ приготовленіи къ дипломатической карьерѣ молодыхъ чиновниковъ хорошаго происхожденія съ юношескаго возраста въ качествѣ разныхъ „аташе“, причемъ эти молодые люди изучаютъ близко нравы кокотокъ и актрисъ опереточныхъ театровъ, но забываютъ не только родные интересы, но даже родной языкъ. Насчетъ же политическихъ вопросовъ подобные дипломаты, понятно, весьма беззаботны.

Кромѣ означеннаго питомника дипломатическаго корпуса, онъ пополнялся еще иногда военными. Какой нибудь адъютантъ, ловко вальсирующій на паркетѣ, считался подходящимъ для дипломатическихъ переговоровъ, хотя нынѣ уже не XVIII вѣкъ и наружность дипломата не перевернетъ верхъ дномъ хитро сплетенныя комбинаціи.

Періодическая печать, при правильномъ на нее воззрѣніи, гораздо скорѣе можетъ выказать способности и проницательность будущаго дипломата, нежели вращеніе въ кругу „золотой молодежи“, или ѣзда верхомъ въ манежѣ. Это, быть можетъ, покажется инымъ ужасно парадоксальнымъ, мы же въ этомъ совершенно убѣждены и наше убѣжденіе высказали въ „Новомъ Времени“. Органъ нашей дипломатіи, „Journal de St.-Pétersbourg“, не оставилъ статью „Новаго Времени“ безъ вниманія и нашелъ, что исполненіе нашихъ воззрѣній рѣшительно невозможно.

„Печать, говоритъ „Journal de St.-Pétersbourg“, претендуетъ на совершенную независимость, затѣмъ она располагаетъ настолько же общественнымъ мнѣніемъ, сколько и голосами, потому неудобно поручать ея уполномоченнымъ заботы о внѣшней политикѣ. Предположимъ, что заботы объ этомъ въ Вѣнѣ будутъ возложены на редактора „Neue Freie Presse“, въ Парижѣ на редактора наиболѣе читаемой газеты, т. е., вѣроятно, на Рошфора, у насъ на нашего остроумнаго собрата, на шуткѣ котораго мы остановились,— неужели миръ Европы и общее благосостояніе были бы обезпечены такимъ путемъ надолго?“

Если гдѣ была шутка, то именно въ подобномъ толкованіи нашихъ словъ. Во-первыхъ, французская газета несправедливо приписывала намъ совѣтъ—не брать дипломатовъ иначе, какъ изъ публицистовъ; во-вторыхъ, не можетъ быть и рѣчи о соединеніи обязанностей редакторовъ независимыхъ изданій съ обязанностями офиціальныхъ дипломатовъ.

О такихъ предложеніяхъ не было у насъ мысли. Мы только указывали, что для многихъ дипломатовъ было бы полезнѣе поработать нѣсколько лѣтъ въ серьезномъ политическомъ органѣ, нежели фигурировать на плацпарадахъ или въ полусвѣтѣ. Затѣмъ, допуская даже буквально объясненіе „Journal de St.-Pétersbourg“, мы не видѣли бы для Австріи бѣды поставить во главѣ своего политическаго департамента человѣка, съумѣвшаго создать одинъ изъ вліятельныхъ органовъ печати въ Европѣ. Интересы Австро-Венгріи навѣрное этому человѣку ближе извѣстны, чѣмъ

массѣ австрійскихъ чиновниковъ. Скажемъ болѣе: мы убѣждены, что и Рошфоръ, при всей своей нервности и увлеченіяхъ, вѣроятно, оказался бы болѣе понимающимъ французскіе народные интересы, нежели профессіональные дипломаты Бенедетти, герцогъ Грамонъ, или Ваддингтонъ съ его нумизматикой и Бартелеми-Сентъ-Илеръ съ его греческой грамматикой. Всѣ они имѣли репутацію очень „серьезныхъ“ людей, но дальше своего носа не видѣли *).

Уже около двадцати пяти лѣтъ подъ-рядъ кружокъ высшихъ петербургскихъ чиновниковъ, банкировъ и концессіонеровъ собирается, по примѣру парижскаго экономическаго общества, разъ въ мѣсяцъ въ ресторанѣ Донона пообѣдать и потолковать о текущихъ экономическихъ вопросахъ. По поводу преній, происходившихъ на одномъ изъ подобныхъ собраній, „Московскія Вѣдомости“ остроумно назвали дононовскіе экономическіе обѣды: „праотцемъ всѣхъ нашихъ застольныхъ парламентовъ и другихъ говорилень“ и „источникомъ необузданнаго фритредерства и никакими фактами неисправимой самодовольной болтовни на тему свободы экономическихъ отправленій“. Дѣйствительно, чиновники особенно рьяно ораторствовали на этихъ обѣдахъ. Слушая неудержимыя рѣчи подобныхъ „спеціалистовъ“, одинъ острякъ припомнилъ анекдотъ, какъ однажды въ крѣпостномъ оркестрѣ контрбасъ крѣпко выпилъ и пилилъ не переставая невпопадъ. На замѣчаніе капельмейстера доморощенный артистъ отвѣчалъ: „Большой инструментъ, такую волю забралъ, справиться не могу“...

Ироническое прозвище „Московскихъ Вѣдомостей“ возмутило административно-учено-плутократическій муравейникъ. Раздались крики: караулъ! доносъ! „Голосъ“, съ свойственнымъ ему усердіемъ не по разуму утверждалъ,

*) На обѣдѣ, данномъ во время послѣдней парижской выставки корреспондентами иностранныхъ газетъ, Эбраръ, директоръ „Temps“, высказалъ ту же мысль, что въ мірѣ гораздо лучше шли бы дѣла, еслибы журналисты завѣдывали международной политикой, ибо они не придаютъ значенія всякимъ укоренившимся предразсудкамъ, безосновательность которыхъ всего лучше они могутъ видѣть.

что „Московскія Вѣдомости“, „услыхавъ объ обѣдѣ, отнеслись къ нему съ сыскной точки зрѣнія“ и что описаніе застольныхъ преній на экономическомъ обѣдѣ „только починъ, за которымъ послѣдуютъ дальнѣйшія вторженія въ частную жизнь, семейную, домашнюю“.

Не довольствуясь этимъ нелѣпымъ приравниваніемъ обѣда, гдѣ собираются десятки общественныхъ дѣятелей для обсужденія общественныхъ вопросовъ къ семейнымъ трапезамъ, газета завѣряла, что „о происходившихъ на обѣдахъ бесѣдѣ и спорахъ никогда ни въ одной газетѣ не являлось ни отчетовъ, ни сообщеній, ни объявленій. Словомъ, печать, согласно самому характеру обѣдовъ, относилась къ происходившимъ на нихъ разговорамъ, какъ явленію совершенно частному, *семейному* и потому уже изъятому отъ публичнаго обсужденія“...

Слова эти чистѣйшая ложь, ибо о преніяхъ на экономическихъ обѣдахъ у Донона писали и полемизировали многократно въ разныхъ газетахъ, если только пренія эти касались какого либо вопроса, серьезно интересовавшаго публику. Были описанія дононовскихъ обѣдовъ и въ заграничной печати. Совершенно несправедливо называть „экономическіе обѣды“ частнымъ, семейнымъ явленіемъ. Они, можетъ быть, частное явленіе въ глазахъ полицейскаго пристава мѣстнаго участка, такъ какъ обѣдающіе и препирающіеся мирно чиновники и капиталисты не представляютъ изъ себя никакой ассоціаціи, противной законамъ, но въ глазахъ мыслящаго публициста періодическій обмѣнъ мыслей по важнѣйшимъ экономическимъ и государственнымъ вопросамъ между наиболѣе выдающимися представителями нашей финансовой администраціи и биржевой плутократіи вовсе не частное явленіе, а, наоборотъ, весьма общественное и весьма крупное.

Главная цѣль обѣдовъ, несомнѣнно ими достигнутая, состояла въ поддержаніи въ сердцахъ нашихъ администраторовъ безусловнаго преклоненія къ тѣмъ псевдонаучнымъ формуламъ политической экономіи, которыя давно осмѣяны и подорваны на Западѣ и отъ которыхъ отрекаются теперь даже патентованные профессора политической экономіи.

Собранія у Донона были цитаделью доктринерства, господствовавшаго въ нашей администраціи и особенно финансовой съ 1856 по 1880 годъ.

Любопытно бы, однако, посчитать, что стоила для Россіи безумная игра въ свободную торговлю? По одной горной промышленности убытки надобно считать въ нѣсколько десятковъ, если не сотенъ милліоновъ рублей, принесенныхъ въ жертву—чему?—проповѣди третьестепенныхъ экономистовъ, какъ Тенгоборскій, Вернадскій и т. п., которые сами-то ничего не выдумали, а премудрость почерпнули изъ такихъ ничтожныхъ писателей, какъ Фредерикъ Бастіа, сочиненія коего имѣютъ такое же значеніе въ современной экономической наукѣ, какъ учебникъ Устрялова въ изученіи историческихъ судебъ Россіи.

Наполеонъ I терпѣть не могъ экономистовъ и называлъ ихъ презрительно „идеологами“. „Ихъ теоріей, говорилъ онъ, можно гранитную скалу обратить въ мелкій порошокъ“. Эти слова доктринеры выставляютъ фразою человѣка, недоразвившагося до пониманія отвлеченныхъ истинъ. Между тѣмъ слова эти полны глубокой правды и показываютъ геніальную проницательность Наполеона. Мы на своей шеѣ испытали, что значатъ въ жизни даже такого колосса, какъ Россія, непереваренныя теоріи и какъ фальшивыя теоремы, выдаваемыя книжниками за аксіомы, переходя изъ книгъ въ дѣйствующее законодательство, влекутъ за собою убытки и потери. На бумагѣ иное рѣшеніе представляется только десяткомъ строкъ, весьма логичныхъ съ виду и красивымъ почеркомъ написанныхъ, а на дѣлѣ оно выражается разореніемъ цѣлаго края, обнищаніемъ многочисленнаго населенія и запустѣніемъ нѣкогда цвѣтущихъ мѣстностей*).

---

*) По этому поводу мы напомнимъ поучительный анекдотъ, ставшій историческимъ фактомъ.

Въ тарифной комиссіи 1867 года были двѣ партіи: фритредерская изъ чиновниковъ и протекціонистская изъ фабрикантовъ. Первые, мня себя маленькими Гладстонами, предлагали повальное пониженіе всѣхъ пошлинъ, послѣдніе, хотя вовсе не были заинтересованы въ фискальныхъ пошлинахъ и даже, пожалуй, въ душѣ, рады удешевленію шампанскаго и устрицъ, возставали все-таки противъ пониженія фискаль-

Экономическіе обѣды не только поддерживали ортодоксальную вѣрность выдохшимся политико-экономическимъ принципамъ школы laissez faire, laissez passer, но съ благословенія обѣдавшихъ разные администраторы ополчались, во имя непонятой и плохо усвоенной ими науки, противъ русскихъ финансовъ, русской промышленности и благосостоянія русскаго народа. Мы положительно убѣждены, что правдивая исторія экономическихъ обѣдовъ у Донона была бы мартирологомъ русской экономической жизни послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Въ высказанныхъ тамъ теоріяхъ надобно искать зерно той экономической и финансовой политики, которая со времени Крымской войны и освобожденія крестьянъ, вмѣсто того, чтобы упрочить и улучшить наше положеніе, довела насъ до того униженнаго состоянія, когда дурное пищевареніе какого нибудь берлинскаго биржевого жидка отзывалось болѣзненными судорогами на всемъ русскомъ государственномъ организмѣ.

Не касаясь современности и даже временъ болѣе близкихъ, напомнимъ, ссылаясь на печатныя свидѣтельства, что на экономическихъ обѣдахъ у Донона г. Ламанскій развивалъ планъ своего пресловутаго размѣна, что тамъ

ныхъ пошлинъ, опасаясь, что потеря таможеннаго дохода на колоніальныхъ товарахъ заставитъ правительство искать возмѣщенія дохода въ усиленномъ привозѣ иностранныхъ фабрикатовъ. Зашла рѣчь о пошлинѣ на кофе. Фритредеры истощили всѣ аргументы въ пользу пониженія, тогда П. П. Семеновъ—ярый фритредеръ въ 1868 году—пришелъ на помощь, заявивъ, что пошлина „должна быть понижена, ибо всѣмъ извѣстно, что кофе развиваетъ умственныя способности человѣка“.

Фраза эта рѣшила дѣло. Не смотря на протесты спеціалистовъ, что пошлина вовсе не высока, сатирическіе стихи Щербины, пошлина была понижена на рубль съ пуда. Что же получилось въ результатѣ? А вотъ что: потребленіе кофе въ Россіи увеличилось очень мало, цѣна кофе вовсе не подешевѣла, правительство же за это время потеряло по самой скромной оцѣнкѣ около 6 милліоновъ рублей дохода, вполнѣ законнаго, потому что, сравнительно съ другими предметами потребленія, кофе обложенъ у насъ довольно низко. Самое же, однако, прискорбное не потеря казеннаго дохода, а то, что прогнозъ почтеннаго г. Семенова не сбылся. Нисколько мы за двадцать лѣтъ существованія пониженной пошлины на кофе не *поумнѣли*.

были заглушены аплодисментами робкія возраженія двухъ-трехъ практическихъ людей, находившихъ планъ г. Ламанскаго рискованнымъ.

Не на экономическихъ ли обѣдахъ чествовали, какъ нѣкоего мессію, бельгійскаго экономическаго commis-voyageur'a Густава де-Молинари, являвшагося къ намъ дважды на счетъ бельгійскихъ фабрикантовъ для развязной проповѣди самаго безсмысленнаго фритредерства. Между тѣмъ эта проповѣдь вовсе не осталась зерномъ, брошеннымъ на камень, о которомъ говорится въ Писаніи. Она дала обильную жатву, выразившуюся, съ одной стороны, въ невыгодномъ торговомъ балансѣ, въ огромной задолженности заграницу, въ постройкѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ изъ иностранныхъ матеріаловъ, а съ другой—въ упадкѣ кредитнаго рубля, въ созданіи биржевой игры, въ омертвѣніи цѣлыхъ промышленныхъ уѣздовъ, въ безжизненности многихъ русскихъ фабрикъ и заводовъ и въ тысячахъ оставшихся безъ куска хлѣба рабочихъ семействъ, которыхъ, конечно, не накормить остатками отъ гастрономическо-„семейныхъ" экономическихъ обѣдовъ...

Финансовое доктринерство имѣло и другія послѣдствія. Подъ предлогомъ финансовыхъ реформъ, оно повело къ измышленію многочисленныхъ новыхъ налоговъ, что, въ свою очередь, повело естественно къ увеличенію чиновниковъ фиска. Если сложить податныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, новыхъ таможенныхъ и акцизныхъ чиновниковъ, членовъ разныхъ фискальныхъ присутствій, то выйдетъ маленькая армія, а наша пограничная стража вполнѣ равняется теперь по численности арміи государства порядочной величины, какъ, напр., Баваріи.

Одобрить распложеніе безъ особой нужды финансовыхъ агентовъ никакъ нельзя. Въ этомъ случаѣ нельзя не вспомнить бывшаго министра финансовъ г. Рейтерна. Онъ былъ довольно щедръ въ расходахъ и охотно давалъ деньги на временныя командировки чиновниковъ, но систематически и упорно устранялъ всегда просьбы о сочиненіи новыхъ штатовъ. „Чиновники всегда останутся, будетъ ли для нихъ потомъ дѣло или нѣтъ", говорилъ онъ.

Это очень вѣрное замѣчаніе. Мало того, можно сказать, что созданіе однѣхъ должностей вызываетъ непремѣнно учрежденіе другихъ для лицъ, наблюдающихъ и контролирующихъ первыя, и такъ безъ конца.

По крайней мѣрѣ десять разъ сообщался въ газетахъ слухъ, что въ Министерствѣ Финансовъ вырабатывается проектъ соединенія въ одно цѣлое казенныхъ палатъ и губернскихъ акцизныхъ управленій; признаться, мы не можемъ понять, почему такая простая и незамысловатая реформа можетъ заставить себя ожидать такъ долго. Въ прежнее время казенная палата имѣла обширный кругъ дѣйствій, сосредоточивая въ себѣ не только всѣ мѣстные органы Министерства Финансовъ, кромѣ банковыхъ и таможенныхъ, но и контрольную часть. Теперь у казенныхъ палатъ осталось очень мало дѣла: контрольная часть отошла въ контрольныя палаты, косвенные налоги вѣдаются акцизнымъ управленіемъ, рекрутская повинность—военными присутствіями, подушная подать отмѣнена и т. д.; остаются часть казначейская и выдача торговыхъ документовъ. Каждая изъ нихъ представляется весьма несложной операціей. При этомъ для сбереженія расходовъ слѣдовало бы давно губернскія казначейства и часть уѣздныхъ присоединить къ конторамъ и отдѣленіямъ Государственнаго банка.

Если у казенныхъ палатъ мало дѣла, то, по крайней мѣрѣ, онѣ стоютъ не дорого, но что сказать о губернскихъ акцизныхъ управленіяхъ, также весьма мало занятыхъ и поглощающихъ массу денегъ. Существуютъ акцизныя управленія, гдѣ вся обязанность акцизныхъ чиновниковъ сводится къ выдачѣ патентовъ на питейныя и раскурочныя заведенія, между тѣмъ управляющіе подобными учрежденіями получаютъ жалованья болѣе губернаторовъ и даже простые надзиратели болѣе предсѣдателей палатъ.

Отдѣльное существованіе акцизныхъ управленій объясняется желаніемъ каждаго департамента имѣть непремѣнно свои собственные органы на мѣстѣ, но и противъ подобнаго стремленія есть средство—можно упразднить не только губернскія акцизныя управленія, но и департаментъ неокладныхъ сборовъ, соединивъ его попрежнему съ департамен-

томъ окладныхъ сборовъ. Послѣдній уже около двадцати лѣтъ напрасно силится объяснить себѣ цѣль своего отдѣльнаго существованія, такъ какъ дѣлъ у этого департамента немного.

Одинъ директоръ департамента неокладныхъ сборовъ обходится съ своими командировками въ огромныя суммы; а что подобная затрата не окупается, показалъ опытъ отмѣны соляного акциза, когда казна сразу потеряла 11 милл. рублей, подаренныхъ нѣсколькимъ богачамъ-солепромышленникамъ. Денегъ этихъ, конечно, не вернуть, но государство могло бы хотя часть утраченныхъ денегъ наверстать на сокращеніи окладовъ. Отъ соединенія двухъ департаментовъ въ одинъ, а равно отъ соединенія акцизныхъ управленій съ казенными палатами можно ожидать ежегодно сбереженія до 350 — 400,000 рублей. Сбереженіе превзойдетъ полмилліона рублей, если присоединить казначейства къ банковымъ конторамъ. Правда, у насъ есть финансисты, которые полмилліона считаютъ такими пустяками, что о нихъ не стоитъ и разговаривать, подъ тѣмъ предлогомъ, что небольшое-де измѣненіе въ военной амуниціи легко поглотитъ сбереженные полмилліона; но это не резонъ отказываться отъ экономіи тамъ, гдѣ она возможна, на томъ только основаніи, что другое вѣдомство, быть можетъ, не захочетъ также экономничать. Пользу отъ сокращенія числа излишнихъ чиновниковъ нельзя мѣрить еще по количеству сберегаемыхъ расходовъ; тутъ есть и нравственная сторона дѣла, не менѣе важная, не говоря уже о томъ, что каждая администрація, упрощенная и облегченная отъ ненужныхъ элементовъ, работаетъ живѣе и приноситъ болѣе пользы.

Послѣдняя образованная при Министерствѣ Финансовъ комиссія для объединенія финансовыхъ учрежденій въ губерніяхъ, подъ предсѣдательствомъ барона Розена, довольно оригинально закончила свои труды. Комиссія сочинила не сокращеніе, а новое увеличеніе государственныхъ расходовъ.

Комиссія признала, что полиція, являющаяся по окладнымъ налогамъ главнымъ сборщикомъ, не выполняетъ своего назначенія и нерѣдко своими дѣйствіями разоряетъ

плательщиковъ и подрываетъ платежныя силы населенія; поэтому комиссія нашла необходимымъ совершенно устранить у насъ полицію отъ взысканія разнаго вида податей, замѣнивъ ее какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ по отношенію къ финансовому дѣлу податными надзирателями. Такіе надзиратели должны были вѣдать взиманіе всѣхъ окладныхъ и нѣкоторыхъ видовъ неокладныхъ сборовъ въ предѣлахъ своего участка, собирать свѣдѣнія о цѣнности и доходности имуществъ, объ открывающихся наслѣдствахъ и проч.

Комиссія соглашалась передать этому новому управленію часть акцизныхъ тягостей, напримѣръ наблюденіе за торговлею виномъ и табакомъ, за оптовыми складами вина и выдачею патентовъ и проч. Но существующія губернскія акцизныя управленія комиссія признала возможнымъ слить теперь же съ податными управленіями только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ акцизное дѣло, по числу заводовъ и фабрикъ, платящихъ акцизные сборы, не имѣетъ особенно серьезнаго значенія. Въ остальныхъ губерніяхъ комиссія находила болѣе осторожнымъ сохранить особыя акцизныя управленія, сдѣлавъ только въ ихъ составѣ нѣкоторыя сокращенія.

Основаніемъ къ принятію такого предложенія, которое преисполнило радости всѣ акцизныя сердца, послужило комиссіи „то обстоятельство, что въ настоящее время акцизные сборы, въ общей сложности, составляютъ болѣе трети нашего государственнаго бюджета, и при существующемъ высокомъ акцизѣ на спиртъ было бы неосторожно производить повсемѣстную и немедленную ломку акцизныхъ управленій, дѣятельность которыхъ, въ теченіе 20-ти лѣтъ, опредѣлилась вполнѣ и сопровождается успѣшными результатами въ поступленіи налога. Такъ, въ 1882 году акцизные сборы увеличились противъ 1881 года на 26.000,000 рублей“.

Это указаніе прелестно! Подумаешь, что лишніе 26 милл. руб. поступили только благодаря усердію акцизныхъ чиновниковъ, отыскавшихъ гдѣ-то эти милліоны; въ сущности же доходъ увеличился потому, что отъ ежегоднаго при-

роста населенія слишкомъ на милліонъ косвенные сборы естественно должны возрастать въ Россіи; во-вторыхъ, потому, что новое повышеніе акциза на одну копѣйку съ градуса спирта и новый налогъ на сахаръ только къ этому времени оказали вполнѣ свое дѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, если акцизный доходъ не утратился по винѣ чиновниковъ, то губернское акцизное управленіе тутъ уже рѣшительно не причемъ.

Рѣшеніе комиссіи объясняется весьма просто. Комиссія барона Розена состояла на половину изъ управляющихъ казенными палатами, на половину изъ управляющихъ акцизными управленіями. Кто же себѣ врагъ, какой изъ присутствующихъ акцизныхъ управляющихъ рѣшился бы заявить въ комиссіи при своемъ начальникѣ, что онъ не нуженъ; напротивъ, каждый управляющій, и, вѣроятно, чистосердечно доказывалъ, что заваленъ работой по-горло и для блага Россіи безусловно необходимъ. Комиссія поэтому, чтобы помирить всѣ интересы, и произвела полюбовное размежеваніе Россіи на такія мѣстности, гдѣ будетъ одна финансовая голова, и на такія, гдѣ ихъ будетъ двѣ. Въ результатѣ, однако, и такое сокращеніе было признано ненужнымъ, податныхъ надзирателей учредили подъ именемъ податныхъ инспекторовъ, взысканіе прямыхъ податей оставлено за полиціей, а акцизныя управленія и казенныя палаты продолжаютъ существовать благополучно.

Что государство плохой хозяинъ, считается почти аксіомой; между тѣмъ, подъ вліяніемъ соціалистическихъ идей, промышленныя функціи государства постоянно расширяются во всѣхъ странахъ. Нѣкоторымъ операціямъ, напр. почтѣ, требующей международныхъ сношеній, безъ всякаго сомнѣнія выгоднѣе находиться въ рукахъ правительства, но, при тенденціи расширять кругъ казеннаго хозяйства, та же почта не ограничивается уже пересылкою писемъ: она содержитъ мальпосты, перевозитъ посылки, совершаетъ банковыя операціи по переводу денегъ, замѣняетъ сберегательныя кассы, занимается страхованіемъ, участвуетъ въ изданіи газетъ и журналовъ, принимая подписку, и т. д.

Насколько выгодна или невыгодна такая конкурренція казны частной промышленности, зависитъ, конечно, отъ условій, въ которыхъ находится страна, и a priori рѣшено быть не можетъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ послѣднее время все чаще и чаще начали раздаваться голоса въ защиту казеннаго хозяйства; казенная предпріимчивость выставляется какимъ-то идеаломъ.

Люди, убѣжденные въ невыгодахъ казеннаго хозяйства, существенные недостатки котораго геніально очертилъ Тэнъ въ одной изъ главъ послѣдняго тома своихъ „Origines de la France contemporaine“, ссылаются обыкновенно на примѣръ Англіи, гдѣ все будто бы предоставлено частной предпріимчивости. Ссылка не вѣрна, хотя сущность дѣла отъ того нисколько не мѣняется. И въ Англіи казенныя промышленныя предпріятія размножаются, но и тамъ они могутъ служить скорѣе образчикомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣйствовать на промышленномъ поприщѣ. Въ числѣ вопросовъ, особенно подлежащихъ спору, находится вопросъ о содержаніи арсеналовъ и казенныхъ заводовъ для выдѣлки военныхъ принадлежностей. Нѣтъ сомнѣнія, что полагаться въ дѣлѣ обороны страны исключительно на частную предпріимчивость очень рискованно, но, съ другой стороны, не подлежитъ спору, что казенные заводы работаютъ всегда невыгодно. Морское министерство во Франціи, для поддержанія своего завода въ Гориньи, приготовило въ немъ якорей на тридцать семь лѣтъ впередъ, а цѣпей на сто двѣнадцать лѣтъ впередъ! По словамъ всѣхъ парламентскихъ комиссій, и на казенныхъ заводахъ въ Англіи нѣтъ ни серьезнаго наблюденія, ни контроля; все обходится дороже отъ равнодушія служащихъ: времени и денегъ теряется множество, а плодится только канцелярская переписка безъ всякой пользы для дѣла. Разница въ расходахъ такая, что буквально одна и та же вещь обходится на 18 проц. дороже въ казенномъ арсеналѣ, между тѣмъ логически слѣдовало бы казнѣ работать дешевле, потому что, давая пенсіи, казна всегда имѣетъ болѣе дешевыхъ служащихъ и рабочихъ, а, кромѣ того, она

имѣетъ даровой оборотный капиталъ и не платитъ никакихъ налоговъ.

Означенныя данныя должны нѣсколько охладить восторги нашихъ ревнителей казеннаго хозяйства. А, впрочемъ, они, можетъ быть, обрадуютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Если, молъ, англичане, прирожденные механики, такъ плохо управляютъ своими казенными предпріятіями, такъ гдѣ ужъ тутъ требовать совершенства отъ насъ, грѣшныхъ. Но въ Россіи-то странно говорить о расширеніи сферы правительственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь, когда правительство и безъ того является у насъ на каждомъ шагу и купцомъ, и фабрикантомъ, и перевозчикомъ, и ремесленникомъ?

Не смотря на такое направленіе казенной дѣятельности, продолжающееся вѣками и объясняемое или малою иниціативою народа, или отсутствіемъ средняго сословія, все, что дѣлаетъ казна на промышленномъ поприщѣ, она дѣлаетъ крайне неудовлетворительно. Заводы казенные, имѣя даровой оборотный капиталъ, не погашая имущества и не платя налоговъ, никогда, кромѣ убытковъ, ничего не давали; казенные каналы верхъ неурядицы; пробовала казна строить желѣзныя дороги — вышло гораздо дороже, чѣмъ у частныхъ лицъ; образумилась, бросила, вновь принялась за постройку — вышло вдвое дороже частныхъ; занимается казна кредитными операціями не лучше этого: двѣ трети конторъ и отдѣленій Государственнаго банка работаютъ въ явный убытокъ; взялась казна заключать за желѣзныя дороги займы, сама платитъ исправно проценты, но съ дорогъ никакъ не можетъ выручить должныхъ ей денегъ на уплату этихъ процентовъ. Хотѣла казна создать въ Россіи заводы для рельсовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей, издержала въ 5 лѣтъ болѣе 200 милліон., и что же въ результатѣ? Даже тѣ заводы, которые работали до этого „созданія“, приведены къ банкротству, а на рукахъ казны осталось на 100 милліоновъ имущества, съ которымъ она не знала, что дѣлать и отъ котораго не избавилась (не считая потерянныхъ процентовъ) и въ десять лѣтъ!

Извѣстенъ такой казусъ, какъ, напримѣръ, затрата $2^1/_2$ милліоновъ рублей казенныхъ денегъ на покупку ничего тогда не стоившихъ либаво-роменскихъ акцій и затѣмъ выдача г. Мекку ссуды тоже въ $2^1/_2$ милліона рублей на обратную покупку имъ у казны тѣхъ же акцій, что лишило казну и акцій, и денегъ. На Путиловскомъ заводѣ казна имѣла долгъ въ 14 милліоновъ рублей; чтобы возвратить хотя часть его, казна отдала заводъ почти даромъ и въ придачу заказъ ненужныхъ для нея рельсовъ въ 7 милліоновъ съ задаткомъ въ 2 милліона! Вотъ какъ хозяйничаетъ казна! Да что заводы, каналы или адмиралтейства. Если есть домъ, дурно содержимый, плохо ремонтируемый, съ неисправной мостовой, то уже заранѣе каждому извѣстно, что это домъ казенный. Правительство можетъ отлично исполнять свои функціи и все-таки быть плохимъ предпринимателемъ въ области казеннаго хозяйства. Защитникамъ казеннаго хозяйства слѣдовало бы указать, гдѣ это казенное хозяйство въ Россіи идетъ лучше частнаго, и привести хотя одинъ примѣръ, гдѣ оно было бы выгодно для казны и для населенія и не дѣйствовало бы развращающимъ образомъ на служащихъ. Противоположныхъ же примѣровъ можно привести сколько угодно. Напомнимъ хотя самые извѣстные.

Съ 1819 года, вслѣдствіе несостоятельности многихъ откупщиковъ, послѣ 1812 года, бывшимъ министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ была введена казенная продажа вина. Каковъ же былъ результатъ? А вотъ какой. По словамъ правительственныхъ документовъ, чиновники стали заводить особые подвалы для корчемнаго вина и торговали имъ, а сами преслѣдовали корчемство, даже прибѣгая къ содѣйствію военныхъ командъ. Далѣе: тѣ же питейные чиновники черезъ подставныхъ лицъ брали себѣ лучшіе питейные дома и раздачу кабаковъ обратили въ торговлю, а сидѣльцы по кабакамъ, обремененные поборами, совершенно замѣнили собою откупщиковъ. Народъ пьянствовалъ попрежнему. „Нынѣ будни“,—писалъ Карамзинъ въ 1824 году,—„сдѣлались для крестьянъ праздникомъ и люди услужливые, *подъ вывѣскою орла,* вездѣ

предлагаютъ имъ средства избавляться отъ денегъ, ума и здоровья; въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ питейнаго дома".

Грабежъ казны и народа, производимый лицами, состоящими на государственной службѣ, и крупное уменьшеніе питейныхъ доходовъ, упавшихъ при казенномъ управленіи съ 139 милл. руб. въ 1819 году до 101 милл. руб. въ 1826 году обратили на себя вниманіе. Членъ Государственнаго Совѣта князь Куракинъ говорилъ, что „желательно было бы уничтоженіе казеннаго управленія питейными сборами, столь сильно разстроившаго нравственность чиновниковъ питейнаго сбора, кои, вопреки званію своему, участвовали въ неприличномъ для нихъ занятіи". Знаметый адмиралъ Мордвиновъ, также недовольный казенной продажей вина, предлагалъ завести вольную продажу вина. Авторъ сочиненія „Мечты о благѣ отечества", представленнаго Александру I, писалъ: „казенная палата старается усилить продажу горячительныхъ напитковъ и чѣмъ болѣе распоитъ вина и водки, и чѣмъ болѣе народа сидитъ въ кабакахъ, тѣмъ ей болѣе чести и славы, тѣмъ щедрѣе посыплются награды на винныхъ чиновниковъ". Надобно замѣтить, что казенная палата въ то время завѣдывала винною продажею, и предсѣдательствовавшій въ ней вице-губернаторъ имѣлъ такіе негласные доходы, что одинъ губернаторъ пресерьезно просилъ у графа Гурьева мѣста вице-губернатора!

Казенная продажа вина была уничтожена, начиная съ 1828 г., графомъ Канкринымъ, который писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ: „казенное управленіе показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по сей части обращаются непосредственно въ упрекъ правительству, а сословіе чиновниковъ развращается". Какъ было сильно воровство, показываетъ то, что съ 1819 г. по 1825 г. продажа казеннаго вина упала съ 18.555,531 ведеръ до 11.956,797 ведеръ, т. е. почти на 35 проц. Канкринъ исчислялъ, что чиновники, вмѣстѣ съ „вреднымъ классомъ винопродавцевъ", „поглощали" до 24 милл. руб. въ годъ. По тому времени—сумма громадная.

Не менѣе убѣдительный примѣръ невыгоды казенныхъ

операцій представляетъ существовавшая въ Россіи съ 1705 по 1862 годъ съ небольшими перерывами монопольная система довольствія солью распоряженіемъ казны. Правительство, какъ владѣлецъ главныхъ соляныхъ источниковъ въ государствѣ, занималось черезъ своихъ агентовъ добычею соли изъ принадлежащихъ казнѣ источниковъ, развозило эту соль по различнымъ мѣстностямъ, содержало отъ источниковъ особые солевозные пути и продавало соль изъ своихъ магазиновъ.

Недостатки этой системы очевидны. Казна, принимая на себя соляную операцію на обширной территоріи, вынуждена была содержать значительный личный составъ чиновниковъ. Расходы по операціи въ періодъ 1855—59 гг. превосходили 2.669,370 руб. въ годъ, хотя жалованье чиновниковъ было ничтожно. Впрочемъ, не смотря на ничтожность жалованья, случалось, что за полученіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ соляномъ управленіи платилось въ Министерствѣ Финансовъ по 30,000 рублей. Стоимость казнѣ соли, при ея добычѣ, обходилось значительно дороже, чѣмъ частнымъ промышленникамъ; вычислено, что, противъ акциза, казна теряла по 8 коп. съ каждаго пуда, не считая убытковъ отъ соли, списанной изъ складовъ и бугровъ на промыслахъ. Само собою, что перевозка и продажа соли обходилась казнѣ также дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ. Между тѣмъ, общій доходъ, не смотря на сложность операціи, былъ не великъ и разработка источниковъ производилась крайне неудовлетворительно.

Представляя, въ 1861 году, объ отмѣнѣ казенной продажи соли въ. Государственный Совѣтъ, бывшій министръ финансовъ Княжевичъ писалъ, что невыгодный результатъ казенной соляной монополіи „подтверждаетъ только *общеизвѣстную экономическую истину,* что казна ни въ какой отрасли промышленности не можетъ выдержать соперничества частныхъ промышленниковъ, такъ какъ всякое промышленное предпріятіе обходится казнѣ, даже при выборѣ самыхъ добросовѣстныхъ исполнителей, дороже, нежели частнымъ лицамъ".

Не менѣе характеренъ слѣдующій опытъ казеннаго хо-

зяйства, хотя и относящійся къ области искусства, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно убѣдительный для сужденія, какъ каждое дѣло въ рукахъ чиновниковъ становится невыгоднымъ. Въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ процвѣтали два конные цирка и само собою содержались и доставляли владѣльцамъ барыши исключительно изъ доходовъ отъ представленій. По желанію императора Николая Павловича, дирекція взяла, въ 1847 г., циркъ въ казенное управленіе и сразу потребовала, кромѣ сборовъ, 50,000 руб. изъ государственнаго казначейства ежегодно и единовременно 10,000 руб. изъ Кабинета Его Величества. Уже черезъ нѣсколько дней понадобилась прибавка на фуражъ 8,895 рублей въ годъ, сверхъ того, черезъ годъ было прибавлено 13,850 руб. въ годъ, а черезъ два еще прибавлено изъ Кабинета по 30,000 руб. въ годъ. Не смотря на прибавки, черезъ пять лѣтъ, по убыточности, представленія въ казенномъ циркѣ прекращены, причемъ въ антрактѣ на уплату долговъ дирекція выпросила къ отпуску изъ Сохранной казны 146,000 рублей!

Когда на Кавказѣ сдѣлали опытъ содержанія отъ казны почтовыхъ лошадей, то проѣзжающіе сидѣли на станціяхъ по недѣлямъ даже съ казенными подорожными, воровство же шло совершенно открыто. Опытъ постройки и эксплоатаціи у насъ желѣзныхъ дорогъ казенными средствами до сихъ поръ былъ также самый печальный. Тутъ никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Казна эксплоатировала уже нѣсколько линій и большихъ и малыхъ, эксплоатировала весьма продолжительное время и получила результаты, не оставляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія. Виною безпорядковъ на казенныхъ дорогахъ были не люди, а именно система.

Тотъ же Кенигъ, при которомъ Николаевская желѣзная дорога въ частныхъ рукахъ отлично работала, при казенномъ управленіи завѣдывалъ самымъ важнымъ ея отдѣленіемъ, и та же дорога была въ это время въ неудовлетворительномъ положеніи: пассажирскіе поѣзды ежедневно запаздывали, торговое движеніе стѣснялось до невѣроятности, ремонта не было никакого, а между тѣмъ

за этотъ ремонтъ Уайненсъ клалъ ежегодно въ карманы милліоны, подсмѣиваясь надъ бумажными громами, сыпавшимися изъ канцелярій и департаментовъ. Какъ страшны были эти громы, видно изъ того, что главный ревизоръ со стороны казны за Уайненсомъ, г. фонъ-Штомпфъ, сдѣлался потомъ его главнымъ уполномоченнымъ и alter ego. Мало того, за устраненіе того же Уайненса казнѣ пришлось заплатить чуть ли не семь милліоновъ. Виноватъ былъ не ловкій американецъ, а система. Чевкинъ устранилъ было на время Уайненса и ремонтъ Николаевской казенной желѣзной дороги поручилъ всѣмъ извѣстному и уважаемому въ Европѣ парижскому дому Кайля, а дѣла все-таки продолжали идти попрежнему прескверно.

На основаніи какихъ же соображеній и умазаключеній можно придти къ убѣжденію, что въ будущемъ казенная эксплоатація желѣзныхъ дорогъ дастъ болѣе удовлетворительные результаты? Почему 10—15 лѣтъ настолько измѣнили условія желѣзнодорожной администраціи, что казенные инженеры станутъ вдругъ болѣе усердными чиновниками, предпріимчивыми и энергическими, а бумажный, чисто формальный контроль—дѣйствительнымъ?

Мы, по крайней мѣрѣ, не питаемъ на этотъ счетъ ровно никакихъ иллюзій. Казенное хозяйство, касается ли оно почтовыхъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, заводовъ, даже театровъ, вездѣ одинаково оказывается убыточнымъ и рутиннымъ. Да и быть другимъ оно не можетъ, особенно при бюрократической организаціи, при которой никто ни за что не отвѣчаетъ, каждый сваливаетъ съ себя отвѣтственность на спину другого и самое пустое дѣло требуетъ разрѣшенія свыше, дожидаясь его по годамъ, причемъ продолжительность разсмотрѣнія вовсе не гарантируетъ серьезность послѣдняго.

Правда, Катковъ, защищая постройку казенныхъ элеваторовъ, утверждалъ, будто „въ спеціальномъ кругу желѣзнодорожнаго міра уже давно сложилось убѣжденіе, что постройка дорогъ казной и лучше, и выгоднѣе, чѣмъ постройка ихъ частными предпринимателями“, но признаться, если такое убѣжденіе въ какомъ либо кругу существовало,

то кругъ этотъ не могъ считаться „спеціальнымъ“. Ибо какіе же спеціалисты люди, которые не въ силахъ справиться даже съ ариѳметикой, а только незнаніемъ послѣдней можно объяснить утвержденіе, что казна строитъ желѣзныя дороги дешевле частныхъ лицъ. Пропуская древній періодъ постройки, когда все объяснялось новостью дѣла, достаточно за подтвержденіемъ противнаго обратиться къ послѣднимъ казеннымъ постройкамъ.

Баскунчакская дорога, хотя обошлась въ $2^1/_2$ раза дороже противъ первоначальнаго предположенія, нигдѣ не начинается и нигдѣ не оканчивается, мимо ея возятъ $^1/_2$ грузовъ соли и въ заключеніе оказывается, что пристань для дороги обойдется почти въ 3 милл., т. е. дороже самой дороги! Допустилъ ли бы частный человѣкъ такое легкомысленное сооруженіе? Между тѣмъ, въ способѣ постройки казенныхъ дорогъ нѣтъ никакого различія противъ постройки частныхъ. Точно такъ же всѣ работы сдаются крупнымъ подрядчикамъ изъ жидовъ, крупные жиды передаютъ подряды по частямъ мелкимъ жидкамъ и т. д. Всѣ безпорядки остаются, понятно, прежніе.

Нисколько казенная постройка не лучше частной и въ государственномъ отношеніи. Строители Екатеринбурго-Тюменской дороги начали съ того, что, по словамъ мѣстныхъ газетъ, стали поощрять хищеніе лѣса изъ казенныхъ уральскихъ лѣсовъ. Строители Полѣсскихъ казенныхъ дорогъ заказали всѣ мосты заграницей! Чѣмъ эти дѣянія лучше подвиговъ Полякова и Варшавскаго?

А другія казенныя операціи? Чтобы разочароваться разъ навсегда въ ихъ выгодности, не достаточно ли прочесть отчеты Государственнаго Контроля. Кому не извѣстна, напримѣръ, курьезная исторія Обуховскаго завода, который всю жизнь работалъ на казенныя деньги, а когда сталъ давать барыши, то оказался частнымъ заводомъ и долженъ былъ выкупаться съ приплатою новыхъ казенныхъ денегъ?

Толковать о пользѣ казеннаго хозяйства могутъ у насъ лишь теоретики, слышавшіе, что вотъ-де въ Германіи есть доходныя дороги, умѣло управляемыя казенными инжене-

рами *), или что во Франціи казна купила и соединила въ одно казенное управленіе нѣсколько обанкрутившихся мелкихъ линій, но не дающіе себѣ труда уяснить смыслъ подобныхъ явленій. Люди дѣловые знаютъ, что у насъ случается, что какое нибудь учрежденіе разсматриваетъ смѣту, т. е. предположеніе, на какое нибудь сооруженіе, тогда какъ въ дѣйствительности это сооруженіе уже окончено лѣтъ восемнадцать тому назадъ. Мало того, бываетъ, что подобная смѣта еще не разсмотрѣна, а уже построенное развалилось, срыто и на мѣстѣ его возведено что нибудь другое. Бываетъ и такъ, что смѣта на разборку негоднаго строенія утверждается ранѣе, чѣмъ утверждена смѣта на самое сооруженіе этого строенія.

Вотъ каковы наши техническіе порядки, такъ къ мѣсту ли тутъ ссылаться на разсужденія Бисмарка и Фрейсинэ, или, еще лучше, въ пользу казенной эксплоатаціи приводить какъ аргументъ то обстоятельство, что на всѣхъ соціалистическихъ конгрессахъ въ Западной Европѣ какъ desiderata постановлено отчужденіе желѣзныхъ дорогъ въ пользу государства! Понятіе о „государствѣ“ и очень отвлеченное, и очень реальное. Государство, которое мы знаемъ и которое по отношенію къ казенному хозяйству выражается у насъ въ „вѣдомствахъ“, дѣятельность коихъ всѣмъ хорошо знакома по традиціоннымъ нравамъ и поползновеніямъ,—это государство не оставляетъ ни малѣйшей почвы для какого бы то ни было идеальничанья. Разъ хозяйство будетъ казенное, отыщутся сейчасъ же новые Уайненсы, какъ отыщутся и новые Штомпфы, чтобы ревизовать послѣднихъ.

Защитники казеннаго хозяйства указываютъ еще на Финляндію, гдѣ казенныя дороги построены дешево. Это указаніе такъ же убѣдительно, какъ примѣръ желѣзной дороги на лунѣ. Мало ли что дешево и хорошо въ Фин-

*) Нѣмецкія казенныя дороги все-таки эксплоатируются гораздо хуже американскихъ частныхъ. Послѣднія возятъ грузы на 42 проц. дешевле, имѣютъ въ два раза менѣе служащихъ, но лучше ихъ оплачиваютъ. Эксплоатація обходится въ Америкѣ дешевле и подвижной составъ дѣлаетъ двойной пробѣгъ.

ляндіи, чего у насъ быть не можетъ. Зачѣмъ намъ ходить въ Финляндію, когда у себя на каждомъ шагу мы видимъ апатическое и рутинное отношеніе къ дѣлу. Почему же слѣдуетъ предполагать, что тотъ же чиновникъ, которымъ недовольны въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, вдругъ станетъ предпріимчивымъ, смѣлымъ и усернымъ, когда его перенесутъ куда нибудь въ глушь.

Все заблужденіе основано на глубокомъ смѣшеніи двухъ понятій, очень строго различаемыхъ въ наукѣ государственнаго права: правительства, какъ органа верховной власти, и казны, какъ собственника и предпринимателя въ области казеннаго хозяйства. Не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи сферы вмѣшательства правительства въ экономическую жизнь. И не будучи государственнымъ соціалистомъ, можно признавать, что самые священные интересы страны заставляютъ каждое правительство, и монархическое, и республиканское, имѣть бдительный надзоръ и за желѣзными дорогами, и за внѣшней торговлей, и за фабриками, и за кредитомъ.

Но если правительство обязано содѣйствовать тому, чтобы желѣзныя дороги возили дешево рабочій классъ, или чтобы таможенный тарифъ поощрялъ желѣзное производство, или чтобы на бумагопрядильныхъ фабрикахъ не увѣчили малолѣтнихъ, или чтобы банки не обкрадывали вкладчиковъ, то это не значитъ, что правительство обязано возить рабочихъ въ своихъ собственныхъ вагонахъ, построить желѣзные заводы, прясть бумажную пряжу и въ торговлѣ деньгами замѣнять банкировъ и мѣнялъ.

Въ Россіи государство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бывало безсильно только потому, что само связывало себѣ руки. Таково, напримѣръ, его отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ, къ владѣльцамъ нефтяныхъ источниковъ и тому подобное. Но казенное хозяйство не нуждается въ новомъ поощреніи. Нѣтъ ни одного министерства, которое не имѣло бы въ той или другой формѣ различныхъ промышленныхъ операцій и которое не конкурировало бы съ частными лицами. Расширять еще это казенное производство, когда оно существуетъ вопреки всѣмъ началамъ политической

экономіи и на оборотный капиталъ, собираемый системою тягостныхъ налоговъ, рѣшительно нѣтъ никакого основанія.

Пора, наконецъ, перестать думать, будто казна неисчерпаемый колодезь богатствъ. Такъ могутъ думать бабы-просительницы. Съ опубликованіемъ бюджета уже ни для кого не секретъ, откуда въ казнѣ берутся деньги. Деньги у казны могутъ быть двухъ родовъ, или изъ займовъ, или податныя. Есть ли разсчетъ дѣлать займы изъ кармановъ публики, чтобы помѣстить взятый капиталъ непроизводительно, за тотъ же процентъ? Еще менѣе возможно подобное обращеніе съ податными деньгами. Извѣстно, какъ онѣ дорого достаются. Если у казны въ деньгахъ былъ бы какой избытокъ, то она не должна конкурировать съ частными лицами, а сбавлять подати и облегчать участь народа; если же у казны денегъ мало, то каждая копѣйка ей должна быть дорога и затрачиваться только съ очень производительною цѣлью.

„Постройте казенный элеваторъ, восклицалъ Катковъ,— онъ стоитъ всего 700,000 рублей!“ Семьсотъ тысячъ, конечно, не Богъ вѣсть какія деньги, но когда вспомнишь, что для казны это годовой сборъ всѣхъ подушныхъ сборовъ и повинностей съ *цѣлой* Смоленской губерніи, податей, выбираемыхъ съ бѣднѣйшаго населенія, такъ откажешься и отъ элеваторовъ...

Заканчивая о казенномъ хозяйствѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ и о главныхъ представителяхъ его—инженерахъ. Въ нашемъ обществѣ замѣчаются два противоположныя стремленія, казалось бы одно другое исключающія, но на самомъ дѣлѣ отлично уживающіяся въ русскихъ умахъ. Съ одной стороны, у насъ существуетъ преувеличенное уваженіе къ наукѣ, дипломъ кажется намъ патентомъ на всезнаніе и постоянно создаются новыя категоріи спеціалистовъ съ различными значками и проектируются новые экзамены для классификаціи людей на китайскій манеръ, на ученыхъ, полоученыхъ, малоученыхъ и т. д. Съ другой стороны у насъ жива еще ненависть къ наукѣ народа первобытнаго и каждая ошибка техниковъ принимается съ нескрытымъ злорадствомъ, и когда

желаютъ указать на какія либо улучшенія въ извѣстномъ учрежденіи, то сейчасъ рекомендуютъ замѣну спеціалистовъ людьми простыми, неспеціальными.

Эти два теченія легко прослѣдить и въ административныхъ сферахъ. Съ одной стороны у насъ проектировалась академія даже для техническаго приготовленія интендантскихъ чиновниковъ, съ другой—въ тѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ сосредоточены спеціальные предметы, стараются по возможности техниковъ по этимъ предметамъ держать на второмъ планѣ.

Пути сообщенія давно уже, напримѣръ, образуютъ въ Россіи отдѣльное вѣдомство, а между тѣмъ путейскіе инженеры очень рѣдко фигурировали въ немъ въ качествѣ руководителей. Въ февралѣ 1889 г. только въ одномъ департаментѣ водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній директоромъ, въ видѣ исключенія, состоялъ путейскій инженеръ, между тѣмъ изъ остального начальства: министръ былъ военный, товарищъ его—чиновникъ, директоръ канцеляріи—чиновникъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ—чиновникъ, предсѣдатель временного управленія казенныхъ дорогъ—военный, начальникъ статистической части министерства—военный, начальникъ учебной части—чиновникъ. И въ другихъ вѣдомствахъ, имѣющихъ прямое соотношеніе съ путями сообщенія, то же самое.

Короче говоря, путейскіе инженеры въ своемъ вѣдомствѣ, не смотря на многочисленность и корпоративную связь, играли далеко не выдающуюся роль. Но, по крайней мѣрѣ, исполнительная техническая часть находилась въ ихъ рукахъ, по иниціативѣ же Паукера состоялось распоряженіе о томъ, чтобы и въ этомъ отношеніи никакихъ преимуществъ путейцы не имѣли: каждый техникъ, зачисляемый по Министерству Путей Сообщенія, тѣмъ самымъ дѣлался инженеромъ путей сообщенія и могъ носить мундиръ послѣдняго.

Это распоряженіе вызвало много толковъ въ нашихъ инженерныхъ сферахъ. Основалось же оно отчасти на плохой кодификаціи Свода, отчасти на бездѣятельности чинов-

никовъ разныхъ канцелярій, почему временныя положенія сохраняются у насъ въ законѣ долѣе постоянныхъ.

До 1867 г. въ Россіи были военные корпуса гражданскаго вѣдомства, въ томъ числѣ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Въ этомъ году, по временному положенію Комитета Министровъ, означенные корпуса были переименованы въ гражданскіе чины, что казалось бы не могло измѣнить ихъ корпоративнаго устройства, тѣмъ болѣе, что каждый изъ корпусовъ имѣлъ свои особыя права и привилегіи. Никакихъ, однако, положеній о корпусахъ въ ихъ новомъ устройствѣ издаваемо не было, между тѣмъ институтъ путей сообщенія, по новому уставу своему, готовитъ по названію не путейскихъ инженеровъ, а „гражданскихъ инженеровъ“ (неудачный переводъ французскаго названія технологовъ). Отсутствіемъ статьи въ законѣ, которая для путейскихъ инженеровъ обусловливала бы безусловную необходимость (какъ, напр., для горныхъ инженеровъ) выдержать испытаніе въ спеціальномъ заведеніи своего вѣдомства, и воспользовались для открытія сословія путейскихъ инженеровъ всѣмъ желающимъ носить зеленые канты.

Такихъ охотниковъ, въ виду трудности поступленія въ институтъ путей сообщенія и трудности окончить тамъ курсъ съ успѣхомъ, найдется, конечно, очень много и корпусъ путейскихъ инженеровъ рискуетъ принять въ свою среду множество новыхъ элементовъ, жаждущихъ наживы. Принесетъ ли это широкое открытіе дверей пользу?

Мы понимаемъ, что, стоя на узкой точкѣ нивелирующаго радикализма, можно отвергать пользу всякихъ корпорацій. Во Франціи во время революціи уничтожили съ этою цѣлью даже академію, а лечить дали право всѣмъ и каждому. Но опытъ нисколько не оправдываетъ подобныхъ увлеченій. Весьма важное соображеніе въ пользу спеціальныхъ корпорацій является въ раздѣленіи труда: конечно, бываютъ счастливыя исключенія, что профессора фортификаціи пишутъ оперы, но это не значитъ, что въ

инженеры надобно готовиться въ консерваторіи, а въ композиторы въ инженерной академіи. Если у насъ, по примѣру Франціи, учрежденъ давно институтъ путей сообщенія, то ему и приличествуетъ приготовлять путейскихъ техниковъ, такъ какъ не только программы и методы преподаванія приноровлены къ этой цѣли, но въ заведеніи этомъ воспитанники принимаютъ извѣстный корпоративный духъ своего сословія.

Существуетъ, правда, воззрѣніе, будто бы корпораціи и способствуютъ вкорененію злоупотребленій, скрываемыхъ яко бы ради „чести мундира“, но это мнѣніе односторонне. Злоупотребленія являются въ силу вещей, почему въ однихъ вѣдомствахъ они велики, въ другихъ — малы. Въ интендантскомъ и таможенномъ вѣдомствѣ корпораціи нѣтъ, а злоупотребленія всегда были и будутъ не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ. Въ вѣдомствѣ путей сообщенія они также легки и потому весьма многочисленны, но корпорація и честь мундира скорѣе ограничиваютъ, нежели увеличиваютъ злоупотребленія. Изъ нашихъ бывшихъ военныхъ корпусовъ количество злоупотребленій (взявъ процентъ служащихъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ) наиболѣе велико въ лѣсномъ вѣдомствѣ и это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что корпусъ лѣсничихъ былъ всегда открытъ для свободнаго доступа лицъ, не получившихъ образованія въ лѣсномъ институтѣ, а потому не имѣлъ достаточно корпоративнаго духа и не гордился своимъ мундиромъ. Затѣмъ всѣ строители частныхъ желѣзныхъ дорогъ могутъ засвидѣтельствовать, что техники другихъ категорій, которыхъ они употребляли, рядомъ съ путейцами, по части стремленія къ наживѣ, значительно превосходили послѣднихъ. Это объясняется тѣмъ, что путейскій инженеръ считаетъ службу на желѣзныхъ дорогахъ какъ бы ему прирожденною, а посторонній техникъ, считая себя калифомъ на часъ, стремится поскорѣе набить карманъ.

Такимъ образомъ можно сомнѣваться, чтобы пониженіе значенія инженеровъ въ ихъ собственныхъ глазахъ

расширеніемъ доступа въ ихъ корпораціи могло принести ожидаемые плоды. Наоборотъ, нужно ограничивать корпораціи, исключая изъ нихъ всѣ сколько нибудь сомнительные элементы, которыхъ, къ сожалѣнію, не мало. Самое же радикальное средство—это ограниченіе насколько возможно области казеннаго хозяйства.

ГЛАВА X.

Самоуправленіе.

Реакція въ Западной Европѣ.—Самоуправленіе въ Россіи.—Земскіе соборы.—Новѣйшее самоуправленіе.—Земскія учрежденія и земскіе финансы.

„Лучшіе люди сороковыхъ годовъ", которымъ мы обязаны не малою долею современнаго сумбура, если остались въ живыхъ и слѣдятъ за литературою, то должны приходить въ отчаяніе, читая, какъ ежедневно въ Западной Европѣ разбиваются ихъ идеалы. Подъ вліяніемъ грустнаго опыта западно-европейскіе мыслители: Спенсеръ, Менъ, Бержере и др. отрицаютъ теперь то, что еще двадцать пять лѣтъ назадъ считалось внѣ всякаго спора.

Только соціалисты и немногіе клерикалы дерзали сомнѣваться въ прелестяхъ парламентаризма и свободы труда, и свободы торговли, и распространенія всѣми средствами народнаго образованія, и расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и т. п. Только они полагали, что хотя англичане сдѣлали изъ своихъ конституціонныхъ учрежденій предметъ вывоза, но послѣднія неудобно пріобрѣтать тѣмъ, кому они не соотвѣтствуютъ ни по историческимъ традиціямъ, ни по духу народа, что для дѣйствія въ другой средѣ этого сложнаго механизма надобно имѣть англійскую точность, хладнокровіе, опытъ и въ особенности англійскій self control. Прогрессъ почитался sine qua non народнаго счастія и благополучія, и все, что не гармонировало съ

доктриной, выставлялось случайнымъ явленіемъ, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Теперь полный переворотъ совершается во всѣхъ умахъ. Самые закоренѣлые доктринеры начинаютъ находить, что не все такъ дурно было и встарину, что „новое“ вовсе не синонимъ „хорошаго“, хотя бы это новое совершенно соотвѣтствовало тому, что сотни ученыхъ и философовъ проповѣдывали въ тысячѣ книжекъ.

Мы не можемъ коснуться подробно этого важнаго вопроса, но укажемъ на нѣсколько поразительныхъ примѣровъ измѣненія въ воззрѣніяхъ. Вотъ что, напримѣръ, Поль Леруа Болье, другъ Ротшильдовъ и Леона Сея, профессоръ политической экономіи, пишетъ по поводу современнаго кризиса:

„Помѣщики и арендаторы въ Европѣ потеряли всякую надежду на будущее. Ихъ нужно пожалѣть, хотя и тѣ, и другіе не всегда дѣлали то, что было нужно, дабы предупредить постигшую ихъ катастрофу. Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ было слишкомъ много рутины, слишкомъ мало опытовъ надъ новыми продуктами; крестьяне жили *слишкомъ роскошно,* лѣниво и расточительно. Но виновато и правительство, отвлекшее отъ земледѣлія много рукъ, увеличивая безъ нужды общественныя работы и не давая народному просвѣщенію *скромнаго* и *успокоительнаго* направленія; рабочіе, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, стали оттого непослушны, дерзки, неаккуратны. Въ рукахъ вездѣ недостатокъ изъ-за постройки *ненужныхъ* желѣзныхъ дорогъ и *совершенно лишнихъ* другихъ общественныхъ сооруженій“.

Это пишетъ самый заядлый доктринеръ. Еще интереснѣе мнѣніе болѣе свободомыслящаго Лавелэ:

„Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, говоритъ онъ *), не смотря на ужасы и неудачи французской революціи, европейскіе народы настойчиво требовали конституцій и парламентскаго режима и, чтобы добыть ихъ, возставали про-

*) La transformation du gouvernement local aux Etats-Unis, «Revue des deux mondes», 1 aout 1889.

тивъ своихъ государей. Полагали, что эта форма правленія обезпечиваетъ свободу, равенство передъ закономъ, бережливость въ расходахъ и общее благополучіе. Публицисты, какъ и толпа, съ завистью взирали на счастливую Англію, пользовавшуюся этимъ режимомъ, описаннымъ съ такимъ энтузіазмомъ въ „L'Esprit des lois". Постепенно возстаніями или милостями государей всѣ европейскія государства, кромѣ Россіи, получили то, чего желали такъ страстно: законодательная власть поручена совѣщательнымъ учрежденіямъ, свободно избираемымъ гражданами. Но какой удивительный переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Теперь готовы сжечь то, что еще недавно обожали. Парламентскій режимъ, такъ страстно желаемый повсюду, служитъ предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ. Ужъ не знаютъ, въ чемъ и обвинить его болѣе: онъ причина всѣхъ страданій, даже тѣхъ, которыя замѣчаются исключительно въ области экономической. Во Франціи онъ возбуждаетъ такую ненависть, что народъ, сдѣлавшій революцію 1789 года для завоеванія свободы, готовъ пожертвовать ею и просить перваго попавшагося диктатора освободить ее изъ рукъ парламентаризма. Въ Италіи ему приписываютъ всѣ сдѣланныя ошибки: огромные расходы на армію и флотъ, возростающій дефицитъ, разореніе сельскаго населенія, увеличивающуюся эмиграцію, колоніальную политику и непростительную ошибку — занятіе Массовы. Недавно, при закрытіи австрійскаго парламента, президентъ его Смолка упрекалъ депутатовъ, что они произнесли 9,000 рѣчей, въ томъ числѣ 2,000 только о бюджетѣ. Въ Англіи, на родинѣ парламентаризма, увѣряютъ, что онъ сталъ безсиленъ, что болѣе не дѣйствуетъ, и прозвали его „великимъ вредомъ". Въ Америкѣ вся реформа на политическомъ пути стремится къ ограниченію общественныхъ собраній и къ передачѣ власти въ руки чиновниковъ".

Хотя Эмиль Лавелэ—профессоръ политической экономіи и въ придачу бельгійскій буржуа, но онъ безъ церемоніи восхищается средневѣковыми корпораціями и тогдашнею регламентаціею труда, „которыя имѣли цѣлью не то, чтобы, какъ нынѣ, производить поболѣе и поде-

шевле, а чтобы обезпечить работнику его насущный хлѣбъ, а потребителю хорошее качество продуктовъ. Работа производилась публично и подъ контролемъ публики, какъ и теперь на Востокѣ, гдѣ различные ремесленники, сохранившіе корпоративную организацію, работаютъ совмѣстно въ извѣстныхъ улицахъ, въ открытыхъ лавкахъ".

Не лучшаго мнѣнія Лавелэ о современныхъ политическихъ порядкахъ, сравнительно со средневѣковыми.

„Теперь, говоритъ онъ, народы пользуются якобы всеобщею подачею голосовъ и казалось бы должны сдѣлаться хозяевами своихъ судебъ. Что же мы видимъ? Каждый день народъ обременяется налогами и долгами и его толкаютъ въ авантюры и экспедиціи въ страны, которыхъ онъ никогда не слыхалъ и названія, а то еще хуже— втягиваютъ въ огромныя войны, одинаково разорительныя и для побѣдителей, и для побѣжденныхъ"... Между тѣмъ, „въ средніе вѣка *власть также выходила изъ народа,* но не изъ безформенной толпы, а изъ различныхъ соціальныхъ силъ, правильно организованныхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ порядокъ вещей былъ гораздо болѣе *представительнымъ,* нежели нынѣшній"...

Означенныя мысли Лавелэ высказалъ по поводу книги бельгійскаго публициста Ад. Пренса: „La démocratie et le régime parlementaire". Пренсъ, основываясь на мысли Монтескье, что „величайшая задача законодателя—это раздѣлить народъ на сословія и что отъ этого дѣленія зависитъ прочность и благополучіе демократіи", требуетъ, чтобы „депутаты назначались не безличными избирателями, а выбирались, какъ встарину, извѣстными сословіями, корпораціями и другими прочно организованными собраніями людей. Депутаты должны представлять извѣстные интересы, строго опредѣленные и ясно сознаваемые, почему должны выбираться не отъ территоріальныхъ округовъ, а за разрушеніемъ корпорацій—отъ помѣщиковъ, домовладѣльцевъ, ученыхъ и преподавателей, судей и адвокатовъ, докторовъ, инженеровъ, арміи, духовенства и т. д.".

Каково это прочесть нашимъ доктринерамъ, которые

даже для выборовъ въ городскія думы предлагаютъ дѣлить города на участки и ввести всесословную подачу голосовъ? Идеаломъ Пренса и Лавелэ оказывается даже не états généraux, а наши земскіе соборы XVII столѣтія. Вотъ до чего додумалась теперь Западная Европа въ лицѣ своихъ выдающихся публицистовъ послѣ столѣтней практики своихъ „говориленъ".

И у насъ вопросъ о земскихъ соборахъ не перестаетъ занимать взволнованные умы „интеллигенціи", которые, усматривая смуту въ переживаемыхъ нами событіяхъ, надѣются водворить порядокъ при посредствѣ земскихъ соборовъ. Но, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Пазухинъ въ своей замѣчательной статьѣ о современномъ состояніи Россіи и сословномъ вопросѣ, большинство сторонниковъ соборовъ, по странному, неразъяснимому недоразумѣнію, принадлежатъ къ тому лагерю, который благоговѣетъ предъ принципомъ безсословности и поклоняется реформамъ, лишившимъ Россію земско-сословной организаціи. Указывая на представительство отъ безсословнаго земства, какъ на опору порядка, наши либеральные болтуны забываютъ, что безсословный элементъ въ Россіи былъ всегда источникомъ смутъ. „Царю Михаилу, говоритъ г. Пазухинъ, было естественно искать опору въ соборѣ преданныхъ ему земскихъ чиновъ, но немыслимо требовать отъ современнаго правительства довѣрія къ собору, избранному отъ оппозиціоннаго безсословнаго земства".

Поэтому г. Пазухинъ справедливо полагаетъ, что намъ не поможетъ историческая форма, въ которой будетъ отсутствовать историческая жизнь. Если мы хотимъ пользоваться уроками исторіи, то должны приняться сначала скрѣплять разрушающіеся бытовые союзы и установлять болѣе правильныя, согласныя съ духомъ нашей исторіи, отношенія верховной власти къ сословіямъ и сословій между собой.

Послѣдній земскій соборъ происходилъ въ Москвѣ въ началѣ 1682 года и имѣлъ въ результатѣ радикальную въ свое время реформу — уничтоженіе мѣстничества. Въ 1682 же году происходилъ и послѣдній нашъ избиратель-

ный соборъ, имѣвшій, впрочемъ, скорѣе характеръ московскаго всенароднаго вѣча—съ цѣлью разрѣшить вопросъ о наслѣдованіи престола по смерти царя Ѳедора Алексѣевича.

О земскомъ соборѣ 1682 года сохранились различные документы, даже протоколы его, представляющіе полный перечень соборнаго производства. Призывныя граматы на соборъ приглашали выборныхъ для обсужденія мѣръ относительно устроенія земли вообще; сюда относились и законодательные вопросы. Собору 1682 года, куда были въ декабрѣ 1681 г. призваны по два выборныхъ отъ каждаго города, былъ особенно предложенъ вопросъ о лучшемъ устроеніи рати. Но выборные люди не ограничивались отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Открытіе собора совершалось государевою рѣчью, рѣчь эта нерѣдко произносилась самимъ государемъ или читалась въ его присутствіи, отвѣты чины давали или совокупно, или отдѣльными сословіями, смотря по характеру вопроса. Вопросы рѣшались единогласно. Въ этомъ смыслѣ общаго соглашенія всѣхъ надо понимать и выраженіе, употребленное въ актѣ собора 1682 года. Отмѣняя мѣстничество, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ говорилъ, что онъ дѣлаетъ это „общимъ совѣтомъ всѣхъ“.

Не надобно, однако, по этимъ наружнымъ признакамъ сходства соборныхъ обрядовъ съ парламентскими порядками думать, что практика земскихъ соборовъ была опредѣлена въ какія либо точныя юридическія формы. Точныя юридическія опредѣленія были не въ духѣ людей Московскаго государства. Цари нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ, но никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія либо опредѣленныя нормы закона, а тѣмъ болѣе видѣть въ соборахъ ограниченія верховной власти или гарантіи отъ произвола послѣдней *).

*) Единственная попытка ограничить власть самодержавную была сдѣлана уже въ XVIII столѣтіи при вступленіи на престолъ Анны Ивановны, когда, присягали на вѣрность и Императрицѣ и Государству, но эта попытка, какъ извѣстно, была олигархической затѣей, задуманной въ подражаніе Швеціи.

Число всѣхъ земскихъ соборовъ различными учеными (К. Аксаковъ, Соловьевъ, Чичеринъ) опредѣляется различно. По исчисленію профессора Сергѣевича, въ промежуткѣ между 1548 и 1682 годомъ было созвано 18 соборовъ. Между отдѣльными царствованіями они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: при Иванѣ Грозномъ—2, при Василіи Шуйскомъ—1, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ—9, при Алексѣѣ Михайловичѣ—4, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ — 2. Кромѣ того, мы имѣемъ еще три избирательныхъ собора и одинъ, опредѣлившій низложеніе Шуйскаго. Каждый изъ земскихъ соборовъ оставилъ слѣдъ въ русской исторіи. Они были полезны какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей, а изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи знакомились съ потребностями государства, съ недостатками и злоупотребленіями управленія. На соборѣ 1682 г. выборные указали, что для лучшаго военнаго устройства необходимо, чтобы „всѣ служилые люди были между собою безъ мѣста и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ“. Князь В. В. Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитьи выборныхъ людей и 12-го января 1682 года, послѣ чрезвычайнаго „сидѣнія“ съ боярами и высшимъ духовенствомъ, царь повелѣлъ разрядныя книги предать огню. Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь и разрядныя книги запылали...

Разбирая причины прекращенія созыва соборовъ, г. Сергѣевичъ задается вопросомъ: были ли у насъ на соборахъ враждебныя царской власти партіи? Такихъ партій, оказывается, никогда не было. Выборные люди отличались преданностью монархическому началу и не обнаруживали ни малѣйшаго стремленія выйти изъ тѣхъ границъ, которыя указывались имъ волею государей; они всегда стояли на почвѣ закона и свои жалобы приносили въ самой почтительной формѣ; ихъ дѣятельность никогда не могла казаться опасною нашимъ государямъ; наконецъ, чины Московскаго государства не оказывались враждебными и тѣмъ реформамъ, которыя вызывались благомъ государства. Доказательство этому имѣемъ особенно въ послѣднемъ соборѣ

1682 г., который рѣшилъ отмѣну права мѣстничества, столь дорогаго для большихъ московскихъ родовъ.

Если же въ жизни соборовъ не было ничего, что бы могло ненравиться самимъ государямъ, то рождается невольно вопросъ, почему же исчезли соборы? Г. Сергѣевичъ отвѣчаетъ на это, что если государи перестали созывать соборы, стоявшіе всегда на стражѣ закона и безопасности государства и оказывавшіе патріотическую поддержку благимъ начинаніямъ правительства, то причину этого надо искать въ сторонникъ вліяніяхъ, которымъ будто бы было выгодно представить соборы какъ учрежденіе безполезное. Но кому именно дѣятельность выборныхъ людей могла быть непріятна? Изъ того, что мы знаемъ о дѣяніяхъ собора 1642 года и изъ челобитныхъ собора 1649 г. и изъ великодушнаго рѣшенія собора 1682 г., надобно сдѣлать, по мнѣнію г. Сергѣевича, заключеніе, что дѣятельность выборныхъ должна была не нравиться боярамъ, окольничьимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и едва ли не болѣе всего — духовнымъ властямъ. Эти сословія и постарались вѣроятно разорвать непосредственную связь царя съ землею.

На самомъ дѣлѣ соборы стали излишни отчасти потому, что переорганизованная по иностраннымъ образцамъ бюрократія, всесильная уже въ XVII столѣтіи, считала себя знающею Россію и ея нужды лучше, чѣмъ мѣстные жители; отчасти завоевательная политика, которой мы слѣдовали съ Петра Великаго, включила въ составъ Россіи такіе элементы, участіе которыхъ въ соборахъ могло вызвать только рознь и раздѣленіе государства, а также несогласіе верховной власти съ землею. Какъ извѣстно, у насъ есть не мало губерній, гдѣ нѣтъ другого населенія, кромѣ крестьянъ и чиновниковъ. Уполномоченные этихъ мѣстностей будутъ одурачены бойкими представителями окраинъ нѣмецкой, польской, литовской, молдавской, кавказской. Даже англичане, при ихъ уваженіи къ конституціоннымъ формамъ, не рѣшились до сихъ поръ созвать общаго парламента для ихъ разношерстной имперіи.

Но если идея созывать уполномоченныхъ отъ земли для

совѣта съ расширеніемъ границъ Россіи естественно слабѣла и только однажды была испробована Екатериною II,—какъ свидѣтельствуетъ Наказъ,—болѣе по вдохновенію иностранныхъ мыслителей Монтескье и Беккаріи, нежели по настояніямъ страны, то сознаніе о необходимости извѣстной доли мѣстнаго самоуправленія укрѣплялось. Правительство сознавало невозможность полной централизаціи и организовало выборное начало. Наиболѣе сдѣлали въ этомъ отношеніи Екатерина II для дворянства и городовъ; Александръ I—для вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ: Финляндіи, Царства Польскаго, Бессарабіи; Николай I—для государственныхъ крестьянъ и частью для городовъ. Наконецъ, Александръ II положеніями о земскихъ учрежденіяхъ и городскомъ общественномъ управленіи, по мнѣнію либеральной части нашего общества и тенденціозныхъ писателей въ родѣ князя Васильчикова, г. Скалона и т. п., положилъ не только прочное начало мѣстному самоуправленію, но заложилъ даже фундаментъ для постройки величественнаго зданія самоуправленія всероссійскаго.

Но прежде чѣмъ зданіе увѣнчалось, выяснилось, что фундаментъ слабъ, даетъ трещины и необходимо его перебрать заново. Записка г. Пазухина о современномъ состояніи Россіи была на этотъ счетъ своего рода откровеніемъ, хотя въ ней не было новаго противъ того, что ранѣе писали публицисты консервативнаго направленія, между прочимъ г. Фадѣевъ, недостаткомъ котораго была нѣкоторая расплывчатость изложенія. Успѣхъ г. Пазухина объясняется не новостью или оригинальностью его воззрѣній, а тѣмъ, что они высказаны были въ моментъ, когда общество, послѣ двадцатилѣтняго увлеченія фразою, начало болѣе отчетливо сознавать, что за красивою внѣшностью кроется нерѣдко весьма непривлекательное содержаніе и что слово: „реформы“, которое заставляло недавно еще замирать отъ восторга сердца, не есть магическій жезлъ, который извлекаетъ воду даже изъ такой скалы, гдѣ никакого источника не скрывается.

Г. Пазухинъ признавалъ современное состояніе Россіи смутнымъ и неопредѣленнымъ и эту смуту въ умахъ объяс-

нялъ не обычнымъ условіемъ переходнаго времени, борьбой новыхъ началъ жизни съ началами отживающими, не характеромъ русскаго общества, энергія котораго имѣетъ свойство быстро истощаться и смѣняться безпричиннымъ разочарованіемъ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что въ основѣ всѣхъ преобразованій послѣдняго времени лежало начало, глубоко противное нашей исторіи и потребностямъ государственнымъ. Начало это—разрушеніе сословности, въ которомъ и слѣдуетъ искать главную причину современной дезорганизаціи русскаго общества.

Правительство, преувеличивъ значеніе оппозиціи, которая была выказана на первыхъ порахъ крестьянской реформы въ средѣ аристократіи и въ кругу нѣкоторыхъ государственныхъ людей, стало оказывать покровительство направленію, называвшемуся тогда прогрессивнымъ, но которое въ сущности было измышленіемъ бюрократической отвлеченной доктрины, весьма мало знавшей русскую исторію и потребности страны.

Земское и Городовое Положенія, сочиненныя въ канцелярскихъ сферахъ,—хотя, надобно признать, по настояніямъ и какъ бы съ благословенія дворянскихъ собраній, городскихъ думъ и печати,—создали общественные органы для завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами, поставленные внѣ связи съ правительствомъ и внѣ всякой связи съ сословіями. Новые законы, имѣвшіе, повидимому, благую цѣль призвать къ дѣятельности общественныя силы, оставили безъ вниманія наши историческія сословія и въ основу созданныхъ имъ учрежденій поставили случайныя группы собственниковъ. Эта замѣна живыхъ органическихъ силъ страны механическимъ сочетаніемъ единицъ и составляетъ основную черту преобразованій, слѣдовавшихъ за Крымскою войною.

„Искусственная смѣсь разныхъ народныхъ элементовъ,—говоритъ г. Пазухинъ,—есть тотъ фундаментъ, на которомъ построены земскія учрежденія. Въ первый разъ въ русской исторіи законодательство дѣлаетъ опытъ разрушить ту сословную организацію, въ которой жила и развивалась Россія въ теченіе вѣковъ, и обратить ее въ безсословную

и безформенную"... Городовое Положеніе, въ свою очередь, отстранило отъ управленія городскимъ хозяйствомъ наши старыя городскія сословія купцовъ и мѣщанъ и образовало безсословныя городскія думы.

Земскія учрежденія не могутъ быть серьезнымъ представительствомъ какихъ либо опредѣленныхъ интересовъ; не имѣя никакой связи съ сословіями, не находясь подъ ихъ нравственнымъ контролемъ, гласные земскихъ собраній могутъ безнаказанно примѣнять на практикѣ свои личныя, случайныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ интересами и взглядами этихъ бытовыхъ союзовъ, которые собственно и составляютъ русскій народъ. Тотъ же характеръ случайности, который лежитъ въ основѣ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ, составилъ исключительную черту и городскихъ избирательныхъ группъ, дѣлящихся на разряды исключительно по количеству платимаго налога. „Интриги, руководящіяся корыстными побужденіями, проникающія въ земскіе выборы, являются необходимымъ, по словамъ г. Пазухина, условіемъ и городской избирательной системы. Города, жившіе до реформы спокойною дѣловою жизнью, въ настоящее время представляютъ зрѣлище борьбы партій изъ-за права распоряжаться городскими имуществами и кассами городскихъ банковъ. Безсословная дума, собранія коей отличаются постоянно мѣняющимся случайнымъ составомъ, представляетъ самый удобный матеріалъ для эксплоатаціи общественныхъ интересовъ въ пользу кармана ловкихъ людей, грязныя дѣла которыхъ прикрываются рѣшеніями самоуправляющейся думы. Безсословная организація даетъ легкую возможность болѣе смышленнымъ представителямъ нашей разростающейся интеллигенціи забирать управленіе городскими дѣлами въ свои руки".

Такимъ образомъ ни Земское, ни Городовое Положенія самоуправленія у насъ не упорядочили и не упрочили, но за то создали и расплодили типъ земскаго и думскаго чиновника. Вообще, страннымъ образомъ, всѣ наши новѣйшія реформы неизбѣжно распространяли бюрократію, въ видѣ преобладающаго общественнаго элемента.

По мѣрѣ того, какъ реформы становились всесословными, изъ нихъ постепенно исчезало и вытравлялось вліяніе сословій въ отдѣльности, а образовывался и неимовѣрно разростался новый привилегированный классъ, вытѣснившій даже такое прочное, коренное сословіе, какимъ было дворянство. Этотъ вновь образованный классъ не имѣлъ ровно никакихъ связей и отношеній ни къ учрежденіямъ, ни къ землѣ, ни къ народу, кромѣ необходимости получать отъ него готовое содержаніе и проектировать еще для того постоянно новыя должности.

Одинъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, г. Рагозинъ, произнесъ въ 1880 г. рѣчь въ новгородскомъ дворянскомъ собраніи, надѣлавшую много шуму. Онъ обратилъ вниманіе на то, что дворянству оставлено право ставить своихъ представителей во главѣ всѣхъ учрежденій, охватывающихъ общественную жизнь; такое положеніе давало, казалось, возможность дворянству пользоваться вліяніемъ въ своей мѣстности, не смотря на недостатки Земскаго Положенія. „На комъ же лежитъ, спрашивалъ г. Рагозинъ, нравственная отвѣтственность за апатію представителей дворянства? Кто подлежитъ осужденію, если представители дворянства недостаточно пользовались своимъ вліяніемъ?“ Признавая такое положеніе ненормальнымъ и компрометирующимъ дворянство, какъ общественныхъ дѣятелей, г. Рагозинъ возлагалъ на дворянство обязанность выработать программу своихъ отношеній къ земству, и, поставивши своимъ представителямъ извѣстныя требованія, обязать ихъ точнымъ исполненіемъ.

Практически эти широкія пожеланія свелись, впрочемъ, къ платоническому воспрещенію соединять званіе предводителей дворянства съ званіемъ предсѣдателей земскихъ управъ. Мы говоримъ платоническому, такъ какъ подобное постановленіе пріобрѣло бы силу лишь при законодательной санкціи. Новгородское дворянство горячо привѣтствовало рѣчь г. Рагозина и... выбрало губернскимъ предводителемъ биржевого „дѣльца“! Такихъ примѣровъ сколько угодно въ сферѣ нашего самоуправленія.

Земство наше съ самаго основанія стояло на фальшивой почвѣ. Хотя ни въ одной странѣ (кромѣ федеральныхъ республикъ) мѣстное самоуправленіе такихъ широкихъ правъ не имѣло, но по изданіи Положенія 1864 г. наше общество и печать высказывали свое разочарованіе. Земцы увѣряли, будто въ „тѣсномъ кругу“ они дѣйствовать съ пользою не могутъ. „Лучшіе люди“, т. е. пустые празднословы, послѣ разныхъ попытокъ вызвать безконечныя пререканія съ администраціей — земства тверское и черниговское особенно отличались на этомъ пути — покинули земскую дѣятельность. На смѣну имъ пришло новое поколѣніе людей, которые, прикрываясь громкими фразами, искали только случая набить карманы и поживиться на земскій счетъ. Этотъ второй періодъ исторіи земства прошелъ спокойнѣе, но земство мало-по-малу возбудило общія антипатіи, и не мало губерній втайнѣ завидовали донскимъ казакамъ, которые рѣшительно сбросили съ себя земское иго, навязанное имъ графомъ Милютинымъ. Объ администраціи и говорить нечего. Одинъ губернаторъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ положеніе нашихъ хозяевъ губерній. „Счастливые губернаторы тѣ, въ губерніи которыхъ нѣтъ ни земства, ни жидовъ; значительно хуже положеніе тѣхъ, у которыхъ нѣтъ земства, но есть жиды; наконецъ, самые несчастные, это тѣ, которые одновременно возятся и съ земствами, и съ жидами“...

Въ уничтоженіи земства, по примѣру области Донскаго войска, надобности, впрочемъ, не настоитъ; во всякомъ случаѣ органы для мѣстнаго хозяйства необходимы. Вполнѣ достаточно, оставивъ земскія собранія, упразднить земскія управы, замѣнивъ ихъ правительственными учрежденіями, а постановленія земскихъ собраній подчинить прокурорской власти губернатора, съ правомъ обжалованія постановленій послѣдняго по начальству. Это ограниченіе сейчасъ же отзовется съ выгодою на земскихъ финансахъ.

Хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ издаетъ своды свѣдѣній о доходахъ и расходахъ по земскимъ смѣтамъ и о капиталахъ, состоящихъ въ

распоряженіи земскихъ учрежденій *). Эти отчеты должны бы проливать свѣтъ на положеніе нашихъ земскихъ финансовъ, но, къ сожалѣнію, они неполны; земство черниговское не доставило, напр., свѣдѣній въ 1881 г. за 1871 г., Смоленское—за 1877 годъ, а Самарское—и за все десятилѣтіе! Это неполученіе свѣдѣній, обязательныхъ по закону, очень хорошо характеризуетъ наши политическіе нравы: земство постоянно жалуется на администрацію, которая будто бы всесильна относительно земства, а между тѣмъ десять лѣтъ та же всемогущая администрація не въ силахъ добиться даже представленія ей земскихъ смѣтъ.

Замѣтьте, что рѣчь идетъ не о „дѣйствительныхъ“ доходахъ и расходахъ, свѣдѣнія о которыхъ имѣются только въ управахъ (если еще имѣются, при нашей халатности?), а о смѣтныхъ. Земскія же смѣты должны быть и въ губернаторскихъ канцеляріяхъ и безъ труда могли бы быть извлечены изъ печатныхъ сборниковъ, издаваемыхъ земствами; эти сборники находятся не только въ рукахъ администраціи, но въ каждой редакціи. Но ужъ извѣстно общее правило, что, при собраніи офиціальныхъ свѣдѣній, гг. чиновники всегда предпочтутъ послать новые циркуляры и запросы, вмѣсто того, чтобы порыться у себя въ дѣлахъ, гдѣ навѣрное хранится все для нихъ необходимое.

Неопубликованіе дѣйствительнаго исполненія земскихъ смѣтъ (ибо между смѣтою и ея исполненіемъ должна быть непремѣнно значительная разница) не единственный еще недостатокъ земскаго финансоваго хозяйства. По губерніямъ, о которыхъ имѣются достаточныя свѣдѣнія, видно, что по смѣтамъ за 13 лѣтъ ожидался дефицитъ, включая приблизительно нѣкоторыя пропуски, свыше 56 милліоновъ руб. Цифра не маловажная, предполагая даже, что всѣ сборы поступили безъ недоимокъ, что, невѣроятно, и что въ расходахъ не было передержекъ, что, зная нравы нашего земства, еще невѣроятнѣе. Интересно бы знать: откуда она была пополнена? Отчеты удостовѣряютъ, что

*) Министерство Финансовъ также пыталось разработать свѣдѣнія о земскихъ финансахъ, но ограничилось доходами за 1885 г.

„не слѣдуетъ дѣлать вывода о неимѣніи у земскихъ учрежденій средствъ на покрытіе смѣтныхъ расходовъ", такъ какъ независимо отъ земскихъ сборовъ, у земства имѣются доходы отъ разныхъ спеціальныхъ капиталовъ, а также поступленія отъ содержанія земскихъ аптекъ, земскихъ почтъ, возмѣщенія издержекъ за пользованіе лицъ въ земскихъ больницахъ и т. п. Мы полагаемъ, однако, что подобныя поступленія совершенно недостаточны для покрытія огромнаго хроническаго дефицита въ земскомъ бюджетѣ; онъ, очевидно, пополнялся насчетъ капиталовъ, переданныхъ земству правительствомъ при образованіи земскихъ учрежденій.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ запасныхъ капиталовъ не только важны, но просто священны. Не смотря на успѣхи, сдѣланные нами въ культурѣ, не смотря на устройство цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, дополняющей замерзающую, къ сожалѣнію, сѣть замѣчательныхъ водяныхъ сообщеній, Россія, по отношенію къ продовольствію, находится еще въ томъ положеніи, въ какомъ другія европейскія государства находились въ средніе вѣка. У насъ возможны голоданія цѣлыхъ обширныхъ областей и притомъ въ такое время, когда въ другихъ мѣстахъ Имперіи урожай оказывается удовлетворительнымъ.

Подобное явленіе мы видимъ только въ Остъ-Индіи, Китаѣ и друг. обширныхъ азіятскихъ государствахъ и объясненіе ему лежитъ въ преобладаніи сельскаго хозяйства въ занятіяхъ жителей. Тамъ, гдѣ болѣе $^3/_4$ населенія живетъ исключительно отъ земли, результатъ урожая естественно обусловливаетъ участь этого населенія.

Поэтому въ Россіи для обезпеченія продовольствія населенія на случай неурожая и принимаются такія предохранительныя мѣры, которыя давно стали излишними въ Западной Европѣ. Одна изъ нихъ и самая существенная, это значительный продовольственный капиталъ въ зернѣ и деньгахъ. Оставляя безъ вниманія долги и переводя цѣнность хлѣба въ наличныя деньги и считая четверть хлѣба хотя въ 3 рубля, общій итогъ наличныхъ лишь капиталовъ для народнаго продовольствія въ разныхъ ви-

дахъ составлялъ въ Россіи свыше 65 милл. рублей, т. е. такую сумму, которая достаточно обезпечивала государство отъ несчастныхъ случайностей, даже въ теченіе нѣсколькихъ неурожайныхъ лѣтъ. Но со введеніемъ земства и съ расширеніемъ крестьянскаго самоуправленія значительная часть продовольственныхъ капиталовъ замѣнилась соотвѣтственнымъ количествомъ долговъ и недоимокъ. Такая систематическая убыль продовольственныхъ капиталовъ заслуживаетъ вниманія.

Къ сожалѣнію, судить о томъ, насколько растаяли въ рукахъ земства, переданные ему въ 1864 году цѣликомъ, огромные казенные капиталы, трудно. Имѣя же въ виду, что наши земства располагали капиталомъ въ общемъ итогѣ не свыше 30 милл. руб., надобно думать, что въ 90-хъ гг. ни одной копѣйки изъ спеціальныхъ капиталовъ въ рукахъ земства не останется, ихъ поглотитъ дефицитъ. Виною тому будутъ, конечно, сами земства, такъ какъ изъ свѣдѣній за 13 лѣтъ, съ 1871 по 1885 г., видно, что въ то время, когда расходы, обязательные для земства, увеличились съ 11.462,356 р. на 17.514,082 р., или только на 6.051,726 р., расходы необязательные, т. е. такіе, которые всецѣло предоставлены усмотрѣнію земства, возросли съ 8.584,060 руб. на 25.734,007 руб., или на 17.149,937 руб. Другими словами, расходы необязательные увеличились въ $2^1/_2$ раза болѣе обязательныхъ. Неустройство земскаго финансоваго хозяйства подтверждается еще весьма странными колебаніями въ показаніи количества земель, облагаемыхъ земскимъ сборомъ. Въ общемъ, это количество возростаетъ: именно было обложено земствомъ (не считая Уфимской губерніи, получившей земскія учрежденія только въ 1876 году) въ 1871 году крестьянскихъ земель 70.494,728 десятинъ, прочихъ земель 105.151,816 десятинъ, въ 1880 году крестьянскихъ земель — 73.320,731 десятина, прочихъ — 129.652,916 десятинъ, въ 1885 году крестьянскихъ земель—87.896,961 десятина, прочихъ—138.657,473; но въ частности замѣчается большое колебаніе. Такъ, въ 1872 г. земель значилось до $16^1/_2$ милл. десятинъ болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1871 г.; въ 1875 г. на $1^1/_2$ милл. де-

сятинъ болѣе противъ 1874 г.; наоборотъ, въ 1877 г. менѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ 1876 г., до 9 милл. десятинъ. Новыхъ земель привлечено было къ обложенію въ 1885 г., сравнительно съ 1884 г., 10.202,104 десят.

Хозяйственный департаментъ заявляетъ, что въ полученныхъ имъ данныхъ нѣтъ твердыхъ основаній для положительнаго объясненія такого колебанія, но по многимъ частнымъ случаямъ онъ предполагаетъ, что колебаніе находится въ зависимости отъ продолжающейся еще повѣрки документальнаго показанія земельныхъ владѣній съ дѣйствительнымъ,—что нерѣдко представляетъ весьма существенную разницу,—отъ исключенія изъ счета земель неудобныхъ, неправильно зачисленныхъ въ разрядъ удобныхъ, и, наоборотъ, отъ привлеченія къ земскому обложенію такихъ неудобныхъ земель, которыя стали приносить доходъ. Это объясненіе очень вѣроятно, хотя показываетъ шаткость земскаго обложенія. Если въ одинъ годъ вовсе можетъ исчезнуть изъ счета площадь земли, равная пяти такимъ государствамъ, какъ Голландія, то, конечно, далеко еще до момента, когда земское обложеніе надобно признать равномѣрнымъ и справедливымъ. При этомъ значительную часть своихъ средствъ земство беретъ съ казны. Особенно курьезны отношенія земства къ казеннымъ лѣсамъ. Хотя отъ земства съ его управами, учеными акушерками и соціалистическою статистикою казеннымъ лѣсамъ ни тепло, ни холодно, но на этихъ лѣсахъ земскіе чиновники нѣкоторыхъ губерній построили все свое благополучіе и облагаютъ казенные лѣса безъ милосердія, хотя даже въ степныхъ, безлѣсныхъ губерніяхъ средній доходъ отъ десятины казеннаго лѣса не превосходитъ 2 р. 61 к. Общій платежъ въ пользу земства лѣсного департамента въ 1889 г. назначенъ 2.712,130 руб. Цифра сама по себѣ не маленькая и составлявшая болѣе трети всѣхъ расходовъ департамента, но любопытно, изъ какихъ данныхъ она составляется.

Въ 1883 г., когда платежи были болѣе $2^1/_2$ милл. руб., казенные лѣса дали убытка въ Ярославской губерніи 2,307 р., а земство взяло съ нихъ въ этой губерніи 12,887 руб., въ

Костромской губерніи — барыша 53,429 руб., а земство взяло 74,888 руб., въ Черниговской губ.—убытка 5,233 р., а земство взяло — 55,388 руб., въ Таврической — убытка 69,397 руб., а земство получило 36,948 руб. На сѣверѣ же земство положительно живетъ казенными лѣсами, получая въ губерніяхъ: Пермской 539 тысячъ, Вятской 285 тысячъ, Олонецкой 264 тысячи, Вологодской 265 тысячъ—въ губерніяхъ, гдѣ казенные лѣса доставляютъ съ десятины только 5 коп. дохода! Въ то время, когда у насъ такъ долго колебались обложить 3 проц. чистые доходы акціонерныхъ компаній, обложеніе земствомъ лѣсовъ не съ чистаго, а съ *валового* дохода въ 30 и 40 проц. бываетъ сплошь и рядомъ, и только недавно это непостижимое явленіе обратило на себя вниманіе, вызывая робкіе протесты, которые, конечно, оставлены безъ послѣдствій, такъ какъ до самаго послѣдняго времени Сенатъ, куда только и можно жаловаться на земскія раскладки, систематически оставлялъ протесты губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ безъ вниманія, постоянно еще подтверждая указами, что по отношенію къ обложенію земли права земства неограниченны.

Замѣчательно, что, давъ земству и городамъ такое широкое право самообложенія, въ явное противорѣчіе, законъ стѣснилъ наше самоуправленіе въ провѣркѣ такъ называемыхъ обязательныхъ расходовъ, которые органомъ самоуправленія остается только заносить въ свои ежегодныя смѣты. Безъ сомнѣнія, имъ предоставлено хлопотать объ измѣненіи того или другого обязательнаго расхода, но въ сущности, обязательные расходы остаются пока внѣ контроля самоуправленія. Вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія. Нѣтъ спора, что большая часть такъ называемыхъ обязательныхъ расходовъ вызывается существенною потребностью, но именно эта полезность ихъ и должна бы служить къ тому, чтобы расходы подвергались извѣстной критической оцѣнкѣ. Государство всегда имѣетъ возможность произвести тотъ или другой расходъ: для этого оно располагаетъ обширными средствами государственнаго казначейства. Если же оно признаетъ нужнымъ нѣкоторые

расходы выдѣлять изъ системы собственно государственнаго бюджета и предоставлять самоуправленію, то оно, конечно, руководится тѣмъ соображеніемъ, что послѣднее можетъ лучше опредѣлить дѣйствительную потребность въ подобныхъ расходахъ. Иначе перенесеніе расхода изъ государственной смѣты въ городскую или земскую было бы самообольщеніемъ, такъ какъ плательщики налоговъ одни и тѣ же, и имъ совершенно безразлично, по какой смѣтѣ деньги будутъ израсходованы; наоборотъ, каждому изъ плательщиковъ очень важно имѣть возможность провѣрять назначеніе и употребленіе собираемыхъ денегъ. Теперь же обязательные расходы въ сущности никѣмъ не контролируются, ни Государственнымъ Контролемъ, ни общественными учрежденіями. Въ большинствѣ случаевъ обязательные расходы слѣдуетъ причислить къ общимъ государственнымъ расходамъ. Для государства тутъ явится та выгода, что оно увидитъ тогда дѣйствительный итогъ расходовъ своихъ на извѣстные предметы, а поэтому гораздо лучше можетъ согласовать кредиты и вообще распоряжаться доходами, избѣгая двойного счетоводства. Причисленіе государственнаго земскаго сбора къ средствамъ государственнаго казначейства показало, что правительство само усваивало подобную же точку зрѣнія.

Въ ожиданіи разъясненія всѣхъ противорѣчій тайнъ или фокусовъ земскаго счетоводства, мы можемъ изъ напечатанныхъ Министерствомъ свѣдѣній отмѣтить еще, что наибольшее увеличеніе сборовъ послѣдовало по обложенію недвижимыхъ имуществъ, именно сборовъ съ земель на 52 процент., а съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ на 93 проц. Земскій сборъ съ торговыхъ документовъ увеличивается только на 25 проц. Подобная разница зависитъ отъ того, что сборъ съ торговыхъ документовъ нѣсколько огражденъ извѣстнымъ закономъ 1867 года, единственной полезной поправкой, сдѣланной за 25 лѣтъ въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ. Земельный сборъ, какъ и прежде, служитъ главнымъ источникомъ для покрытія земскихъ расходовъ. Въ 1885 г. онъ составлялъ 72 проц. суммы всѣхъ сборовъ и складывался изъ 14.881,789 р., уплачен-

ныхъ крестьянами за 87.896,961 десят. земли, и 12.694,723 р., уплаченныхъ казною, удѣлами, помѣщиками и обществами за 138.631,573 десят. За земельнымъ сборомъ слѣдуетъ по размѣру сборъ съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ и, наконецъ, сборъ съ торговыхъ документовъ, изъ коихъ первый составлялъ 16 проц., а второй 9 проц. всей суммы земскихъ доходовъ.

Разница въ среднемъ земскомъ обложеніи десятины крестьянской и десятины казенной и помѣщичьей земли, по поводу коей плакались „Русскія Вѣдомости", объясняется весьма просто и естественно. Земли крестьянскаго надѣла по большей части пахатныя, поэтому и цѣнность и доходность ихъ несравненно выше земель помѣщичьихъ и особенно казенныхъ, гдѣ крупный процентъ составляютъ лѣса и степи, Понятно, что разница въ доходности вызываетъ и разницу въ размѣрѣ обложенія.

Увеличеніе расходовъ по различнымъ статьямъ земскаго бюджета весьма неравномѣрное. Расходы на повинность постойную и на содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій значительно уменьшились, за то увеличились за десять лѣтъ расходы по содержанію судебно-мировыхъ учрежденій—на 6 проц., земскихъ управъ—25 проц., подводной повинности—22 проц., дорожной повинности—4 проц., на народное здравіе и призрѣніе—141 проц., на народное образованіе—131 проц. Конечно, было бы пріятнѣе, еслибъ дорожные расходы, составляющіе только 2.771,806 руб., увеличились на 25 проц., а содержаніе управъ, равное въ 1885 г. 4.618,051 руб., на 4 проц., а не наоборотъ, но кто себѣ врагъ? Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что въ послѣдніе два или три года въ самомъ земствѣ началась реакція противъ увеличенія безполезныхъ расходовъ. Такъ нѣкоторыя собранія уничтожили у себя безобразіе, носившее названіе земской статистики и имѣвшее цѣлью возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ.

ГЛАВА XI.

Самоуправленіе.

Городское общественное управленіе и городскіе финансы. — Хозяйство Петербурга. — Городскіе банки. — Стѣсненіе городскимъ самоуправленіемъ внутренней и внѣшней торговли. — Совѣтъ при спб. градоначальникѣ.

По общему мнѣнію городское самоуправленіе дѣйствуетъ у насъ еще хуже земскаго. Благодаря несовершенству закона, предоставившаго все городское самоуправленіе и хозяйство въ руки нѣсколькихъ ловкихъ людей безъ всякаго контроля со стороны правительства, наши думы сдѣлались ареною борьбы личностей и партій, за которыми ступевываются интересы массы городского населенія. Вслѣдствіе этого и дѣятельность нашихъ органовъ городского самоуправленія не могла получить того благотворнаго въ жизни городовъ развитія, какого ожидалъ отъ нея законодатель и на какое надѣялась печать. Въ городскихъ дѣлахъ — все направлено къ тому, чтобъ удовлетворить во что бы ни стало интересы коноводовъ,—и только. А такъ какъ отъ вниманія и расположенія этой темной силы зависитъ благосостояніе каждаго, то понятно, что всѣ лица, служащія городу по выбору, или имѣющія въ виду устроить какое либо дѣльце для себя, стараются попадать въ тактъ дирижерамъ думскаго оркестра, располагающимъ большинствомъ, потакая ихъ всяческимъ низменнымъ стремленіямъ. Даже въ столицѣ все дѣло городского самоуправленія находится въ

рукахъ какого-то слесаря-иностранца, располагающаго выборами по своему усмотрѣнію.

Во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ оппозиція состоитъ обыкновенно изъ людей болѣе нетерпѣливыхъ въ желаніи достигнуть общественнаго блага и считающихъ своею обязанностью поддерживать и поощрять, а при случаѣ и понукать исполнительную власть для скорѣйшаго осуществленія тѣхъ или другихъ предположеній. Со стороны же лицъ, держащихъ въ рукахъ власть, естественно пріобрѣтать увѣренность, что все такъ хорошо подъ ихъ управленіемъ, что и желать лучшаго невозможно. Ничего подобнаго не существуетъ въ нашей думской оппозиціи. Какъ ни инертно и ни бездѣятельно городское управленіе вообще, оно еще всячески поощряется въ своемъ застоѣ оппозиціей, которая считаетъ своимъ долгомъ, какъ говорятъ французы, mettre les bâtons dans les roues. Самымъ характернымъ представителемъ подобной оппозиціи изъ гласныхъ служитъ, какъ извѣстно, г. Домонтовичъ, неизмѣнно предлагающій по всѣмъ вопросамъ возвращеніе ихъ въ управу, или отказъ. Г. Домонтовичъ не одинъ, конечно, держится въ Россіи такихъ воззрѣній. При подвижности состава думскихъ собраній, такъ какъ гласные весьма неаккуратно посѣщаютъ засѣданія, оппозиція переходитъ нерѣдко въ большинство: тогда дѣло выясненное, полезность котораго всѣми сознается, откладывается еще разъ безъ всякой нужды въ долгій ящикъ.

Крайне неприглядная и нежелательная дѣятельность нашихъ думъ давно уже осуждена всею печатью безъ исключенія, съ тою только разницею, что либеральные органы причину всѣхъ неурядицъ видятъ лишь въ неполнотѣ закона, но оставляютъ неприкосновеннымъ благодѣтельный якобы принципъ, положенный въ основу Городового Положенія, другіе же, исходя изъ фактовъ, болѣе основательно находятъ, что Положеніе опередило общественное сознаніе и способность нашу къ самоуправленію. Защитники Положенія въ своемъ увлеченіи увѣряютъ даже, будто лучшее средство для исправленія дѣла — это пониженіе ценза и привлеченіе къ городскому управленію уличной толпы, по-

мощью замѣны выборовъ по рязрядамъ выборами по территоріальнымъ участкамъ; думы тогда-де станутъ походить на парижскій муниципалитетъ!

Намъ, признаться, болѣе нравиться новый испанскій законъ, по которому гласные городскихъ думъ въ городахъ, имѣющихъ свыше 6,000 населенія, пробывъ на этихъ должностяхъ четыре года, не имѣютъ права баллотироваться на слѣдующее четырехлѣтіе. Законъ этотъ былъ принятъ съ цѣлью положить препятствіе гласнымъ захватывать въ свои руки городское самоуправленіе и хозяйство, и затѣмъ не допускать до участія въ городскихъ дѣлахъ никакихъ свѣжихъ и независимыхъ элементовъ. Очень бы не худо было сдѣлать подобную поправку и въ нашемъ Городовомъ Положеніи, это положило бы, напримѣръ, предѣлъ диктатурѣ г. Санъ-Галли и его агентовъ. Въ особенности же она была бы полезна для провинціальныхъ городовъ, давно захваченныхъ, какъ указали процессы городскихъ общественныхъ банковъ, нѣсколькими кулаками.

„Свѣдѣнія о дѣятельности с.-петербургской городской думы за 1877—1880 гг.“ содержатъ любопытныя указанія на то, насколько даже въ столицахъ самоуправленіе находится въ ненормальномъ положеніи вслѣдствіе свойства русской натуры быстро охладѣвать ко всякому дѣлу, какъ бы оно важно ни было, разъ это дѣло потеряло прелесть новизны. Надобно замѣтить, что составъ с.-петербургской думы въ упомянутый періодъ былъ достаточно интеллигентный. А именно, не смотря на не удовлетворительный избирательный законъ, не смотря на число избирателей въ 20,522, изъ которыхъ навѣрное около двадцати тысячъ было малограмотныхъ мѣщанъ, приказчиковъ и мелкихъ торговцевъ, въ составъ гласныхъ вошло 134 дворянина, 102 купца, 13 мѣщанъ и 3 ремесленника; слѣдовательно лица такъ называемаго образованнаго сословія преобладали. Посмотримъ теперь, какъ относился къ своимъ обязанностямъ этотъ quasi-интеллигентный составъ гласныхъ.

Начиная съ того, что въ этотъ періодъ, не смотря на рѣдкость собраній въ лѣтнюю пору, было 9 случаевъ, когда засѣданія думы не могли вовсе состояться за неприбытіемъ

установленнаго числа гласныхъ. Затѣмъ съ каждымъ годомъ замѣтно было, какъ гг. гласные лѣнивѣе и лѣнивѣе посѣщали засѣданія думы и менѣе и менѣе интересовались ея дѣятельностью. Самое большее и меньшее число гласныхъ въ засѣданіяхъ было:

	Большее.	Меньшее.
Въ 1877 г. (съ 9 апр.)	231	86
„ 1878 „	198	56
„ 1879 „	179	52
„ 1880 „	168	52

Среднимъ же числомъ въ каждомъ засѣданіи присутствовало гласныхъ: въ 1877 г. (съ 9 апр.) 125, въ 1878 г.—115, въ 1879 г.—106, въ 1880 г.—77. А во весь отчетный періодъ, среднимъ числомъ, приходится лишь по 105 человѣкъ въ каждое засѣданіе, что составитъ $^2/_5$ всего числа гласныхъ. За періодъ 1885—1889 гг. пропорція эта понизилась до $^1/_3$.

Изъ числа всѣхъ петербургскихъ гласныхъ вовсе не являлись въ собранія думы: въ 1877 г.—5, въ 1878 г.—13, въ 1879 г.—17, въ 1880 г.— 30. Такимъ образомъ, число равнодушныхъ гласныхъ изъ года въ годъ росло, достигая въ послѣдній годъ до 15 проц. общаго числа. Замѣчательно, что 4 гласныхъ ни разу не посѣтили собраній думы, въ продолженіе всего четырехлѣтняго періода. Интересно, для чего эти лица хлопотали о своемъ избраніи, для чего загораживали они дорогу въ наше столичное общественное управленіе людямъ, которые, быть можетъ, желали бы принести городу пользу?

На ряду съ гласными, такъ халатно относящимися къ дѣлу городского самоуправленія, имѣется другой разрядъ гласныхъ, слишкомъ усердныхъ, что называется не по разуму. Это видно изъ участія нѣкоторыхъ гласныхъ въ учреждаемыхъ при думѣ комиссіяхъ. Въ этихъ комиссіяхъ, вообще какъ и при исполненіи другихъ порученій думы, въ качествѣ депутатовъ отъ города и проч., фигурируютъ одновременно одни и тѣ же лица, а именно участвовали гласные: 1 въ—21 комиссіи, 2 въ—17, 1 въ—16, 2—въ 15, 2—въ 14 и т. д. Такихъ рьяныхъ дѣятелей насчитывается,

однако, человѣкъ десять, много пятнадцать. Не надобно, впрочемъ, думать, что подобное усердіе приноситъ существенные результаты. Очень часто выборъ въ комиссію есть простое удовлетвореніе самолюбію, а то есть такія лица, которыя избираются какъ бы по обычаю, по нежеланію большинства гласныхъ ближе ознакомиться съ составомъ собранія. Въ одесской думѣ совмѣстительство въ одномъ и томъ же лицѣ должностей членовъ разныхъ комиссій практикуется не менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ; въ Одессѣ есть одинъ гласный, засѣдающій въ 10 комиссіяхъ сразу, неутомимыхъ же дѣятелей, входящихъ въ составъ пяти и болѣе комиссій, насчитывается до 20 человѣкъ.

Думы, какъ и земскія собранія, злоупотребляютъ комиссіями. Комиссіи и комитеты необходимы во всѣхъ многолюдныхъ собраніяхъ. Въ палатахъ обыкновенно всѣ важныя дѣла, кромѣ самыхъ спѣшныхъ, проходятъ черезъ комиссіи; однако мы видимъ, что палаты обсуждаютъ въ теченіе какой либо пятимѣсячной сессіи сотни проектовъ, законовъ, петицій, запросовъ, утверждаютъ бюджетъ и находятъ еще время бесѣдовать объ общей политикѣ государства. Такая быстрота зависитъ отъ скораго теченія дѣлъ въ комиссіяхъ. Члены послѣднихъ — люди компетентные, они разсматриваютъ вопросы скоро и вѣрно, какъ спеціалисты; представленный проектъ измѣняется или отвергается ими, но они не задаются составленіемъ вновь проектовъ чисто техническихъ, какъ это дѣлается въ думахъ. Не то у насъ. Хотя за четыре года 14 думскихъ комиссій окончили свои дѣла, но это были почти исключительно комиссіи по вопросамъ незначительнымъ и второстепеннымъ. Всѣ же серьезные вопросы продолжали разрабатываться. Да и изъ второстепенныхъ вопросовъ, даже вполнѣ разработанные и подготовленные не осуществлены во многихъ случаяхъ по непонятнымъ причинамъ.

Хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ публикуетъ томы in 4° отчетовъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ. Къ сожалѣнію, и это изданіе выпускается въ видѣ сырого малообработаннаго матеріала. Къ таблицамъ, содержащимъ голыя цифры, не приложено

надлежащаго объяснительнаго текста, недостаетъ также свѣдѣній о городахъ на Кавказѣ. Такіе пробѣлы дѣлаютъ пользованіе вышеозначеннымъ изданіемъ для статистическихъ цѣлей затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ другихъ матеріаловъ, оно все-таки интересно по сообщаемымъ свѣдѣніямъ о современномъ положеніи нашихъ городскихъ финансовъ.

Доходы городовъ Имперіи достигаютъ до 55 милл. руб. и почти покрываютъ расходы, но изъ доходовъ очень многіе такъ называемые чрезвычайные. Подъ этотъ терминъ подводятъ и такіе доходы, которые поступаютъ изъ года въ годъ, напримѣръ взысканія по недоимкамъ, прибыли городскихъ общественныхъ банковъ, т. е. изъ операціи рискованной и ничего общаго съ городскимъ хозяйствомъ не имѣющей, пособія отъ казны и изъ земскихъ сборовъ. Складывая одинъ итогъ заимствованій изъ городскихъ капиталовъ, накопившихся въ прежнее время, суммъ отъ новыхъ займовъ и продажи городскихъ имуществъ и прочихъ тому подобныхъ, дѣйствительно чрезвычайныхъ доходовъ, получаемъ свыше 14 милл. такихъ средствъ, безъ которыхъ наше городское хозяйство осталось бы въ дефицитѣ.

Этотъ дефицитъ не можетъ, однако, считаться значительнымъ въ виду того, что города наши сохранили еще свыше 29 милл. руб. разныхъ капиталовъ, а долговъ имѣютъ около этой суммы, причемъ въ свою очередь считаютъ за разными лицами въ долгахъ и недоимкахъ до 11 милл. руб. Распредѣленіе долговъ и капиталовъ очень различно. Долгъ превосходилъ капиталы свыше чѣмъ на милліонъ рублей только въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ (въ послѣдней на $4^1/_2$ милл.); въ другихъ городахъ перевѣсъ долговъ надъ капиталами ничтожный и это въ то время, когда въ Западной Европѣ и Америкѣ города обременены гигантскими долгами, заставляющими весьма серьезно опасаться за ихъ состоятельность въ будущемъ. Принимая въ соображеніе, что до 25 проц. доходовъ, какъ показываетъ опытъ государственныхъ смѣтъ, можно смѣло употреблять на платежъ процентовъ по займамъ безъ особаго разоренія плательщиковъ, мы теоретически получимъ, что наши города въ со-

стояніи сейчасъ же занять на свое благоустройство не менѣе 200 милл. руб. Вопросъ, слѣдовательно, лишь въ томъ, легко ли найти эти новые 25 проц. доходовъ.

Въ обыкновенныхъ доходахъ нашихъ городовъ около 30 проц. покрывается доходами съ городскихъ имуществъ, что показываетъ только щедрость, съ которою были снабжены правительствомъ наши города землями и др. угодьями, но нисколько не подтверждаетъ еще благосостоянія жителей. Второй по важности источникъ городского дохода—это разные виды косвенныхъ налоговъ на торговлю; налоги эти, безъ сомнѣнія, имѣютъ свое основаніе. Болѣе зажиточные классы платятъ оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ и въ немногихъ городахъ налогъ съ лошадей, экипажей и собакъ. Эти сборы даютъ немного болѣе одной шестой части городскихъ доходовъ, цифру во всякомъ случаѣ незначительную, сравнительно съ численностью городского населенія въ Россіи.

Всѣ обыкновенные доходы нашихъ городовъ едва превосходятъ половину доходовъ одного Парижа. Доходы отъ городскихъ имуществъ само собою никакой тягости для городскихъ обывателей не составляютъ; обложеніе жителей нашихъ городовъ сводится, слѣдовательно, къ какимъ нибудь 23 милл. рублей въ годъ и это для населенія слишкомъ въ 18 милл. Можно ли при этомъ толковать о тягости городского обложенія?

Очень можетъ быть, что нѣкоторыя статьи городскихъ налоговъ дурно распредѣлены, что по своей неравномѣрности ложатся преимущественно на бѣднѣйшій классъ городского населенія, что онѣ облагаютъ слишкомъ нѣкоторыя занятія, напр. трактирный и извозный промыслы, оставляя свободными другія не менѣе прибыльные, что они, собираясь съ отпускныхъ товаровъ и мореходства, вторгаются въ область государственныхъ финансовъ, но въ общемъ обложеніе нашихъ городовъ, сравнительно съ Западною Европою, совершенно незначительно: правда, и достигаемое на эти сборы благоустройство городовъ оставляетъ желать еще большаго. Причина этому кроется отчасти въ томъ обстоятельствѣ, что порядочная часть городскихъ доходовъ

идетъ на предметы общей государственной администраціи и прямого отношенія къ городскому хозяйству не имѣетъ. Только городскіе бюджеты городовъ Царства Польскаго представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе.

Изъ общаго итога расходовъ нашихъ городовъ идетъ на пособіе казнѣ 2 проц., полицію $10^1/_2$ проц., военную повинность и военный постой 9 процентовъ. Изъ остающихся трехъ четвертей расходовъ слишкомъ $13^1/_2$ проц. стоитъ городское общественное управленіе, 6 проц. его зданія и пенсіи, 5 проц. требуютъ проценты по займамъ; на остальныя городскія нужды остается: учебныя и общеполезныя заведенія 10 проц., пожарную часть 7 проц., мостовыя 5 проц., благотворительныя заведенія 7 проц., освѣщеніе улицъ 3 проц., медицинскую часть 1 проц. Расходы строительные помѣщаются въ расходахъ единовременныхъ, превышающихъ въ общей сложности 20 процент. Такимъ образомъ, если изъ общаго итога вычесть расходы на полицію, воинскую повинность, тюрьмы, пособія казнѣ и пр., гдѣ города являются только посредниками въ передачѣ части городскихъ доходовъ на надобности правительства, то окажется, что двѣ трети муниципальныхъ расходовъ не имѣютъ ничего общаго съ городскимъ хозяйствомъ.

Изъ остальной трети городское управленіе, пенсіи и дома для помѣщенія городскихъ и казенныхъ присутственныхъ мѣстъ поглощаютъ цифру громадную. Даже, оставляя одни расходы на личный составъ городскихъ управленій, нельзя не удивляться величинѣ этого расхода сравнительно съ цифрою городскихъ бюджетовъ вообще. Еслибы сохранить ту же пропорцію въ государственномъ бюджетѣ, то пришлось бы на содержаніе однихъ чиновниковъ тратить болѣе 100 милл. руб. въ годъ! Въ особенности поразительны отношенія между итогомъ расходовъ и расходами на городское управленіе въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ. Въ иныхъ выходитъ, что всѣ городскіе доходы, не поглощаемые казною, идутъ на содержаніе городскихъ управъ, и Городовое Положеніе является лишь средствомъ имѣть муниципальныхъ чиновниковъ. Г. Щепкинъ былъ совершенно правъ, выразивъ въ своей книгѣ о городскомъ хозяйствѣ сомнѣніе въ необ-

ходимости городового устройства для подобнаго рода поселеній.

При подобныхъ затратахъ неудивительно, что наши города, кромѣ Петербурга, Риги, Одессы и Варшавы, напоминаютъ неблагоустроенныя деревни и что жизнь въ нѣмецкой колоніи или финляндскомъ мѣстечкѣ представляетъ въ сто разъ болѣе удобствъ, нежели въ русскомъ городѣ средней величины.

Въ этомъ случаѣ широкое самоуправленіе, предоставленное нашимъ городамъ въ 1870 году и превосходящее далеко по своимъ правамъ самоуправленіе, напримѣръ, французскихъ городовъ, не принесло замѣтныхъ плодовъ. Наиболѣе осязательными результатами этого самоуправленія—была растрата запасныхъ капиталовъ, накопленныхъ старыми сословными думами, увеличеніе въ нѣсколько разъ расходовъ городского общественнаго управленія и прихотливое увеличеніе расходовъ на учебную часть. Вмѣсто мостовыхъ, водостоковъ и т. п., были заводимы гимназіи и прогимназіи, устройство которыхъ скорѣе дѣло правительства, нежели городовъ. Бывали и такіе расходы. Одна дума, извѣстившись о смерти Аксакова, постановила: „узнавъ изъ газетъ, что Аксаковъ былъ великій гражданинъ „воздвигнуть въ честь его памятникъ... Петру Великому!“ Даже столичное городское хозяйство оказывается весьма неудовлетворительнымъ.

Кто путешествовалъ въ послѣднее время по Европѣ, былъ, конечно, пораженъ необыкновеннымъ оживленіемъ, господствующимъ тамъ во всѣхъ населенныхъ центрахъ. Повсюду прокладываются новыя улицы и бульвары, проводятся конно-желѣзныя дороги, строятся рынки, театры, цѣлые кварталы великолѣпныхъ домовъ, открываются отели, воздвигаются памятники, фонтаны и т. п. Первоначально подобныя перестройки производились только въ Парижѣ Османомъ, желавшимъ, какъ увѣряли въ видѣ услуги Наполеону III, забавлять рабочихъ постройками, оплачиваемыми изъ кармановъ буржуа. Но османизмъ давно переселился изъ Парижа и захватилъ всѣ почти большіе города: Вѣна, Дрезденъ, Мадридъ, Генуя, Неаполь, Каиръ, Нью-

Іоркъ и десятки другихъ городовъ соперничаютъ въ быстротѣ и роскоши сооруженій.

Видя эту картину дѣятельности и здоровой жизни, очень тяжело бываетъ возвращаться въ Петербургъ и, къ удивленію, любоваться, какъ въ этой столицѣ 120-ти-милліоннаго государства городская жизнь и хозяйство идутъ себѣ по старому, какъ шли въ блаженныя времена 20-хъ и 40-хъ годовъ. Кое-гдѣ выстроятъ казенный домъ въ видѣ декораціи; частный домовладѣлецъ, сдѣлавъ всевозможныя надбавки на квартиры жильцамъ, догадается, наконецъ, пристроить лишній этажъ или флигель; дома строятся и въ центрѣ города попрежнему, со всѣми барскими угодьями, шестая часть населенія живетъ въ подвалахъ; мостовая безобразна; есть улицы, еще тускло освѣщаемыя керосиномъ; на красавицѣ Невѣ гніютъ деревянные мосты на плошкоутахъ; только въ полиціи замѣтно движеніе, и петербужецъ утѣшается, читая о подвигахъ полиціи наружной, внутренней, явной, неявной, городской, пригородной, уѣздной, сыскной, рѣчной, военной и т. д. Все благоустройство города, весь городской бюджетъ сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на этой полиціи. И чего только не возлагаютъ на это учрежденіе: то полиція производитъ весну мѣсяцемъ ранѣе противъ календаря, то заботится о томъ, какъ доятъ коровъ, то хлопочетъ о мѣрахъ къ сокращенію истребленія лѣсовъ и дороговизны дровъ, или преподаетъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ поученія о томъ, что цѣнность есть отношеніе между запросомъ и предложеніемъ, и т. п.

Полиція—полиціей; можно пожалуй одобрить ея усердіе и ревность, но жизнь города не можетъ сосредоточиваться исключительно въ узкомъ кругу благочинія и предупрежденія и пресѣченія преступленій. Есть интересы и повыше, и посущественнѣе этихъ. Наше городское управленіе вращается давно въ совершенно ложномъ кругѣ, даже преслѣдуя похвальную и полезную мысль — сведеніе концовъ съ концами. Между тѣмъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній предполагать, что городскіе доходы могутъ вырости сами собой до такой степени, что городъ, за покрытіемъ

полицейскихъ и административныхъ расходовъ, получитъ возможность широко черпать изъ своего казначейства на публичныя работы, больницы и общественное призрѣніе. Подобная надежда—чистая утопія! это все равно, что предполагать, будто Россія могла изъ своего бюджета удѣлить въ десять лѣтъ милліардъ рублей на желѣзныя дороги.

Вышеизложенное не доказываетъ, однако, что и всѣмъ нашимъ городамъ, дабы уподобиться Парижу и другимъ иностраннымъ столицамъ, можно увеличить свои долги въ десять разъ. Такой выводъ былъ бы поспѣшнымъ.

При полномъ застоѣ городской жизни, никогда доходы Петербурга не получатъ той растяжимости, которую отъ нихъ ожидаютъ. Для этого нужны совершенно другія условія: нужно, чтобъ торговля столицы быстро развивалась, притокъ населенія увеличивался, доходность всѣхъ имуществъ и занятій возрастала, капиталы легко собирались и охотно завязывались въ городскія предпріятія. Нѣчто подобное творится и въ Петербургѣ, но какая разница въ размѣрѣ съ прочей Европой? До сихъ поръ еще Петербургъ живетъ какъ будто только жизнью административною, а торговля ищетъ уже другіе пути къ болѣе удобнымъ портамъ. У насъ не только не думаютъ о закрѣпленіи ея за Петербургомъ, но биржевое купечество слышать даже не хотѣло о какихъ либо улучшеніяхъ, которыя могли бы уменьшить барыши, получаемыя цѣлымъ чужеяднымъ классомъ комиссіонеровъ-посредниковъ, царствующимъ на русскихъ биржахъ. Намъ кажется, что пора серьезно подумать о будущности Петербурга въ торговомъ отношеніи и по одному возрастанію рабочаго населенія и дороговизнѣ квартиръ не считать еще экономическаго роста прочно обезпеченнымъ.

Единственнымъ средствомъ творить что либо грандіозное — былъ до сихъ поръ кредитъ, но его-то болѣе всего чуждались наши эдилы. Въ этихъ опасеніяхъ есть доля основанія; при наклонностяхъ нашего самоуправленія, возможность покрывать всякаго рода расходы легкимъ путемъ кредита можетъ повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія. Но, замѣтимъ, нѣтъ такого средства, которымъ нельзя

было бы злоупотреблять; изъ опасенія какого нибудь прихотливаго расхода въ десятокъ и даже сотню тысячъ несправедливо обрекать на застой и омертвѣніе городъ съ такимъ значеніемъ, какъ Петербургъ. Кромѣ кредита, городъ долженъ будетъ дать болѣе производительное употребленіе и своимъ значительнымъ недвижимымъ имуществамъ. Въ рукахъ города, при системѣ, напоминающей казенное управленіе, доходность этихъ имуществъ доведена до minimum'а. Только частная предпріимчивость придастъ имъ настоящую цѣнность.

Имущества и налоги не въ состояніи все таки покрыть потребностей настоящаго времени, и, повторяемъ еще разъ, Петербургъ не составитъ исключенія изъ общаго правила. Онъ не можетъ надѣяться пожать не посѣявъ, а для хорошаго посѣва нужны средства, которыя въ состояніи доставить одинъ кредитъ. Поэтому, городскому управленію предстоитъ трудная задача разобрать безчисленныя предложенія по улучшенію и устройству города, такъ запущеннаго, составить программу необходимѣйшихъ исправленій и новыхъ сооруженій, опредѣлить смѣту потребныхъ расходовъ и, распредѣливъ ихъ примѣрно на десять лѣтъ, приступить къ исполненію на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ.

С.-Петербургская дума, впрочемъ, объ изысканіи новыхъ источниковъ не думаетъ. Узкость ея воззрѣній лучше всего проявилась въ постановленіи относительно ходатайства объ отсрочкѣ въ платежѣ 400,000 руб. добавочнаго налога съ недвижимыхъ имуществъ. Съ финансовой стороны протестъ думы не выдерживалъ критики, ибо понятно, что для 20,000 домовъ въ столицѣ налогъ въ 400,000 руб. сущіе пустяки, и если г. Семевскій увѣрялъ, что будто бы видѣлъ въ Венеціи дома, брошенные на произволъ судьбы, ради высокихъ налоговъ, то, какъ показалъ опытъ, послѣ новаго налога ни одинъ домъ въ Петербургѣ брошенъ не былъ. Правда, г. Литвиновъ и другой гласный увѣряли думу, будто нѣтъ несчастнѣе на свѣтѣ положенія владѣльца дома въ Петербургѣ цѣнностью въ 100,000 руб., будто этотъ владѣлецъ, не имѣя дохода, чуть не вынужденъ просить милостыню;

но тысячи лицъ были бы очень не прочь стать въ положеніе этихъ „несчастныхъ“ домовладѣльцевъ. Всѣмъ извѣстно, что домъ, стоющій въ Петербургѣ 100,000 руб., двадцать пять лѣтъ назадъ стоилъ 50,000 руб. и что, не смотря на „кризисъ“, цѣны на квартиры нисколько не понижаются.

Еще менѣе были умѣстны жалобы гласныхъ на ссуды изъ банковъ. Одно городское кредитное общество выдало здѣшнимъ домовладѣльцамъ 200 милліоновъ рублей. Если домовладѣльцы промотали эти деньги, то за что должно ихъ гладить за подобное мотовство по головкѣ правительство? Если же домовладѣльцы на 200 милліоновъ рублей настроили новыхъ домовъ или завели другія доходныя предпріятія, то какой резонъ считать заложенные съ такими производительными цѣлями дома бездоходными предпріятіями? Неужели домовладѣльцы воображали, что, закладывая дома, они удваиваютъ свое имущество и свои доходы? Изъ элементарныхъ учебниковъ вѣдь всѣмъ извѣстно, что кредитъ есть только „перемѣщеніе“ капитала, а не „созданіе“ его изъ ничего. Наконецъ, если домовладѣльцы увѣряли, что за платежами въ банки у нихъ ничего не остается, то это опять вина банковъ, которые, вопреки уставамъ, выдавали въ ссуду полную стоимость домовъ. Правительство должно, значитъ, пересмотрѣть уставы ипотечныхъ банковъ, а вовсе не отказываться отъ справедливаго обложенія недвижимой собственности въ столицѣ. Да еще въ какой столицѣ! Въ Петербургѣ, съѣдающемъ почти половину всѣхъ государственныхъ доходовъ Имперіи.

Финансовая сторона протеста не такъ еще интересна. Болѣе всего поражало это по-истинѣ трогательное „единогласіе“, съ которымъ городская дума вотировала свой протестъ. И консерваторы думы, и умѣренные, и радикалы, словомъ, всѣ партіи слились въ одномъ дружномъ хорѣ, когда рѣчь зашла о драгоцѣнныхъ интересахъ ихъ кармановъ. Были забыты всѣ споры и пререканія, всѣ ссоры изъ-за незахваченныхъ подрядовъ, забыты радикальныя и либеральныя фразы, не стало ни правыхъ, ни лѣвыхъ, ни эллиновъ, ни іудеевъ, были только „пропріетеры“, отъ

одного имени которыхъ выворачиваетъ душу западно-европейскаго пролетарія.

А менѣе чѣмъ незначительная прибавка къ обложенію недвижимыхъ имуществъ Петербурга не представляла новаго налога, и цѣль прибавки ея была не только вполнѣ гуманная, но сдѣланная въ угоду общественному же мнѣнію. Извѣстно, что главная тяжесть налоговъ лежала у насъ на мужикѣ и падала на личный трудъ. Прямо подушныхъ платежей, не включая косвенныхъ налоговъ съ мужика, сходило болѣе 200 милл. руб. въ годъ. Сколько объ этомъ было разговоровъ въ печати, земскихъ и городскихъ собраніяхъ, страсть! Государственные люди послѣдняго времени: графы Лорисъ-Меликовъ, Игнатьевъ, Абаза и Бунге обратили, наконецъ, вниманіе на эти жалобы и разговоры. Сдѣлана попытка переложить часть мужицкихъ платежей на имущество болѣе зажиточныхъ классовъ. На первый разъ изъ 200 милл. переложено было около 8 съ чѣмъ-то милліоновъ. Вотъ изъ-за этихъ-то 8 милл., изъ которыхъ 400,000 руб. пришлось по раскладкѣ на долю Петербурга, и загорѣлся сыръ-боръ въ думѣ.

Тѣ же радикалы, которые съ пѣною у рта тысячу разъ критиковали нашу финансовую систему, проклинали подушныя повинности, жалѣли бѣднаго мужика и увѣряли торжественно, что только въ подоходномъ налогѣ, который касался бы однихъ имущественныхъ классовъ, лежитъ ключъ къ нашему финансовому благоустройству и къ спасенію Россіи, возопили громче іерихонскихъ трубъ, когда переложили на нихъ только микроскопическую частицу мужицкой тягости. Замѣтьте, переложили, ибо, какъ мы сказали, никакой дѣйствительной прибавки къ доходамъ правительство не сдѣлало, а только вмѣсто того, чтобы бѣднѣйшая часть крестьянъ, имѣющая нищенскій надѣлъ, платила 20 — 30% съ своего личнаго заработка, домовладѣльцы должны будутъ платить $^1/_4$% съ дохода отъ своихъ имуществъ.

Можно ли было не возмущаться этимъ безстыдствомъ, этимъ лицемѣріемъ людей, которые просили подоходнаго налога, обложившаго бы ихъ не $^1/_4$%, а 5 или 15

(какъ въ Италіи) процентами съ дохода, людей, которые хоронили Тургенева на общественный счетъ за то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ такъ гуманно относился къ „меньшей братіи“? Тѣ же господа горячо протестовали, когда имъ предложили заплатить нѣсколько рублей уже не на общественный, а на свой собственный счетъ въ пользу вышеозначенной меньшей братіи!

Впрочемъ, и у безстыдства, даже „радикальнаго“, имѣются свои границы и свои оттѣнки. Вотировавъ единодушно просьбу объ отсрочкѣ платежа новаго сбора, городская дума отвергла предложеніе городской управы заявить правительству, что въ случаѣ несогласія на отсрочку, дума заплатитъ сборъ изъ текущихъ доходовъ Петербурга, сокративъ на такую же сумму расходы на городское благоустройство. Другими словами, управа думала повліять на правительство, угрожая, что, въ случаѣ сохраненія сбора, она не станетъ мести улицы, зажигать фонарей и очищать городскія отхожія мѣста! Эти дѣтскія угрозы отлично иллюстрируютъ понятія нашего самоуправленія объ его правахъ и обязанностяхъ. Излюбленные люди городскаго самоуправленія думаютъ, что они содержатъ улицы въ порядкѣ или заботятся объ очисткѣ нечистотъ не ради потребности жителей, а для удовольствія правительства.

Между наиболѣе важными обвиненіями противъ нашего городскаго самоуправленія надобно поставить желаніе содержать города на чужой счетъ, выражающееся въ поборахъ съ морского и рѣчного судоходства. Дѣйствительно, хотя бечевники по рѣкамъ у насъ свободны „словомъ закона“ и внутреннія таможни уничтожены „навсегда“ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, но оказывается, что берега рѣкъ захвачены во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ за уничтоженіемъ конной тяги судоходству они теперь не нужны и поборы городовъ съ судоходства совершенно соотвѣтствуютъ бывшимъ внутреннимъ таможнямъ съ придачею „сарынь на кичку“, взимавшагося волжскою ватагою.

Городскими управленіями права судоходства попираются самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ городахъ весь берегъ

загроможденъ строеніями и для нуждъ судоходства оставляется лишь узкая, затопляемая полоска отъ урѣза воды до гребня, которая сплошь заваливаетя складами дровъ и лѣса. О какой либо отдѣльной и удобной пристани нѣтъ и рѣчи; о какихъ либо приспособленіяхъ берега къ нуждамъ судоходства тѣмъ болѣе. А между тѣмъ за такой, доведенный до крайнихъ неудобствъ въ нагрузкѣ и разгрузкѣ, берегъ неукоснительно взимаются сборы; всѣ мало-мальски лучшія мѣста отданы въ аренду наиболѣе сильнымъ гласнымъ; что же касается до всѣхъ остальныхъ судоходцевъ, то имъ приходится перебиваться Богъ знаетъ какъ, а подчасъ такъ и вовсе приставать негдѣ. Между тѣмъ, по закону, на бечевникахъ всѣ строенія по обветшаніи сносятся; затѣмъ хотя городамъ и разрѣшается не отводить полнаго размѣра бечевника, но съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ того были отведены особыя пристани; а что касается до пристаней, то хотя за пользованіе ими и разрѣшается брать плату, но каждый разъ съ особаго высочайшаго повелѣнія. Ничего этого знать не хотятъ наши думы; по ихъ мнѣнію, берегъ рѣки составляетъ имущество города, который и можетъ имъ распоряжаться какъ находитъ нужнымъ.

Но, скажутъ, для возстановленія закона есть судъ. Дѣйствительно, можетъ явиться какой либо судоходецъ, который будетъ настаивать на своемъ правѣ—пользоваться берегомъ и предъявитъ въ судѣ искъ о вознагражденіи за понесенные убытки. Въ лучшемъ случаѣ получится только частное удовлетвореніе отдѣльнаго настойчиваго судоходца — и только; общаго же значенія судебное рѣшеніе имѣть не можетъ и злоупотребленія остаются.

Болѣе другихъ терпитъ отъ городскихъ поборовъ пассажирское пароходство. Всѣ города не отстаютъ въ прогрессивномъ увеличеніи сборовъ; о Нижнемъ же Новгородѣ газеты не перестаютъ сообщать вопіющія беззаконія. И ничего—какъ будто не существуетъ ни статей закона, ни губернаторовъ, ни прокуроровъ, ни чиновъ путей сообщенія. Словомъ, кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Отъ Ржева до Астрахани пароходъ летитъ точно сквозь строй; всѣ думы только и думаютъ, какъ бы съ него что сорвать,

хотя, какъ справедливо замѣтилъ какъ-то г. Рагозинъ, пароходы по улицамъ городовъ не ходятъ. Даже сибирскіе города не отстаютъ отъ другихъ по части обиранія судоходства.

Добро бы еще города что либо дѣлали для торговли, а то всѣ они на собранныя съ судоходства деньги прибавляютъ жалованье своимъ выборнымъ, устраиваютъ цвѣтники и бесѣдки, а о подъѣздахъ къ пристанямъ и удобствахъ нагрузки совершенно не заботятся.

Избѣжать городскихъ пристаней не могутъ ни пароходы, ни товары, потому что, какъ было выше сказано, другихъ пристаней нѣтъ. Всѣ удобные для нагрузки берега давно разобраны, а свободныхъ нѣтъ со временъ царя Алексѣя Михайловича, который, понимая важность рѣкъ въ государствѣ, писалъ въ уложеніи 1649 г., „чтобы мытовъ отнюдь не было". Черезъ сто лѣтъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, указъ 1734 г. всѣхъ „взымщиковъ" повелѣвалъ бить нещадно батогами. Потомъ, спустя сто лѣтъ, въ Сводѣ Законовъ, изданномъ при Николаѣ Павловичѣ, явились статьи 386—388 и др. XII тома, запрещающія брать за пристани и бечевники. Согласно съ ними и Городовое Положеніе 1870 года, въ ст. 120, объясняетъ, что бечевники, оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ всѣхъ владѣніи. Если же по ст. 388 т. XII даровано будетъ городу изъятіе изъ общаго правила, то и тогда не дается городу произвола брать сколько хочетъ, а онъ долженъ руководствоваться статьей 123 Гор. Пол. Но могутъ ли эти полезныя статьи помочь въ томъ дѣлѣ, гдѣ не помогали кнуты и батоги? справедливо замѣчаетъ одинъ изъ писавшихъ по этому вопросу, г. Крыловъ. „Двухвѣковой опытъ показываетъ, говоритъ онъ въ журналѣ „Русское Судоходство", что нельзя обуздать самовольныхъ мытарей отъ поборовъ за бечевники и пристани; нельзя также поднять духъ водоходцевъ, чтобы они умѣли отстаивать свое. Тутъ лучше разъ навсегда принять Министерству Путей Сообщенія въ свое исключительное завѣдываніе расположенныя на бечевникахъ набережныя и пристани".

Это, безъ сомнѣнія, было бы простѣйшимъ рѣшеніемъ

вопроса, но, конечно, наши юристы-кривотолки найдутъ этому тысячи препятствій; въ такомъ случаѣ не остается ничего болѣе какъ выкупить у городовъ право ихъ на обложеніе судоходства, т. е. внутренней торговли, капитализировавъ тѣ доходы, которые они получаютъ теперь законно или незаконно изъ этого источника. Тутъ не потребуется даже значительнаго единовременнаго расхода. Города можно будетъ удовлетворить процентными бумагами изъ громаднаго запаса ихъ, имѣющагося въ портфелѣ Государственнаго банка, а затѣмъ суммы, необходимыя на уплату процентовъ, правительство могло бы найти въ преобразованномъ на раціональныхъ началахъ необременительномъ сборѣ съ судоходства и въ сборахъ (а не поборахъ) за пользованіе на пристаняхъ разными необходимыми для стоянки, выгрузки и нагрузки приспособленіями. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ требуетъ безотлагательнаго разрѣшенія и каждая отсрочка его гибельно отзывается на внутренней и заграничной торговлѣ и увеличитъ современемъ расходы правительства на выкупъ.

Съ не меньшей свободой относятся наши города и къ морскому судоходству. Въ упомянутой выше книгѣ о торговомъ флотѣ г. Скальковскаго былъ подробно разобранъ уже вопросъ о громадныхъ затрудненіяхъ, вытекающихъ для торговли и мореходства отъ безобразныхъ сборовъ, которыми наши портовые города облагаютъ незаконно и произвольно грузы. Вотъ новѣйшее проявленіе городского самоуправства, доказывающее, что городскіе дѣльцы, дѣйствительно, вообразили, будто Россія не государство самодержавное, правительство котораго находится въ Петербургѣ, а федеративный союзъ автономныхъ коммунъ.

Это открытіе принадлежитъ батумской коммунѣ, состоящей изъ армянъ и турокъ. Батумъ, какъ извѣстно, сталъ главнымъ отпускнымъ портомъ русскаго керосина и нефтяныхъ продуктовъ. Вывозъ этотъ достигъ уже до 40 милл. пуд. и 28 наливныхъ пароходовъ спеціально работаютъ на Черномъ морѣ для перевозки русскихъ нефтяныхъ продуктовъ, достигшихъ даже Японіи. Одна Закавказская желѣзная дорога выручаетъ отъ этого болѣе 6 милл.

руб. въ годъ и на такую же сумму сокращается приплата дорогѣ со стороны правительства. Казалось бы, чего лучше? Но нѣсколько думскихъ цицероновъ въ Батумѣ рѣшило, что наша нефтяная торговля приняла неправильное направленіе и что надобно ее регулировать.

Дѣло возникло изъ-за ходатайства „Каспійско-черноморскаго нефтепромышленнаго и торговаго общества“ о дозволеніи, сверхъ уже существующихъ въ Батумѣ нефтепроводовъ, проложить къ порту еще два. Дума, большинствомъ голосовъ, рѣшила въ этомъ ходатайствѣ отказать, причемъ произошли весьма характерныя пренія, гдѣ дума совсѣмъ вообразила себя всероссійскимъ парламентомъ.

Мотивомъ для рѣшенія батумской думы было то, что чѣмъ перевозка керосина невыгоднѣе и дороже для торговли и потребителей, тѣмъ она лучше для города Батума, а потому дешевую перевозку керосина наливомъ слѣдуетъ воспретить! Это совершенно напоминаетъ шуточную петицію, сочиненную когда-то Фредерикомъ Бастіа, якобы отъ фабрикантовъ стеариновыхъ свѣчей, которые просили французскія палаты воспретить солнцу свѣтить днемъ, ибо при такомъ воспрещеніи производительность свѣчей во Франціи утроится, сбытъ національнаго сала увеличится, а благосостояніе рабочихъ чрезвычайно увеличится, а съ нимъ и доходы казны. Батумская дума думала даже—ходатайствовать передъ правительствомъ о полномъ воспрещеніи вывоза керосина наливомъ изъ портовъ Чернаго моря заграницу, но затѣмъ нашла, что она своими рѣшеніями сама въ состояніи уничтожить эту операцію. Она забыла только, что, кромѣ Батума, имѣется для вывоза нефти и другой портъ—Поти, и что въ Россіи, кромѣ батумскаго, существуетъ еще русское правительство, которое, конечно, похеритъ постановленіе зарапортовавшейся думы, что сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что опасенія, будто бы отъ увеличенія вывоза керосина наливомъ уменьшится производительность въ тарѣ, совершенно напрасны. Наливнымъ способомъ снабжаются преимущественно европейскіе порты, между тѣмъ какъ подвозъ этого продукта тарою происходитъ къ азіятскимъ портамъ.

Судъ надъ Рыковымъ и другими дѣятелями Скопинскаго банка, полтора десятка лѣтъ безнаказанно обиравшими темную публику, подъ покровомъ городского самоуправленія и съ благословенія, такъ сказать, Городоваго Положенія невольно вызываетъ вопросъ, какъ могъ быть допущенъ подобный дневной грабежъ? Сколько мы знаемъ, жители города Скопина долго одолѣвали Министерства Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ просьбами и жалобами, но не получали ни отвѣта, ни привѣта по той, вѣроятно, причинѣ, что правительство и само не знало, какъ согласить противорѣчія Нормальнаго устава городскихъ банковъ 1862 года съ Городовымъ Положеніемъ 1870 года.

Нормальный уставъ городскихъ общественныхъ банковъ—плодъ канцелярской премудрости нѣсколькихъ доктринеровъ-фритредеровъ, имѣвшихъ силу въ началѣ управленія г. Рейтерна. Эти господа Россію знали столько же, сколько внутреннюю Африку, всю же свою банковую премудрость почерпнули изъ книжекъ Коклена и Курсель-Сенеля. Городовое Положеніе 1870 года также сочинено въ канцеляріи людьми, за Нарвскую заставу иначе какъ на „тройкахъ“ не переѣзжавшими и потому не знавшими, что въ Россіи $^{9}/_{10}$ такъ называемыхъ городовъ не болѣе какъ села или жидовскія мѣстечки, обращать которыя въ римскія муниципіи просто забавно. Можно себѣ представить, что вышло изъ сочетанія двухъ вышеозначенныхъ положеній, одинаково распространенныхъ на города отъ Аккермана до Владивостока, безъ малѣйшаго примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ и характеру обывателей.

Большая часть городскихъ общественныхъ банковъ учредилась въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ. Число гласныхъ думы тамъ весьма ограничено, не великъ и уровень ихъ интеллигенціи. Какой же могъ быть контроль отъ думы, въ которой всѣ вліятельныя лица были одновременно и членами городской управы, и правленія банка, и кліентами банка, а въ придачу близкими между собою родственниками? Очевидно, здѣсь рука руку мыла. Но если администрація безсильна какому нибудь Царевококшайску дать персоналъ общественнаго управленія, способный блистательно вести бан-

ковое дѣло, то она обязана была предохранить публику всей Россіи отъ того, чтобы тѣ же царевококшайцы заманчивыми публикаціями, обѣщаніями не привлекли въ свой банкъ чужихъ денегъ, которыя разложили бы по карманамъ и въ заключеніе заставили бы расплачиваться бѣдныхъ жителей города ихъ имуществомъ. Гласные выбираются въ думы на четыре года, и, строго говоря, жители весь этотъ періодъ лишены возможности держать въ рукахъ и контролировать своихъ представителей. Само собою, что есть косвенный контроль въ угрозѣ неизбранія въ гласные на слѣдующее четырехлѣтіе, но эта слабая узда тамъ, гдѣ дѣло идетъ о кассѣ, которая можетъ быть ежедневно расхищена.

Въ 1881 году, въ моментъ наибольшаго развитія дѣятельности городскихъ банковъ, изъ числа ихъ ссудъ 38½ милліоновъ руб. было выдано подъ недвижимыя имущества, между тѣмъ вѣчныхъ и срочныхъ вкладовъ городскіе банки имѣли только на 17 милл. руб. Затѣмъ въ портфелѣ банковъ числилось протестованныхъ векселей на 5.605,600 руб. и просроченныхъ ссудъ на 4.102,400 руб., т. е. на сумму равную цѣлой трети складочныхъ капиталовъ всѣхъ городскихъ банковъ!

Опасное положеніе нашихъ городскихъ общественныхъ банковъ вообще и Скопинскаго въ особенности не было никогда секретомъ. Объ этомъ всѣ сколько нибудь свѣдущіе въ финансовыхъ вопросахъ знали давно и говорили громко. Не говоря уже объ указаніяхъ въ газетахъ, сомнѣнія высказывались громогласно и въ публичныхъ собраніяхъ. Въ 1870 г., по случаю мануфактурной выставки, происходилъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, съѣздъ фабрикантовъ и заводчиковъ и въ засѣданіи, 2 іюня, въ лицо самому г. Рыкову за двѣнадцать лѣтъ до краха мы предсказывали неминуемое банкротство его дѣтища.

Затѣмъ, въ 1872 году появилось обстоятельное сочиненіе покойнаго экономиста В. Я. Ососова: „Городскіе общественные банки въ Россіи“, гдѣ, на основаніи печатныхъ отчетовъ этихъ банковъ такъ же было доказано какъ дважды два, что банковская бухгалтерія, а въ числѣ ея бухгал-

терія пресловутаго Скопинскаго банка, ведется не только неудовлетворительно, но даже наивно, ибо на основаніи ея видно, что банковскіе заправилы не только не понимаютъ дѣла и ведутъ его рискованно, но совершаютъ явныя уголовныя преступленія, что за городскими банками нѣтъ никакого контроля и что не предусмотрѣна неизбѣжная для многихъ городскихъ банковъ ликвидація, при которой отвѣтчиками явятся, вѣроятно, только директора банковъ, съ которыхъ взять будетъ нечего. Г. Ососовъ находилъ контроль правительства тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что капиталы свои городскіе банки привлекаютъ помощью рекламъ отъ крестьянъ, церквей, монастырей и вообще отъ людей темныхъ, неразумно скупыхъ, недовѣрчиво смотрящихъ на преобразованіе банковскаго дѣла и охотнѣе довѣряющихъ своему брату-купцу, ставшему во главѣ управленія общественнымъ городскимъ банкомъ. Но и цифровые выводы г. Ососова остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и только десять лѣтъ спустя убѣдились въ призрачности контроля городского самоуправленія, когда городскіе банки начали лопаться одинъ за другимъ какъ мыльные пузыри.

Дѣло доходило до того, что имѣлось уже нѣсколько примѣровъ, гдѣ взломы сундука и покража банковой кассы совершались директорами банковъ съ ихъ товарищами при содѣйствіи бухгалтеровъ! Такъ какъ за цѣнность банковыхъ капиталовъ города отвѣчали всѣмъ своимъ имуществомъ, то, очевидно, подобный порядокъ вещей терпимъ быть не могъ. Вотъ эта-то отвѣтственность и составляла самый интересный вопросъ. Разрѣшить же всѣ сомнѣнія, какъ предлагали „Московскія Вѣдомости“, по поводу Скопинскаго банка, принявъ убытки городскихъ банковъ на счетъ казны, очевидно, невозможно, ибо это дало бы поводъ немедленно обокрасть всѣ наши городскіе банки.

Въ 1862 году, когда явился Нормальный уставъ, подъ городскимъ обществомъ разумѣлись купцы и мѣщане—дворяне же, духовенство, разночинцы, крестьяне въ городскомъ представительствѣ не участвовали. Такимъ образомъ въ Скопинѣ, напримѣръ, городской банкъ былъ учрежденъ и, судя по банковымъ балансамъ, обокраденъ ранѣе, чѣмъ

вышеозначенныя сословія получили право имѣть въ думѣ своихъ уполномоченныхъ. Что Скопинскій банкъ былъ обокраденъ очень быстро, доказываетъ то обстоятельство, что по поводу отчетовъ банка за 1868 и 1869 годы многіе жители Скопина подавали уже обстоятельныя жалобы рязанскому губернатору, министру финансовъ и министру внутреннихъ дѣлъ, объясняя, что дѣла банка идутъ скверно и что болѣе двухъ милліоновъ векселей можно считать совершенно безнадежными. Всѣ эти протесты и заявленія, послѣ справокъ у Скопинской думы черезъ губернское правленіе, были оставлены безъ послѣдствій. Мало того, жалобщикамъ офиціально было объявлено, чтобы они не утруждали напрасно высшее начальство, а подавали свои жалобы въ городскую думу.

Введеніе новаго Городоваго Положенія не исправило дѣла. Такъ какъ въ маленькихъ городахъ въ избирательныхъ комиссіяхъ явный перевѣсъ получило купечество и его приказчики, то понятно, что изъ разночинцевъ въ думу въ Скопинѣ попали только тѣ, которые служили уже у Рыкова и были причастны воровству: такихъ „депутатовъ“ оказалось, впрочемъ, всего двое.

Теперь спрашивается, за что же пришлось отвѣчать людямъ, которые объ учрежденіи банка не просили, которые за четырнадцать лѣтъ до банкротства предупреждали правительство и мѣстныя власти, что банкъ разворованъ, и которые уже послѣ этого воровства получили фиктивное право ревизовать банкъ, не получивъ, однако, возможности осуществить на практикѣ это право. Между тѣмъ за подобную-то фикцію контроля на людей, для которыхъ, по ихъ занятіямъ, банкъ вовсе и не былъ нуженъ, возлагалась тягостная отвѣтственность!

Вотъ почему и слѣдовало въ точности опредѣлить размѣръ этой отвѣтственности. Намъ кажется, что объ отвѣтственности за банкъ въ томъ смыслѣ, какъ она понимается въ крестьянской круговой порукѣ, то есть, чтобы можно было продать съ молотка всѣ „животы“ жителей города и ихъ чуть не голыхъ пустить на улицу, не должно быть и рѣчи. У правительства были двѣ серьезныя задачи: пер-

вая—сплошная ревизія всѣхъ городскихъ банковъ особыми смѣшанными комиссіями и ликвидація всѣхъ банковъ, которые окажутся сомнительными; вторая—пересмотръ Нормальнаго положенія 1862 г. въ смыслѣ строжайшаго контроля со стороны финансовой администраціи и безусловной отвѣтственности не несчастныхъ городскихъ жителей, а банковыхъ заправилъ. Съ этою цѣлью слѣдовало усилить наши уголовныя наказанія за растраты, бывшія до недавняго измѣненія слишкомъ легкими.

По новому закону, для устраненія недостатковъ, обнаружившихся въ дѣятельности городскихъ общественныхъ банковъ, приняты слѣдующія мѣры: устранены изъ банковъ лица, занимающія должности по городскому общественному управленію, а также лица, находящіяся между собою въ близкой родственной связи, и ограничены права учредителей относительно управленія банками. Обязательно учреждены учетные комитеты при тѣхъ банкахъ, въ коихъ учетная операція получила болѣе значительное развитіе. Установлены болѣе дѣйствительные способы ревизіи банковъ какъ со стороны городскихъ думъ, такъ и при посредствѣ чиновниковъ Министерства Финансовъ. Выяснены болѣе точно значеніе и послѣдствія отвѣтственности городовъ по обязательствамъ банковъ. Ограничены по усмотрѣнію Министерства Финансовъ права банковъ принимать вклады и производить переучетъ векселей въ другихъ банкахъ и вообще развивать свои пассивныя операціи до суммы, не превышающей болѣе чѣмъ въ пять разъ основной и запасный капиталы банка. Воспрещенъ дальнѣйшій пріемъ вѣчныхъ вкладовъ. Всѣ эти мѣры нельзя не признать весьма благоразумными. Можно пожалѣть только, что нѣкоторыя изъ нихъ не примѣнены къ существующимъ банкамъ въ силу того, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія; точное опредѣленіе отвѣтственности городскихъ обществъ также предоставлено будущему.

Говоря о нашемъ самоуправленіи, нельзя не упомянуть еще объ одной попыткѣ, оставшейся, впрочемъ, безрезультатною, именно объ учрежденіи временного совѣта при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ, сдѣланной послѣ зло-

дѣянія 1-го марта. Выборы были произведены по оригинальной системѣ, придуманной г. Барановымъ. Они были двойные, но не избиратели являлись для выбора, а къ нимъ приходили для опроса. Немедленно возникли жалобы, что въ нѣкоторыхъ домахъ не было собираемо голосовъ для выбора избирателей. Очень вѣроятно, что просто не хватило физической возможности обойти всѣ квартиры, такъ какъ въ каждомъ околоткѣ около 400 квартиръ, по довольно точному статистическому исчисленію, а сдѣлать въ день 400 визитовъ одному полицейскому чиновнику весьма трудно, между тѣмъ, въ виду множества обязанностей и экстренныхъ нарядовъ полиціи, едва ли предстояла возможность отрядить для выборовъ въ каждый околотокъ болѣе одного полицейскаго агента. Во всякомъ случаѣ, еслибы и всѣ квартиры въ столицѣ были обойдены съ математическою точностью, то въ результатѣ оказалось бы то же самое.

Двойное избраніе повсюду признано теперь совершенно непримѣнимымъ, какъ способъ получить хорошіе выборы. Вмѣсто ожидаемаго процѣживанія кандидатовъ сквозь два сита и какъ бы улучшенія отъ того ихъ внутренняго достоинства, при двойныхъ выборахъ, наоборотъ, лишь усиливается случайность выбора. Это объясняется тѣмъ, что въ выборѣ собственно „избирателей“ очень мало кто заинтересованъ и большинство всегда относится къ этому выбору спустя рукава. Разъ же выборные избиратели попали случайно, то имъ и въ своей средѣ точно такъ же очень трудно разобраться и сдѣлать хорошіе вторые или окончательные выборы. Двойные выборы, по мнѣнію всѣхъ авторитетовъ государственнаго права, возможны только тамъ, гдѣ посредствующая избирательная инстанція сама изъ себя представляетъ нѣчто законченное, а не случайное сборище людей.

Второе неудобство системы г. Баранова — это совершенная невозможность обсудить качества лица, которое необходимо было предложить въ члены совѣта при градоначальникѣ. Выборы производились такъ, какъ будто бы требовалось лишь указаніе „хорошихъ людей“, къ кото-

рымъ можно имѣть „довѣріе“. Но хорошимъ человѣкомъ еще недостаточно быть, чтобы имѣть право давать администраціи совѣты въ важныхъ и крайне смутныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь важнѣе всего опредѣленная программа. Избиратели должны твердо знать, кого они избираютъ, его взгляды, убѣжденія, характеръ, образъ мыслей — либеральный ли, консервативный ли онъ. Тутъ же, положимъ, квартирантъ А подалъ голосъ за Б, въ надеждѣ, что онъ человѣкъ твердый, рѣшительный, готовый не отступить ни передъ чѣмъ для борьбы съ крамолой. Б — же, приглашенный для избранія совѣта, видя, что ему самому не пройти, подаетъ голосъ за В, извѣстнаго ему за „хорошаго человѣка“, но этотъ В, можетъ быть, держится такихъ взглядовъ, которые А вовсе не раздѣляетъ и выборъ В сочтетъ бѣдствіемъ.

Надобно имѣть еще въ виду, что подобныя недоразумѣнія возможны и при наилучшемъ механизмѣ двойныхъ выборовъ. Что же должно было получиться у насъ при случайномъ записываніи десятковъ тысячъ именъ? Большинство оказалось за тѣми домовладѣльцами, которые извѣстны уже были какъ гласные городской думы, но въ такомъ случаѣ новый совѣтъ ничѣмъ не могъ отличиться отъ какой нибудь комиссіи, избранной той же думой? Любопытно, что въ 70-хъ годахъ ни у кого не было столько порицателей, хотя нерѣдко и несправедливыхъ какъ у гг. Трепова и Ламанскаго, между тѣмъ они-то и получили наибольшее число голосовъ на выборахъ въ эфемерный совѣтъ при градоначальникѣ. Это тоже своего рода черта русскихъ нравовъ.

ГЛАВА XII.

Дворянство и Духовенство.

Историческая роль дворянства. — Значеніе дворянства въ мѣстной жизни; необходимость охраненія его отъ вредныхъ элементовъ. — Абсентеизмъ, мѣры противъ него. — Наше духовенство, его имущества.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя благороднаго россійскаго дворянства 21 апрѣля 1885 г. высказано пожеланіе, чтобы дворяне привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ „преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія". При этомъ выражена надежда, что продолженію этой дѣятельности будутъ соотвѣтствовать „доблестные успѣхи и на другихъ поприщахъ, издавна указанныхъ дворянству исторіей и волею монарховъ".

Первое желаніе есть, такъ сказать, программа будущей дѣятельности дворянства, второе же есть только засвидѣтельствованіе того безспорнаго историческаго факта, что отличительною чертою нашего дворянства, сравнительно съ дворянствомъ Западной Европы, образчики котораго мы имѣемъ у себя въ чистомъ видѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, было то, что оно всегда являлось установленіемъ политическимъ, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся сообразно потребностямъ государства. Конечно и у насъ, какъ и въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, замѣчалось стремленіе лучшихъ людей выдѣлиться въ осо-

бую привилегированную общественную группу, но разница въ томъ, что эти аристократическіе элементы въ Россіи слагались не сами собою, а были слагаемы государственною властью, сообразно ея интересамъ.

Въ этомъ и состоитъ радикальное и основное отличіе нашего служилаго дворянства отъ феодальной аристократіи Западной Европы, нашей идеи благородства, основанной на службѣ государству и на пожалованіи государя въ награду за службу, отъ идеи западной аристократіи, основанной на договорѣ съ верховной властью предковъ, отличавшихся кровью и происхожденіемъ отъ массы народа.

Юридической подкладки, какъ у дворянства феодальнаго, права нашего дворянства и до и послѣ дворянской грамоты не имѣли. Подкладка этихъ привилегій всегда была политическая: верховная власть надѣляла однимъ правомъ, лишала другого, смотря по потребностямъ государства.

Наиболѣе широкими правами дворянство было „пожаловано“ грамотою 21-го апрѣля 1785 года. Ею императрица Екатерина II не только подтвердила вольности, данныя россійскому дворянству Петромъ III, но и уничтожила въ пользу дворянства тѣ полезнѣйшія ограниченія права пользованія, введенныя Петромъ Великимъ, которыя относились къ нѣдрамъ земли, лѣсамъ, рыбнымъ ловлямъ, мельницамъ и другимъ угодьямъ. Этимъ актомъ, въ подражаніе Западной Европѣ и въ противорѣчіе съ нашимъ прошлымъ, высшее служилое сословіе какъ бы обращалось въ сословіе привилегированное и благородное, съ которымъ правительство дѣлилось частью своихъ верховныхъ правъ, уступивъ ему значительную долю самоуправленія и предоставивъ полицію, судъ и земское хозяйство.

Но что уступки эти были лишь дѣломъ личнаго усмотрѣнія, опредѣлялись потребностью самого правительства, видно изъ всей исторіи дворянства. Петръ III освободилъ дворянъ отъ обязательной службы. Павелъ I и особенно Николай I считали нужнымъ возвратиться къ ней; Екатерина II освободила отъ тѣлесныхъ наказаній, Павелъ I началъ подвергать имъ дворянъ, лишенныхъ правъ состоянія; правительство брало назадъ то, что считало необхо-

димымъ взять. Наконецъ, Александръ II произвелъ наиболѣе существенное ограниченіе въ привилегіяхъ дворянъ, отмѣнивъ право владѣть крѣпостными, право, настолько считавшееся прочнымъ, что въ дворянской грамотѣ оно даже не упоминается, а лишь подразумѣвается въ правѣ „покупать деревни“.

Но и, не имѣя твердой подъ собою почвы и измѣняемая подобно другимъ законодательнымъ актамъ правительства, Дворянская грамота тѣмъ не менѣе не была лишена для Россіи въ свое время культурнаго значенія. Грамота 1785 года въ первый разъ въ нашемъ государственномъ строѣ, основанномъ на повинностяхъ всѣхъ сословій, признала классъ людей, личныя „права“ котораго обезпечены закономъ. Въ первый разъ въ русскомъ обществѣ является лицо, а не холопъ государства. Начала эти, внесенныя грамотою въ нашъ государственный строй и юридическій бытъ, не могли не имѣть огромнаго вліянія на нашу гражданственность. Правда, права эти составляли удѣлъ немногихъ, имѣли видъ привилегіи, но въ нихъ было положено на русскую почву зерно тѣхъ человѣческихъ и общегражданскихъ правъ, которыя въ настоящее время дѣлаются достояніемъ почти всѣхъ сословій.

Если освобожденіе дворянства положило начало освобожденію и другихъ сословій отъ слишкомъ строгой и тягостной опеки правительства, то само дворянство воспользовалось ли въ достаточной мѣрѣ предоставленными ему преимуществами и оправдало ли оно ожиданія правительства видѣть въ Россіи землевладѣльческій классъ? На этотъ счетъ надобно сознаться, что надежды правительства далеко не оправдались. И потому новый призывъ правительства, высказанный въ столь категорической формѣ въ рескриптѣ 21-го апрѣля, не только не лишній, но и возбуждаетъ вопросъ, не останется ли онъ безъ отголоска?

Хотя несомнѣнно, что реформы послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ порвали связь дворянства съ землею и обратили мѣстную жизнь въ какую-то безформенную массу, лишенную разумной жизни, историческіе факты говорятъ, однако, что явленіе это не совсѣмъ ново. Отсутствіемъ крѣпкой

связи между землею и дворянствомъ поражались наблюдатели русской жизни и при наивысшемъ развитіи крѣпостного права—при Николаѣ I. Гакстгаузенъ былъ удивленъ легкостью, съ которою въ Россіи продавались имѣнія, бывшія по двѣсти лѣтъ во владѣніи одной и той же фамиліи, и рѣдкостью имѣній, которыя назывались бы фамильными прозвищами владѣльцевъ. Сами дворяне увѣряли этого умнаго и наблюдательнаго путешественника, что губернское управленіе много бы выиграло, еслибы дворянскіе выборы были уничтожены и всѣ должностныя лица губерніи замѣщались бы отъ правительства!

Фактъ несомнѣнный, что во время обязательной службы дворянство тянулось въ деревни, но не ради пристрастія къ сельскому хозяйству, а избѣгая слишкомъ обязательной службы. Послѣ ея отмѣны оно поспѣшило на государственную службу. Очевидно, въ дворянствѣ сохранялось твердо старое понятіе, что чинъ честнѣе сословія, а чинъ давался главнымъ образомъ государственною службою. Еще недавно въ Россіи весьма рѣдко можно было встрѣтить дворянина, который не служилъ бы добровольно въ гражданской и особенно военной службѣ. Такимъ образомъ и послѣ указа Петра III, и послѣ дворянской грамоты Екатерины II, дворянство продолжало быть болѣе *служилымъ*, чѣмъ *земледѣльческимъ* сословіемъ. Какъ служилый классъ, дворянство на всѣхъ поприщахъ: военномъ, морскомъ, гражданскомъ, науки, искусства, промышленности оказало Россіи неоцѣнимыя услуги; но этимъ же объясняется его критическое положеніе послѣ крестьянской реформы и тѣ затрудненія, которыя должна встрѣтить каждая попытка вернуть дворянство въ его помѣстья и на дворянскомъ элементѣ построить прочное зданіе нашего самоуправленія. Для этого требуется цѣлый рядъ мѣропріятій, строго обдуманныхъ и систематически и настойчиво проведенныхъ.

Во главѣ этихъ мѣропріятій должна быть отмѣна табели о рангахъ. Теперь помѣщикъ, военный, профессоръ, учитель, докторъ, художникъ, самый мелкій чиновникъ,—люди всѣхъ этихъ профессій, потомственно или лично,

причисляются къ высшему сословію дворянъ; имъ присвоено „нарицаніе благородное“, и по противоположенію отъ нихъ городскіе обыватели и духовенство составляютъ сословія людей неблагородныхъ.

Петръ I и Екатерина II были весьма озабочены образованіемъ у насъ изъ городскихъ обывателей средняго между народомъ и дворянствомъ сословія, по примѣру западныхъ государствъ. Но эти пожеланія и законодательныя мѣропріятія остались безъ всякихъ практическихъ результатовъ, да они и не могли быть достигнуты при существованіи табели о рангахъ. На Западѣ среднее сословіе получило значеніе не только вслѣдствіе болѣе сильнаго развитія тамъ городской промышленности и торговли, но главнымъ образомъ потому, что оно вмѣщало въ себѣ всю интеллигенцію страны, за исключеніемъ родовой аристократіи. У насъ же, напротивъ, весь верхній слой городского населенія, вся интеллигенція, всѣ такъ называемыя либеральныя профессіи вбирались почти безъ остатка сословіемъ служилаго дворянства.

Все это не могло, разумѣется, не отразиться крайне неблагопріятно на сословной организаціи нашихъ городскихъ поселеній. Въ царствованіе Николая I, съ цѣлью положить нѣкоторую преграду стремленію городскихъ обывателей къ переходу въ дворянство, было учреждено званіе почетныхъ гражданъ, какъ высшая ступень въ сословіи городскихъ обывателей. Для купцовъ это было въ свое время большимъ благодѣяніемъ, такъ какъ званіе почетнаго гражданина избавляло отъ подушнаго оклада, рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія. Но, по снятіи послѣднихъ ограниченій съ бывшихъ податныхъ сословій, званіе почетнаго гражданина утратило всякое значеніе, а потому сохранять его только для удовлетворенія мелочного честолюбія необразованныхъ людей нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній.

Съ упраздненіемъ табели о рангахъ, личнаго дворянства и почетнаго гражданства, дворянское званіе станетъ единственнымъ сословнымъ отличіемъ; только тогда оно пріобрѣтетъ то обаяніе, котораго оно не можетъ имѣть, когда полученіе его доступно по произволу каждому, избрав-

шему своей профессіей государственную службу. Съ увеличеніемъ же этого обаянія усилится въ русскомъ дворянствѣ чувство сословнаго и родового достоинства, что, въ свою очередь, отзовется благотворно на всякой дѣятельности, которой посвятятъ себя дворяне, а также на окружающей средѣ, гдѣ нримѣръ ихъ порядочности и сознанія долга не останется безъ подражанія.

Но чувства чести еще мало, потребна болѣе реальная подкладка и поэтому надобно съ радостью привѣтствовать реформу мѣстнаго управленія, гдѣ дворянскому элементу отводится почетное мѣсто. Само собою, что наша либеральная печать отнеслась критически къ этой мѣрѣ, доказывая ея нецѣлесообразность. Для этого, подъ личиною наружнаго безпристрастія, оставляя въ сторонѣ вопросъ о сословныхъ привилегіяхъ, она становилась на точку зрѣнія яко бы исключительно историческую и экономическую.

На сѣверѣ и дальнемъ востокѣ европейской Россіи, говоритъ, напримѣръ, г. Щ., авторъ статей о дворянствѣ въ „Вѣстникѣ Европы", нѣтъ, или крайне мало, землевладѣльческаго дворянства; на западѣ Россіи не установлены до сего времени выборныя дворянскія учрежденія; въ центральной части Россіи—землевладѣніе дворянъ сильно разстроено и перемѣшано съ купеческимъ землевладѣніемъ; въ малороссійской Украйнѣ составляетъ подавляющее большинство мелкопомѣстное дворянство, набранное изъ казачьей среды; въ юго-восточной и южной части Россіи дворянская земля принадлежитъ, по преимуществу, крупному землевладѣнію, но купеческое землевладѣніе также проложило себѣ путь, и связь дворянства съ землей по большей части такая недавняя, что ее отнюдь нельзя признать исторической. Въ численномъ отношеніи дворянство распредѣлено вообще весьма неравномѣрно. Вдобавокъ, отношеніе дворянства къ землѣ во всей Россіи сложилось въ самыхъ невыгодныхъ формахъ: личная и земельная сила разъединены; среднепомѣстное дворянство составляетъ неразвитое и періодически измѣняющееся въ личномъ составѣ явленіе. „На такой почвѣ нельзя воздвигнуть прочнаго административнаго зданія", заключаетъ г. Щ.

Авторъ не отрицаетъ, впрочемъ, роли дворянства; роль эта въ томъ, что дворянство—видная часть интеллигенціи. Поэтому будущность дворянства представляется ему не на поприщѣ сословной обособленности, а въ видѣ „разумнаго и нравственнаго вліянія дворянъ, *какъ отдѣльныхъ дѣятелей*, на современное теченіе жизни". Но какъ осуществить и эти жиденькіе идеалы, если дворянство будетъ лишено прочной организаціи и если оно, какъ сословіе, будетъ ежедневно лишаться и матеріальнаго благосостоянія, и политическаго значенія?

По нашему мнѣнію, выставленныя авторомъ положенія, даже подкрѣпленныя цифрами статистиковъ à la Янсонъ, далеко неубѣдительны. Совершенно противоположныя заключенія можно вывести изъ тѣхъ же историческихъ и статистическихъ данныхъ.

Самъ авторъ не отрицаетъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ строй жизни крѣпостной Россіи представлялъ благопріятныя явленія: былъ порядокъ, и мѣстная, особенно деревенская жизнь представляла комфортъ и болѣе возвышенный уровень интеллигенціи. Первое понятно, если вспомнить, что правительство въ лицѣ помѣщиковъ имѣло 100,000 даровыхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые замѣнены теперь нѣсколькими тысячами полупьяныхъ волостныхъ писарей, и что тѣ же писаря управляютъ диктаторски двацатью милліонами крестьянъ государственныхъ, находившихся прежде подъ весьма усердною административною опекою. Второе также понятно, ибо большія усадьбы, представлявшія маленькіе культурные центры, откуда распространялись знанія ремеслъ, замѣняются нынѣ хищническою эксплоатаціей кулаковъ. Гибельное вліяніе этого новаго послѣреформеннаго землевладѣльческаго элемента хорошо оцѣнивается и авторомъ. „Жизнь въ уѣздѣ замѣтно сѣрѣетъ", говоритъ онъ. Новый же классъ землевладѣльцевъ въ лицѣ людей, составляющихъ его въ настоящее время, не можетъ пользоваться ничьимъ сочувствіемъ. „Онъ анти-государственъ и анти-соціаленъ, какъ представитель идеи самой грубой борьбы за существованіе. Онъ эксплоатируетъ все, что ему доступно: въ сферѣ землевла-

дѣнія онъ является часто въ роли перекупщиковъ, эксплоатирующихъ производительную силу земли и обращающихъ землевладѣніе въ биржевую игру; въ отношеніяхъ къ крестьянамъ—ростовщикомъ, закабаляющимъ и запутывающимъ ихъ въ своихъ сѣтяхъ; въ области общественнаго кредита —весьма часто матеріаломъ для уголовной статистики по рубрикамъ растратъ и иныхъ хищеній; и, наконецъ, въ области выборныхъ учрежденій—потайной силой, стремящейся низвести общественныхъ дѣятелей въ положеніе пассивныхъ орудій".

Если наша мѣстная жизнь приняла такое неприглядное направленіе, то не потому ли, что петербургскіе чиновники-доктринеры, сочинявшіе реформы шестидесятыхъ годовъ у себя въ кабинетѣ подъ вліяніемъ „Хижины дяди Тома", не понимая связи помѣщиковъ съ крестьянами, видѣли въ первыхъ лишь какъ бы случайныхъ эксплоататоровъ. Ихъ заботливость поэтому главнымъ образомъ и направилась на возможное уничтоженіе малѣйшаго вліянія прежнихъ землевладѣльцевъ. Помѣщики въ своихъ усадьбахъ очутились послѣ 19 февраля какъ зачумленные въ карантинахъ. Конечно, жизнь взяла свое и все-таки мы видимъ, что и въ земствѣ, и въ судѣ, и даже въ земской полиціи дворянскій элементъ численно продолжаетъ преобладать. Но это именно то безличное преобладаніе интеллигенціи, о которомъ мечтаетъ г. Щ., преобладаніе, не дающее дворянству, какъ сословію, никакого политическаго значенія, а, наоборотъ, какъ бы заставляющее его собственными руками копать себѣ скорѣе могилу. Послѣднее заключеніе сдѣлается яснымъ, если припомнить участіе дворянской интеллигенціи въ званіи мировыхъ посредниковъ, въ крестьянскихъ присутствіяхъ, въ земствѣ, въ Крестьянскомъ и др. земельныхъ банкахъ.

Доктринеры говорятъ, что роль дворянства, какъ сословія, окончилась. Но это завѣреніе было бы справедливо, еслибы мы шли прямымъ путемъ уничтоженія сословій и дѣйствительно обращали русскихъ подданныхъ въ русскихъ гражданъ. Но вѣдь этого не видно: крестьянство обособляется законодательнымъ порядкомъ болѣе прежняго, ка-

зачество строго бережется, чиновничество сохранило всѣ свои права и непомѣрно распложается съ развитіемъ бюрократіи, купечество и городскія сословія получили новыя привилегіи и новое значеніе. Одно помѣстное дворянство почему-то въ такомъ строго сословномъ государствѣ, какъ Россія, должно обращаться въ безформенную массу, безсословную, безъ всякой организаціи, безъ всякой между собою связи. Отъ него отнято руководство землею и вооруженною защитою государства — двумя столпами, на которыхъ стоитъ Россія, съ другой стороны сословіе это столь открыто, что рисковало быть заполонено жидами, быстро овладѣвающими нашими учебными заведеніями.

Даже тѣ, которые признаютъ, что дворянство еще можетъ имѣть какое либо значеніе, отрицаютъ наиболѣе естественную для дворянства роль: руководительство мѣстнымъ управленіемъ.

Русское дворянство, говорятъ эти господа, слишкомъ немногочисленно и развѣ въ 28 губерніяхъ составляетъ достаточно вліятельный элементъ въ землевладѣніи. На это можно отвѣтить, что абсолютная многочисленность дворянства не такъ еще важна. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ число дворянъ-землевладѣльцевъ очень невелико, между тѣмъ извѣстно, что не только земскія дѣла, дороги и пр., но и полиція и судъ находились тамъ исключительно въ рукахъ дворянства и что послѣднее играло такую роль, что правительство вынуждено въ высшихъ политическихъ видахъ ограничивать ее. Если только въ 28-ми губерніяхъ можетъ быть прочно организовано мѣстное управленіе, то и это не бѣда, ибо означенныя губерніи составляютъ половину Россіи, и половину самую населенную и богатую. Слава Богу, если и половина государства будетъ хорошо устроена, тогда болѣе останется досуга заняться остальною.

Говорятъ, что есть много губерній, гдѣ вовсе нѣтъ дворянства, или гдѣ оно инородческаго происхожденія. Но вѣдь это явленіе не новое. И въ Московскомъ государствѣ уже были огромныя области, гдѣ не было вовсе дворянства. Онѣ все-таки управлялись, управлялись, какъ управляются теперь англійскія австралійскія колоніи, безъ уча-

стія помѣстнаго дворянства, въ самой Англіи всемогущаго. Это не значитъ, однако, что австралійскіе порядки слѣдуетъ ввести въ Англіи. Инородческое происхожденіе дворянства точно такъ же само по себѣ ничему не мѣшаетъ. Въ большей части государствъ Европы аристократія и дворянство иноземнаго происхожденія; важно, что оно получило національную окраску, имѣя общіе интересы. Примѣръ того же Московскаго государства показываетъ, что инородческимъ элементомъ можно пользоваться, только надобно умѣнье. Не такъ давно татарскіе мурзы Крыма, бывшіе руководители хищныхъ набѣговъ, очень быстро обратились въ русскихъ помѣщиковъ, а между тѣмъ русскіе по крови помѣщики Западнаго края совсѣмъ ополячились въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, уже состоя въ подданствѣ Россіи. Дѣло значитъ не въ происхожденіи, а въ системѣ.

Наконецъ, у насъ не можетъ идти рѣчи о полной замкнутости дворянства, при которой оно, конечно, рано или поздно вымерло бы. Сословіе это, чтобы жить и имѣть значеніе, должно оставаться открытымъ, конечно не для тѣхъ, кому удалось стащить что либо тѣмъ или другимъ образомъ, а исторически указаннымъ путемъ—службою государству. Россія требуетъ такихъ услугъ служилаго элемента, такой процентъ этого сословія оказывается достойнымъ поощренія, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, что когда либо оскудѣетъ притокъ свѣжихъ силъ къ дворянству. Не слѣдуетъ, впрочемъ, ради усиленія этого притока допускать жидовъ.

Послѣдніе дѣлали уже попытки пролѣзть въ дворянство. Весьма поучительна исторія двухъ докторовъ, Моргулиса и Бернштейна, обратившихся въ херсонское депутатское собраніе съ просьбою внести роды ихъ въ дворянскія родословныя книги Херсонской губерніи, на томъ-де основаніи, что просители, выслуживъ чины статскихъ совѣтниковъ, получили Владимірскіе кресты. Не смотря на толпу жидовъ, стоявшую съ ранняго утра около помѣщенія депутатскаго собранія, очевидно, съ цѣлью импонировать послѣднему, представители херсонскаго дворянства въ ходатайствѣ отказали, ссылаясь на традиціи дворянства.

Такого рѣшенія нельзя не одобрить и не признать въ высшей степени благоразумнымъ. Господа Моргулисъ и Бернштейнъ, какъ евреи, да еще доктора, должны быть либеральнаго образа мыслей, а въ либеральный кодексъ, по крайней мѣрѣ русскихъ прямолинейныхъ либераловъ, входитъ пренебреженіе къ сословнымъ раздѣленіямъ. Дворянство же не можетъ относиться равнодушно къ своему значенію.

Если правительство даетъ даже отдѣльнымъ мелкимъ корпораціямъ, напримѣръ клубамъ, право принимать или не принимать въ свою среду извѣстныхъ лицъ, то не могло оно и дворянскимъ корпораціямъ не предоставить права полнаго контроля надъ своимъ личнымъ составомъ. Какое же положеніе заняло бы наше дворянство, еслибы оно открыло широко двери каждому, кто пожелалъ бы фигурировать въ его средѣ? Если въ настоящее время, съ ограниченіемъ политическихъ правъ и роли дворянства, послѣднее сохраняетъ свое положеніе въ Россіи, то главнымъ образомъ какъ корпорація, которая ревниво охраняетъ честь своего сословія, поддерживаетъ между отдѣльными его членами взаимныя связи и воспитываетъ членовъ своихъ въ извѣстныхъ возвышенныхъ понятіяхъ и идеалахъ. Возможно ли будетъ осуществленіе подобныхъ задачъ, если всякій интендантскій подрядчикъ, нажившійся отъ картонныхъ подошвъ, или врачъ, дергавшій тридцать лѣтъ зубы, разъ они получили извѣстные чины и ордена, могутъ сейчасъ же гостепріимно приниматься въ сословіе, поставившее своимъ сочленамъ строгія рамки. Пріятно, напротивъ, имѣть сознаніе, что есть еще такая среда, куда ни деньги, ни ловкость рукъ доступа не открываютъ, но куда приводятъ именно общіе съ русскимъ народомъ интересы, единство воспитанія, традицій, симпатій и антипатій, подъ условіемъ, конечно, хорошаго воспитанія и дѣйствительныхъ заслугъ государству.

Намъ могутъ возразить, что русское дворянство приняло же въ свою среду разныхъ инородцевъ-татаръ, грузинъ, даже калмыковъ, но такое принятіе, вызываемое каждый разъ высшими соображеніями государственной мудро-

сти, имѣло оправданіе въ томъ, что тѣ инородцы, которые принимались въ среду русскаго дворянства, занимали уже положеніе аристократіи, „мужей отличныхъ“, въ средѣ своихъ народностей, а народности эти поступали въ подданство Россіи на началахъ равноправности, отказываясь отъ своихъ особенностей и получая взамѣнъ того всѣ преимущества коренного русскаго населенія. И здѣсь были излишества, въ родѣ дозволенія представителямъ инородцевъ владѣть русскими крестьянами, когда законъ строго наказывалъ обращеніе въ крѣпостное состояніе инородцевъ; но эти противорѣчія уничтожены 19-го февраля, инородческое же дворянство окончательно скрѣпило свои узы съ русскимъ дворянствомъ, щедро проливая кровь за общее отечество.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся у насъ представители подрядной стороны войнъ за отечество—евреи. Въ собственныхъ глазахъ они—космополиты, представители „избраннаго народа“, для котораго всѣ страны свѣта одинаково представляютъ поле для эксплоатаціи и для котораго законъ духовный замѣняетъ гражданскую конституцію. Въ глазахъ русскаго народа евреи — иностранцы, которые стоятъ только лагеремъ на русской землѣ и которые могутъ завтра уйти сосать Австрію, Турцію, Америку, Конго, что угодно, гдѣ будетъ только имѣться въ виду выгода. Нашъ законъ также не приравниваетъ евреевъ къ прочимъ разрядамъ подданныхъ; по его понятіямъ, евреи лишь терпимы на извѣстной, строго опредѣленной территоріи Имперіи, но и тамъ права ихъ существенно ограничены по важнѣйшимъ функціямъ частной и общественной дѣятельности.

Если евреи не могутъ въ Херсонской губерніи арендовать мукомольной мельницы и такое право считается въ интересахъ русскаго народа опаснымъ, то было бы совершеннымъ противорѣчіемъ тѣмъ же евреямъ предоставить въ той же губерніи право принадлежать къ привилегированной корпораціи, имѣющей высшія политическія и гражданскія права и представляющей въ понятіяхъ закона и народа „соль земли“.

Есть одно явленіе, которое несомнѣнно служитъ корен-

ною причиною дворянскаго оскудѣнія. Это постоянное и быстрое дробленіе имуществъ, вслѣдствіе нашего закона о наслѣдствѣ. Причина эта оказывала свое дѣйствіе и при существованіи крѣпостного права. Только исключительная привилегія дворянъ на владѣніе населенными имѣніями охраняла тогда это сословіе отъ оскудѣнія. Когда дворянинъ бѣднѣлъ и продавалъ имѣніе, то оно уходило только изъ его рода, а не изъ рукъ сословія. Не надо притомъ забывать, что въ прошломъ столѣтіи дворянство было поддержано обильною раздачею земель въ Приволжскомъ и Новороссійскомъ краѣ. Еслибы раздача эта не была произведена, то положеніе дворянства въ настоящую эпоху было бы еще печальнѣе. Но противъ этого можно возразить, во-первыхъ, что и въ настоящее время количество свободныхъ земель, находящихся въ рукахъ правительства, очень велико*). Затѣмъ до сихъ поръ до 74% земли, принадлежащей дворянамъ, сосредоточивается въ крупномъ владѣніи, слѣдовательно, матеріаловъ для дальнѣйшаго дробленія дворянской собственности еще достаточно. Надобно только, чтобы, раздробляясь, эти земли попадали, по возможности, въ руки дворянства, а не купцовъ, иностранцевъ и всяческихъ спекулянтовъ. Въ этомъ смыслѣ редактированъ отчасти уставъ Дворянскаго банка.

При всемъ томъ нельзя отрицать, что постоянное дробленіе имуществъ, хотя установившееся у насъ исторически и начавшее было распространяться и на крестьянское сословіе (такъ называемые семейные раздѣлы), несомнѣнно должно уничтожить земское значеніе дворянства въ будущемъ. На вопросъ этотъ, по его чрезвычайной важности, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Г. Щ. ка-

*) Эта фраза подала поводъ критику „Вѣстнику Европы“ утверждать, что въ противорѣчіе съ тѣмъ, что сказано выше, мы какъ будто сочувствуемъ расхищенію башкирскихъ земель. Никакого противорѣчія тутъ нѣтъ. За правительствомъ мы признаемъ право безвозмездной раздачи земель не только крестьянамъ для переселенія, но и служилому и дворянскому сословію; это не значитъ однако, что такое пожалованіе должно служить поводомъ для злоупотребленій и обогащать однихъ въ ущербъ прочихъ.

сается его и доказываетъ, что созданіе майоратной системы землевладѣнія въ Россіи невозможно. Въ общемъ, это можетъ быть справедливо, но есть формы ограниченія дробленія поземельной собственности болѣе мягкія и современныя, нежели майораты.

На вредъ отъ безконечнаго дробленія поземельной собственности повсюду уже обращено вниманіе. Въ Америкѣ, не смотря на ея демократическій складъ жизни, почти во всѣхъ штатахъ установленъ уже minimum владѣнія, далѣе котораго земля не можетъ подлежать продажѣ по обременяющимъ ее долгамъ. Это такъ называемые Homestead exemption laws. Въ Калифорніи и Техасѣ цѣнность homestead (нераздробляемаго участка) опредѣлена въ 10,000 р. Это почти цѣнность въ Россіи участка земли отъ 100 до 1,000 десятинъ, т. е. имѣнія, достаточнаго для прокормленія дворянской семьи. Можетъ быть у насъ можно что нибудь выработать подобное. Наши гражданскіе законы заслуживаютъ пересмотра не съ той отвлеченно-византійской точки зрѣнія, какъ ею занимается извѣстная комиссія юристовъ-доктринеровъ, а съ практической точки зрѣнія въ средѣ людей жизни и здраваго смысла. Въ дворянскихъ собраніяхъ началась уже агитація въ этомъ смыслѣ, но Богъ вѣсть къ чему приведетъ она. Во всякомъ случаѣ надобно прежде всего, чтобы дворянское сословіе не смотрѣло на государство, какъ на дойную корову, и не разсчитывало жить только службою, а тянуло само къ землѣ; правда, все дѣлалось въ теченіе слишкомъ двадцати пяти лѣтъ, чтобы отвратить дворянство отъ занятія хозяйствомъ и слить съ бюрократіей.

Говоря объ отвлеченіи русскаго дворянства отъ земли и жизни въ провинціи, нельзя не упомянуть и объ абсентеизмѣ. Абсентеизмъ есть одно изъ величайшихъ соціальныхъ золъ вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ интеллигентный слой такъ малъ и провинція гибнетъ отъ недостатка просвѣщенныхъ центровъ. Скажутъ: нельзя же силою заставлять жить въ своемъ отечествѣ. Это вѣрно, но о воспрещеніи выѣзда заграницу не можетъ быть и рѣчи, хотя тѣ граждане и гражданки, которые предпочитаютъ

годами гранить мостовыя Парижа, набережныя Ниццы и др. мѣста, гдѣ никакой наукѣ выучиться нельзя и никакихъ способностей, кромѣ способности къ бездѣльничанью, развить невозможно, гораздо лучше бы сдѣлали, еслибы совсѣмъ оставили русское подданство. Мы не видимъ никакой пользы отъ такой связи со своимъ отечествомъ, которая выражается лишь въ полученіи изъ него доходовъ.

Напрасно думаютъ защитники „единства человѣчества", что абсентеизмъ такое зло, которое присуще только Россіи и объясняется ея дурными порядками. На него обращено большое вниманіе и въ другихъ странахъ, а о средствахъ ограничить праздношатаніе заявлялось нерѣдко даже въ англійскомъ парламентѣ. Абсентеизмъ разоряетъ многія страны, имѣющія „правовый порядокъ", между прочимъ, Ирландію, Румынію, Испанію, Италію. Но въ двухъ послѣднихъ странахъ экономисты жалуются лишь на то, что помѣщики и капиталисты не живутъ въ деревняхъ и провинціи, а по годамъ бездѣльничаютъ въ городахъ и, извлекая ренту изъ земли, истощаютъ послѣднюю. У насъ абсентеизмъ гораздо вреднѣе, ибо часть собственниковъ, и притомъ самая богатая и просвѣщенная, не только живетъ вдали отъ своихъ имѣній, но еще и вдали отъ отечества въ чужихъ странахъ, обогащая тамошніе города, курорты и магазины, когда могла бы обогащать свои собственные. Даже минеральныя воды, на которыя другія національности пріѣзжаютъ искать облегченія и исцѣленія отъ недуговъ, русскіе, и особенно русскія барыни, ухитряются обращать въ мѣста бездѣльничанья, легкаго разврата и тщеславнаго мотовства.

Климатъ не предлогъ: въ Россіи разнообразіе климата сильнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, у насъ есть и горы, и ледники, и морскія купанья. Отговорка, что заграницею лучше устроена жизнь, смысла не имѣетъ, потому что тамъ оттого и лучше все устроено, что пріѣзжаетъ много публики. Доводъ, что русскимъ выгоднѣе и пріятнѣе пользованіе иностранными минеральными водами, нежели своими, нисколько не убѣдителенъ. Да оттого русскія воды и не устроены, оттого проѣзды къ нимъ обходятся такъ дорого

и оттого приходится платить на русскихъ водахъ за все втрое, что этими водами недостаточно еще пользуются. На деньги, которыя русскіе разбросали на иностранныхъ водахъ и купаньяхъ, наши курорты давно устроились и украсились бы, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, кавказскія воды или южные лиманы и грязи, привлекли бы тысячи людей и изъ-за границы. Давно ли Франценсбадъ былъ грязной дырой, а въ двадцать лѣтъ, на половину на русскія деньги, онъ отлично обстроился? Дали бы тѣ же средства Липецку или Желѣзноводску, и они завели бы тѣ же удобства. Но проживать заграницею и думать, что въ это время казна, т. е. тѣ же бѣдные податные классы, настроятъ дворцовъ, отелей и парковъ на русскихъ минеральныхъ водахъ и затѣмъ скажутъ гг. туристамъ: „пожалуйте, все для васъ готово“,—нелѣпо.

Да и кто доставилъ средства нашимъ абсентеистамъ шататься такъ легко заграницу, развѣ не та же казна и не тѣ же податныя сословія, приплачивающія изъ своего скуднаго заработка отъ 40 до 70 милліоновъ рублей въ годъ на желѣзныя дороги, которыхъ значительная часть этихъ классовъ въ глаза не видала и не увидитъ. Такъ не справедливо ли попросить хоть за это облегченіе въ путешествіи заплатить немного. Развѣ дамочка, жалующаяся теперь, что съ нея берутъ 10 рублей за паспортъ, была бы до желѣзныхъ дорогъ въ состояніи притащить изъ-за границы три сундука новыхъ платьевъ (причемъ она еще обманетъ, дѣлая глазки таможеннымъ чиновникамъ, на сотни рублей русскую казну въ таможенныхъ пошлинахъ)? Вѣдь безъ желѣзныхъ дорогъ ей потребовался бы другой экипажъ, а это стоило бы тысячи двѣ, три?

Было время, полагали, что въ Россіи можно говорить только по-французски и учиться для того у иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Затѣмъ существовало мнѣніе, что пить можно только французское вино и носить французскіе перчатки и галстухи. Однако, теперь и гувернантки, и перчатки, и вино—русскія. Нужда выучила довольствоваться и улучшать ихъ. Птичьи выставки убѣдили насъ, что poulardes de Mans, которыми угощаютъ петербуржцевъ

рестораторы, покупаются преспокойно въ Эстляндской губерніи. Мы увѣрены, что въ нѣсколько лѣтъ уничтожится и предразсудокъ, что лечиться и „жить для экономіи“ можно только заграницею.

Какъ средство противъ абсентеизма, была предложена пошлина съ заграничныхъ паспортовъ; противъ этой пошлины завопили благимъ матомъ и барыни, которыя на одно платье тратятъ болѣе, чѣмъ долженъ былъ стоить паспортъ, и семинаристы, которые Западной Европы не видали и никогда не увидятъ, и жиды, которые изъ Россіи не ѣздятъ, но со всей Европы сбѣгаются жить въ нашемъ отечествѣ, и даже органы мелкой прессы, потребители которой не „путешествуютъ“ далѣе портерныхъ и полицейскихъ участковъ. Порицатели увѣряли, что повышеніе пошлины на паспорты преградитъ русскимъ выѣздъ заграницу, обращаетъ Россію въ Китай, помѣшаетъ нашимъ гражданамъ учиться, помѣшаетъ сравнивать заграничные „правовые порядки“ съ отечественными безобразіями; налогъ-де „ужасенъ“, ибо „превыситъ въ нѣсколько разъ сумму возможныхъ прямыхъ налоговъ на гражданина“; онъ стѣснитъ законное право „искать временнаго мѣста, гдѣ человѣкъ чувствуетъ себя лучше“; налогъ неравномѣренъ; онъ несправедливъ, ибо препятствуетъ жить заграницею, гдѣ жизнь дешевле; наконецъ, если живущіе заграницею не платятъ налоговъ въ Россіи, то вмѣсто нихъ платятъ налоги пріѣзжающіе въ Россію иностранцы, а при новой пошлинѣ окажется, что бѣдные русскіе туристы будутъ платить налогъ дважды—своему правительству и иностранному *).

Барыни шумѣли въ салонахъ, мужчины упражнялись на страницахъ „Новостей“ и т. п. органовъ. Послушать ихъ, такъ за человѣка страшно становилось, какъ говоритъ

*) Вопли эти подѣйствовали. Въ 1883 г., когда г. Бунге предложилъ обложить паспорты сборомъ по 11 р. кред. въ мѣсяцъ, проектъ этотъ не прошелъ по причинамъ довольно оригинальнымъ. Дѣло въ томъ, что высокій налогъ на паспорты, установленный въ 1851 г. императоромъ Николаемъ I (налогъ, котораго, впрочемъ, никто не платилъ, получая свидѣтельство о болѣзни), былъ отмѣненъ въ день коронаціи императора Александра II особымъ указомъ, изданнымъ въ числѣ дру-

Шекспиръ. Помилуйте, писалъ г. Боборыкинъ, „вы должны платить съ желанія подышать другимъ воздухомъ, видѣть прекрасную природу, убѣжать отъ уксусныхъ физіономій Невскаго и петербургскихъ гостиныхъ, канцелярій и вечеровъ, освѣжить свою душу зрѣлищемъ болѣе разумнаго существованія, постоять передъ великими произведеніями искусства, пожать руку людямъ, двигающимъ науку и политическую жизнь“...

Какая блестящая тирада! Недоставало въ ней только одного—логики, хотя тотъ же г. Боборыкинъ увѣрялъ нѣсколькими строками ниже, что думать учился по логикѣ Милля. Еслибы это было такъ, то г. Боборыкинъ не полагалъ бы, что заплатить что либо за право видѣть прекрасную природу составляетъ нѣчто возмущающее западную душу. Нѣтъ налога, который нельзя было бы не представить въ видѣ покушенія на какое либо изъ священныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Налогъ на желѣзнодорожные билеты есть по этой теоріи налогъ на право двигаться, налогъ на страхованіе — налогъ на предусмотрительность, налогъ съ наслѣдствъ — налогъ на заботливость родителей о потомствѣ, налогъ съ движимыхъ имуществъ— налогъ на священное право собственности, налогъ съ водки— налогъ на право жизни, ибо еще великій Молешотъ сказалъ, что „спиртъ есть сберегательная касса человѣческаго организма“, налогъ на вино — налогъ на долговѣчіе, ибо давно извѣстно, что „вино молоко стариковъ“. По этой теоріи пошлина съ привозныхъ матерій и готоваго платья равносильна налогу на право прикрывать свое голое тѣло, прикрывать которое указано было намъ еще при изгнаніи изъ рая. Такъ какъ одѣяніе состоитъ изъ трехъ вещей:

гихъ указовъ, даровавшихъ по случаю этого дня разныя милости. Такъ какъ 1883 году опять пришлось быть годомъ коронаціи, то противники налога на паспорты нашли неловкимъ совпаденіе его съ этимъ торжествомъ. Г. Вышнеградскій внесъ въ Государственный Совѣтъ въ 1887 г. уже въ „исправленномъ“ видѣ, т. е. „благополучнымъ россіянамъ“ предлагалъ платить въ первый годъ 390 рублей, а со второго около 675 руб. Но проектъ этотъ былъ отвергнутъ и пошлина увеличена лишь на 5 руб.

сюртука, жилета и панталонъ, а пошлина съ готоваго платья равна 30 проц., т. е. трети стоимости всего платья, то, по мнѣнію гг. Боборыкиныхъ, пошлина эта, очевидно, равносильна приказанію ходить безъ третьей части костюма, т. е. ходить безъ панталонъ.

А ужъ, конечно, право носить панталоны, пить водку и оставить наслѣдство поважнѣе оплакиваемаго г. Боборыкинымъ права „пожать руку иностраннымъ знаменитостямъ“ или права „постоять передъ произведеніями искусства“.

Одинъ публицистъ заболтался даже до того, что, забывая, что предполагалось брать не болѣе того за право жить внѣ отечества, что обязанъ заплатить каждый мужикъ или мѣщанинъ, желающій имѣть въ Россіи маленькую лавочку, увѣрялъ, будто налогъ разрушитъ все дѣло Петра Великаго и заставитъ насъ завидовать туркамъ и китайцамъ, „которые ничего не платятъ за свѣжій воздухъ, воспринимаемый ихъ легкими въ чужой странѣ“, „конфискуетъ“ у несчастныхъ русскихъ семействъ, „разорившихся часто не по своей винѣ“, половину ихъ дохода, и „парализируетъ торговлю, промышленность, всякое стремленіе къ усовершенствованію своихъ способностей и, вообще, народную предпріимчивость на всѣхъ поприщахъ общественной и частной жизни“; мало того, новый налогъ, „еще болѣе разовьетъ ту болѣзнь, которою страдаетъ все наше общество: привычку обходить законъ и обманывать казну“.

Словомъ, послѣ повышенія цѣны паспортовъ хоть ложись и помирай — Россія впадетъ въ дикое состояніе. Не знаемъ, гдѣ „усовершенствовали свои способности“ публицисты, прописавшія вышеозначенныя предсказанія, но, повидимому, и „свѣжій воздухъ, воспринятый ими въ чужой странѣ“, не прочистилъ имъ достаточно мозговъ. Иначе они не приводили бы примѣра турокъ и китайцевъ, который прямо говоритъ не въ ихъ пользу. Хотя турки и китайцы налога на паспорты не платятъ, но достаточно умны, чтобы сидѣть дома и безъ цѣли по Европѣ не шататься. Публицисты приводили еще въ примѣръ англичанъ: англичане-де менѣе всего засиживаются и киснутъ у себя дома. „Хотя

англичанъ и называютъ торгашами, но никто болѣе и щедрѣе ихъ не тратитъ денегъ заграницей".

Да, это вѣрно, что англичане дома не сидятъ, но на одного англичанина, сорящаго попусту деньги въ Швейцаріи или въ Италіи, сто другихъ зарабатываютъ ихъ, разъѣзжая по всему свѣту, почему доходы, извлекаемые англичанами изъ другихъ странъ, считаются милліардами, да и тѣ англичане, что сорятъ деньги, ранѣе заработали ихъ по преимуществу заграницею или отъ заграничныхъ сношеній. У насъ же наоборотъ, на одного русскаго, что-то изучающаго заграницею (о торговлѣ и говорить смѣшно), 999 только тратятъ деньги: мужчины на игру, дамы на наряды и содержаніе своихъ заграничныхъ любовниковъ и, притомъ, деньги исключительно отечественныя, а вовсе не такія, которыя заработаны заграницею. Все наше барство поголовно перебывало въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ заграницею и оставило тамъ сотни милліоновъ рублей, нажитыхъ трудами русскаго народа. Спрашивается, что заимствовало оно оттуда полезнаго? Такъ можно ли серьезно и безъ жалкаго лицемѣрія толковать о культурномъ значеніи для Россіи отъ подобнаго шатанія за поисками новыхъ модъ и ради пустого фанфаронства. Потому и налогъ на праздношатаніе имѣетъ у насъ совсѣмъ не то значеніе, что въ другихъ странахъ. Вѣдь не даромъ же русскій народъ слова „транжирить" (ѣздить заграницу) и безъ толку бросать деньги сдѣлалъ синонимами. Вѣдь языкъ народа—это его исторія и философія.

Наши quasi-либералы всегда заботятся о меньшей братіи и толкуютъ о равенствѣ только пока это не касается ихъ собственныхъ интересовъ. Такъ въ пошлинѣ съ паспортовъ представлялся отличный случай милліонъ рублей собрать не съ народа, а именно съ привилегированныхъ классовъ, а между тѣмъ интеллигенты закричали гвалтъ и доказывали, что еслибы существовалъ налогъ на паспорты, то никогда варяги не пріѣхали бы учить насъ уму-разуму.

Мы относимся къ этому проще. Налогъ на заграничныя поѣздки, конечно, непріятенъ, но онъ не стѣснитъ поѣздки ради развлеченія, леченія и даже изученія. Три, четыре

мѣсяца—срокъ для этого достаточный, заплатить въ казну за это нѣсколько десятковъ рублей не разорительно. Какіе бы софизмы ни приводить, но заграничныя поѣздки есть для громаднаго большинства (матросы и т. п. лица налогу, конечно, подлежать не должны) предметъ роскоши, а во всѣхъ странахъ свѣта налогомъ прежде всего облагаютъ предметы роскоши и комфорта.

Каждая страна имѣетъ, конечно, на этотъ счетъ свои взгляды. Въ Англіи, напримѣръ, какъ предметы роскоши обложены: мужская прислуга, собственные экипажи, гербы, пудра, охота и пр. У насъ ничто изъ этого въ пользу казны не обложено, а какъ предметъ роскоши можно обложить поѣздки заграницу. Никакими софизмами нельзя доказать, что жизнь заграницею, исключая торговыхъ дѣлъ, гдѣ барыши, конечно, съ избыткомъ покроютъ цѣнность паспорта, не есть проявленіе извѣстнаго достатка. Люди же достаточные у насъ никакихъ почти прямыхъ налоговъ не платятъ. Такой налогъ вовсе не „ужасенъ“ сравнительно съ суммою всевозможныхъ налоговъ на западныхъ гражданъ, между которыми не рѣдкость встрѣтить лицъ, уплачивающихъ десятки тысячъ рублей прямыхъ налоговъ. При этомъ иностранецъ, отправляющійся въ Россію, вынужденъ все-таки платить у себя и подоходный налогъ, и классный и т. п., русскій же человѣкъ, уплачивающій одни косвенные налоги, ничего уже не платитъ для Россіи, хотя вовсе не отказывается отъ правъ и преимуществъ русскаго гражданина, и изъ Россіи, а не изъ другого источника, требуетъ дохода или жалованья для проживанія заграницею; между тѣмъ это государство, обезпечивающее ему исправное полученіе доходовъ, необходимыхъ для проживанія заграницею, продолжаетъ существовать, требуя средствъ на содержаніе правительства, войска и суда. Слѣдовательно двойная уплата налога вовсе не такъ нелогична, она практикуется путешественниками всѣхъ государствъ, кромѣ Россіи.

Искать мѣста, гдѣ лучше, законное право каждаго человѣка и, конечно, правительство не можетъ по современнымъ понятіямъ стѣснять права передвиженія. Но никто и не думалъ касаться подобнаго священнаго права. Рѣчь

шла лишь о справедливости. Если мужикъ среднихъ губерній, имѣя нищенскій надѣлъ, во избѣжаніе голода и по необходимости уплатить подати, ѣдетъ на югъ Россіи на заработки и вынужденъ изъ своего скуднаго лѣтняго заработка отдать чуть ли не треть въ казну на выправку паспорта и на уплату налога за проѣздъ въ 3-мъ классѣ желѣзной дороги, то справедливо ли оставлять безъ соразмѣрной пошлины прогулки заграницу лицъ, изъятыхъ отъ другихъ видовъ налога. Между тѣмъ желаютъ, чтобы подобныя прогулки могли совершаться цѣлыми семьями, какъ будто бы семьи, а не отдѣльныя лица ѣдутъ заграницу по дѣламъ или ученія ради.

Мы не станемъ спорить, что и при паденіи нашего курса заграницею живутъ иногда дешевле, хотя поспорить можно. Но суть не въ этомъ; вексельный курсъ важенъ для всей Россіи, а путешественники и есть одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ къ пониженію курса и косвенному разоренію Россіи. Изъ свѣдѣній таможень видно, что съ 1857 по 1877 годъ не вернулось въ Россію болѣе 450,000 русскихъ подданныхъ. Если выключить умершихъ, эмигрантовъ, жидковъ, удравшихъ отъ воинской повинности, и т. п., все-таки останется свыше 100,000 русскихъ, среднимъ числомъ постоянно пребывающихъ заграницею. Если положить, что хотя третья часть ихъ жила въ бездѣліи, питаясь исключительно доходами, присылаемыми изъ Россіи, то и это уже должно страшно угнетать нашъ курсъ, вслѣдствіе покупки на большія суммы траттъ. Считая, что эти лица издерживали въ годъ не болѣе въ среднемъ 1,000 руб. золотомъ на человѣка—что слишкомъ умѣренно, ибо есть лица, проживающія сотни тысячъ и милліоны, то вотъ уже капиталъ въ 45 милліоновъ кредитныхъ рублей, исчезавшій ежегодно заграницу, а къ этому надобно присоединить еще расходы 60,000 лицъ, вновь ежегодно отправлявшихся туда.

На это возражаютъ, что обратно иностранцы являются въ Россію. Да, являются, но что это за люди? Извѣстно, что иностранцевъ капиталистовъ и туристовъ ѣздитъ къ намъ очень мало, иностранная же эмиграція состоитъ изъ

учителей, ремесленниковъ, артистовъ, шарманщиковъ, кокотокъ, публичныхъ женщинъ и всякихъ „рыцарей промышленности“, чающихъ увезти что нибудь изъ Россіи, а вовсе не оставить въ ней деньги. Если въ видѣ исключенія поселится у насъ богатый человѣкъ изъ Англіи, Германіи или Греціи, то можно быть увѣреннымъ, что черезъ десять лѣтъ онъ увезетъ свой капиталъ обратно цѣликомъ, да еще съ большими процентами. Такимъ образомъ равновѣсія въ движеніи капиталовъ вовсе нѣтъ.

Съ насмѣшкою отнеслись даже къ заявленію, что въ числѣ доводовъ къ повышенію пошлины на паспорты былъ приведенъ расходъ на миссіи и консульства. Да, помилуйте, возражали на это, кто же не знаетъ, что „русскіе консулы и дипломатическіе представители относятся совершенно равнодушно къ русскимъ подданнымъ и никакого покровительства имъ не оказываютъ“. Хотя это несправедливо, ибо есть не мало почтенныхъ и полезныхъ консуловъ и дипломатовъ, но еслибы и не было ни одного, это доказывало бы лишь необходимость измѣнить персоналъ дипломатическаго вѣдомства, а не говорило бы ничего противъ принципа. Заграничное представительство стоитъ болѣе 3-хъ милл. рублей. Въ значительной мѣрѣ оно содержится въ интересахъ русскихъ путешественниковъ и справедливо заставить послѣднихъ принять участіе въ означенномъ расходѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, одного генеральнаго консула, въ обязанность котораго входитъ препрепровожденіе на родину проигравшихся въ Монако нашихъ соотечественниковъ.

Одна газета съ ужасомъ заявляла еще, что если пошлину станутъ брать и съ прислуги, то придется мамокъ нанимать иностранныхъ, т. е. еще болѣе тратить русскихъ денегъ заграницею. Но, во-первыхъ, дѣтей могутъ кормить и матери. А затѣмъ, самая эта заботливость о развитіи русской „молочной промышленности“ неумѣстна, ибо нѣтъ сомнѣнія, что всегда дешевле взять кормилицу на мѣстѣ, чѣмъ перевозить русскихъ бабъ тысячи верстъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Нисколько не трогателенъ и доводъ, что заграницею

живутъ разныя дамы, „лишенныя возможности поддерживать соотвѣтствующее имъ положеніе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ“. Очевидно, говорили, имъ придется покинуть русское подданство даже безъ разрѣшенія правительства. А пусть покидаютъ, разъ онѣ жить въ Россіи болѣе не могутъ. Для Россіи эти дамы навсегда и безъ того потеряны, а потому безполезны, во Франціи же, если онѣ молоды, то еще могутъ принести пользу, такъ какъ французская статистика доказываетъ, что французскія женщины утрачиваютъ способность увеличивать населеніе, почему Франціи угрожаютъ въ будущемъ великія бѣдствія.

„Современныя Извѣстія“ обратили вниманіе, что не только наше общество, но даже московское духовенство ничѣмъ не отозвалось на исполнившееся 17-го августа 1881 г. двухсотлѣтіе со дня смерти патріарха Никона. „Будь живъ Погодинъ, писалъ Гиляровъ-Платоновъ, какимъ бы горячимъ, рѣзкимъ словомъ кинулъ бы онъ во всѣхъ насъ, непростительно забывшихъ эту великую годовщину!“

Никонъ, конечно, крупная фигура на блѣдномъ фонѣ русской исторіи, такъ бѣдной вообще типическими лицами; его борьба съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ — гдѣ, впрочемъ, вся заслуга лежитъ на сторонѣ царя, выказавшаго необыкновенные тактъ, терпѣніе и добродушіе — составляетъ одну изъ занимательнѣйшихъ страницъ русской исторіи; но еще вопросъ, слѣдуетъ ли нашему обществу торжествовать, или, другими словами, радоваться, при воспоминаніи о дѣятельности патріарха Никона.

Реформа реформѣ рознь и развѣ только иронически можно поставить въ заслугу Никону, что онъ „виновникъ колонизаціи окраинъ Россіи, гдѣ подъ давленіемъ религіознаго гоненія звѣропастенныя мѣста неселялись и вмѣсто деревъ умножались люди“! Вѣдь по такой теоріи турки, изгнавшіе греческихъ ученыхъ изъ Византіи, виновники Возрожденія, а Карлъ I, выгнавшій пуританъ въ Сѣверную Америку, виновникъ процвѣтанія Новаго Свѣта.

Подобно другимъ крупнымъ историческимъ личностямъ, Никонъ имѣлъ неистовыхъ хулителей, но имѣлъ также, и

въ числѣ своихъ современниковъ, панегиристовъ. Послѣдніе создали Никону легенду, которая сохранилась до сихъ поръ не только въ памяти народной, но и въ книгахъ. Покойный Соловьевъ, разобравъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ дѣло Никона по подлиннымъ документамъ и подвергнувъ затѣмъ свои изслѣдованія вторичной критикѣ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничтоженію никоновской легенды. Послѣ трудовъ Соловьева Никонъ остается крупною историческою личностью, но симпатическая сторона дѣятельности ретиваго патріарха исчезаетъ.

Никонъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣютъ пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностью пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ, необыкновенное счастіе разнуздало его совершенно и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу.

„Званіе патріарха при жесткой природѣ Никона, говоритъ Соловьевъ, уничтожало всякую сдержку. Все вниманіе его было обращено на права высшаго истолкователя божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ для себя все позволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка святительской власти, глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ царю легко отуманили Никона и заставили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами“.

Всѣ были оскорблены властелинствомъ, крутостью нрава Никона, его ненасытнымъ корыстолюбіемъ и жестокостью наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ, Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій. Вредныя послѣдствія поспѣшныхъ реформъ Никона въ церковномъ благоустройствѣ мы испытываемъ до сихъ поръ. Нетерпѣ-

ливостью и крутостью нрава Никонъ напоминаетъ Петра, не имѣя практической сметки послѣдняго, почему если реформы Петра повредили нашъ государственный организмъ, то по крайней мѣрѣ выучили русскихъ многимъ полезнымъ вещамъ.

Съ точки зрѣнія западничества, „пестрыя" затѣи Никона могутъ казаться необыкновенно прогрессивными, но исторія и по отношенію церкви и духовенства уничтожила предразсудокъ о какомъ-то окаменѣніи древней русской исторіи. Напротивъ, излишняя подражательность, скажемъ просто—обезьянство, была всегда нашимъ національнымъ порокомъ. Если новизны и заимствованія не прививались у насъ такъ быстро, какъ это инымъ желательно, то не надобно забывать, что Московское государство было государство сельское и уединенное, въ противоположность западнымъ поморскимъ государствамъ, городскимъ по преимуществу.

До половины XVII столѣтія духовенство наше было живою частью общества; реформамъ Никона и Петра Великаго обязано оно своимъ нынѣшнимъ положеніемъ. Оно такъ принижено, что даже извѣстный процессъ игуменьи Митрофаніи не возмутилъ, а скорѣе удивилъ наше общество.

Въ западной Европѣ, въ странахъ католическихъ, подобные процессы не рѣдкость. Доктрина, что цѣль оправдываетъ средства, въѣлась тамъ въ различные слои общества и съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу противъ лекарства, предлагаемаго въ видѣ народнаго образованія и свободной печати. Распространенію такой доктрины содѣйствуетъ организація католическаго духовенства, не связаннаго съ гражданскимъ обществомъ ни національными, ни семейными узами; іезуиты образуютъ родъ генеральнаго штаба этой арміи и невидимо руководятъ ею съ тою же правильностью и неуклонною послѣдовательностью, съ какою графъ Мольтке двигалъ германскою арміею. Для католическаго духовенства однимъ изъ любимыхъ средствъ къ усиленію своего вліянія всегда было полученіе наслѣдствъ отъ богатыхъ людей, въ особенности женщинъ, которыхъ болѣзнь или преклонные годы дѣлали боязливыми и суевѣрными. За неимѣніемъ

подлиннаго согласія, іезуиты не задумывались прибѣгать и къ подлогамъ, оправдываясь постоянно благочестивыми цѣлями. Процессовъ о подобныхъ дѣлахъ въ западныхъ судахъ не мало.

Въ послѣднее время клерикальная тактика нѣсколько видоизмѣнилась: обширное развитіе кредитныхъ учрежденій, между которыми не маловажное значеніе имѣютъ учрежденія для благотворительности или для подачи помощи рабочему населенію, заставили іезуитовъ обратить вниманіе на этотъ родъ дѣятельности. Процессы Лангранъ-Дюмонсо въ Бельгіи, Адель Шпицедеръ въ Германіи, Бонту во Франціи и другіе показали, какимъ образомъ совершаются теперь огромныя продѣлки въ кредитной сферѣ подъ прикрытіемъ религіозности и филантропіи.

Разоблаченіе всѣхъ этихъ случаевъ всегда сильно волнуетъ западно-европейское общество. Клерикальное вліяніе тамъ очень сильно, и все, что служитъ къ уменьшенію нравственнаго или экономическаго значенія духовенства, заживо задѣваетъ цѣлую партію, или, точнѣе, огромную часть населенія, тѣсно связанную съ этимъ вліяніемъ своими интересами и слѣпо ему подчиняющуюся. Независимо отъ организаціи католической іерархіи, сохраненію такого вліянія способствуетъ то обстоятельство, что самые интересы католицизма сплелись чрезвычайно близко съ общественною жизнью нѣкоторыхъ государствъ. Въ странахъ католическихъ значительная часть низшаго и средняго, въ Бельгіи и Франціи и высшаго, образованія находится въ рукахъ духовенства, ему же принадлежитъ большинство благотворительныхъ учрежденій; оно располагаетъ весьма вліятельными органами печати; косвенно поддерживаетъ оно въ своей зависимости изящныя искусства; даже въ матеріальномъ отношеніи секуляризація имуществъ католическаго духовенства, начатая въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, исполнена только въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія въ Испаніи, въ шестидесятыхъ годахъ въ Италіи и въ Австріи, и не коснулась еще Венгріи и Бельгіи.

Россія находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Дѣятельностью Ѳеофана Прокоповича и цѣлаго ряда малорос-

сійскихъ іерарховъ ея церковь поставлена въ строгую зависимость отъ государства. Филаретъ московскій есть высшее осуществленіе этой полицейской роли церкви. Религіозная реакція двадцатыхъ годовъ (при Магницкомъ и Руничѣ) явилась прежде всего на нѣмецкой почвѣ въ видѣ такъ называемаго въ литературѣ и искусствѣ романтизма, а въ религіозной сферѣ піетизма и мистицизма. Къ намъ піетическія идеи пришли также изъ Германіи, такъ какъ туманный піетизмъ совершенно противорѣчитъ основному русскому взгляду на религію и нравственность. Піетизмъ дошелъ мало-по-малу въ Россіи до абсурда, но борьба съ нимъ Магницкихъ была лишь борьбою оттѣнковъ; въ сущности Магницкіе были „клерикалами" чисто западнаго образца, не имѣя совершенно подъ собою почвы въ русскомъ обществѣ.

Клерикализмъ у насъ всегда былъ извнѣ навѣянной теоріей, менѣе всего имѣя связи съ дѣйствительнымъ положеніемъ русскаго духовенства. Поэтому-то защитники клерикализма и вынуждены впадать въ рѣзкое противорѣчіе съ дѣйствительностью. Графъ Валуевъ, напримѣръ, въ романѣ „Лоринъ"—сводѣ мнѣній одного изъ нашихъ руководящихъ кружковъ, защищая созданіе клерикальной партіи въ Россіи, вынужденъ проповѣдывать безбрачіе духовенства—положеніе, прямо противорѣчащее канонамъ и всей исторіи православной церкви.

Бѣлое духовенство наше прежде было совершенно органическою частью русскаго гражданскаго общества; мѣрами правительства сложилось оно, уже въ новѣйшее время, въ кастовую организацію, продолжая, однако, пускать постоянно отпрыски въ народъ и почерпая изъ него новые элементы; свою обособленность оно поняло чисто внѣшнимъ образомъ. Нѣсколько иначе организовалось черное духовенство. Аскетизмъ былъ перенесенъ на русскую почву прямо изъ Византіи; высшія духовныя лица, исключительно выходящія изъ рядовъ чернаго духовенства, долго переходили къ намъ оттуда; но мало-по-малу монастырская жизнь привилась и къ намъ успѣшно. Хотя русскій монахъ существенно отличенъ отъ монаха греческаго, но самостоятельное образова-

ніе многочисленныхъ раскольничьихъ скитовъ съ ихъ старцами показываетъ, что аскетизмъ самъ по себѣ не былъ чуждъ славянской натурѣ. Соціальное неустройство болѣе всего содѣйствовало въ древнія времена возникновенію и обогащенію новыхъ монастырскихъ общинъ.

Но XVI вѣкъ можно считать апогеемъ политическаго и соціальнаго вліянія нашего чернаго духовенства. Уже съ начала XVII столѣтія взглядъ правительства на значеніе монашества въ гражданскомъ обществѣ замѣтно измѣнился, и началась постепенная секуляризація монастырскихъ имуществъ, богатства которыхъ состояли тогда главнымъ образомъ въ крѣпостныхъ людяхъ. Начатая еще при Іоаннѣ III, поддержанная соборами 1649 и 1681 гг., она была энергически подвинута передъ Петромъ Великимъ и закончена Екатериной II. Петръ особенно былъ суровъ къ монашеству, утверждая въ знаменитомъ Объявленіи 1724 г., что „Господь не лишилъ такъ благодати Своей русскихъ царей, какъ греческихъ, въ неразсмотрѣніи сего *изліяніе-ства* и что монаховъ „большая часть бѣгутъ (въ монастыри) отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“. У монастырей остались еще нѣкоторыя недвижимыя имущества и капиталы, но по отношенію къ прочимъ видамъ владѣнія въ Россіи эта собственность уже не имѣетъ важнаго значенія. Строго говоря, монастыри сами по большей части, чтобъ существовать, должны были ожидать мірскихъ приношеній, а нѣкоторыя обители живутъ просто подаяніемъ; при такомъ положеніи нечего было и думать объ организаціи общественнаго воспитанія, благотворительныхъ учрежденій, больницъ, миссіонерскихъ учрежденій, печатанія книгъ и пр., словомъ всего того, что составляетъ на Западѣ силу католическаго духовенства. Воспитаніе и благотворительность сдѣлались въ Россіи, за немногими исключеніями, гражданскими, безъ клерикальнаго оттѣнка, а монастыри сосредоточились узкой въ религіозной сферѣ.

Но это оставалось, конечно, общимъ правиломъ. Существовали всегда и исключенія, образцомъ которыхъ могли служить факты, раскрытые процессомъ игуменьи Митрофаніи. Они показали, что въ извѣстной, весьма небольшой,

части нашего духовенства существуютъ поползновенія увеличивать свое имущество съ цѣлью прикрывать репутаціей блистательныхъ дѣлъ благотворенія и добиваясь извѣстнаго общественнаго значенія и мірскаго вліянія. Для этого не гнушались иногда такими средствами, какъ вымоганіе у болѣзненныхъ и слабоумныхъ женщинъ (дѣло Медынцевой), пользованіе преувеличеннымъ понятіемъ объ отсутствіи религіозной свободы въ Россіи со стороны нѣкоторыхъ сектантовъ (дѣло Солодовникова),—мы не говоримъ уже о другихъ еще болѣе предосудительныхъ средствахъ. Процессъ игуменьи Митрофаніи открылъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что существуетъ небольшой клерикальный кружокъ людей, настолько близорукихъ, что ловкая интриганка могла дурачить ихъ долгое время, оправдываясь громкими фразами и пышными обѣщаніями. Кружокъ этотъ, однако, остался одинокимъ и находилъ мало отголоска въ массѣ русскаго общества. Приговоръ присяжныхъ по дѣлу Митрофаніи былъ встрѣченъ съ общимъ почти сочувствіемъ, но сочувствіе это было совершенно чуждо какого либо злорадства, и это именно потому, что интеллигенція наша чужда клерикальной закваски и видѣла въ игуменьѣ Митрофаніи отдѣльное прискорбное явленіе, не усматривая въ дѣлѣ ея никакой общественной опасности. Съ одинаковою легкостью тотъ же кружокъ будетъ слушать лорда Редстока или новыя религіи Пашкова или графа Толстаго.

Но если таково отношеніе общества къ религіи и если отношеніе къ духовенству въ обществѣ индеферентное, то нельзя не сказать, что бѣлое наше духовенство создало продуктъ, роль котораго въ русской общественной жизни довольно фатальна—это семинаристы, избравшіе себѣ свѣтскую карьеру. До нынѣшняго столѣтія роль семинаристовъ была весьма приниженная, а при Петрѣ ихъ безъ разсужденія, по мѣрѣ потребности, забирали въ рекруты. Въ XIX столѣтіи семинаристы вторглись, со временъ Сперанскаго, въ бюрократію, а въ 60-хъ годахъ въ литературу и науку. Въ обѣихъ этихъ областяхъ участіе семинаристовъ было весьма вредное: бюрократія въ ихъ рукахъ получала какой-то бездушный характеръ, а литераторы и ученые изъ

бурсаковъ были отцами нашего нигилизма. Гибельное вліяніе бурсы на новѣйшую культуру ожидаетъ еще своего историка.

Фальшивое представленіе о богатствѣ нашего духовенства, подкрѣпленное тенденціозной книгой покойнаго Ростиславова: „Богатства нашихъ монастырей", отчасти существуетъ въ публикѣ. Вѣроятно подъ вліяніемъ вышеозначенной книги газета „Современность", посвященная преимущественно интересамъ духовенства, напечатала во время послѣдней войны слѣдующую замѣтку: „Государство можетъ найти статью дохода, положительно никого не обременяя. Оно теперь нуждается въ драгоцѣнныхъ металлахъ. А какое количество этихъ металловъ находится въ православныхъ монастыряхъ и храмахъ Россіи, просто лежащее подъ спудомъ! Съ увѣренностью можно сказать, что не найдется храма, въ которомъ не было бы какихъ либо серебряныхъ или золотыхъ вещей, давно вышедшихъ изъ употребленія и валяющихся въ сундукахъ. Спрашивается: къ чему онѣ нужны? Извести ихъ нельзя, такъ какъ находятся въ описи, только храни напрасно"...

Не во гнѣвъ будь сказано духовной газетѣ, мы очень сомнѣваемся, чтобы „не было въ Россіи храма, гдѣ бы золото и серебро не валялось въ сундукахъ". Напротивъ, мы убѣждены, что изъ сорока тысячъ церквей, разсѣянныхъ по Россіи и выстроенныхъ положительно на народные гроши, девяносто девять сотыхъ не только что золота въ сундукахъ не имѣютъ, но и сами нуждаются въ необходимомъ. Затѣмъ, конечно, есть въ городахъ и монастыряхъ храмы богато снабженные; но, однако, прежде чѣмъ приступить къ конфискаціи, надобно имѣть въ виду два обстоятельства. Часть богатствъ этихъ храмовъ въ утвари и прочихъ предметахъ образовалась вѣками; отправляя эти предметы на монетный дворъ, мы для извлеченія капитала, во всякомъ случаѣ ничтожнаго (это видно изъ того разсчета, что 1,000 пудовъ серебра стоютъ всего одинъ милліонъ, а собрать такую массу серебра въ издѣліяхъ весьма сомнительно), мы уничтожимъ безъ слѣда единственные почти остатки стариннаго русскаго искусства. Вандализмъ

ничѣмъ не оправдываемый! Мы не говоримъ уже о нравственной точкѣ зрѣнія, о томъ, что предметы, собранные въ нашихъ храмахъ, по большей части составились изъ частныхъ пожертвованій, а нарушать волю жертвователей государство имѣло бы право лишь въ случаѣ крайней необходимости, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда для общаго спасенія не останавливаются ни передъ чѣмъ. Петръ Великій могъ, напримѣръ, переливать въ пушки церковные колокола, потому что 26 лѣтъ воевалъ съ Швеціей, а Швеція тогда была единственнымъ источникомъ для снабженія мѣдью и онъ рисковалъ бы иначе остаться безъ орудійнаго металла. Несомнѣнно также, что отбираніе изъ храмовъ ихъ движимаго имущества произвело бы на народъ неблагопріятное впечатлѣніе и заставило бы его считать условія войны гораздо болѣе тягостными, чѣмъ они представлялись въ дѣйствительности.

Мы не хотимъ, впрочемъ, утверждать, что наше духовное сословіе и монастыри не должны принимать дѣятельнаго участія въ общихъ издержкахъ и пожертвованіяхъ. Они могутъ это дѣлать разными путями и безъ сплава предметовъ, драгоцѣнныхъ въ глазахъ народа.

ГЛАВА XIII.

Крестьяне и фабричные.

Положеніе крестьянъ послѣ реформы.—Жалобы на недостатокъ надѣловъ.—Переселенія.—Отмѣна подушной подати.—Народная нравственность.—Положеніе фабричнаго сословія.—Законъ о наймѣ рабочихъ.—Кустарная промышленность.

Статья „Journal de St.-Pétersbourg", восхвалявшая какъ-то остзейскіе поземельные порядки, очень понравилась одному изъ нашихъ крупнѣйшихъ поземельныхъ собственниковъ графу Орлову-Давыдову и онъ въ письмѣ на имя редактора нашей французской газеты поставилъ вопросъ: не нужно ли прежде всѣхъ другихъ реформъ реформировать нашихъ реформаторовъ? Къ такому выводу почтенный графъ пришелъ, сравнивая положеніе крестьянъ въ Россіи до освобожденія и послѣ освобожденія крестьянъ.

„До освобожденія,—говоритъ графъ Орловъ-Давыдовъ,—великорусскіе крестьяне пользовались матеріальнымъ благосостояніемъ несравненно высшимъ, чѣмъ прибалтійскіе крестьяне, теперь, наоборотъ, они далеко отстали отъ послѣднихъ и еще болѣе отстанутъ въ будущемъ". Въ подтвержденіе своего положенія графъ нарисовалъ заманчивую картину крѣпостного благополучія. „На сѣверѣ Россіи,—говоритъ онъ,—у крестьянъ было мало скота и небольшія запашки, но при системѣ оброка процвѣтало множество мелкимъ отраслей промышленности, почему капиталы быстро накоплялись и крестьяне не только выкупали себя, но и

образовывали первоклассныя торговыя фирмы. На югѣ не было капиталистовъ, зато села были окружены скирдами хлѣба, которыхъ не успѣвали обмолачивать. Въ большинствѣ селъ у мужика были по двѣ и по три лошади, а иные крестьяне имѣли до 30 лошадей и занимались зимою извозомъ".

Съ тѣхъ поръ все это совершенно, по словамъ графа, измѣнилось и, подъ вліяніемъ круговой поруки, крестьяне остались лишь при самомъ необходимомъ. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, напримѣръ, нѣкогда богатѣйшемъ, гдѣ не было и неурожаевъ, крестьяне обѣднѣли до того, что на 120 душъ мужского пола остается 30 лошадей; количество это, понятно, совершенно недостаточно для обработки 120 надѣловъ, почему большая часть земель запущена или же крестьяне нанимаютъ лошадей за лихвенные проценты. Недоимки ростутъ въ ужасающей прогрессіи. Въ Катурской волости, бывшей графини Орловой, за недоимку были проданы великолѣпные лѣса за нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а недоимка не уменьшилась.

Величайшее несчастіе для современнаго крестьянскаго сельскаго хозяйства, по мнѣнію графа Орлова-Давыдова, состоитъ въ недостаткѣ луговъ и сѣнокосовъ; нанимать помѣщичьи луга у крестьянъ нѣтъ средствъ, постоянное же распахиваніе своихъ надѣловъ служитъ главною причиною истощенія почвы и неурожаевъ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Таковы положенія графа Орлова-Давыдова. Это уже не первое, сдѣланное въ томъ же родѣ заявленіе, выходящее изъ обоихъ лагерей — и крѣпостническаго, и демократическаго. Не отрицая вѣрности фактовъ, указанныхъ графомъ тамъ, гдѣ онъ пріурочиваетъ эти факты къ извѣстнымъ мѣстностямъ, мы не можемъ, однако, признать за подобными частными заявленіями рѣшающаго значенія. Россія очень велика, составить себѣ общую картину ея положенія чрезвычайно трудно. Во всякомъ случаѣ, крайне сомнительно, чтобы до эмансипаціи было такъ хорошо, а послѣ нея все сдѣлалось уже такъ дурно.

До освобожденія, напримѣръ, въ 40-хъ годахъ, болѣе

10,000 крестьянъ ежегодно убѣгали отъ своихъ помѣщиковъ,—это фактъ, официально подтвержденный. „Отъ хорошаго житья не побѣжишь“, говоритъ пословица. Далеко также не всѣ благоденствовали. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, дѣло помѣщиковъ Дубровиныхъ, которые 3/4 своихъ взрослыхъ крѣпостныхъ (2,500 душъ) отдали въ работы на фабрики съ условіемъ получать за нихъ заработную плату, земли же запроданныхъ фабричныхъ присоединили къ барской запашкѣ и затѣмъ остальную 1/4 крестьянъ выгоняли поголовно на барщину, вынуждая этихъ несчастныхъ не только обработывать всю землю, но и платить подати за отданныхъ въ фабричную работу. Дѣло доходило до Государственнаго Совѣта, но и тамъ распоряженіе помѣщика было признано законнымъ. Скажутъ, это отдѣльные случаи; можетъ быть, но и факты, въ родѣ приводимыхъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ объ его Серпуховскомъ имѣніи, такъ же, вѣроятно, принадлежатъ къ отдѣльнымъ случаямъ.

Мы того мнѣнія, что жалобы на повсемѣстное обѣднѣніе крестьянъ въ Россіи едва ли могутъ быть обобщаемы, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и даже въ разныхъ мѣстностяхъ слѣды подобнаго обѣднѣнія дѣйствительно наблюдаются. Дѣло въ томъ, что случаи обѣднѣнія въ различныхъ мѣстахъ Россіи замѣчались, вѣроятно, и въ крѣпостную эпоху, но о нихъ не смѣли или не желали говорить.

Когда было устроено Министерство Государственныхъ Имуществъ, учрежденіе котораго Гакстгаузенъ считалъ величайшей реформой въ Россіи послѣ Петровскихъ реформъ, то повсюду раздались жалобы помѣщиковъ и земской полиціи, что государственные крестьяне разорены въ конецъ; съ того времени прошло благополучно сорокъ лѣтъ; теперь подобные же вопли слышатся о помѣщичьихъ крестьянахъ. Для оцѣнки явленія обѣднѣнія надобно брать не отдѣльныя цифры и случаи, а, какъ учитъ статистика, общіе итоги; только сумма явленій, гдѣ плюсы и минусы, выгоды и потери взаимно уравновѣшиваются, даетъ право дѣлать то или другое заключеніе.

Вотъ въ общихъ-то итогахъ этого обѣднѣнія крестьян-

скаго сословія пока еще никто не доказалъ, да его и не замѣчается, къ какому бы роду явленій мы ни обращались. Когда сводится экономическій балансъ Россіи за истекшій годъ, то обыкновенно, какъ ни верти, приходится сказать:— скверно! На слѣдующій годъ опять „скверно“ или „того хуже“, а смотришь Россія стоитъ себѣ и, хоть не Богъ вѣсть какъ развивается, все же и не идетъ назадъ по пути экономическаго прогресса. Изъ этого надобно заключить, что мы видимъ только поверхность экономической жизни, схватываемъ ея отдѣльныя проявленія, но въ общемъ она слишкомъ сложна и замысловата въ Россіи, чтобы быть уловленною и понятою однимъ бѣглымъ взглядомъ.

Говорятъ, что крестьяне разорены недоимками, однако предположенія бюджета о податяхъ исправно осуществляются и недоимка пропорціонально меньше, чѣмъ она была въ крѣпостную эпоху. Говорятъ, крестьяне пропились въ конецъ, однако каждый годъ питейный доходъ поступаетъ исправно и даже ростетъ, значитъ тѣ же, если не большія, средства остаются въ рукахъ мужика для кутежа. Положимъ, не велико счастіе, что мужикъ имѣетъ возможность пропить ежегодно одну и ту же сумму, но не все же онъ пропиваетъ. Извѣстно, что, кромѣ потребленія водки, ежегодно увеличивается въ Россіи потребленіе чая, сахара, дешевыхъ мануфактуръ, керосина, кожевеннаго товара, самоваровъ и т. д. Обороты Нижегородской ярмарки, главнаго торга крестьянскихъ товаровъ, ростутъ; значитъ увеличивается и потребленіе товаровъ, если не всегда полезныхъ, то во всякомъ случаѣ не вредныхъ для крестьянскаго хозяйства.

Есть признаки еще болѣе благопріятные. Какую, напримѣръ, массу помѣщичьихъ и казенныхъ земель арендуютъ крестьяне: ежегодно послѣдніе покупаютъ также не малое количество помѣщичьей земли въ свою полную собственность. На югѣ Россіи локомобили чрезвычайно распространились въ средѣ крестьянъ; департаментъ земледѣлія съ удивленіемъ констатировалъ также во множествѣ крестьянскихъ хозяйствъ разныя нововведенія по части агрономіи, культуру новыхъ растеній и т. п.

Отвергать значеніе подобныхъ фактовъ, собранныхъ изо всей Россіи, рѣшительно нѣтъ повода, а особенно когда они подкрѣпляются данными объ увеличеніи мѣстнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ, о быстромъ возростаніи внутренней промышленности, о необыкновенно аккуратномъ и бездоимочномъ исполненіи военной повинности, о повышеніи заработной платы и т. д. Одна свеклосахарная промышленность передаетъ крестьянамъ въ юго-западномъ краѣ денегъ за одинъ годъ вдесятеро болѣе, чѣмъ заботливость ихъ бывшихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ передавала въ десять лѣтъ. Если и въ крѣпостную эпоху Елисѣевы дѣлались милліонерами, то теперь можно назвать въ черноземной степной полосѣ крестьянъ, сдѣлавшихся помѣщиками десятковъ тысячъ черноземной земли.

Такимъ образомъ надобно провѣрить еще весьма обстоятельно и всесторонне заявленія объ обѣднѣніи Россіи и крестьянъ, прежде чѣмъ начинать плакаться, почему въ 1861 г. не восторжествовали остзейскіе порядки. По нашему мнѣнію, смѣшно полагать теперь, какъ въ 1861 г., что аграрная реформа совершена у насъ будто бы образцовымъ образомъ, которому можетъ только завидовать Западная Европа, но несомнѣнно, что жизнь лучше всего переучитъ нашихъ реформаторовъ. Наша таможенная политика служитъ тому порукою. Жизнь укажетъ, какія поправки слѣдуетъ сдѣлать въ Положеніи о крестьянахъ, не трогая принципа освобожденія.

Жалобы на крестьянское разореніе идутъ изъ противоположныхъ лагерей. Изъ демократическаго особенно напирали на недстаточность надѣловъ и ссылались на цифры книги профессора Янсона о крестьянскомъ землевладѣніи и выводы не менѣе тенденціозной книги г. Энгельгардта: „Изъ деревни“; эти разсужденія отозвались нелѣпыми толками въ средѣ крестьянъ о какомъ-то передѣлѣ земель— совершенно противномъ инструкціи губернскимъ комитетамъ, гдѣ было положительно выражено, что никакого увеличенія разъ сдѣланныхъ надѣловъ законодательнымъ путемъ не будетъ.

Вопросъ о надѣлахъ, конечно, по незнакомству съ усло-

віями многихъ мѣстностей, кажется нашимъ либераламъ самымъ незамысловатымъ для рѣшенія. По картѣ земля наша широко раскинулась и вдоль и поперегъ; какъ, кажется, не облагодѣтельствовать всѣхъ и каждаго кусочками этой земли, которая велика, если не обильна. Въ сущности же аграрный вопросъ въ Россіи, какъ и вездѣ, одинъ изъ самыхъ сложныхъ и мудреныхъ. Реформы, въ родѣ реформы 1861 г., подготовляются вѣками и думать, что ихъ можно повторять когда вздумается, чистѣйшее ребячество. Не то что разверстка земель, простое межеваніе тянется у насъ столѣтіе и невидать конца этой скромной операціи. Начатый же надѣлъ государственныхъ крестьянъ въ сѣверныхъ губерніяхъ пришлось просто бросить по невозможности осуществлять проекты, сочиненные въ канцеляріи.

Не говоримъ уже о томъ, что теорія и практика—двѣ вещи разныя. Въ теоріи можно говорить о прирѣзкѣ изъ земель казенныхъ, но на практикѣ эта мѣра явится дѣломъ невозможнымъ, если вникнуть во всѣ обстоятельства. Во-первыхъ, свободныхъ земель казенныхъ далеко не одинаковое количество въ разныхъ губерніяхъ. Гдѣ ихъ много (такихъ губерній уже очень мало), тамъ крестьяне или сами надѣлены хорошо землею, или легко арендуютъ ее на льготныхъ условіяхъ; гдѣ населеніе скучено и земли дороги, тамъ, само собою разумѣется, и казенной земли мало или ея вовсе нѣтъ; наконецъ на сѣверѣ казна дѣйствительно владѣетъ огромными пространствами, но эти площади покрыты лѣсами, подъ пашни рѣдко гдѣ годятся, да въ этихъ губерніяхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ относительно весьма немного.

Самое серьезное возраженіе, можетъ быть, конечно, сдѣлано еще въ томъ отношеніи, что казенныя земли вовсе не перемѣшаны такъ съ землями частныхъ владѣльцевъ, чтобы представлялось возможнымъ — кромѣ рѣдкихъ случаевъ — прирѣзывать ихъ вездѣ, гдѣ оказалась бы на то потребность, да и такая прирѣзка однимъ — являлась бы явною несправедливостью по отношенію къ остальнымъ крестьянскимъ обществамъ.

Нѣтъ спора, что свободныя казенныя земли — запасъ для будущихъ поколѣній русскаго крестьянства, но это уже сложный вопросъ о колонизаціи. Касательно послѣдней достаточно извѣстно, что колонизаціонный вопросъ находится у насъ въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Русскій человѣкъ въ душѣ колонизаторъ, вся Россія есть громадная колонія русскаго, преимущественно великорусскаго племени въ земляхъ финскихъ и тюркскихъ племенъ, между тѣмъ вѣковая колонизація наша шла до сихъ поръ исключительно какъ бы стихійнымъ образомъ. Правительство, въ особенности въ прежнее крѣпостное время, скорѣе стѣсняло ее, нежели поощряло, а если гдѣ и регулировало — то исключительно только тамъ, гдѣ эта колонизація имѣла значеніе политическое. Въ настоящее время, съ приростомъ населенія и истощеніемъ продолжительной культурой, почвы переселеніе становится еще болѣе настоятельною необходимостью въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ размѣръ надѣловъ не великъ.

Для упроченія колонизаціи въ Сибири наиболѣе важны два условія: обезпеченіе народнаго здравія и благоустройство крестьянскаго самоуправленія. Безполезно переселять народъ, если въ новой мѣстности онъ, вмѣсто ожидаемаго благополучія, будетъ гибнуть отъ лишеній и эпидемій. Въ настоящее время, за недостаткомъ врачей и аптекъ, въ Западной Сибири вездѣ чувствуется совершенное отсутствіе медицинской помощи и появляющіяся эпидеміи: горячка, оспа, корь и пр. свирѣпствуютъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не прекратятся сами собой. Не менѣе важно устройство крестьянскаго самоуправленія. До сихъ поръ введеніе крестьянскаго общественнаго устройства пріостанавливается въ Сибири въ томъ предположеніи, что прежде слѣдуетъ приступить къ поземельному устройству крестьянъ. Между тѣмъ эти распоряженія, какъ доказалъ примѣръ Алтайскаго горнаго округа, могли бы приводиться въ исполненіе независимо одно отъ другого. За отсутствіемъ же крестьянскаго общественнаго устройства и сельскихъ управленій, крестьяне поставлены въ полную зависимость отъ произвольныхъ дѣйствій своего волостного начальства, а волост-

ныя правленія большею частью находятся въ неудовлетворительномъ состояніи. Безграмотные старшины, руководимые плутоватыми писарями, распоряжаются полновластно въ обширныхъ сибирскихъ волостяхъ, дозволяя имъ разныя злоупотребленія и не заботясь о нуждахъ крестьянъ.

Однимъ изъ главныхъ условій успѣшной колонизаціи, какъ показываетъ примѣръ Америки, должно служить также межеваніе, между тѣмъ до сихъ поръ въ Тобольской и Томской губерніяхъ обмежевана только $^1/_3$ земель, подлежащихъ межеванію, а въ степныхъ областяхъ не только не было межеванія, но въ нихъ не установлены даже областныя и уѣздныя границы.

Для регулированія переселенія мы можемъ взять за образецъ Канаду, очень сходную съ Сибирью по своимъ физическимъ и экономическимъ условіямъ, по огромной территоріи и рѣдкому населенію. Она нуждается въ переселеніи и въ рабочихъ рукахъ. Для привлеченія ихъ, канадское правительство каждому, кто ссудитъ переселенцу средства на переѣздъ, первоначальное обзаведеніе, обстройку и посѣвъ, гарантируетъ ссуду до размѣра 200 долларовъ (400 руб.) на душу изъ 6 проц. Гарантія расходовъ на переселенія не менѣе важна для Россіи, чѣмъ гарантія обществъ желѣзныхъ дорогъ. У насъ правительство гарантировало уже помѣщикамъ выкупные платежи крестьянъ, а крестьянамъ ссуды изъ крестьянскаго банка, слѣдовательно въ операціи канадскаго правительства нѣтъ ничего для Россіи неподходящаго или несоотвѣтствующаго мѣстнымъ условіямъ. Точно также и средства русскаго правительства для гарантій съ его восьмисотъ милліонымъ бюджетомъ, конечно, значительнѣе, нежели средства канадскаго правительства, имѣющаго нормальный годовой бюджетъ около 95 милліоновъ рублей.

Проектируемая операція могла бы совершаться двоякимъ образомъ; или существующіе крестьянскій и поземельные банки выдавали бы крестьянамъ пособія на переселенія въ размѣрѣ 100—400 руб. (норма должна выработаться тщательно) и, получая возвраты ссудъ черезъ своихъ агентовъ на мѣстахъ колонизаціи, гарантировались бы

правительствомъ отъ возможныхъ потерь за извѣстный процентъ. Или же могъ бы учредиться особый банкъ для пособія переселенцамъ, который выдавалъ бы ссуды переселенцамъ по извѣстной нормѣ за свой рискъ, но съ тѣмъ, что средства банка получались бы продажею облигацій, гарантированныхъ правительствомъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ, руководя только переселеніями, направляя ихъ въ обмежеванныя земли, не задерживая крестьянъ въ пути и не препятствуя имъ устраиваться какъ они сами желаютъ, правительство, при помощи хорошихъ агентовъ на мѣстѣ, всегда будетъ въ состояніи рано или поздно вернуть свои затраты. Если же по гарантіямъ будутъ потери, то едва ли значительныя; онѣ, къ тому же, покроются процентами, взимаемыми за бланкъ правительства на обязательствахъ переселенцевъ. Надобно не забывать также, что въ недоборахъ въ податяхъ и въ безвозвратныхъ ссудахъ на продовольствіе теряется теперь сумма навѣрно не менѣе значительная, чѣмъ та, которую придется пожертвовать на упроченіе переселеній.

Взять колонизацію серьезно въ руки правительства, какъ это сдѣлано въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Австраліи и Аргентинской республикѣ, открыть ей свободные пути, организовать особыя для переселенцевъ учрежденія, издать твердыя правила, подчинить все дѣло гласности, стараться экономизировать народныя силы, растрачивающіяся въ безконечныхъ шатаньяхъ съ мѣста на мѣсто за поисками земель, которыя нерѣдко ждутъ рукъ,—конечно, одна изъ серьезнѣйшихъ задачъ нашего государственнаго управленія. Къ ней приступили было весьма робко въ 1881 г., но остановились на полумѣрахъ, опасаясь, что крестьянская масса вся подымется со своихъ мѣстъ въ поискахъ за кисельными берегами.

Колонизація не удовлетворитъ, быть можетъ, тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало увеличенія надѣловъ, но за то она—путь самый раціональный и единственный. Людямъ, любящимъ рѣшать государственные вопросы съ плеча и говорящимъ, что передѣлъ возможенъ и изъ частныхъ

земель, если только правительство явится вновь посредникомъ, можно отвѣтить, становясь даже на ихъ точку зрѣнія, вопросомъ: представляется ли какая нибудь выгода для самихъ крестьянъ отъ подобнаго разрѣшенія?

Еслибы правительство согласилось на новую гигантскую операцію отчужденія части помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ, то оно должно было бы это сдѣлать только справедливымъ для всѣхъ сторонъ образомъ, нигдѣ и ничѣмъ не нарушая правъ собственности. Ни о какомъ новомъ пожертвованіи со стороны помѣщиковъ не можетъ быть и рѣчи. Такихъ жертвъ въ принципѣ правительство не хотѣло требовать и въ 1861 году, хотя тогда еще можно было сказать въ оправданіе, что помѣщики расплачивались бы за пользованіе въ теченіе долгаго періода даровымъ крестьянскимъ трудомъ. Но теперь какой можетъ быть предлогъ для помѣщичьяго самопожертвованія, тѣмъ болѣе, что за двадцать послѣднихъ лѣтъ самый характеръ землевладѣнія во многихъ мѣстахъ Россіи кореннымъ образомъ измѣнился: земли перешли въ руки купцовъ, евреевъ, разбогатѣвшихъ крестьянъ, цѣлыхъ крестьянскихъ общинъ, иностранныхъ переселенцевъ; даже тамъ, гдѣ онѣ остались въ прежнемъ видѣ, земли перешли къ новому поколѣнію, ничего общаго съ крѣпостнымъ трудомъ не имѣющему. Это не слова, а факты. По офиціальнымъ даннымъ, напримѣръ, въ Московской губерніи въ 1865 г. на одного крупнаго землевладѣльца изъ купцовъ приходилось 17 дворянъ, а въ 1877 г.—только около 4-хъ.

Осталось бы, слѣдовательно, выкупать земли, какъ выкупаютъ ихъ на другія общегосударственныя нужды, напримѣръ, подъ постройку желѣзныхъ дорогъ, но такой выкупъ дѣлается обыкновенно капитализаціей дохода, приносимаго землею, и бываетъ выше, а не ниже дѣйствительной стоимости земли. Что же бы тутъ выиграли крестьяне? Они получили бы тѣ самыя земли, которыя они и теперь имѣютъ полную возможность арендовать, но за цѣну нѣсколько высшую противъ существующихъ цѣнъ аренды. Высшую потому, что при выкупѣ нужно присчитать потерю на курсѣ при реализаціи бумагъ, расходы самой реализа-

ціи, содержаніе разныхъ учрежденій, которыя являлись бы руководителями операціи и посредниками между правительствомъ, крестьянами, помѣщиками и владѣльцами новыхъ выкупныхъ бумагъ, и т. д. Другими словами, крестьяне проиграли бы въ экономическомъ отношеніи, а отнюдь не выиграли бы.

Вопросъ о надѣлахъ заслуживаетъ еще разсмотрѣнія и съ агрономической точки зрѣнія. Какъ ни развернешь русскую исторію, такъ и читаешь съ поконъ вѣка жалобы на недостатокъ земли. Предки наши все брели врозь, отыскивая свободныя земли. Конечно, въ этомъ разбродѣ играли роль и вліянія политическія и соціальныя, но первое мѣсто принадлежитъ вліянію избранной системы культуры земли, которая въ Россіи всегда была исключительно экстенсивная, если не прямо хищническая. Но пора, наконецъ, подумать и о какомъ нибудь предѣлѣ подобной расточительности почвы. Если мы, захвативъ уже чуть не цѣлую часть свѣта и имѣя населеніе, даже въ наиболѣе заселенныхъ губерніяхъ, втрое и впятеро менѣе плотное, нежели въ такихъ странахъ Европы, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ, жалуемся на недостатокъ земли, то что же будетъ далѣе?

Легкость пріобрѣтенія новыхъ земель только закрѣпитъ на долгое время экстенсивное и неразсчетливое сельское хозяйство, а вовсе не обезпечитъ будущаго. Въ этомъ случаѣ нельзя порадоваться сдѣланному исключительно въ пользу крестьянъ облегченію аренды казенныхъ оброчныхъ статей подъ обезпеченіе круговой поруки-обществъ и учрежденію Крестьянскаго банка.

Крестьянскій банкъ, кромѣ еще большаго расширенія хищническаго хозяйства, вреденъ въ томъ отношеніи, что создаетъ на казенныя деньги изъ кулаковъ и міроѣдовъ какія-то привилегированныя круговыя товарищества, своего рода крестьянскую аристократію. Затѣмъ недостаточно еще кредита для покупки земли, деньги нужны и для обзаведенія инвентаря, и на улучшеніе хозяйства. Въ настоящемъ же своемъ видѣ главную пользу отъ Крестьянскаго банка извлекаютъ помѣщики, спустившіе крестьянамъ по

очень высокой цѣнѣ, при посредствѣ правительства, ненужныя имъ земли.

Для крестьянъ меліораціонный кредитъ важнѣе, чѣмъ кредитъ для покупки земли, ибо нельзя не замѣтить въ оправданіе крестьянъ, что измѣненія системы культуры не всегда въ ихъ власти—даже тамъ, гдѣ является полное сознаніе въ необходимости этихъ измѣненій. Мы укажемъ хотя на одинъ примѣръ, весьма, по нашему мнѣнію, убѣдительный. Экстенсивное хозяйство является послѣдствіемъ плохого удобренія полей, которыя быстро истощаются, а возобновленіе плодородія на однажды истощенныхъ пашняхъ требуетъ большихъ затратъ труда и капитала, нежели распашка нетронутой цѣлины. Если же поля въ Россіи дурно удобряются, то виною тому не всегда небрежность или нежеланіе землевладѣльцевъ и крестьянъ, а недостатокъ скота, служащаго источникомъ удобренія. Что же мы тутъ видимъ на практикѣ? Скотоводство, которое составляетъ основаніе будущаго улучшенія хозяйства въ Россіи и увеличенія доходности земель, по офиціальнымъ даннымъ, сокращается и особенно это прискорбное сокращеніе замѣтно въ крестьянскомъ быту.

Скотоводство же уменьшается потому, что свободныхъ полей для выпаса дѣлается все менѣе, а воспитаніе скота на сухомъ корму требуетъ поваренной соли, которой у насъ недоставало изъ-за высокаго акциза въ пищу даже крестьянамъ. Мы не говоримъ уже о гибели скота десятками тысячъ головъ отъ эпидемій, обусловливаемыхъ дурнымъ устройствомъ ветеринарной части. Мало скота—дурной урожай, при плохомъ урожаѣ—податная несостоятельность, затѣмъ продажа за недоимку скота, т. е. еще большее разстройство хозяйства. И такъ, переселенія, мѣры для развитія скотоводста, отмѣна соляного налога, сложеніе подушной подати—вотъ средства для поднятія крестьянскаго благосостоянія. Можно быть увѣреннымъ, что, раціонально приложенныя къ жизни, эти мѣры вмѣстѣ съ развитіемъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій могутъ принести гораздо болѣе пользы нашему земледѣльческому населенію, чѣмъ увеличеніе его надѣловъ. До сихъ поръ же дѣйство-

вали въ противоположномъ направленіи и даже на Уралѣ горнозаводскимъ мастеровымъ, 200 лѣтъ какъ покинувшимъ земледѣліе, для „обезпеченія быта“ навязывали клочки каменистой и тундристой земли.

Часть этихъ desiderata уже осуществлена: къ организаціи переселеній сдѣланъ приступъ, выкупные платежи понижены для помѣщичьихъ крестьянъ, соляной налогъ уничтоженъ, а подушная подать отмѣнена для помѣщичьихъ крестьянъ и обращена въ выкупные платежи для государственныхъ.

То равнодушіе, съ которымъ встрѣчено было извѣстіе объ отмѣнѣ подушной подати, послѣ того какъ было исписано столько бумаги о необходимости этой отмѣны и столько было въ свое время сказано горячихъ фразъ, подтверждаетъ, что наше молодое общество желаетъ преобразованій не въ силу глубоко сознанной потребности, а лишь въ силу моды, или случайно навѣянныхъ теорій. То же самое произошло и при отмѣнѣ соляного налога. Его громили какъ ненавистный для народа, когда же правительство пошло на встрѣчу общественному мнѣнію, то важность его пожертвованія, слишкомъ 16 милл. руб. въ годъ, никѣмъ оцѣнена не была, и сомнительно даже, зналъ ли русскій „народъ“ объ отмѣнѣ въ его пользу соляного акциза.

Значеніе отмѣны подушной подати не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать: рубль или полтора, которые платилъ крестьянинъ, среднимъ числомъ, съ души въ 1885 году, далеко не то по своей тягости, что были 74 копѣйки, которыя приходилось платить подушной подати русскому мужику въ 1722 г. при Петрѣ Великомъ. Тогдашнюю тягость налога надобно считать по крайней мѣрѣ вдесятеро большей. Съ другой стороны, народъ подушную подать давно включилъ въ распредѣляемый имъ одинаково по тяглямъ цѣлый рядъ платежей выкупныхъ, оброчныхъ, земскихъ, мірскихъ. Въ глазахъ мужика не было рѣшительно никакого различія въ этихъ сборахъ и потому отмѣна одного государственнаго подушнаго сбора, представляя извѣстное облегченіе, въ сущности не измѣнила до времени

существенно способа самообложенія, который выработалъ нашъ народъ подъ вліяніемъ подушной подати.

Подать эта, какъ извѣстно, была однимъ изъ проявленій крутого деспотизма Петра I и представляла шагъ назадъ въ финансовой системѣ Россіи. Графъ Канкринъ, какъ нѣмецъ, конечно взялъ Петра подъ свою защиту и, утверждая, что „предстоятъ большія затрудненія перемѣнить подушную систему, при маломъ образованіи сносную, на другую, большему образованію болѣе свойственную", повторяетъ только въ этомъ случаѣ извѣстную пословицу: „что русскому здорово—то нѣмцу смерть!" Но и Канкринъ не могъ не признать, что при Петрѣ „казна по соразмѣрности стала бѣднѣе".

Болѣе безпристрастный историкъ нашихъ финансовъ, графъ Д. А. Толстой, справедливѣе взглянулъ на это дѣло. Указавъ на удобства до-Петровской системы „посошнаго" обложенія, основаннаго на кадастрѣ, графъ въ своей „Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи" говоритъ: „Только въ 1722 году Россія лишилась своей народной кадастраціи, на мѣсто которой введенъ былъ подушный сборъ. Такимъ образомъ положенъ былъ конецъ развитію посошной подати, развитію, обѣщавшему несомнѣнную пользу для государственнаго благосостоянія, и мѣсто его заступила варяжская дань подъ новымъ названіемъ. Опыты вѣковъ въ этомъ отношеніи были потеряны; но слѣдующимъ государямъ оставлено въ удѣлъ возсозданіе того, что уже существовало, но мгновенно уничтожено, и кадастрація, которая лежала въ основаніи посошной подати, при всѣхъ трудахъ и усиліяхъ, не можетъ еще быть введена и въ настоящее время"...

Замѣчательно, что современники Петра вполнѣ понимали неправомѣрность введеннаго имъ налога. Извѣстный Посошковъ, котораго профессоръ Брикнеръ называетъ русскимъ Монтескье, писалъ не безъ ироніи: „Въ счисленіи душевномъ не чаю я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя"...

Справедливо, впрочемъ, замѣтить, что русскій Монтескье изъ крестьянъ Петровскаго времени опередилъ въ данномъ

случаѣ не только своихъ современниковъ, но и финансовую практику нашего вѣка. Хотя нѣкоторые публицисты наивно полагаютъ, будто бы подушная подать составляетъ спеціальную принадлежность бѣдной Россіи, но это невѣрно—подушная подать благополучно существуетъ до сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи, во Франціи, а отчасти и въ Пруссіи.

При этомъ въ этихъ странахъ, изъ которыхъ первыя три — республики, она именно существуетъ какъ личная поголовная подать съ души „неосязаемой и умомъ непостижимой", у насъ же, вслѣдствіе того, что фискъ имѣлъ дѣло не съ единичными плательщиками, а съ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, подушная подать издавна обратилась изъ личной въ имущественную и подоходную. Въ виду такой раскладки и привычки народа къ означенному налогу, нѣкоторые финансисты и находили, что его трогать не слѣдуетъ, ибо безъ дохода, приносимаго подушною податью, правительство все-таки обойтись не можетъ, а неизвѣстно еще какъ будутъ переложены на массу населенія вновь изобрѣтаемые взамѣнъ подушной подати налоги, по преимуществу косвенные. Мы полагаемъ, однако, что отмѣна подушной подати была сдѣлана правильно и своевременно.

Значеніе этого преобразованія главнымъ образомъ политическое. Конечно, для народа, который платитъ въ годъ свыше 200 милл. питейнаго налога, 50 милл. рублей подушной подати, изъ коей половина немедленно еще переведена на землю въ видѣ повышенія оброчной подати государственныхъ крестьянъ, не составляетъ коренного облегченія. Но значительное облегченіе произойдетъ косвенно, другимъ путемъ, а именно отъ снятія тѣхъ узъ, которыя, главнымъ образомъ, закрѣпляли низшіе классы населенія землѣ въ видахъ обезпеченія исправной уплаты подушной подати.

Не нужно, однако, и въ этомъ случаѣ черезчуръ увлекаться возможными результатами отмѣны подушной подати. Эта отмѣна позволитъ сдѣлать облегченіе въ круговой порукѣ и паспортной системѣ, но уничтожить существующую финансовую крестьянскую организацію не можетъ, ибо она

вызывалась не подушною только податью, но и общиннымъ владѣніемъ землею, съ подушною раскладкою всѣхъ платежей и повинностей, лежащихъ на сельскомъ населеніи, Понадобятся еще десятки лѣтъ, а можетъ быть и вѣка. чтобы русскій крестьянинъ сталъ вполнѣ независимою ни отъ кого единицею. Да и вопросъ, будетъ ли онъ тогда счастливѣе и не придется ли вновь законодательнымъ путемъ соединять сельское населеніе въ какія либо прочныя хозяйственныя корпораціи или союзы?

По крайней мѣрѣ со всѣхъ концовъ Россіи приходятъ прискорбныя извѣстія объ упадкѣ въ народѣ нравственности и о томъ, что въ нравственномъ отношеніи крестьянскій земледѣльческій классъ населенія не представляетъ болѣе никакого отличія отъ рабочихъ классовъ — городскаго, ремесленнаго и фабричнаго. Одни и тѣ же пороки и въ одинаковой почти степени развились теперь во всѣхъ низшихъ классахъ населенія, между тѣмъ какъ лѣтъ двадцать и болѣе тому назадъ земледѣльческое сословіе въ нравственномъ отношеніи стояло неизмѣримо выше фабричнаго.

Поразительныя свѣдѣнія сообщилъ на этотъ счетъ бывшій предсѣдатель ростовской земской управы г. Титовъ въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи, изданномъ на казенный счетъ. По словамъ г. Титова, въ прежнее время крестьянинъ былъ сѣръ: ходилъ въ домотканной пестрядинной рубахѣ и портахъ, сермягѣ, овчинѣ, да въ лаптяхъ; но въ нравственномъ отношеніи онъ былъ чище, чѣмъ теперь, что должно цѣниться много дороже нынѣшняго красиваго платья. Господствующіе въ средѣ крестьянскаго населенія пороки—это пьянство, полная безнравственность въ обращеніи одного пола съ другимъ, картежная игра и кляузничество.

Пьянство въ послѣднее время приняло по-истинѣ грандіозные размѣры. Пьянствуютъ крестьяне и въ будни, и въ праздникъ, и въ рабочую, и нерабочую пору. Выражается оно то въ видѣ поголовнаго пьянства цѣлыми селеніями (мірскія попойки), то въ видѣ компанейскаго и одиночнаго кабацкаго или домашняго пьянства. Пьетъ и

старый и молодой, пропивая послѣднія свои, мірскіе или отцовскіе гроши; денегъ нѣтъ—тащитъ и пропиваетъ продукты, закладываетъ или вовсе пропиваетъ съ себя или съ жены одежду и, наконецъ, когда ничего въ домѣ не останется, воруетъ у сосѣда. Глядя на мужчинъ, женщины, даже дѣти и молодыя дѣвушки стали втягиваться въ пьянство. Въ Ярославской губерніи нерѣдкость встрѣтить теперь пьяницъ даже 13—14 лѣтъ.

Картежная игра, по словамъ г. Титова, особенно развита между молодымъ холостымъ народомъ и подростками, но и большая часть женатыхъ молодыхъ крестьянъ не прочь, какъ они выражаются, „посмотрѣть въ святцы“. Картежная игра—это второе главное зло послѣ пьянства, доводящее крестьянскія семьи до разоренія и преступленій. Ради ея оставляются иногда гулянья, дѣвичьи хороводы, бесѣды и др. любимыя удовольствія крестьянской молодежи. Въ воскресенья и праздники въ селеніяхъ вы не встрѣтите часто на улицѣ никого изъ молодыхъ людей: они сидятъ по сараямъ и ометамъ или просто на травѣ и играютъ въ карты. Зимою и осенью картежная игра происходитъ въ трактирахъ или въ нарочно приспособленныхъ у бѣдныхъ, за небольшую плату, домахъ! Плутни, ссоры и драки въ картежной игрѣ неизбѣжны.

На бесѣдахъ у молодцовъ съ дѣвицами происходятъ отвратительныя сцены. Молодыя дѣвушки, пріучившись къ безобразію, понятно, по выходѣ въ замужество, не могутъ быть вѣрными женами. Вѣрностью къ своимъ женамъ не отличаются, въ свою очередь, и мужчины. Отхожіе промыслы въ особенности дѣйствуютъ гибильно на этотъ счетъ. Распространеніе сифилиса во всѣхъ его формахъ въ крестьянскомъ сословіи самое ужасное зло. Не рѣдки также случаи рожденія дѣтей молодыми крестьянками, при чемъ бываютъ случаи дѣтоубійства. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Титовъ, „ужъ до того развились умственныя способности въ настоящее время, что молодыя дѣвушки нашли средство изгонять свой плодъ“.

Развившееся кляузничество выражается въ массѣ всякаго рода дѣлъ, производящихся въ волостныхъ судахъ,

крестьянскихъ присутствіяхъ, мировыхъ и судебныхъ присутствіхъ. Въ торгово-промышленномъ и въ общинномъ и частномъ землевладѣніи, и въ семейныхъ дѣлахъ постоянные споры, тяжбы, словомъ, „всѣ пересудились". Такое сутяжничество возбуждаетъ великое удовольствіе мѣстнаго волостного начальства, въ особенности волостныхъ судей и писарей, не отличающихся нигдѣ честностью и трезвостью, но составляетъ истинное мученіе для лицъ, обязанныхъ отправлять правосудіе въ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

Описанное положеніе вещей, хотя вовсе не новость для людей, знающихъ Россію и безпристрастныхъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Пьянство народа представляетъ явленіе старое. Еще въ концѣ XIV вѣка знаменитый святой Кириллъ Бѣлозерскій писалъ къ брату великаго князя Андрею Дмитріевичу Можайскому: „Чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было: отъ нея великая погуба душамъ; христіане пропиваются, а души ихъ гибнутъ"... Но такіе пороки, какъ картежная игра, сплошной развратъ между дѣвушками и многими замужними женщинами, мотовство, подражаніе въ одеждѣ щегольскимъ костюмамъ городскихъ классовъ, сильно развившіяся плутни, мошенничество и сутяжничество, явились плодомъ съ одной стороны болѣе тѣснаго сближенія крестьянъ съ другими сословіями, а съ другой— предоставленія крестьянскаго сословія совершенному произволу ихъ собственнаго самоуправленія, въ коемъ петербургскіе доктринеры видѣли торжество „великихъ принциповъ 89 года" *).

Нельзя, конечно, картины, нарисованной г. Титовымъ, обобщать для всей Россіи, но то обстоятельство, что она представляетъ явленіе общее цѣлымъ уѣздамъ, а наши

*) Одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Въ Бразиліи, вслѣдствіе освобожденія рабовъ, потребленіе рома увеличилось въ такой степени, что цѣна на этотъ продуктъ возвысилась на сто процентовъ. Негритянки избрали себѣ другой предметъ роскоши. Признакомъ цивилизованности у нихъ явился корсетъ и спросъ на корсеты такъ великъ, что на нихъ въ Бразиліи теперь стоятъ огромныя цѣны.

уѣзды побольше многихъ германскихъ государствъ, уже не можетъ не возбуждать ряда тревожныхъ вопросовъ.

Обрисовавъ рѣзкими чертами упадокъ народной нравственности, г. Титовъ пытался указать и на тѣ мѣры, которыми она могла бы укрѣпиться въ будущемъ. Онъ не предлагаетъ опеки надъ крестьянами въ видѣ земскихъ начальниковъ или волостелей. По его мнѣнію, необходимо расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, устройство ремесленныхъ школъ, сельскихъ выставокъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ и кассъ, чайныхъ лавочекъ, народныхъ читаленъ и библіотекъ, улучшеніе персонала народныхъ учителей. Другими словами, г. Титовъ, какъ земскій дѣятель, держится системы „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись“...

На самомъ же дѣлѣ прежде и болѣе всего необходима строгая власть, польза же, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи, для крестьянъ отъ образованія—вопросъ весьма спорный. Поэтому едва ли можно радоваться, что для крестьянскихъ мальчиковъ побужденіемъ къ посѣщенію школы явились теперь льготы по отправленію воинской повинности для окончившихъ успѣшно курсъ начальной школы. Впрочемъ, опасность еще не очень велика. Если принять, какъ вычисляютъ иностранные статистики, школьный возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ и что этотъ возрастъ составляетъ 15% населенія, то число учащихся у насъ должно бы простираться до 17 милл., а между тѣмъ въ дѣйствительности оно менѣе въ 10—12 разъ этого числа. И это слава Богу, такъ какъ народные учителя по большей части fruits secs духовнаго сословія. Положеніе ихъ печально. Число учителей и учительницъ, получающихъ годичнаго содержанія менѣе 100 руб., составляетъ около 25% общаго числа преподающихъ въ народныхъ училищахъ; получающихъ отъ 100 до 200 руб.—около 50%; свыше 300—около 7%. Слѣдовательно, $^3/_4$ изъ общаго числа учителей и учительницъ получаютъ содержаніе, которое не можетъ считаться не только удовлетворительнымъ, но скорѣй можетъ назваться нищенскимъ, ибо теперь каждый здоровый кузнецъ легко заработываетъ отъ 300 до 400 руб. въ годъ.

Въ виду этихъ данныхъ нельзя не согласиться съ графомъ Толстымъ, писавшимъ въ своемъ отчетѣ по министерству за 1874 годъ, что „обученіе для большинства учащихся въ нашихъ школахъ (народныхъ) представляется, *по крайней мѣрѣ,* безполезнымъ и уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ осуществленію той высокой задачи, которая положена въ основаніе нашей школы"...

Разбиравшееся во владимірскомъ окружномъ судѣ дѣло о безпорядкахъ въ началѣ февраля 1885 г. на Никольской мануфактурѣ товарищества „Саввы Морозова сынъ и комп." уничтожило одинъ изъ предразсудковъ, оставшихся у насъ отъ „добраго" стараго времени, будто фабричнаго сословія въ западномъ смыслѣ въ Россіи не существуетъ и что наши фабричные, работая часть года на фабрикахъ, а часть возвращаясь, „на лоно природы", то къ своимъ бабамъ, то къ сельскимъ занятіямъ, представляютъ особое сословіе людей, ничего общаго съ западнымъ пролетаріатомъ не имѣющее.

Оказывается, что, вмѣсто идилліи, мы встрѣчаемся съ положительнымъ фактомъ, что революціонная пропаганда коснулась уже у насъ и фабричнаго сословія, а послѣднее формулируетъ буквально тѣ же требованія, что и рабочіе въ Западной Европѣ. Конечно, все это въ зародышѣ, но разъ есть почва и есть плевелы, послѣдніе взойдутъ и распространятся.

Изъ обвинительнаго акта во владимірскомъ процессѣ усматривалось, что по вечерамъ въ казармахъ морозовскіе рабочіе собирались разсуждать о тягостномъ положеніи трудящихся классовъ, что имъ при этомъ рабочими же читались статьи по экономическимъ вопросамъ, толковалось объ *эксплоатаціи труда* и совѣтовалось совокупными усиліями добиваться возвышенія заработной платы. Одинъ изъ рабочихъ, не понимая значенія среднихъ статистическихъ цифръ, объяснялъ, что каждый рабочій зарабатываетъ *на хозяина* 1,470 или 1,740 руб. Когда губернаторъ потребовалъ отъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ объясненія, то онъ отвѣтилъ: „мы передъ *капиталистами* говорить не можемъ"...

Эти поступки, эти слова въ устахъ фабричныхъ, помыслы которыхъ были до сихъ поръ направлены къ тому, чтобы въ свободное отъ занятій время выпить водки и поиграть на гармоникѣ, очень характерны. Конечно, скажутъ, что они случайность, что нельзя изъ отдѣльныхъ фразъ дѣлать какіе либо рѣшительные выводы. Но точно то же говорилось, когда извѣстное слѣдствіе сенатора Жихарева открыло зародыши революціонной пропаганды во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ такихъ слояхъ населенія, которыя до того были, казалось, совсѣмъ беззаботны насчетъ политики и общественныхъ вопросовъ.

Всѣмъ памятно, какъ встрѣтили жихаревскія разоблаченія. Большинство и, прежде всѣхъ, судебное сословіе, увидѣли въ нихъ клевету на нашу провинцію, нѣчто въ родѣ выдумокъ наполеоновскихъ agents provocateurs съ цѣлью отличиться, усмиряя несуществующія волненія и открывая никогда не происходившіе заговоры. Послѣдствія показали, однако, что слѣдствіе Жихарева было только легкимъ приподнятіемъ занавѣса, скрывавшаго многое, происходившее внутри Россіи, что тѣ классы общества и тѣ города, которые привыкли считать богоспасаемыми, выставили изъ себя такихъ дѣятелей, политическій фанатизмъ которыхъ заставилъ вздрогнуть и заговорить всю Европу.

Мы, впрочемъ, не думаемъ рѣшать вопроса, насколько безпорядки, происходившіе въ той или другой фабрикѣ, служатъ болѣе или менѣе тревожнымъ симптомомъ въ политическомъ отношеніи. Замѣчательно, однако, что съ каждымъ двадцатилѣтіемъ нашей исторіи революціонная пропаганда мѣняла въ Россіи объектъ своихъ дѣйствій.

Въ двадцатыхъ годахъ о революціяхъ и конституціяхъ мечтали и толковали у насъ только въ высшемъ обществѣ: кн. Волконскіе, Трубецкіе, графы Чернышевы, Каховскіе и друг. декабристы изъ гвардейцевъ и аристократической молодежи разговаривали между собою, преимущественно по-французски, восхищались республикою Платона, Брутомъ и Ріего, а спасеніе Россіи видѣли въ подражаніи испанскимъ кортесамъ 1812 г. Это вызвало остроумное замѣчаніе графа Ростопчина: „Я понимаю, что французскія бур-

жуа сдѣлали революцію, чтобы пріобрѣсти права, но не могу понять русскихъ дворянъ, дѣлавшихъ революцію, дабы потерять тѣ права, которыя они имѣютъ".

Въ сороковыхъ годахъ движеніе перешло въ среду помѣщиковъ, петербургскихъ чиновниковъ и литераторовъ. Герценъ, Огаревъ, Петрашевцы принадлежали къ дворянству и вообще зажиточному классу населенія. Идеаломъ ихъ былъ Луи Бланъ, вдохновителями—французская литература іюльской монархіи. Идеалы свои они искали не въ герояхъ древности, а въ оригинальныхъ фантазіяхъ Фурье и романахъ Эженя Сю.

Двадцать лѣтъ спустя, въ шестидесятыхъ годахъ, выступаетъ новая формація дѣятелей; дворянскій элементъ въ немъ очень ослабъ; разночинцы („Робеспьеры по акцизу, а Мараты по контролю", какъ сказалъ о нихъ Щербина), семинаристы, мѣщане, получившіе гимназическое и частью высшее образованіе, дѣвицы изъ тѣхъ же сословій, „цибулизованные" евреи—вотъ контингентъ ревюлюціонной дѣятельности, вотъ откуда набирались сотрудники подпольныхъ изданій, фабриканты динамита и авторы дерзкихъ покушеній. Люди эти отвергали литературу и искусство, потому что герои ли древности, герои ли Комитета общественнаго спасенія, для нихъ безразличны, хотя анархическія теоріи ихъ несомнѣнно взяты напрокатъ.

Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, броженіе, хотя и мало, проникаетъ въ рабочій классъ, фабричные начинаютъ и въ Россіи толковать объ эксплуатаціи труда капиталомъ... Очень вѣроятно, что черезъ новое двадцатилѣтіе, т. е. примѣрно въ началѣ будущаго столѣтія, услышатъ о подобныхъ же толкахъ въ средѣ сельскаго населенія. Какъ идеи Маркса и интернаціоналки внѣдряются теперь въ среду фабричныхъ, такъ быть можетъ гдѣ-нибудь въ Черниговской или Новгородской губерніяхъ, съ распространеніемъ грамотности, явятся, пожалуй, отголоски ирландскаго аграрнаго движенія.

Но если до сихъ поръ „хожденіе въ народъ" приводило только къ полному разочарованію революціонныхъ дѣятелей, то надобно думать, что и черезъ двадцать лѣтъ всѣ по-

пытки впустить въ многомилліонную массу сельскаго населенія Россіи зародыши антогонизма будутъ неудачны. Масса эта, какъ показываетъ исторія, вовсе не инертна, но совершающіеся въ ней умственные процессы не поддаются легко наблюденію, а еще менѣе руководству извнѣ. Болѣе вліяетъ на народъ сила нагляднаго примѣра, нежели пропаганда. Поэтому многія дурныя стороны другихъ классовъ населенія, напримѣръ щегольство, карточную игру, кляузничество и т. д., народъ усваиваетъ мало-помалу, тогда какъ отвлеченныя теоріи остаются ему чужды,

Поэтому за народъ нашъ можно, кажется, быть спокойнымъ. Онъ не измѣнитъ такъ легко самобытности, какъ это пробовали сдѣлать высшіе классы въ прошломъ столѣтіи. Надобно при этомъ еще имѣть въ виду, что, распространяясь вглубь, революціонная идея теряетъ у насъ свою силу сверху. Тѣ классы населенія, которые ранѣе другихъ получили возможность съ нею знакомиться, замѣтно становятся теперь консервативными. Въ настоящее время трудно найти между людьми серьезными изъ аристократіи или дворянства такихъ, которые думали бы о республикахъ или организаціи труда, какъ въ 20-хъ или въ 40-хъ годахъ. Мало-по-малу здравый смыслъ возьметъ верхъ и въ главной массѣ средняго сословія. Уже теперь можно видѣть, что отвлеченная доктрина и безпочвенный радикализмъ все менѣе и менѣе имѣютъ успѣха въ умахъ людей просвѣщенныхъ; они импонируютъ только полуневѣждамъ.

Такимъ образомъ, русское общество содержитъ въ себѣ достаточный коррективъ для угрожающихъ ему болѣзней и, какъ бы ни казалась инымъ опасною анархическая пропаганда, разъ она заходитъ въ захолустье, въ темную и грубую сферу фабричнаго населенія, можно думать, что эти успѣхи будутъ компенсироваться отрезвленіемъ высшихъ и образованныхъ классовъ.

Вслѣдствіе успѣховъ техники и сокращенія отъ того необходимаго числа рабочихъ рукъ, наша фабричная и заводская промышленность никогда не жаловалась на недостатокъ послѣднихъ; жалобы фабрикантовъ и заводчиковъ

не имѣли ничего общаго съ жалобами сельскихъ хозяевъ, для которыхъ вопросъ о регулированіи найма рабочихъ — вопросъ жизненный. Совсѣмъ наоборотъ, вслѣдствіе чрезвычайныхъ колебаній въ фабричной производительности, положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ стало очень непрочнымъ и зависимымъ, такъ какъ возможность сокращенія заработка, т. е. средствъ къ существованію, всегда виситъ какъ Дамокловъ мечъ надъ рабочимъ, особенно въ моментъ продолжительнаго кризиса.

Были, правда, наивные люди, которые полагали, что надѣломъ крестьянъ наши низшія сословія такъ обезпечены, что находятся внѣ вліяній какихъ бы то ни было кризисовъ, но непродолжительный опытъ доказалъ, что въ фабрично-заводскихъ мѣстностяхъ надѣлы прокормить населенія не могутъ, они, или скорѣе платежи за нихъ, иногда даже въ тягость крестьянамъ и вопросъ о рабочемъ пролетаріатѣ самъ собою возникнетъ въ Россіи съ увеличеніемъ населенія, съ расширеніемъ промышленности и съ прекращеніемъ прежнихъ патріархальныхъ отношеній, когда заводчикъ, который былъ, по большей части, помѣщикомъ, кормилъ, лечилъ и призрѣвалъ своихъ рабочихъ, взносилъ за нихъ подати, давалъ даровой лѣсъ, покосы и проч., требуя взамѣнъ обязательнаго труда.

Волненія, бывшія на разныхъ фабрикахъ, и особенно во Владимірской губерніи, указали на необходимость заняться и этимъ вопросомъ, пересмотрѣть существующіе законы о наймѣ рабочихъ для фабрикъ и заводовъ и составить новое, болѣе общее положеніе, отвѣчающее современнымъ условіямъ. Съ этою цѣлью была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Плеве, и выработанный ею проектъ обратился въ законъ.

Въ общемъ законѣ этотъ включилъ въ себя существовавшія постановленія о наймѣ рабочихъ, но значительно развилъ ихъ и дополнилъ, притомъ почти исключительно въ интересахъ рабочаго сословія. Заботливость о послѣднемъ проглядываетъ въ каждой статьѣ и какъ законодательство создало у насъ мало-по-малу изъ крестьянскаго землевладѣнія привилегированный видъ собственности, такъ

по новому закону заработокъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (salaire), который западные писатели называли „послѣднимъ видоизмѣненіемъ рабства“, становится въ извѣстной степени привилегированнымъ видомъ дохода, неприкосновеннымъ въ извѣстной его части.

Для обезпеченія интересовъ рабочаго сословія учреждена фабричная инспекція и, какъ апелляціонная для послѣдней инстанція — губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Вслѣдствіе недостатка денегъ, на первый разъ инспекціи учреждены только въ губерніяхъ московскаго, петербургскаго и владимірскаго фабричныхъ районовъ, хотя не слѣдовало лишать остальную часть Россіи ея услугъ. Средствъ же для организаціи подобной инспекціи у Министерства Финансовъ достаточно. Оно, во-первыхъ, могло употребить для этого деньги, ассигнованныя на инспекціи работы малолѣтнихъ, ибо въ двойной инспекціи фабрики не нуждались, затѣмъ главныя средства могли дать давно ожидаемое и всячески тормозимое соединеніе казенныхъ палатъ съ акцизными управленіями и сокращеніе хотя на половину числа податныхъ инспекторовъ. Послѣднимъ, какъ оказалось, не много работы и они выдумываютъ себѣ занятія, въ родѣ, напримѣръ, ставленія своихъ штемпелей на всѣхъ выдаваемыхъ торговыхъ документахъ! Уменьшая расходы на податныхъ инспекторовъ хотя на треть, средства для организаціи фабричной инспекціи нашлись бы, тѣмъ болѣе, что эти инспекторы могутъ исполнять и обязанности по провѣркѣ подоходнаго обложенія фабрикъ и заводовъ. У насъ есть фабричная инспекція для горныхъ заводовъ и промысловъ и тѣ же инспекторы наблюдаютъ за исправнымъ поступленіемъ горныхъ податей.

Фабричное присутствіе, по нашему мнѣнію, учрежденіе также излишнее, разъ есть губернское правленіе. Достаточно было преобразовать послѣднее. Теперь же столько устроено и еще задумано губернскихъ присутствій и все изъ однихъ и тѣхъ же лицъ (губернаторъ, прокуроръ, предсѣдатель земской управы и т. д.), что послѣднимъ скоро не будетъ хватать дней и часовъ засѣдать въ этихъ присутствіяхъ, даже оставляя свои прямыя обязанности. Мы не говоримъ

уже о томъ, что каждое новое учрежденіе не имѣетъ за собою опыта и разстраиваетъ единство власти.

Новый проектъ сохранилъ рабочую книжку, но условія найма, которыя рабочему должны быть заранѣе извѣстны и въ книжкѣ прописаны, онъ ставитъ въ зависимость отъ правилъ, утвержденныхъ фабричнымъ инспекторомъ, а въ случаѣ спора фабриканта съ послѣднимъ, фабричнымъ присутствіемъ; равнымъ образомъ инспекторъ же утверждаетъ размѣры штрафовъ и вычетовъ, которые въ общемъ итогѣ не должны, однако, превосходить извѣстной части заработной платы. Послѣдняя не можетъ отвѣтствовать и за другіе долги рабочаго болѣе чѣмъ въ одной трети.

Ни на какія работы, кромѣ означенныхъ въ условіи найма, рабочій употребляемъ быть не можетъ,— статья, которая навѣрное подастъ поводъ къ пререканіямъ, въ виду трудности предусмотрѣть иныя работы. Въ счетъ заработной платы рабочій не можетъ получить ничего, кромѣ наличныхъ денегъ; сроки выдачи послѣдней также регулируются закономъ; затѣмъ рабочій не можетъ быть уволенъ безъ предупрежденія по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли и безъ предупрежденія же за двѣ недѣли фабрикантъ не можетъ ни сокращать числа рабочихъ дней, ни уменьшать числа рабочихъ часовъ и вообще какимъ бы то ни было косвеннымъ путемъ заработную плату.

Весьма важно также нововведеніе, состоящее въ томъ, что всѣ штрафы и вычеты съ рабочихъ за прогулы и порчу матеріаловъ будутъ поступать не въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ, а въ особые въ каждой губерніи благотворительные капиталы. Съ перваго взгляда эта мѣра не совсѣмъ справедлива, ибо отъ прогуловъ и порчи матеріаловъ страдаетъ фабрикантъ, который ничѣмъ не останется вознагражденнымъ за понесенный убытокъ, но такое постановленіе сдѣлано въ виду того, что многіе фабриканты слишкомъ уже злоупотребляли штрафами и помощью послѣднихъ просто сокращали условленную заранѣе заработную плату, случалось, на 40 проц. Это и было главною причиною волненій на фабрикахъ, сопровождавшихся нерѣдко прискорбными насиліями.

Если фабриканты и заводчики въ данномъ случаѣ теряютъ, то интересы ихъ съ лихвою вознаграждаются въ другой статьѣ закона. А именно, хотя рабочіе также не имѣютъ права оставлять работы безъ согласія хозяина, не предупредивъ за двѣ недѣли, но въ томъ случаѣ, когда хозяева за свои отказы подвергаются отвѣтственности гражданской, рабочіе, въ изъятіе изъ общаго порядка, подвергаются отвѣтственности уголовной. Они могутъ быть приговариваемы къ аресту отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Это весьма практическое средство, которое отчасти въ интересахъ и рабочихъ. Само собою, что если оставленіе работы произошло вслѣдствіе стачки и сопровождалось дѣяніемъ, воспрещаемымъ закономъ, то наказаніе усиливается.

Въ частности можно, конечно, сдѣлать къ закону не мало замѣчаній, но въ общемъ онъ представляетъ значительный шагъ впередъ въ нашемъ весьма отсталомъ и неполномъ фабричномъ законодательствѣ. При составленіи закона было принято во вниманіе и мнѣніе представителей нашихъ фабрикантовъ, но подобные законы никогда нельзя оцѣнить иначе, какъ въ практическомъ примѣненіи; на бумагѣ можно сочинить вещь очень хорошую, которая совсѣмъ потомъ окажется неприложимою въ русской дѣйствительности. Регламентація промышленности въ особенности трудно поддается кабинетнымъ измышленіямъ.

Многое зависитъ и отъ персонала фабричной инспекціи. Главный инспекторъ фабрикъ издалъ объемистый отчетъ, гдѣ цѣлая глава посвящена объясненію, почему фабричная инспекція поручена у насъ не спеціалистамъ этого дѣла, а докторамъ, педагогамъ, адвокатамъ и т. п. диллетантамъ. Очень можетъ быть, что дѣлать такой выборъ вызывалось какими либо высшими соображеніями, но нѣтъ сомнѣнія, что съ самаго начала примѣненія новаго фабричнаго закона возникли между фабрикантами и инспекціею пререканія, которыя, обостряясь все болѣе и болѣе, не пройдутъ безслѣдно на взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ и вообще на ходѣ фабричнаго дѣла. Полемическія статьи въ quasi-радикальныхъ московскихъ газетахъ съ одной стороны, офиціальныя жалобы на фабричную инспекцію,

вслѣдствіе ея дѣйствій, несогласныхъ съ закономъ, не приносящихъ никакой пользы рабочимъ, въ защиту которыхъ она выступаетъ—съ другой, породили видъ какой-то борьбы, радующей многихъ. „Наконецъ-то и наши рабочіе дождались своего 19-го февраля!“ — восклицалъ членъ фабричнаго присутствія московскаго округа, прокуроръ окружнаго суда г. Обнинскій, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“.

Подобное тенденціозное отношеніе къ фабричному вопросу со стороны крупнаго агента правительства, имѣющаго прямую возможность дѣйствовать въ области фабричной промышленности, — чрезвычайно характерно. А такъ какъ голосъ прокурора не является исключительнымъ, а, наоборотъ, характеризуетъ собою, къ сожалѣнію, настроеніе большинства дѣятелей фабричной инспекціи, то немудрено, что дѣйствія инспекціи успѣли уже возбудить крайнее неудовольствіе какъ между фабрикантами, такъ и въ средѣ самихъ рабочихъ и между послѣдними уже были случаи, когда неудовольствіе это выразилось въ острой формѣ.

Неудовольствіе было сильно преимущественно въ тѣхъ округахъ, какъ московскомъ, гдѣ инспекція не затруднялась въ рѣшеніи самыхъ мудреныхъ вопросовъ. Такъ она, по собственнымъ соображеніямъ, рѣшила, что за изданіемъ закона 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы и „Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности“ законоположенія о личномъ наймѣ, изложенныя въ X томѣ, потеряли свою силу. Между тѣмъ при изданіи новаго фабричнаго закона объ означенной отмѣнѣ ничего не говорилось. Поэтому, дѣйствіе фабричныхъ присутствій, не признающихъ законнымъ введеніе въ разсчетную книжку рабочаго общихъ постановленій X тома, должно считаться неправильнымъ. Фабричные инспекторы присвоиваютъ себѣ также право утверждать или не утверждать условія найма, но такъ какъ всѣ случаи, гдѣ требуется утвержденіе фабричнаго инспектора, оговорены въ законѣ, то можно положительно сказать, что инспекторъ утверждать условія найма законнаго права не имѣетъ и подчиняться его требованіямъ значило бы подчиняться его произволу. Равнымъ образомъ нельзя допустить, чтобы

въ своихъ „образцовыхъ книжкахъ“ фабричныя присутствія тенденціозно выбирали по произволу статьи закона, пропуская однѣ статьи и помѣщая другія, не относящіяся къ обязанностямъ рабочихъ.

Не ограничиваясь утвержденіемъ условій найма, инспекторы доходятъ даже до присвоенія права утверждать цѣну заработной платы, что равносильно предоставленію инспектору, лицу некомпетентному въ производствѣ и въ немъ не заинтересованному, почти всей иниціативы по веденію фабричнаго дѣла. Неутвержденіемъ, а иногда и несвоевременнымъ утвержденіемъ расцѣнки инспекція получаетъ возможность немедленно закрыть производство на любой фабрикѣ. Въ новомъ фабричномъ законѣ нигдѣ не упоминается о запрещеніи фабрикантамъ выдавать рабочимъ деньги впередъ, въ счетъ будущихъ заработковъ: въ X томѣ, ст. 2239 и рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, прямо говорится о долгѣ работника хозяину за забранныя впередъ деньги и о томъ, что работникъ можетъ погасить этотъ долгъ или работою, или уплатою наличными деньгами. При этомъ должно замѣтить, что 15-я статья новаго закона, запрещающая „при производствѣ рабочимъ платежей дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ“, нисколько не отмѣняетъ дѣйствія упомянутой 2239 ст., ибо трактуетъ о предметѣ совершенно другомъ, именно не о хозяинѣ фабрики, а о третьихъ лицахъ, могущихъ явиться заимодавцами рабочихъ. Не взирая на это, фабричные инспекторы запрещаютъ такого рода выдачи, хотя выдача денегъ впередъ рабочимъ часто вызывается крайнею нуждою сихъ послѣднихъ для уплаты повинностей, или для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Не подлежитъ также сомнѣнію, что новый законъ дозволяетъ записывать въ разсчетныя книжки дѣлаемые съ рабочаго вычеты за причиненіе вреда хозяину, слѣдовательно дозволяетъ удерживать эти вычеты при разсчетѣ съ рабочимъ въ сроки выдачи ему заработной платы. По пункту 7-му того же закона вычеты за причиненіе вреда хозяину, согласно съ буквой и духомъ общихъ гражданскихъ законовъ, должны обращаться въ пользу потер-

пѣвшаго; но инспекторы и этого знать не хотятъ, вслѣдствіе чего выходитъ такая безсмыслица, что за дурно исполненную работу, или испорченный матеріалъ штрафуется потерпѣвшій убытки фабрикантъ, обязанный взысканія съ рабочихъ за порчу матеріаловъ обращать въ ихъ же пользу!

Въ заключеніе фабриканты жалуются на нѣкоторыя совсѣмъ уже непонятныя дѣйствія инспекціи. Одинъ фабричный инспекторъ положилъ запретъ на крупу манную, баранки, говядину черкасскую, муку гречневую тульскую, солодъ пшеничный, ячный, изюмъ, сахаръ и т. п. на томъ основаніи, что поименованные предметы не суть предметы первой необходимости. Другой призналъ незаконнымъ принятіе на себя рабочими обязанности тушить пожаръ на фабрикѣ. „Подобное обязательство, по словамъ инспектора, обратило бы всѣхъ рабочихъ въ пожарныхъ“. Точно такъ же инспекторы признаютъ незаконнымъ то правило внутренняго распорядка, которое установляетъ обязанность рабочаго, если при обращеніи съ машинами онъ не можетъ предотвратить предусмотрѣнную имъ опасность, немедленно, при свидѣтеляхъ, заявить о томъ завѣдывающему фабрикою. Инспекторъ нашелъ „обязанность эту невозможной“! Вообще инспектора грѣшатъ всегда пристрастіемъ къ рабочему, становясь постоянно на его сторону, чѣмъ содѣйствуютъ увеличенію распущенности и пьянства.

Нѣтъ спора, что правительство имѣетъ не только право, но и обязанность регулировать отношенія хозяевъ и рабочихъ. Но между полною свободою и тѣсною регламентаціею—промежутокъ огромный, и у насъ, гдѣ столько лѣтъ на этотъ предметъ не обращалось вниманія, переходъ отъ свободы къ регламентаціи долженъ дѣлаться съ большою осторожностію и надлежащимъ тактомъ, иначе могутъ получиться результаты нежелательные и прямо даже противуположные ожидаемымъ. Это ужъ было видно на приложеніи закона о работѣ малолѣтнихъ, который, благодаря дѣйствіямъ инспекціи, привелъ вмѣсто огражденія участи малолѣтокъ къ поголовному изгнанію ихъ съ множества фабрикъ. Славянская натура по ея врожденной халатности

труднѣе всего подчиняется щепетильной регламентаціи. Поэтому наши инспектора не должны спѣшить усердствовать, а тѣмъ болѣе выходя за рамки, указанныя закономъ.

Къ числу кабинетныхъ фантазій относятся, по нашему мнѣнію, и всѣ проекты урегулированія кустарной промышленности. Вопросъ о ней теперь модный, онъ, впрочемъ, сталъ таковымъ очень недавно. Еще лѣтъ двадцать пять назадъ о кустарной промышленности въ Петербургѣ знали немногіе спеціалисты, а большинство чиновниковъ, особенно изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, наивно полагало, что кустарною промышленностью иронически называется искусство ходить съ дамами въ кусты.

Открыли въ кустарной промышленности Америку—новый историческій и культурный міръ нѣсколько радикальныхъ публицистовъ. Не будучи вовсе знакомы съ народнымъ бытомъ, они вообразили въ нашемъ кустарномъ производствѣ зачатки какихъ-то фаланстеровъ, которые при надлежащей организаціи не только убьютъ соперничество „проклятаго капиталистическаго“ производства, но въ будущемъ облагодѣтельствуютъ рабочую массу и въ Россіи, и въ цѣломъ свѣтѣ. До чего доходило невѣжество апостоловъ этой новой экономической революціи, видно изъ того, что они полагали, будто кустарное производство есть спеціальная принадлежность Россіи, а между тѣмъ кустарное производство въ большей или меньшей степени существуетъ во всемъ мірѣ и до сихъ поръ благополучно здравствуетъ даже въ Англіи. Подобное же невѣжественное незнаніе приписало исключительно Россіи мірское владѣніе землею и артели.

Какъ бы то ни было, но агитація въ пользу кустарной промышленности сдѣлала свое дѣло: учредилась по обычаю комиссія, подъ предсѣдательствомъ покойнаго фритредера Андреева, начали издаваться на казенный счетъ томы „трудовъ“ (это тоже своего рода кустарное производство петербургскихъ чиновниковъ), а затѣмъ стали поговаривать уже объ учрежденіи какой нибудь канцеляріи съ приличнымъ штатомъ для надлежащаго покровительства кустарной промышлен-

ности. Всѣ „краснокожіе“ радовались такимъ замысламъ, прозрѣвая обращеніе уломскихъ кузнецовъ и мстерскихъ богомазовъ въ рабочихъ „національныхъ мастерскихъ“; мы же рѣшительно не видимъ, въ какой формѣ можетъ быть оказано правительствомъ и его органами воздѣйствіе на кустарную промышленность. Чтобы оцѣнить затруднительность правительственнаго вмѣшательства и регламентаціи, надобно только вникнуть въ сущность этого дѣла. О кустарной промышленности существуетъ уже почти литература (изданъ даже ей особый указатель), но изъ всего напечатаннаго никто, кажется, яснѣе и трезвѣе не взглянулъ на вопросъ, какъ г. Безобразовъ въ его любопытномъ и, къ сожалѣнію, мало кому извѣстномъ „Отчетѣ о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 года“. Хотя воззрѣнія плодовитаго экономиста и искуснаго гастронома (извѣстные „экономическіе обѣды“ у Донона есть торжество его свѣдѣній въ обѣихъ отрасляхъ знанія) по части политической экономіи, застывшія на формулахъ 30-хъ годовъ, считаются иными младенческими, но вѣдь и устами младенцевъ гласитъ иногда истина. А въ данномъ случаѣ г. Безобразовъ, изучившій кустарную промышленность въ Россіи не на обѣдахъ, а на дѣлѣ, вполнѣ правъ.

По мнѣнію почтеннаго академика, сущность кустарнаго промышленнаго занятія заключается въ томъ, что оно не есть систематически устроенное съ коммерческою цѣлью промышленное предпріятіе, а есть ни что иное какъ обычай, обрядъ, навыкъ жизни, съ которымъ неразрывно живетъ производитель, какъ со всякимъ другимъ обычаемъ, безсознательно ему прирожденнымъ.

Отсюда самый отличительный наружный признакъ кустарничества: оно связано исторически съ самымъ бытомъ народа и, подобно всѣмъ народнымъ обычаямъ и нравамъ, распространяется въ населеніяхъ эпидемически, какъ всякая психическая, племенная наклонность отъ одного къ другому и въ пространствѣ (по сосѣдству, въ географическихъ районахъ) и во времени (по наслѣдству и преданію). Оно распространяется своею стихійною силою, вопреки всякимъ противоположнымъ экономическимъ условіямъ даннаго про-

изводства,—распространяется, напримѣръ, когда всѣ промышленныя обстоятельства сдѣлались крайне для него невыгодными.

Черезъ усиленное предложеніе товара, кустарное производство сбиваетъ цѣны, тогда какъ спросъ на товаръ и безъ того сократился, когда сырые матеріалы вздорожали, когда конкурренція другихъ, болѣе дешевыхъ и болѣе доброкачественныхъ (напр. фабричныхъ и машинныхъ) издѣлій угнетаетъ это производство. Совсѣмъ напротивъ случается, что кустарное производство сокращается и даже исчезаетъ, вопреки всякимъ промышленнымъ разсчетамъ, когда спросъ на его произведенія возникаетъ вновь или усиливается. Напримѣръ, такимъ образомъ стало у насъ вымирать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кружевное дѣло, когда вкусъ публики русской и иностранной къ нашимъ кружевамъ оживился, и Министерство Финансовъ должно было уже искусственно снова водворять привычку къ этому занятію.

„Кустарь, весьма мѣтко говоритъ г. Безобразовъ, производитъ какъ можетъ и сколько можетъ, и также сбываетъ свои издѣлія сколько можетъ и какъ можетъ, не справляясь ни съ какими коммерческими обстоятельствами своего товара, потому что онъ не можетъ не производить и не сбывать, каковы бы ни были окружающія его условія рынка, такъ же какъ не можетъ, напр., не перекрестясь сѣсть за столъ и встать изъ-за стола“.

Указанная сущность кустарнаго производства объясняетъ трудность всякаго посторонняго личнаго на него вліянія изъ другой умственной сферы частной, земской, правительственной, хотя бы при самой добросовѣстной и полезной цѣли, и тугость, съ которою оно поддается всякимъ постороннимъ дѣйствіямъ, даже при сознаніи въ средѣ кустарныхъ производителей нужды въ предлагаемыхъ имъ перемѣнахъ въ ходѣ ихъ занятій. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ кустарной промышленности происходили у насъ весьма коренныя измѣненія, но они всегда выходили отъ людей, выросшихъ въ ея мірѣ, практически въ немъ дѣйствовавшихъ и жившихъ, а не явившихся налетомъ извнѣ.

Можно себѣ представить, что выйдетъ, когда реформами

подобныхъ чисто стихійныхъ явленій займутся чиновники! Насколько теорія безсильна здѣсь помочь дѣйствительности, доказывается хотя двумя явленіями. Кустари наиболѣе, какъ извѣстно, нуждаются въ дешевомъ сыромъ матеріалѣ для своихъ работъ и въ дешевомъ кредитѣ, который ставилъ бы ихъ въ независимость отъ кулаковъ скупщиковъ. Чего бы, казалось, проще устроить для кустарей склады различныхъ имъ потребныхъ матеріаловъ и затѣмъ завести такія кредитныя учрежденія, которыя давали бы кустарямъ небольшія ссуды подъ круговую поруку на льготныхъ условіяхъ. Но это просто только кажется съ виду, на бумагѣ, а еслибы администрація подобныя вещи дѣйствительно завела, то кустарямъ не было бы нисколько легче, а казна или земство, которыя бы это устроили, понесутъ огромные убытки.

Дѣло въ томъ, что какіе бы склады ни устраивать, съ какимъ бы малымъ накладнымъ процентомъ изъ него кустарямъ матеріалы ни отпускать, они всетаки обойдутся дороже той ломи и того брака, которые кустари пріобрѣтаютъ для себя, а главное знаютъ гдѣ пріобрѣсти. Нуженъ кустарямъ горючій матеріалъ, казна можетъ сколько угодно понижать лѣсныя пошлины, топливо обойдется кустарю изъ казенныхъ дачъ дороже, чѣмъ если онъ пріобрѣтетъ его изъ похищеннаго казеннаго или помѣщичьяго лѣса, или изъ лѣса, срубленнаго на лѣсномъ надѣлѣ государственныхъ крестьянъ, безъ всякаго разсчета о лѣсномъ хозяйствѣ. Затѣмъ никакой идеальный кредитъ не сравнится съ кредитомъ для кустаря того кулака, который его въ сущности эксплоатируетъ, потому что кулакъ, давая деньги, беретъ въ уплату товаръ, рискъ продажи коего оставляетъ за собою, и затѣмъ знаетъ, гдѣ этотъ товаръ сбыть. Чиновники же, раздавъ кустарямъ деньги и получивъ въ обезпеченіе гвозди, замки, ведра, полушубки, съ этими гвоздями и ведрами такъ на рукахъ и останутся.

То же замѣчаніе можетъ касаться и улучшенія технической стороны дѣла въ кустарномъ производствѣ. Очень грустно, конечно, что кустари, очень искусные по своему, лишены нерѣдко элементарныхъ даже техническихъ по-

знаній, техническая рутина, истекающая изъ сущности кустарнаго производства, должна, однако, оставаться его неотъемлемою принадлежностью. Разъ же на казенный или земскій счетъ начнутъ распространять въ средѣ кустарей усовершенствованные техническіе процессы, то съ одной стороны убьютъ и разорятъ остальное кустарное населеніе, незнакомое съ этими процессами, но занимающееся тѣмъ же производствомъ, съ другой — заставятъ очень быстро кустарей перейдти въ ненавистное радикальнымъ писателямъ и чиновникамъ капиталистическое производство. И въ настоящее время можно указать въ Россіи не мало отраслей кустарнаго производства, которыя перешли въ фабрично-заводское, предпринимательское производство безъ всякаго посторонняго вліянія, одною силою вещей.

Сравнивая цифры „Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1880 — 87 годы“ съ прежними офиціальными отчетами, видно, что, благодаря покровительственному тарифу, дѣйствующему въ Россіи непрерывно съ 1822 года, наша промышленная производительность ростетъ очень быстро, и фраза, что „Россія есть земледѣльческое государство“, давно отошла въ область преданій. Прибавляя горное дѣло и заводы, уплачивающіе акцизные сборы, окажется, что при постоянной фабричной работѣ около милліона людей получается продуктовъ почти на полтора милліарда рублей въ годъ. Сюда не входятъ еще ни ремесленное, ни кустарное производства. Полтора милліарда—цифра внушительная!

Двадцать лѣтъ назадъ общій итогъ фабрично-заводской производительности Россіи не достигалъ и половины этой цифры. Въ дѣйствительности она была еще большая, если принять въ разсчетъ, что невѣрность показаній фабрикантовъ направлена во всѣхъ случаяхъ въ одну и ту же сторону, а именно—къ уменьшенію размѣровъ производства. У насъ есть уже фабрики, приготовляющія издѣлій на 15 милл рублей въ годъ.

Созданіе подобныхъ центровъ можетъ быть оплакиваемо защитниками кустарной промышленности на артельныхъ началахъ; но это экономическій фактъ, съ которымъ нельзя

не считаться. Чтобы приготовить продуктовъ на 15 милл. руб., надобно двѣ губерніи кустарей, здѣсь же тотъ же результатъ получается трудами 2—3,000 человѣкъ. Сбереженіе физическихъ усилій, времени и капитала несомнѣнное. Конечно, быстрый ростъ крупнаго промышленнаго производства непремѣнно создастъ у насъ тѣ же соціальные недуги, что и на Западѣ, но сознаніе этого не можетъ остановить явленія, такъ сказать, стихійнаго. Поэтому намъ слѣдуетъ не мечтать о возможности вернуться къ періоду мелкой промышленности, а, напротивъ, думать, какъ воспользоваться уроками Западной Европы, чтобы предотвратить по возможности вредныя послѣдствія крупнаго производства.

ОКОНЧАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.